ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ

ВѢТЕРЪ

РУССКОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ

ВѢТЕРЪ

РОМАНЪ

РУССКОЕ
УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИНЪ

Рисунокъ обложки работы
А. АРНШТАМА

Типографія Sinaburg & Co. G. m. b. H
Berlin SW 68. Alte Jakobstrasse 129

I.

Нѣсколько дней дулъ, не переставая, вѣтеръ. Въ этихъ мѣстахъ онъ дулъ почти всегда. Но теперь онъ казался особенно упорнымъ, изводящимъ, изсушающимъ. Онъ не несъ съ собою прохлады, онъ не овѣвалъ легкою лаской лицо, онъ даже не обѣщалъ дождя. Точно помогалъ солнцу, которое пекло немилосердно. Быть можетъ, сушилъ землю больше, чѣмъ солнце, казался неумолимѣе пронзающихъ золотыхъ лучей. Больно было смотрѣть на цвѣты, на травы, на повядшіе трепещущіе листья.

Весь день гудѣлъ, то утихая, то усиливаясь, волнами бѣгущій по вершинамъ деревьевъ вѣтеръ. Закрывъ глаза, можно было представить себя среди взвихреннаго моря. Но до моря было далеко: о немъ не слыхали въ этихъ краяхъ. Правда, мѣсто было высокое, достаточно открытое, и вѣтеръ такъ же свободно гулялъ здѣсь, какъ по морю.

Особенно страдали розы. Ихъ расцвѣло въ этомъ году больше, чѣмъ когда-либо. Тонкіе стволы штамповыхъ розъ съ пышно тяжелыми кронами цвѣтовъ и листьевъ пригибались къ землѣ, трепетали судорожно отъ корней до вершины. Это зрѣлище оскорбляло.

Истомленные, алчущіе, царственные цвѣты развертывали опаленные лепестки, какъ изсушенныя жаромъ губы, открывая солнцу свое желтое сердце, и вяли, потрясаемые удушливыми порывами вѣтра.

Каждый разъ, выходя на ступеньки террасы, чтобы полюбоваться на своихъ любимцевъ, Вѣра Владимiровна поспѣшно уходила въ комнаты. Она не могла видѣть этого издѣвательства. Вѣтеръ трепалъ ея розы такъ пренебрежительно, такъ равнодушно, точно это были жалкiе прутья, придорожный ковыль или прудовая верба. Вѣра Владимiровна предпочитала сидѣть въ комнатахъ и ничего не видѣть. Жары она не боялась, даже любила солнце, но вѣтеръ ее изводилъ, раздражалъ, спутывалъ мысли. Отъ непрестаннаго его шума ныло въ вискахъ и отпадала охота что-нибудь дѣлать.

— Опять все то же? — спрашивалъ ее братъ Яша, сидѣвшiй въ своемъ неизмѣнномъ складномъ ковровомъ креслѣ, съ желтымъ томикомъ французскаго романа на колѣняхъ. — Этотъ климатъ непереваримъ, rebutant!

Онъ капризно выпячивалъ нижнюю губу и щурился.

Сестра не возражала ему, казалось, не слушала его, занятая своими мыслями. Она поспѣшно переходила изъ одного угла комнаты въ другой, поправляя цвѣты въ вазонахъ, передвигая съ мѣста на мѣсто стулья. Это была ея всегдашняя привычка, когда она не была занята чѣмъ-нибудь. Несмотря на свои пятьдесятъ два года, она не могла оставаться бездѣятельной, въ противоположность своему младшему брату.

Вѣра Владимiровна даже ѣла на ходу и могла спать въ корсетѣ и въ прическѣ. Послѣднее время она стала «подправлять природу», какъ она говорила, но и безъ этого никто не могъ бы дать ей ея лѣтъ. Она держалась прямо, легко ходила, не утомляясь, и голосъ ея звучалъ по-молодому звонко. Не видя ее, но слыша ея смѣхъ, можно было подумать, что это смѣется молодая дѣвушка. Ея худоба, при широкой кости, сильно молодила ее. Въ ней сказывалось Смольное воспитанiе, нѣкоторый налетъ восторженности. Но, несмотря на свою излишнюю довѣрчивость къ людямъ, она сама вела свое хозяйство, и внѣшне все было въ порядкѣ. Когда раскрывалась какая-нибудь плутня, какой-нибудь обманъ въ дѣйствiяхъ одного изъ ея приближенныхъ, она всегда несказанно удивлялась.

— Ну, какъ это могло случиться? — повторяла она, улыбаясь.

Въ дѣйствительности, хозяйство ея не простиралось дальше сада, курятника и дома. Полями вѣдалъ арендаторъ, но онъ больше всего приносилъ ей огорченій и разочарованій. Каждый разъ ей не платили арендныхъ денегъ, или преднамѣренно желая надуть, или изъ-за неурожая. Въ первомъ случаѣ это всегда кончалось скандаломъ. Но подымался скандалъ не Вѣрой Владиміровной, а тѣмъ арендаторомъ, который надувалъ ее. Тогда она не выдерживала и кричала въ свою очередь.

— Убирайтесь вонъ, слышите, убирайтесь сейчасъ же вонъ, — звонко кричала она на всю усадьбу, возмущенная до глубины души дерзостью вора, которому до послѣдней минуты вѣрила, — чтобы духу вашего здѣсь не было!

И бросала ему въ лицо клочки аренднаго условія, по которому арендаторъ, оставляющій дѣло до срока, обязанъ былъ платить неустойку.

— Но, ma chère, — говорилъ сестрѣ, волнуясь и блѣднѣя, братъ Яша, все же и въ такія минуты не покидавшій своихъ креселъ, — это же безразсудно. . . помилуй Богъ, ты могла бы его притянуть къ суду. Это разбой, грабежъ, такъ не дѣлаютъ въ благоустроенномъ государствѣ. Я же знаю, tu dois me croir, что эта бумажка очень важна . . . вѣдь она, какъ бишь ее... нотаріальная...

Но Вѣра Владиміровна чувствовала себя оскорбленной до глубины души. Каждый разъ она не могла помириться съ мыслью, что живутъ на свѣтѣ такіе люди, такіе безчестные.

И весь день слышенъ былъ по дому ея негодующій голосъ.

— Условія я пишу для памяти, — говорила она: — если человѣкъ честенъ, то онъ честенъ, и ему можетъ измѣнить только память. Но что возьмешь съ мазурика? Судиться? Упаси Богъ! Я боюсь судовъ, какъ боялась ихъ моя нянька, помнившая розги въ крѣпостное время. Нѣтъ, я не такъ богата, чтобы судиться. И потомъ, что возьмешь съ такого мазурика, даже если его и присудятъ уплатить неустойку? Нужно внимательнѣе смотрѣть въ лицо того, съ кѣмъ договариваешься, вотъ и все. Я хорошая физіономистка. Прошлый разъ мнѣ это просто не пришло въ голову.

И она брала другого арендатора — съ открытымъ, честнымъ лицомъ, съ мозолистыми рабочими руками, съ печальной складкой на лбу, которому нигдѣ не везло, который, несмотря на сѣдину, бѣденъ, какъ церковная мышь, но трудолюбивъ, какъ волъ.

Каждый день она ходила справляться о его здоровьѣ, о здоровьѣ его семьи. Онъ низко кланялся, вздыхалъ, что идетъ дождь, когда нужно солнце, и палитъ солнце, когда нуженъ дождь. Коровы почему-то худѣли, молоко свертывалось тутъ же изъ-подъ коровы, сѣно выгорало или гнило, рожь нещадно избивалась градомъ, лошади простуживались и дышали всѣ съ первой запашки, какъ кузнечные мѣхи. И несчастный арендаторъ оставался такимъ же нищимъ и несчастнымъ, какимъ приходилъ въ «Самолюбово». Онъ вздыхалъ, чесалъ за ухомъ, жаловался на судьбу и просилъ подождать со взносомъ арендной платы. Многочисленная семья его приходила къ крыльцу и плакала.

Вѣра Владиміровна озабоченно хмурилась.

— Что подѣлаешь, — говорила она внушительно, — я, конечно, понимаю, что вамъ трудно.

И когда арендаторъ и семья его бросались къ ручкѣ, благодарить, она поспѣшно уходила въ комнаты.

Весной она сама покупала зерна для посѣва, но . . . бѣдный, честный арендаторъ уходилъ отъ Вѣры Владиміровны, все же разоривъ ее, обвиняя за дурной глазъ, за «нелегкое» мѣсто, на которомъ стоитъ, будто бы, ея имѣніе. Это не смущало помѣщицы; она всегда была увѣрена, что на этотъ разъ ей повезетъ.

Когда она затѣяла поставить суконную фабрику, только потому, что въ ея имѣніи въ болотахъ нашелся торфъ, ей казалось, что вотъ насталъ ея часъ разбогатѣть. Братъ Яша, оживившись, замечталъ о заграницѣ, но это не помѣшало ему, когда фабрика сгорѣла, ядовито посмѣяться надъ сестрой:

— Тебѣ бы, мать моя, штопать чулки, а не заниматься аферами. . . Въ тебѣ нѣтъ ни капли того, что называютъ коммерческой смѣткой . . . Въ тебѣ нѣтъ легкости, остроумія, тонкой изворотливости ума, какая нужна во всякомъ такомъ

дѣлѣ. Сознайся, что судьба подшутила надъ нами, и зло подшутила, отнявъ у меня здоровье и не давъ тебѣ моего ума . . .

Яковъ Владиміровичъ убѣжденъ былъ въ своемъ остроуміи. Онъ слылъ такимъ въ былые дни среди золотой молодежи. Въ доказательство своего остроумія и присутствія духа онъ не разъ вспоминалъ одинъ печальный случай, оказавшійся для него роковымъ.

Однажды, прокутивъ до разсвѣта, Яковъ Владиміровичъ почувствовалъ дурноту, и такъ какъ это было лѣтомъ, то, быстро открывъ окно, онъ наклонился, кровь хлынула у него горломъ. Оправившись, онъ воскликнулъ:

—Dieu sait, ce que c'est!.. toute la journée je ne faisais que boire du champagne, et je vomis du vin rouge!..

II.

Всѣ комнаты были уставлены букетами изъ розъ. Вѣра Владиміровна съ особенной любовью умѣла ихъ холить. Чтобы срѣзанными онѣ дольше держались, она прижигала стебли нашатыремъ и закапывала ихъ въ мокрый песокъ — такъ онѣ стояли у нея по недѣлямъ. Осыпавшіеся лепестки она собирала, высушивала на солнцѣ и набивала ими маленькія кружевныя подушки, лежавшія у нея по всѣмъ угламъ на диванахъ и креслахъ.

Въ жаркіе лѣтніе дни жалюзи не открывались, и въ комнатахъ разлитъ былъ зеленоватый полумракъ и сберегалась ночная прохлада, надушенная разнѣженнымъ, чуть терпкимъ запахомъ розъ. На лѣто ковры не убирались, не завѣшивались картины и на мебель не надѣвались чехлы. Круглый годъ все оставалось на своихъ мѣстахъ, и встрѣчали весну, только вынимая двойныя рамы. Вѣра Владиміровна сама каждый день сметала пыль и слѣдила за уборкой. Она не переваривала неаккуратности. Безпорядокъ раздражалъ ее, выводилъ изъ себя.

Но послѣднее время она стала забывчивой. Теряла ключи, только что спрятанные, искала газовый шарфъ, развѣвавшійся у нея на головѣ.

— Но вѣдь этакая я безпамятная! — удивленно говорила она, смѣясь надъ самой собой, и тутъ же опять что-нибудь забывала.

Она любила свѣтлыя платья и умѣла носить ихъ. Когда смѣялась, то скалила бѣлые ровные крупные зубы и гордилась тѣмъ, что никогда не знала зубной боли и въ свои пятьдесять два года еще ни одного не вставила. Но съ давнихъ поръ страдала мигренями. Тогда она ложилась пластомъ и по трое сутокъ вылеживала въ постели съ компрессами на головѣ. Потомъ опять принималась суетиться. Если по дому все было прибрано, а на дворѣ, какъ въ эти дни, дулъ вѣтеръ, Вѣра Владиміровна собирала изъ черныхъ глиняныхъ горлачей, стоявшихъ въ рядъ на комнатномъ ледничкѣ, съ молока сливки и сбивала сама масло въ ручной стеклянной маслобойкѣ.

Она сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ, вертѣла съ ожесточеніемъ ручку маслобойки и читала газету или какую-нибудь книгу.

Подъ вечеръ, когда стихалъ вѣтеръ и садилось солнце, она выходила въ садъ срѣзать розы, подчищать ихъ. Слѣдила за поливкой и любимыя клумбы поливала сама.

Высокая и быстрая, въ сиреневомъ шушунѣ, она шла по дорожкамъ, вдоль которыхъ тянулось два ряда штамповыхъ розъ, и любовно склонялась то въ ту, то въ другую сторону.

Бѣлыя, розовыя, пурпурныя, персиковыя, чайныя, — всѣхъ цвѣтовъ, всѣхъ оттѣнковъ, отдыхали розы послѣ дневного волненія, неподвижно вытягивались на тонкихъ стебляхъ, или, удовлетворенныя, осыпанныя блестящими каплями, томно склонялись долу.

Тонкими сухими пальцами Вѣра Владиміровна бережно касалась ихъ лепестковъ, сладостно развернутыхъ, свитыхъ въ благоухающее руно.

Изъ лѣсовъ, гдѣ такъ часты были въ эту вѣтряную сушь пожары, низомъ съ сыростью ползъ горьковатый и жуткій запахъ гари, тлѣющаго торфа, испепеленной хвои. Онъ смѣшивался съ дыханіемъ розъ, съ цѣлой радугой волнующихъ запаховъ, слитыхъ въ одинъ волшебный напитокъ.

Когда совсѣмъ смеркалось и небо зеленѣло, а листва сада вдали дѣлалась похожа на бархатный сиреневый плащъ, Вѣрѣ Владиміровнѣ казалось, что это невидимая ворожея варитъ свое бѣсовское зелье.

Сильнѣе билось сердце, и на душу, какъ роса, упадали печаль и воспоминанія. Чуть примѣшивалась къ нимъ горечь обиды на себя, на людей, на канувшіе годы . . .

Вѣра Владиміровна быстро ходила по дорожкамъ сада въ полномъ одиночествѣ. Боже мой, Боже мой, какъ мчится время, какъ мало сдѣлано, какъ плохо пожито. Она ходила и думала и все ускоряла шагъ. Такъ все быстрѣе и быстрѣе пробѣгали дни и, кто знаетъ, сколько осталось этихъ быстрыхъ безтолковыхъ, суетливыхъ дней. Во всякомъ случаѣ, гораздо меньше, чѣмъ тѣхъ, что уже остались позади. А вѣдь вотъ ей и до сихъ поръ кажется, что она готова принять новую жизнь.

Не вторую молодость, нѣтъ, а вторую жизнь. Такъ безъ отдыха, безъ сна, безъ смерти снова вступить въ жизнь и нести крестъ. Вѣра Владиміровна и такъ уже прожила три жизни — три раза выходила замужъ и каждый разъ начинала все сызнова. Съ первымъ мужемъ она прожила десять лѣтъ. Это было самое тревожное, несуразное время. Она была молода, требовательна и несдержанна, и ушла отъ мужа съ двумя дѣтьми — мальчикомъ и дѣвочкой — оскорбленная, самонадѣянная, къ другому мужу, которому позволила любить себя. Но черезъ годъ онъ умеръ, оставивъ ей крошку сына. Тогда, оплакивая его любовь къ себѣ, она внезапно почувствовала безконечную жажду любви жертвенной, смиренія и покорность. Она полюбила здороваго, грубоватаго мужчину, крѣпкаго самца и женила его на себѣ. Онъ пошелъ на это охотно. Она все еще была красива въ свои сорокъ лѣтъ. Девять лѣтъ, прожитыя ею вдовой, не состарили ее Можетъ быть съ нимъ, съ этимъ третьимъ мужемъ, она впервые могла считать себя счастливой. Забыла прошлое, и все пошло сызнова . . . Дѣтей у нея больше не было. Но у мужа оказалась дочь внѣбрачная, — отъ портнихи, давно умершей. Мужъ былъ весьма равнодушенъ къ этой дочери, какъ равнодушенъ былъ онъ ко всѣмъ, занятый только собой и своими удовольствіями. Узнавъ объ этой дочери, Вѣра Владиміровна заставила мужа взять ее къ себѣ и усыновить. И когда послѣ восьми лѣтъ супружества Вѣра Владиміровна порвала и съ этой жизнью, дочь ея мужа осталась при ней.

Прошли три жизни, и послѣ каждой нельзя было поставить точки: онѣ обрывались, обваливались, какъ незаконченное зданіе. Въ такіе вечера проносились онѣ скачками, обрывками, досадливо передъ Вѣрой Владиміровной, быстро прохаживавшейся среди своихъ любимыхъ розъ.

А небо темнѣло, густѣлъ воздухъ.

И молодой дѣвичій голосъ возвращалъ къ дѣйствительности:

— Тетя, а, тетя, гдѣ вы?

III.

Усадьба Тулубьевыхъ въ имѣніи «Самолюбово» издавна славилась своимъ садомъ, оранжереями и обиліемъ розъ. Розы взращивались здѣсь десятками лѣтъ, такъ какъ и матушка Вѣры Владиміровны любила цвѣты больше, чѣмъ дѣтей своихъ, къ которымъ относилась довольно холодно. Усадьбу и теперь называли усадьбой Тулубьевыхъ, по старой памяти и для удобства, потому что, выходя три раза замужъ, Вѣра Владиміровна каждый разъ мѣняла фамилію —гдѣ ихъ всѣхъ запомнить, да къ тому же клички эти были временныя, чужія, а Вѣра Владиміровна всегда оставалась такой, какой родилась — до старости въ ней сказывалась Тулубьевская кровь.

Имѣніе «Самолюбово» было раньше частью большого помѣстья старика Тулубьева — «Рай». Но старикъ еще при жизни отдѣлилъ кусокъ этотъ женѣ своей въ пожизненное пользованіе, съ условіемъ, чтобы послѣ смерти ея «Самолюбово» досталось дочери Вѣрѣ. Старую же усадьбу, съ оставшейся большей частью земли, завѣщалъ сыновьямъ своимъ — Дмитрію и Якову въ нераздѣльное пользованіе, съ тѣмъ, чтобы Дмитрій — старшій — хозяйничалъ, а младшему выплачивалъ его часть. Старикъ зналъ легкомысліе меньшаго. Но вскорѣ послѣ смерти отца умеръ Дмитрій, двадцати восьми лѣтъ отъ роду. Яковъ вступилъ во владѣніе и сперва заложилъ, а потомъ продалъ имѣніе, запутавшись въ долгахъ. Купилъ у него «Рай» Алексѣй Леонтьевичъ Крутовской, гдѣ хозяйничалъ теперь сынъ его, Леонтій.

Усадьба «Самолюбово» отстояла отъ усадьбы «Рая» всего лишь въ полуверстѣ. Широкая липовая аллея соединяла

ихъ. Раньше на мѣстѣ самолюбовскаго сада росла березовая роща. Она покрывала высокій и пологій холмъ, съ котораго открывался безподобный видъ на всѣ четыре стороны — на поемные луга, на сосновые перелѣски, на поля съ кинутыми то здѣсь, то тамъ деревнями, на синѣющую вдали широкую полосу Днѣпра, къ которому, извиваясь, пробиралась межъ зарослей ивняка и камышей студеная и прозрачная рѣчонка Ящуръ, и точно похожая на этого быстраго серебристо-изумруднаго тонкохвостаго гада.

Рѣчонка огибала холмъ съ березовой рощей и отдѣляла его отъ усадьбы «Рая», разрѣзая липовую аллею пополамъ. Здѣсь былъ перекинутъ легкій бѣлый мостъ, съ рѣзными перильцами. Въ былое время въ рощѣ на холмѣ устраивались пикники съ пріѣзжавшими на траву кавалеристами, и должно быть въ память этого веселаго времени мать Вѣры Владиміровны и рѣшила поставить здѣсь домъ, когда мужъ отдѣлилъ ее. Она сама руководила распланировкой сада, сама сажала плодовыя деревья, разбивала куртины и разводила любимыя свои розы. Домъ выстроенъ былъ крѣпкій, удобный, со всѣми новѣйшими приспособленіями.

— Изъ-за одного самолюбія я хочу, чтобы мой садъ былъ лучше раевскаго, — говорила она.

Такъ и прозвали имѣніе ея «Самолюбовымъ».

Она жила здѣсь съ большой пышностью, оставшись послѣ смерти мужа тридцатидевятилѣтней вдовой. Мужъ былъ на двадцать лѣтъ старше ея, и она при жизни его ни въ чемъ себя не стѣсняла, но все-таки приходилось жить съ нимъ вмѣстѣ въ старомъ домѣ и скрывать свои увлеченія.

Она была влюблена въ кавалерійскаго полковника Дымшу, съ которымъ потомъ и обвѣнчалась. Но объ ихъ любви говорили давно, и дѣти ея объ этомъ тоже знали. Разсказывали даже, будто бы ее поймалъ au flagrant delit старикъ мужъ и потому-то прогналъ за рѣчку изъ «Рая». Богъ вѣсть, правда ли это, но старшій сынъ Дмитрій такъ и умеръ, не желая помириться съ матерью, и не видался съ нею все время, пока жилъ у себя въ «Раю».

Тулубьева умерла шестидесяти четырехъ лѣтъ, когда Вѣрѣ Владиміровнѣ перешло за сорокъ. Къ этому времени

«Рай» былъ проданъ разорившимся Яшей, а Дмитрій лежалъ въ часовнѣ, рядомъ съ отцомъ.

Вѣра Владиміровна пріѣхала въ «Самолюбово» послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, въ первые же годы своей послѣдней любви. При жизни матери она бывала здѣсь только на каникулахъ — институткой и молодой барышней, а выйдя замужъ, заглянула сюда одинъ только разъ; да ее особенно и не звали.

А Яша послѣднее время жилъ здѣсь безвыѣздно.

Сначала Вѣра Владиміровна пріѣзжала въ «Самолюбово» изъ Кіева, гдѣ служилъ ея третій мужъ, только на лѣто, но когда разошлась и съ третьимъ мужемъ, рѣшила остаться навсегда. Тогда-то она принялась за хозяйство съ такой же страстностью и безпокойствомъ, какъ за все, за что ни бралась.

Такъ какъ «Самолюбово» стояло высоко, на холмѣ, а «Рай» въ котловинѣ, за рѣчкой, то съ вѣтромъ часто заносило сладостный запахъ въ садъ Леонтія Алексѣевича Крутовского, и, смѣясь, частенько говаривалъ старикъ, отецъ его, что это вѣютъ надъ раемъ блаженныя души праведниковъ, а рѣчушку Ящуръ называлъ «Тигромъ и Евфратомъ». Онъ въ былое время неравнодушенъ былъ къ матери Вѣры Владиміровны и умеръ съ нею въ одинъ годъ.

Отчимъ Вѣры Владиміровны сейчасъ же по смерти жены уѣхалъ въ Сибирь, гдѣ занялъ важный постъ и тамъ же скончался.

Погодки Ната и Кока — дѣти Вѣры Владиміровны отъ перваго мужа, штабсъ-капитана, а теперь генерала Никанора Ивановича Смолича, гостили въ «Самолюбовѣ» въ раннемъ дѣтствѣ, такъ что врядъ ли помнили это, а самый младшій, отъ второго мужа — Бунакова, — Витя, жилъ здѣсь каждое лѣто съ десяти лѣтъ, съ того времени, какъ имѣніе это послѣ смерти бабушки перешло къ его матери. Здѣсь же съ нимъ росла и Людмилушка, почти ровесница его, дочь третьяго мужа Вѣры Владиміровны, — полковника Карышева.

IV.

Уѣздный городъ Тильскъ расползся на правомъ берегу Днѣпра, въ трехъ верстахъ отъ «Рая» и «Самолюбова». Го-

родокъ этотъ былъ точь-въ-точь такой, какихъ тьма на Руси. Двѣ площади — одна съ соборомъ, другая съ тюрьмой, съ вѣющей столбами пылью, съ низенькими лабазами, съ мощенной булыжникомъ главной улицей и съ цѣлымъ рядомъ глухихъ переулковъ, по сторонамъ которыхъ, одноэтажные бѣлые, тянулись домишки съ крылечками и со скамеечками, и съ темной стѣною садовъ за дощатыми заборами.

Дребежжа по мостовой главной улицы, каждый разъ спѣшилъ Крутовской свернуть въ переулокъ, чтобы хоть крюкомъ, но ѣхать по мягкой дорогѣ.

Крѣпкій сѣрый меринъ твердо и вѣрно ставилъ ноги въ густой слой пыли. Въ раскрытыя окна видна была чья-то жизнь, чей-то уютъ, слышались голоса, и вмѣстѣ съ запахомъ жасмина, — острымъ и приторнымъ, несло жаренымъ лукомъ.

Проѣзжая мимо каменнаго дома съ черной вывѣской на фронтонѣ, гдѣ золотомъ сіяли буквы: «Нотаріусъ О. М. Брындинъ», вспомнилъ Крутовской, что давно не бывалъ въ этомъ домѣ, и поспѣшно отвернулся и сталъ смотрѣть въ другой конецъ площади, гдѣ темнѣла зеленая чаща сквера. Ему показалось, что мелькнула въ окнѣ бѣлая чья-то фигура, и знакомое будто лицо глянуло на него. Это, конечно, была сама Тамара Гавриловна. Ему даже почудилось, что его окликнули, и онъ ударилъ вожжей лошадь и запылилъ поперекъ площади, мимо собора, торговыхъ бѣлыхъ рядовъ, мимо двухъэтажнаго предводительскаго дома, мимо сквера, теперь еще пустыннаго внизъ, къ Днѣпру на пристань. Ему нужно было справиться, пришелъ ли томашлакъ, выписанный изъ Могилева.

Здѣсь вѣтеръ дулъ вольной, свѣжей струей; пыль не лѣзла въ ротъ, носъ, глаза. Пахло водою, тиной и отсырѣвшими бревнами. У пристаней громоздились баржи, кричали грузчики, и всюду, разсѣянная изъ тугихъ сѣрыхъ мѣшковъ мука казалась розовой отъ заходящаго солнца.

Въ этой вечерней, дѣловой суетливости, когда даже стрижи и голуби принимали, казалось, дѣятельное участіе въ людской работѣ, Леонтій Алексѣевичъ почерпнулъ новый приливъ бодрости. Онъ всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ, чѣмъ-нибудь озабоченъ, и эти поѣздки въ городъ за покупками, съ

неизбѣжными встрѣчами знакомыхъ — надоѣдливыми и ненужными — раздражали и разслабляли его.

Соскочивъ съ дрожекъ и привязавъ коня къ столбу спуска, Крутовской вытеръ платкомъ выступившій на лбу потъ, отряхнулъ пыль съ желтыхъ своихъ крагъ и парусиновой англійской охотничьей куртки, въ которой онъ всегда ходилъ въ деревнѣ, и, поправивъ на гладко остриженной головѣ чесучевый картузъ, твердо зашагалъ по мосткамъ къ пристани.

Стая голубей, клевавшая разсыпанную крупу, взвилась передъ нимъ съ тѣмъ особеннымъ свистомъ, который похожъ на сорванный звонъ лопнувшей струны, — и сейчасъ же, томно трепеща крыльями, усѣлась на прежнее мѣсто, когда онъ прошелъ дальше.

Подходя къ конторкѣ, гдѣ неизмѣнно сидѣлъ бородатый и злой старикъ Ерандаковъ, увидалъ Крутовской двѣ ухмыляющіяся рожи Фепты и Фроши Ерандаковыхъ, но на этотъ разъ отступать было поздно. Большой ростъ и широкія плечи Леонтія Алексѣевича сразу бросались въ глаза, и уже бѣжали ему навстрѣчу два брата, размахивая руками и подмигивая.

— Леонтій Алексѣевичъ, Леонтій Алексѣевичъ, милости просимъ, ашанте, безподобно! А мы только сейчасъ о васъ говорили. Тутъ почемъ зря пропадаешь со скуки безъ свѣжаго человѣка.

Глядя на смѣющіяся, веснушчатыя, такъ похожія другъ на друга курносыя лица, не могъ сдержать Крутовской улыбки и, пожимая потныя руки, отвѣтилъ:

— Здравствуйте! Здравствуйте! — А батюшка вашъ здѣсь? У меня до него дѣльце небольшое...

— Папаша? — въ комическомъ ужасѣ, пятясь задомъ отъ Крутовского, воскликнулъ старшій Ерандаковъ — Феопемтъ, — или, какъ его звали — Фепта. — Да разрази насъ Богъ, если мы когда-нибудь будемъ съ нимъ въ одномъ мѣстѣ. Нѣтъ, нѣтъ, Леонтій Алексѣевичъ, онъ вояжируетъ, а мы, такъ сказать, при исполненіи служебныхъ обязанностей. Милости просимъ въ контору — перекусить, э тсетера!

— Перекусить мнѣ не хочется — недавно обѣдалъ, а въ контору съ вами пройду и буду весьма благодаренъ, если вы мнѣ сообщите, пришли ли по накладной тюки съ удобре-

ніемъ, — спокойно отвѣчалъ Крутовской, проходя впередъ и тѣмъ заставляя отступать передъ собою братьевъ Ерандаковыхъ.

Оба они были въ бѣлыхъ фланелевыхъ костюмчикахъ въ синюю полоску; воротнички пообмякли, колѣнки брюкъ позапачкались; ботинки у обоихъ были новенькіе, кирпичнаго цвѣта, а галстухи — у одного красный въ желтую крапинку, а у другого — зеленый въ красную крапинку.

— Все, что угодно, Леонтій Алексѣевичъ, все что угодно, — засуетился младшій — Фроша и, забѣжавъ въ сторону, на другой край скрипѣвшей пристани, крикнулъ: — Прохоръ, поди сюда скорѣй, тутъ дѣло есть!

А Фепта, дружески схвативъ Крутовского подъ локоть, заговорилъ, спѣша и захлебываясь:

— Ну что, новости каковы? Слыхали? Вамъ вѣдь это ближе — изъ-подъ рукъ видать. Правда-ли, къ нашей-то чародѣйкѣ, къ вѣчно юной и обольстительной Вѣрѣ Владиміровнѣ, потомство собирается? Какъ это говорится — мои, твои, наши и такъ себѣ... отъ всѣхъ трехъ супруговъ по сувениру.

— Въ чемъ же дѣло?..

— Да вотъ, говорятъ, съѣдутся въ этомъ году Смоличъ и Бунаковъ, Витя... любопытно очень. Видно на любовь приходится крестъ поставить, вотъ курочка-то цыплятъ и сбираетъ подъ крылышки. Материнскія обязанности вспомнила.

— Васъ это удивляетъ?

— Не то, чтобы удивляло, а все же забавно. Что не ребенокъ, то другая фамилія и на свой фасонъ.

— А вамъ хотѣлось бы, чтобы всѣ по васъ съ братомъ — въ одну масть и одного достоинства?

Фепта фыркнулъ обиженно:

— Ну вотъ вы сейчасъ и на личности! Мы ни при чемъ. Но все же, какъ хотите, картина соблазнительная. Въ родѣ предводительской. Слыхали, что онъ еще удралъ?

— Глупость какую-нибудь?..

— Да ужъ не безъ этого! Собралъ всѣхъ учительнишекъ по уѣзду и балъ устроилъ, но безъ кавалеровъ. Посадилъ всѣхъ по стѣнкамъ и съ каждой по очереди отплясывалъ. А

мамаша въ лорнетъ смотрѣла и радовалась: — «Ты, Валечка, вотъ эту выбери». Говорятъ, что все ею же, мамашенькой, и придумано съ особенной цѣлью, — для сравненія.

— Для какого сравненія?

— Очень просто. Пусть видитъ, какія онѣ всѣ рожи, какъ грубы, какъ неотесаны, ну и къ мамашѣ большей любовью проникнется.

— Чепуха какая! — безъ улыбки воскликнулъ Крутовской, которому надоѣло слушать. — И стоитъ вамъ всякій вздоръ пересказывать! Видно опять ночь протрубили...

— Была игра! — ничуть не смутившись, подхватилъ Фептъ. — Мы съ Фрошей ночью такого задали, что только держись! Въ клубъ къ лотошникамъ верхами въѣхали. Перепугались всѣ страсть. Милѣйшій нашъ предсѣдатель — нотаріусъ Брындинъ изъ кожи лѣзъ отъ злости. Щенокъ, мальчишка, а туда же. Здорово онъ намъ досадилъ, ну да мы его выморимъ. Подумаешь — невидаль! Петербургская штука! Нахалъ! Мазюлка паршивый, декадентъ! Теперь въ аптекарскій магазинъ зайдите и духовъ попросите, такъ вамъ сейчасъ же скажутъ: «Коти-съ прикажете, что Олегъ Максимычъ Брындинъ потребляютъ?» Плевать намъ на его «коти-съ», — сами съ котами. И безъ него жили. Вотъ посмотримъ, когда мы всѣ дѣла свои къ Соснову переведемъ и другимъ дорогу закажемъ къ нему. Небось — волкомъ взвоетъ, вся спесь сойдетъ! Ну, будь нотаріусъ — нотаріусомъ, по чину и честь, за этимъ не постоимъ, но чего фордыбачиться, сами посудите. И галстухъ, видите ли, такой нужно, и канотье, и черный пиджакъ, и бѣлыя брюки. Да мы, ежели бы захотѣли, въ эти самыя бѣлыя брюки всѣхъ крючниковъ одѣли бы! Подумаешь — невидаль!..

— Зачѣмъ же дѣло стало? — уже съ улыбкою молвилъ Крутовской, поглядывая на берегъ, куда волокли тюки съ удобреніемъ, — съ чего же такъ волноваться?

— Вотъ-те разъ! Конечно, за нами дѣло, ужъ будьте покойны. Только обидно, почему это месье Брындинъ — первый модникъ, все по немъ пляшетъ. Художникъ! Такимъ художникамъ мы баржи выкрасить не дадимъ, а тоже о вкусахъ говоритъ.

— Готово-съ! — закричалъ съ берега Прохоръ, — прикажете подводчика нанять?

Леонтій Алексѣевичъ махнулъ рукой и сталъ спускаться по хлюпающимъ доскамъ наземь.

V.

Гремѣла музыка въ скверѣ, когда Крутовской, распрощавшись съ сыновьями мучника, Ерандаковыми, поднялся въ гору на площадь и мимо собора, предводительскаго дома и дома нотаріуса тарахтилъ къ себѣ въ «Рай». Въ свѣтлыхъ платьяхъ шли навстрѣчу ему барышни, подтянутые кадеты, гимназисты и студенты. Всѣ спѣшили на музыку, всѣхъ охватило радостное волненіе, всѣ улыбались, торопливо переговаривались.

Вѣтеръ утихалъ замѣтно. Онъ налеталъ порывами, бросая въ уши скачущій гулъ музыки, и замиралъ, стелясь смиренно у ногъ лошади.

За желтой тюрьмой, похожей на кинутый ненужный ящикъ, тянулся пустырь — въ этотъ часъ бархатный, весь залитый оранжевыми лучами уходящаго солнца.

Сейчасъ же за пустыремъ пряталась во взъерошенной зелени сирени и осины небольшая кладбищенская церковь, а за нею, за печальной семьей просохшихъ полынью и чертополохомъ могилъ, шелъ глинистый скатъ съ глиняными домиками слободы, похожими на два ряда стертыхъ зубовъ допотопнаго чудища. За скатомъ темнѣла мельница у самаго берега Ящура, а за нею дребезжащій сѣрыми досками, какъ клавишами, мостъ и вьющаяся лента дороги, и снова холмы, но уже покрытые зацвѣтающей рожью, пахнущей свѣжимъ хлѣбомъ и отдающей тепломъ.

Пофыркивая, бѣжалъ сѣрый меринъ, крѣпко ставя ноги въ пыльный пухъ шляха, а Леонтій Алексѣевичъ слушалъ въ хлѣбахъ перепеловъ и, кажется, ни о чемъ не думалъ.

Лицо его было спокойно и ясно. Темно-русая борода оттѣняла крѣпкія, загорѣлыя щеки, съ здоровымъ румянцемъ, темные глаза смотрѣли изъ-подъ густыхъ рѣсницъ хозяйственно и съ улыбкою. Все его крѣпкое молодое большое тѣло, стянутое парусиновымъ костюмомъ, плотно и

увѣренно сидѣло въ легонькой бричкѣ, большія руки съ широкими ладонями спокойно лежали на колѣняхъ, зажавъ сильными, мозолистыми пальцами вожжи. Грудь вдыхала вольное теплое дыханіе хлѣбовъ. Такъ и чувствовалось, что все здѣсь для него привычное, свое. И меринъ былъ подъ стать хозяину. Онъ такъ же казался спокоенъ и увѣренъ, который разъ мѣряя знакомую дорогу. Пофыркивалъ дѣловито, съ достоинствомъ и степенно отмахивался густымъ и длиннымъ хвостомъ отъ оводовъ, не спѣша, разъ за разомъ, ударяя себя по блестящему, гладкому крупу.

Вскорѣ показался изъ-за послѣдняго холма кудрявый горбъ «Самолюбова», сверкнула и скрылась въ чащѣ стальная спина Ящура, поднялась вверхъ бѣлая, усыпанная гравіемъ, въѣздная дорога въ Тулубьевскую усадьбу, а шляхъ свернулъ вдоль по извивамъ капризнаго Ящура.

Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ шляхъ перерѣзала липовая аллея, ведущая изъ «Самолюбова» въ «Рай», Крутовской повернулъ направо и застучалъ колесами брички по бѣлому мосту съ рѣзными перильцами.

Опять заблестѣла въ сиреневыхъ тѣняхъ угасающаго заката засыпавшая рѣчка, и поплыла поперекъ нея синяя тѣнь ѣхавшаго по мосту помѣщика.

Леонтій Алексѣевичъ глянулъ на воду и впервые улыбнулся отъ чистаго сердца.

Посреди рѣки медленно двигалась лодка; въ ней сидѣла дѣвушка въ бѣломъ холстинковомъ платьѣ съ краснымъ въ розанахъ платкомъ на круглыхъ плечахъ и держала въ рукахъ поднятыя вверхъ весла, съ которыхъ капали синія капли. Круглая голова ея ничѣмъ не была покрыта, каштановые волосы, стянутые на затылкѣ въ тугую косу, растрепались и вокругъ лица ея образовали сіяющій вѣнчикъ — такъ падалъ на нихъ свѣтъ скрывшагося солнца.

Дѣвушка открыто и радостно смотрѣла на Крутовского.

Леонтій Алексѣевичъ задержалъ мерина, не спѣша, приподнялъ картузъ и крикнулъ:

— Добрый вечеръ, Людмила Александровна!

Дѣвушка отвѣтила ему тотчасъ же. Ея молодой голосъ разнесся далеко по водѣ, звонко и весело:

— Добрый вечеръ, Леонтій Алексѣевичъ! Вы изъ города?

— Изъ города. Духота, пыль тамъ невообразимая и музыка въ скверѣ. Подругъ вашихъ видѣлъ.

— Все, значитъ, по-старому?

— Все по-старому. Манефа Подлиняева съ Колей гуляетъ. Ерандаковы опять наскандалили.

Крутовской говорилъ медленно, посмѣиваясь въ мягкую бороду.

— Ну, Богъ съ ними, — крикнула ему снизу Людмила, — мнѣ городскія сплетни не интересны, довольно я ихъ въ гимназіи наслушалась. Поѣзжайте домой скорѣй, лошадь отдайте, да ко мнѣ. Я васъ и такъ цѣлый часъ ждала.

Леонтій Алексѣевичъ кивнулъ головой, ударилъ вожжею сѣраго мерина и быстро скрылся со своею бричкою за деревьями сада.

VI.

Людмила ждала Крутовского у пристани, на его берегу.

Леонтій Алексѣевичъ пробрался изъ дома чащей, скрытой тропинкой, и прыгнулъ въ лодку.

Лодка качнулась, широкіе круги пошли по водѣ, но дѣвушка не вскрикнула, а молча поднялась и пересѣла на руль. Крутовской занялъ ея мѣсто; скрипнули уключины, весла съ упругимъ свистомъ взмахнули въ воздухѣ, какъ два узкихъ крыла, и взрѣзали водяное зеркало. Лодка вздрогнула и сразу вынеслась на середину Ящура, — за нею потянулась журчащая, пѣнная дорожка.

— Ну, разсказывайте, — внимательно и серьезно глядя въ лицо Крутовского, молвила Людмила.

Леонтій Алексѣевичъ еще сильнѣе взмахнулъ веслами, узловатые мускулы налились подъ парусиновыми рукавами. Лицо его сразу потускнѣло, а темные глаза ушли въ себя. Хотя онъ и раньше ждалъ этого вопроса, но, видимо, сейчасъ былъ смущенъ имъ. Людмила замѣтила его смущеніе, но не показала вида и повторила настойчивѣе:

— Разсказывайте, Леонтій Алексѣевичъ, я васъ слушаю...

У нихъ такъ было заведено издавна. Каждый вечеръ Крутовской долженъ былъ докладывать Людмилѣ все, что дѣлалъ и что передумалъ за день. Она, въ свою очередь, разсказывала ему о себѣ. Но чаще всего говорилъ только Леонтій Алексѣевичъ, а дѣвушка слушала. Эти тихія, вечернія бесѣды доставляли имъ обоимъ истинное удовольствіе. Весь день Крутовской проводилъ въ дѣлахъ, въ хлопотахъ по хозяйству — то въ полѣ, то на мельницѣ, то въ скотномъ сараѣ: онъ былъ отмѣннымъ хозяиномъ, любящимъ свое дѣло, отдававшимся всецѣло безчисленнымъ заботамъ, но и ему все же нуженъ былъ отдыхъ, и не такъ даже отдыхъ, какъ перемѣна впечатлѣній.

Но сегодня, видимо, Крутовской не зналъ, какъ начать разговоръ. Глаза его все еще не смотрѣли передъ собою, брови сошлись къ переносицѣ, и особенно сильно, точно находя въ этомъ удовлетвореніе, взмахивалъ онъ веслами.

Лодка неслышно и быстро скользила впередъ, слѣдуя за извивами верткаго Ящура, минуя обѣ усадьбы и хозяйственныя постройки и купальни. По обѣ стороны развернулись поемные луга съ поблескивающими то тамъ, то здѣсь глубокими лужицами, похожими на осколки зеркала — въ свѣтлыхъ лиловыхъ сумеркахъ онѣ казались выше травы, выпуклыми. Такимъ же выпуклымъ казался и Ящуръ. Теченіе здѣсь было едва примѣтнымъ, точно рѣка боялась пролиться на зеленый коверъ и смять его.

— Да, о чемъ же особенномъ разсказывать, — наконецъ, перебилъ молчаніе Леонтій Алексѣевичъ, все еще не подымая головы. — Новые жернова привезли — завтра ставить будемъ.

Онъ оборвалъ рѣчь, молчала и Людмила. Красный платокъ ея съ розовыми и желтыми розанами казался особенно яркимъ въ поблекшемъ воздухѣ.

Крутовской взглянулъ на эти розаны, и сердце его упало; ему почудилась кровь.

— Ахъ, не могу я говорить сегодня, — наконецъ произнесъ онъ, — вы ужъ извините меня, Людмила Александровна.

Но, не дождавшись ея отвѣта, заговорилъ взволнованно, и криво усмѣхаясь:

— Почему-то вотъ сейчасъ мнѣ дядюшка вспомнился — старшій братъ моего отца. Онъ давно умеръ и умеръ скверно. На него характеромъ, казалось бы, я ничуть не похожъ — наружностью больше, особенно лицомъ — остался у меня его портретъ. Но почему-то мнѣ всегда кажется, что что-то есть у меня отъ него. Такъ вдругъ подымется на минуту горячая волна и опять уйдетъ. Это единственно, что меня пугаетъ, а ужъ, кажется, я не изъ пугливыхъ, и нервы у меня крѣпкіе. Дядя этотъ былъ офицеромъ и лихимъ кавалеристомъ, старой закваски. Теперь такихъ нѣтъ — вымерли. Послужилъ онъ недолго, вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился у себя въ имѣніи. Его всѣ любили — и сосѣди-помѣщики, и барыни, и старухи. Его имя у всѣхъ было на устахъ и произносилось съ уваженіемъ. Онъ точно присмирѣлъ. И вдругъ разнеслось извѣстіе, что въ самый Духовъ день онъ сначала подстрѣлилъ изъ пистолета, а потомъ изрубилъ шашкой какую-то вмѣстѣ съ нимъ только-что пріѣхавшую изъ губернскаго города дѣвицу, а затѣмъ, запершись на ключъ въ своемъ кабинетѣ, застрѣлился самъ. Слуховъ объ этомъ ходило тьма, но, понимаете, дѣло не въ слухахъ и даже не въ причинахъ убійства, а именно въ самомъ убійствѣ, въ этомъ внезапномъ порывѣ, въ этомъ бѣшенствѣ... Я твердо знаю, что большинство людей на убійство не способно — что бы ни случилось, рука не подымается. А вотъ онъ могъ...

Крутовской оборвалъ рѣчь свою и затихъ. Людмила сидѣла все такъ же прямо, потомъ тихо окликнула:

— Леонтій Алексѣевичъ!

— Я слушаю...

— Вы опять получили письмо отъ нея, да?

Онъ, молча, кивнулъ головой.

— Только сейчасъ?

— Да, по пріѣздѣ домой... оно меня ждало...

— Оно съ вами?

— Нѣтъ, я оставилъ его, забылъ...

Онъ солгалъ. Письмо было съ нимъ, и Людмила поняла это. Онъ не могъ его показать ей, не смѣлъ, хотя раньше она читала письма, писанныя тою же рукой. Но теперь онъ не имѣлъ права быть съ нею откровенно, онъ понималъ,

что его другу, его наперсницѣ, всего лишь девятнадцать лѣтъ.

Дѣвушка не настаивала и попросила повернуть обратно, къ дому.

Весь обратный путь они плыли молча. Это впервые случилось съ ними.

Выйдя на берегъ, Людмила безъ словъ пожала ему руку — (глаза ея ласково смотрѣли на него) — и быстро пошла по аллеѣ.

Крутовской видѣлъ, какъ она поднялась на холмъ, какъ бѣлое ея платье мелькнуло межъ темныхъ уснувшихъ деревьевъ и услышалъ ея голосъ, повторенный эхо:

— Тетя, а тетя, гдѣ вы?

VII.

Вѣра Владиміровна все еще ходила въ глубокой задумчивости по дорожкамъ сада, вдоль невидныхъ теперь, но еще сильно благоухающихъ розъ, когда къ ней подошла Людмила.

— Тетя, милая, уже поздно — вы можете озябнуть. Чай пить пора... дядя Яша заждался, должно быть...

Голосъ ея былъ ровенъ и спокоенъ, ничто не выдавало ея волненія.

— Я замечталась: чудный воздухъ, — точно извиняясь, промолвила Вѣра Владиміровна, — мнѣ казалось, что ушло время. Этотъ запахъ розъ заставляетъ меня забывать обо всемъ.

Людмила прошла со своей пріемной матерью нѣсколько шаговъ рядомъ.

— Ахъ, такъ не хочется теперь упускать ни одной минуты, — тихо и мечтательно, точно думая вслухъ, говорила Вѣра Владиміровна, — тебѣ еще, конечно, трудно понять это...

— Нѣтъ, отчего же, я понимаю, — возразила дѣвушка.

— Ты понимаешь?..

Вѣра Владиміровна пріостановилась и пристально взглянула на свою пріемную дочь. Вотъ сейчасъ, въ сиреневыхъ сумеркахъ, дѣвушка напоминала полковника Карышева —

своего отца. Тотъ же овалъ и разрѣзъ губъ. Только выраженіе глазъ — темносѣрыхъ, не было лукаво, какъ у того, а, напротивъ, открыто и строго.

— Да, можетъ быть, ты и понимаешь меня, — тихо сказала Вѣра Владиміровна, — можетъ быть, ты одна понимаешь меня... Скажи, онъ давно не писалъ тебѣ?

У нея не хватило духа назвать мужа своего по имени, или же просто папой.

— Давно, почти мѣсяцъ, — просто отвѣтила дѣвушка: — вы знаете, что онъ скупъ на письма. И потомъ у него много дѣлъ теперь — лѣтомъ всегда больше построекъ, кромѣ того, онъ занимается въ лагеряхъ съ юнкерами...

— Да, да, знаю, знаю, — горячо перебила ее Вѣра Владиміровна и замахала рукой. — У него дѣла, всегда дѣла, знаю я эти дѣла... Довольно я изъ-за нихъ намучилась, до той поры, пока не раскрыла всю его ложь, всю его гадкую ложь.

Она волновалась все больше; забывая, что рядомъ съ нею дочь человѣка, котораго она проклинала.

— Эти дѣла погубятъ его, онъ пропадетъ и запутается. Онъ забываетъ, что ему не двадцать лѣтъ, что онъ не мальчишка. Онъ думаетъ, что его могутъ любить искренно. Кто? Кого? Эти продажныя твари, эти француженки, которыя уже не разъ устраивали ему скандалы, и его, стараго человѣка и при томъ далеко не красиваго! Меня упрекаютъ, многіе надо мною, пожалуй, смѣются. Но что я могла сдѣлать? Терпѣть всю его ложь, закрывать на все глаза, притворяться спокойной и счастливой? Скажутъ, что онъ не бросалъ же меня. Да, но онъ поступалъ хуже, онъ издѣвался надо мною, онъ улыбался и лгалъ, нѣтъ, даже не лгалъ, а говорилъ правду, чистѣйшую правду подъ видомъ невинной шутки. И все это на твоихъ глазахъ и на глазахъ Вити... И когда, наконецъ, все раскрылось, раскрылось совершенно случайно, — тогда онъ имѣлъ наглость сказать, что не можетъ иначе, что влюбленъ, что не броситъ меня, будетъ меня уважать, какъ жену, но не броситъ и ту и будетъ видаться съ нею попрежнему... Какъ могла я вынести эту наглость, посуди сама!

Людмила прервала пріемную мать, касаясь мягко ея руки:

— Тетя, милая, не нужно... вѣдь вы ушли отъ него... зачѣмъ же такъ волноваться? Вы сдѣлали то, что хотѣли, не такъ ли?

— Ну, да, конечно, я не могла иначе.

— Вотъ видите... такъ почему же вы до сихъ поръ не можете помириться съ тѣмъ, что онъ сдѣлалъ тоже то, что хотѣлъ?

— Помириться?.. Съ чѣмъ?..

— Съ тѣмъ, что сдѣлалось... вѣдь вы ушли отъ него — значитъ не любили больше.

— Не любила?..

— Конечно.. если бы вы любили его попрежнему, то остались бы съ нимъ.

— Но онъ измѣнилъ мнѣ, обманулъ, надсмѣялся, какъ надъ какой-нибудь дѣвчонкой!

— Вотъ это же и я говорю... онъ разлюбилъ васъ, лгалъ вамъ... Вы все узнали и ушли, и вотъ теперь мучитесь... почему...

Людмила остановилась передъ Вѣрой Владиміровной, держала ее за руку, какъ маленькую, и прямо и пристально смотрѣла въ глаза.

Вѣра Владиміровна готова была возражать, но сразу осѣклась и смутилась. Только сейчасъ она поняла, что не слѣдовало говорить всего того, что говорила.

По счастью раздались поспѣшные шаги горничной. Она искала барыню и барышню, чтобы звать ихъ пить чай.

Вѣра Владиміровна и Людмила пошли къ дому. Людмила въ темнотѣ сорвала розу, уколола пальцы, но не вскрикнула, даже не отдернула руки, точно хотѣла и ждала уколоться, и прижалась щекой къ влажному темному цвѣтку, вдыхая глубоко его сладкій запахъ.

Обиженно выпятивъ губу, поджидалъ ихъ въ столовой Яковъ Владиміровичъ. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ передъ круглымъ обѣденнымъ столомъ и пренебрежительно водилъ ложкой по глубокой тарелкѣ съ простоквашей.

— Удивительные у насъ порядки, — брюзжалъ онъ, — ты, положительно, Вѣра, точно и не оставляла института: ходишь среди розъ, мечтаешь Богъ знаетъ о чемъ, а при-

слуга тѣмъ временемъ подаетъ какую-то бурду вмѣсто простокваши.

Войдя въ столовую, Вѣра Владиміровна сразу оживилась. Опять завладѣли ею хозяйственныя заботы, и она стала поспѣшно ходить по комнатѣ и передвигать горлачи на ледничкѣ.

— Сейчасъ я тебѣ другую дамъ, — сказала она брату.

— Тутъ почта пришла. Тебѣ письма есть, — снова проворчалъ Яковъ Владиміровичъ, — и въ глазахъ чепуха какая-то...

— Отъ Наташи! — вскрикнула Вѣра Владиміровна, берясь за письмо и блѣднѣя.

Тулубьевъ насмѣшливо возразилъ:

— Письмо отъ обожаемой контральто, отъ несравненной дивы? Это интересно... снизошла ли къ намъ, грѣшнымъ, и осчастливитъ ли своимъ присутствіемъ... Что тамъ ни говори, хоть она и глупа на мой взглядъ, но все же elle a du chien! и потомъ у нея есть вкусъ ко всѣмъ этимъ тряпкамъ, къ разнымъ кружевцамъ и ленточкамъ...

Яковъ Владиміровичъ помахалъ рукою въ воздухѣ, растопыривъ пальцы.

Людмила принужденно разсмѣялась.

Вѣра Владиміровна недовольно взглянула на нихъ.

— Тише, вы мнѣ мѣшаете... — и снова склонилась надъ письмомъ, занятая своими мыслями, своей тревогой.

Ната первая пробудила въ Вѣрѣ Владиміровнѣ, если и не достаточно сильныя, то все же материнскія чувства; она была дочерью перваго человѣка, котораго полюбила Тулубьева, и годы ея рожденія все же были годами счастья. Тѣмъ болѣе остро напоминала она матери и первое разочарованіе и стыдъ за свое чувство, когда оно поблекло и перешло въ озлобленіе. Потомъ, издали, мать слѣдила за воспитаніемъ Наты и всегда была имъ недовольна. Отецъ баловалъ свою дочь, она у него росла, какъ хотѣла, — и училась, и не училась, и набралась тѣхъ идей, которыя были чужды Вѣрѣ Владиміровнѣ. Потомъ Наталья поѣхала на курсы и, живя у старой тетки, конечно, стала не тѣмъ, чѣмъ хотѣла бы ее видѣть мать. Вѣра Владиміровна узнавала о дочери урыв-

ками, стороною, и всѣ эти слухи не могли ея радовать. Когда же она узнала, что Ната стала пѣвицей, — она совсѣмъ потеряла представленіе о своей дочери. Ната стала для нея чѣмъ-то далекимъ, мало понятнымъ и даже пугающимъ. Послѣднее время Смоличъ довольно часто писала ей. Это были очень милыя, очень тонкія письма, въ которыхъ проглядывали и внимательность, и почтительная сдержанность скромной, но достаточно опытной дочери, и сочувствія, и намеки на личныя горести, будто бы схожія съ горестями матери. Вѣра Владиміровна чувствовала себя теперь такой одинокой, такой обиженной, и хотя относилась къ дочернимъ письмамъ не вполнѣ довѣрчиво, но все же они ее трогали, льстили ей, вызывали въ ней чувство горделиваго удовлетворенія материнскаго самолюбія. И привыкшая отвѣчать на всѣ письма, Вѣра Владиміровна сдержанно отвѣчала и дочери, невольно, хотя и вскользь дѣлясь съ нею своими мыслями и, въ концѣ концовъ, обмолвилась, что была бы рада повидать Наташу. Она написала, что этимъ лѣтомъ ждетъ къ себѣ и Костю, который попросилъ позволенія пріѣхать, вырвавшись ненадолго отъ своей службы. Наталья очень трогательно поблагодарила мать, но ничего опредѣленнаго не обѣщала, ссылаясь на личныя дѣла, на концерты и т. д. И вотъ теперь получилось письмо Наташи, гдѣ она рѣшительно извѣщаетъ о скоромъ своемъ прибытіи и пишетъ о томъ, что у нея есть коекакія пріятныя вѣсти и что, главнымъ образомъ, эти новости побудили ее поторопиться съ пріѣздомъ.

Вѣра Владиміровна провела рукою по лицу, точно отгоняя отъ себя сомнѣніе, и черезъ нѣсколько минутъ положила письмо на скатерть около подноса и, разливая чай, сказала, какъ что-то давно извѣстное:

— Ну, вотъ, значитъ и она пріѣдетъ... Я, конечно, рада... Она пишетъ, что хочетъ повидать меня, что очень была тронута, получивъ мое письмо... и что счастлива пожить въ деревнѣ, среди своихъ. У нея концертъ въ Кіевѣ, а оттуда черезъ недѣлю — къ намъ. Что же, пусть всѣ дѣти соединятся у меня этимъ лѣтомъ. Людмила, милая, позвони пожалуйста... мнѣ нужно напомнить Катѣ, чтобы она воды горячей оставила, я буду мыть голову.

— Я ее сама пришлю къ вамъ, — отвѣтила дѣвушка и поднялась изъ-за стола. — Вы простите, тетя, и позвольте мнѣ пойти къ себѣ — устала что-то.

Вѣра Владиміровна нервно вскинула голову и минуту смотрѣла на дѣвушку, точно не понимая, чего отъ нея хотятъ, потомъ сказала, опомнившись:

— Ахъ, пожалуйста, сдѣлай милость!

Людмила поцѣловала ее въ лобъ, кивнула дядѣ Яшѣ и, кликнувъ горничную, легко поднялась къ себѣ въ мезонинъ.

Тамъ въ открытое окно глядѣло темное небо и вершины деревьевъ. Дѣвушка постояла мгновеніе неподвижно, устремивъ впередъ глаза, потомъ упала, не раздѣваясь, на кровать, лицомъ въ подушки, и замерла.

Такъ она лежала долго, точно въ забытьѣ. Но плечи ея не вздрагивали, и она не плакала.

VIII.

Крутовской долго еще не шелъ къ себѣ въ домъ, а бродилъ по саду, заложа руки въ карманы и посвистывая. Высвистывалъ онъ все одинъ и тотъ же незамысловатый мотивъ, какой-то избитый вальсъ. Часто онъ сбивался съ дороги, забирался въ непролазную чащу и съ трудомъ выбирался оттуда.

Старыя липы привольно раскинули свои мшистыя вѣтви, только-только готовыя расцвѣсти, орѣшникъ сгрудился сплошною стѣною; акація, сирень и жасминъ заполняли всѣ свободные уголки. Дорожки и аллеи, давно нечищенныя, заросли цѣпкимъ, нѣжно-пахнущимъ вьюнкомъ, дикимъ цикоріемъ и щавелемъ. Крутовской, занятый полями, мало заботился о красотѣ парка; онъ не могъ тратиться на прихоти.

Сейчасъ Леонтію Алексѣевичу было не до красотъ природы. Онъ ходилъ туда и обратно, плуталъ и возвращался на старыя мѣста, отнюдь не отъ любви къ мечтательности и одиночеству. Онъ и самъ бы не могъ сказать, почему бродитъ, тѣмъ болѣе, что за день порядкомъ усталъ.

Наконецъ, обезсиленный, Крутовской взошелъ на ступеньки открытой веранды, темной и гулкой въ эту пору, и прошелъ дальше, къ себѣ въ комнаты.

Помѣщичій домъ не починяли еще съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ жилъ старикъ Тулубьевъ. Изъ всѣхъ его двадцати четырехъ комнатъ Леонтій Алексѣевичъ выбралъ себѣ только три и устроился по-своему со своей старенькой теткой Марьей Васильевной.

Войдя въ столовую, Крутовской засталъ тетку свою спящей. Она склонила сѣдую свою голову на грудь и легонько похрапывала. Очки сползали ей на кончикъ носа. Отъ налетавшаго порывами черезъ открытое окно теплаго вѣтра вилялъ огонь въ висящей надъ столомъ лампѣ, пищалъ потухающій самоваръ и щелкали опаленные мотыльки, мошкара и комары, сыпясь на скатерть, въ молоко и стаканы.

Леонтій Алексѣевичъ осторожно разбудилъ старуху, сказалъ ей, что чай онъ пить не будетъ и чтобы она шла спать, загасилъ лампу и, зажегши свѣчку, прошелъ безконечнымъ рядомъ комнатъ, полупустыхъ, ободранныхъ и пахнувшихъ мышами и плѣсенью, въ залъ. Тамъ онъ поставилъ подсвѣчникъ съ оплывшей свѣчей на рояль, открылъ крышку и ударилъ по клавишамъ. Рокочущій, недовольный гулъ разнесся по всему пустому дому, и съ потолка посыпалась штукатурка.

Леонтій Алексѣевичъ ударилъ еще разъ, пробѣжалъ крѣпкими, твердыми пальцами по всѣмъ клавишамъ и заигралъ бравурный маршъ. Игралъ онъ вообще не плохо, игралъ по слуху и все, что ни попало, но сейчасъ музыка его производила странное впечатлѣніе. Ветхій домъ трещалъ и кряхтѣлъ, точно старикъ, разбуженный въ неурочный часъ; за окномъ проплывала ночная, лѣтняя тишь, даже деревья не шевелили листьями, утомленныя дневной вѣтряной тревогой, а въ обширной низкой залѣ сидѣлъ передъ роялемъ крѣпкій, рослый, далеко не поэтической наружности человѣкъ и игралъ, съ ожесточеніемъ игралъ бравурный маршъ. Лица его не было видно, оно пряталось въ тѣни, и только широкая его спина въ полотняной тужуркѣ и мелькающія сильныя руки освѣщались кружащимъ огнемъ свѣчи. Но внезапно онъ оборвалъ игру, хлопнулъ крышкой, отчего долго еще печально гудѣло въ черномъ брюхѣ разбитаго рояля, и, схвативъ свѣчу, подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ висѣлъ большой овальный портретъ,

писаный масляными красками, и нѣсколько минутъ, не шевелясь, смотрѣлъ на него.

Это былъ портретъ Елизаветы Яковлевны Тулубьевой, матушки Вѣры Владиміровны, такъ и оставленный висѣть здѣсь и проданный вмѣстѣ съ домомъ отцу Крутовского равнодушнымъ ея сыномъ.

Смотрѣлъ на портретъ Леонтій Алексѣевичъ тупо и упорно, какъ будто ничего передъ собой не видя. Онъ плотно сдавилъ челюсти, какъ человѣкъ, рѣшившійся броситься головой въ прорубь. Пальцы, за минуту передъ тѣмъ твердо, съ отчаяніемъ ударявшіе по клавишамъ, теперь цѣпко охватили ножку тяжелаго подсвѣчника. Силъ больше недоставало.

Крутовской рѣзко повернулся, опять поставилъ свѣчу на крышку рояля, вынулъ изъ внутренняго кармана тужурки смятое письмо и началъ его перечитывать.

«Леонтій, я писала вамъ много разъ, и вы или отмалчивались, или повторяли то же, что сказали тогда въ послѣднее наше свиданіе. Вы писали мнѣ, что вы не хотите меня видѣть, не хотите слушать никакихъ оправданій и просите оставить васъ въ покоѣ. Я такъ сначала и думала поступить, но теперь вижу, что не могу. Я должна васъ повидать и все выяснить. Вы должны будете понять. Можетъ быть, это на вашъ взглядъ гадко, но я все-таки такъ сдѣлаю. Наконецъ, я имѣю право пріѣхать сюда — меня зоветъ моя мать, съ которой я не видалась два года. Можетъ быть, я дурная, испорченная, преступная, но сейчасъ я одинока, мнѣ нужна поддержка, нуженъ свой уголъ. Ребенокъ мой умеръ мѣсяцъ тому назадъ, съ отцомъ его я порвала, ничто меня не радуетъ, не манитъ. Мнѣ пріѣлись люди, пріѣлась и я сама себѣ. Мнѣ нуженъ покой, а получить его я могу, только чувствуя себя свободной отъ всего. Вы все-таки были моимъ единственнымъ другомъ, и я иду къ вамъ, если даже и безъ надежды вернуть вашу дружбу, то хотя бы для того, чтобы исповѣдаться передъ вами и найти въ этомъ облегченіе. Наконецъ, я просто этого хочу, и такъ будетъ. Н.»

Леонтій Алексѣевичъ зажалъ въ ладони письмо и прошелся нѣсколько разъ по залѣ. Онъ чувствовалъ, что его душитъ безсильная злоба. Въ немъ поднялась вся горечь и муть прожитыхъ лѣтъ, которыя, казалось, давно улегись въ немъ. Что отъ него хотятъ, съ чѣмъ идутъ къ нему? Живя здѣсь, онъ никогда не былъ охраненъ отъ непріятной ему встрѣчи, но встрѣча сама по себѣ не пугала его: онъ достаточно перенесъ, достаточно пережилъ, чтобы сумѣть хладнокровно относиться къ всякимъ неожиданностямъ. Но съ нимъ хотѣли говорить, къ нему подходили съ какими-то требованіями.

Передъ Крутовскимъ прошли годы студенчества, его работа, его надежды, эмигрантство. И вотъ теперь, когда онъ успокоился, когда онъ ушелъ въ себя, когда онъ снова принялъ міръ, нашелъ работу и заставилъ себя полюбить эту работу, когда онъ усиліемъ воли, дорого ему давшимся, побоколъ въ себѣ отвращеніе къ людямъ, почти начиналъ вѣрить въ свое дѣло, къ нему опять тянется самое темное, самое злое изъ его прошлаго.

Вся кровь ударила ему въ голову отъ обиды и бѣшенства. Но Крутовской привыкъ себя сдерживать, этому онъ научился еще въ Парижѣ, до амнистіи, гдѣ иногда можно было биться головой объ стѣну отъ досады и ярости, отъ стыда за себя и товарищей. Онъ постарался думать о другомъ. Вспомнилъ о Людмилѣ и о сегодняшнемъ съ нею свиданіи. Если до сихъ поръ онъ привыкъ быть съ нею откровеннымъ, какъ съ другомъ, хотя былъ старше ея на четырнадцать лѣтъ, то, пожалуй, сегодняшняя его таинственность совершенно была излишняя. Она могла обидѣть дѣвушку. Эти простыя, искренніе, почти братскія отношенія такъ нужны были ему. Въ концѣ концовъ, кромѣ старой тетки, только Людмила ему близка здѣсь. Конечно, нужно будетъ все разсказать ей, ничего не утаивая.

Леонтій Алексѣевичъ распахнулъ пыльное окно въ садъ и сталъ вдыхать полной грудью росный воздухъ.

Сверху, изъ «Самолюбова», плыла теплая волна, напитанная дыханіемъ розъ — цѣлой радугой запаховъ. Оттуда же, сверху, должно было придти и то, что казалось Крутовскому похороненнымъ.

Но Крутовской остылъ, къ нему вернулась его непоколебимость, онъ чувствовалъ, что онъ осилитъ и это послѣднее препятствіе.

На востокѣ, за густой чащею, занималась заря. Перекликались пѣтухи — самолюбовскій и райскій; вскорѣ имъ отвѣтили въ перебой, тонко и басомъ, съ другихъ концовъ.

Съ земли поднялся туманъ. Онъ перекинулъ молочный призрачный мостъ изъ одной усадьбы въ другую, черезъ уснувшую рѣчку. Небо стало прозрачно и трепетно, словно крылья капустницы, — голубовато-желтое и чуть-чуть изумрудное, оно точно слиняло, точно въ чернила влили лимонной кислоты.

Леонтій Алексѣевичъ загасилъ свѣчу, прыгнулъ черезъ окно въ мокрую траву и, оставляя темный слѣдъ за собою по росному полю, цѣпляясь за мокрыя вѣтки, обдававшія его холоднымъ дождемъ, пробирался къ Ящуру.

Тамъ, на пристанькѣ, онъ быстро раздѣлся и кинулся въ воду, похожую на молочный кисель.

Двумя взмахами сильныхъ рукъ онъ былъ далеко отъ берега, далеко отъ горестныхъ своихъ мыслей.

IX.

Витя Бунаковъ и Константинъ Никаноровичъ Смоличъ пріѣхали на станцію «Гременки» утромъ. Всю дорогу они проспорили и были недовольны другъ другомъ. Витя доказывалъ, что спортъ развиваетъ не только мускулы, но и мыслительныя способности: онъ приводилъ тому множество примѣровъ и ссылался даже на грековъ. Константинъ Никаноровичъ поджималъ губы, теребилъ подстриженные усы, болѣзненно морщился и повторялъ, что спортъ хорошъ только для кретиновъ съ куриными мозгами, и почему-то вспоминалъ атлетовъ изъ цирка. Братья другъ друга не понимали и понимать на хотѣли. Но Витя оставался покоенъ, онъ не блѣднѣлъ, не краснѣлъ, какъ Константинъ Никаноровичъ, и говорилъ съ англійской безстрастностью — коротко и точно.

Чтобы успокоиться, Смоличъ предложилъ сразиться въ шахматы. Онъ разложилъ на вагонномъ диванѣ дорожные шахматы, и они стали играть. Но и тутъ старшему не повезло. Витя безъ усилій загналъ короля брата въ уголъ.

Тогда Константинъ Никаноровичъ закурилъ папироску, поджалъ подъ себя ноги и сталъ читать газету, раздраженный до-нельзя. Ему казалось, что братъ принялъ его пораженіе, какъ доказательство правоты своей въ предыдущемъ спорѣ, и не зналъ, чѣмъ еще доказать свое пренебреженіе. Чтобы успокоить себя, онъ сталъ думать о вещахъ пріятныхъ: о томъ, что онъ камеръ-юнкеръ, что въ свои тридцать лѣтъ онъ вице-директоръ департамента, и что съ нимъ считаются. А Витя,разстегнувъ тужурку, сталъ заниматься гимнастикой.

И Смоличъ и Бунаковъ жили въ Петроградѣ, но въ разныхъ концахъ города, и только, чтобы дважды не безпокоить мать, рѣшили ѣхать вмѣстѣ. Они очень рѣдко встрѣчались. Но сидя въ коляскѣ, братья невольно забыли свое недовольство, укачиваемые мягкимъ движеніемъ рессоръ, усыпляемые солнечнымъ свѣтомъ. Съ обѣихъ сторонъ разстилалась мирная тучная равнина. Надъ хлѣбными полями, перерѣзанными канавами, надъ полевыми тропами, поросшими быльемъ, надъ холмами и деревнями съ бурыми горбами соломенныхъ крышъ, съ корявымъ вишенникомъ и прямыми и острыми, какъ копья, тополями, надъ всѣмъ этимъ царствомъ земли и злаковъ, сіяло совершенно безоблачное небо. Рожь, овесъ, пшеница и ячмень, согрѣтые солнцемъ, наливающіе колосъ, задушенные цѣлымъ наводненіемъ сорныхъ травъ, — дикимъ макомъ, фіолетовыми вьюнками, золотыми лютиками, бѣлыми ромашками, похожими на звѣзды, васильками цвѣта синяго сафьяна, — изнывали отъ зноя, дышали тысячею жаждущихъ устъ горячимъ и сладкимъ запахомъ меда, дикой мяты, укропа. Мѣстами попадались поля, засѣянныя клеверомъ и вѣкой, и эти, правильной формы куски земли, покрытые кудрявой, низкой и цвѣтущей растительностью, среди другихъ высокихъ злаковъ, походили на изумрудныя озера, на поверхности которыхъ тамъ и сямъ въ неподвижномъ покоѣ застыла розовая пѣна.

Витя смотрѣлъ на все это привычнымъ взоромъ. Каждое лѣто онъ бывалъ тутъ — охотился на зайцевъ, куропатокъ, перепеловъ. Каждый клочокъ земли по-своему былъ знакомъ ему и вызывалъ невольныя воспоминанія.

Смоличъ оглядывался пренебрежительно и недовѣрчиво. Жара начинала угнетать его. Онъ прижималъ то и дѣло къ

виску пальцы, затянутые въ сѣрую перчатку: онъ боялся, что у него не на шутку разболится голова. Деревню онъ не любилъ, тяготился ею. Онъ былъ командированъ отъ министерства для агитаціи, по выборамъ въ Государственную Думу, и тогда проклялъ всю прелесть природы. О комарахъ онъ не могъ вспоминать безъ содроганія.

Тоскливо глядя на безоблачное небо, думалъ, когда ему удастся выбраться отсюда. Предстоящая встрѣча съ матерью мало его радовала, онъ всегда былъ къ ней равнодушенъ.

«Еще этотъ типъ — Людмила, — думалъ онъ, злясь и раздражаясь отъ своихъ мыслей, — воображаю, что за особа. Если бы не Наташа — самъ дьяволъ меня сюда не затянулъ бы. Сидѣть тутъ, разыгрывать роль любящаго сына изъ-за надежды получить гроши — занятіе довольно пиковое. Но... что дѣлать, иногда и гроши бываютъ необходимы».

Онъ вспомнилъ баронессу фонъ-Флешше и улыбнулся, хотя не переставалъ злиться. Съ тѣхъ поръ какъ у него эта связь, ему приходится тратить уйму денегъ. Конечно, она ему много сдѣлала... но автомобили, цвѣты, все это — «представительство», очень быстро очищаютъ карманы. Бѣдный князь... его немного жаль. Въ сущности, Смоличъ выросъ на его глазахъ. Отецъ не очень заботился о карьерѣ сына. Что дѣлать, приходилось думать о ней самому. Князь подвернулся очень кстати. Если бы не его слабость... но у кого нѣтъ слабости? Безъ этой слабости онъ, пожалуй, не обратилъ бы вниманія на смазливаго лицеиста безъ средствъ и связей... О, Константинъ Никаноровичъ отлично помнитъ этотъ его салонъ въ Гродненскомъ переулкѣ, гдѣ у старика собирались министры, брюзжащіе генералы въ отставкѣ, богомольныя, но богатыя дуры, архіереи и подозрительные журналисты, странники и аферисты всѣхъ марокъ и цвѣтовъ. И среди нихъ нѣсколько юнцовъ — очень тихихъ, скромныхъ, съ женственными ужимками, нѣсколько молодыхъ людей, «дѣлающихъ карьеру». А самъ князь, когда-то и точно руководившій политикой, ворчливо повторяющій старое, но не утратившій расположенія... маленькій, съ нависшими сѣдыми бровями, прочный и твердый, но съ нѣжными, выхоленными руками, которыя непріятно было пожимать — такъ онѣ были мягки и безкостны. «Старый бобъ»,

такъ его за глаза называли лицеисты, онъ совсѣмъ преображался въ ихъ обществѣ. Иногда онъ угощалъ ихъ обѣдами у Контана... они пили шампанское и пѣли псалмы, а втайнѣ отъ него въ сосѣднемъ кабинетѣ волочились за женщинами, разсказывали скабрезные анекдоты... Въ сущности говоря, Смоличъ всегда тяготился этимъ знакомствомъ. Его здравый смыслъ заставлялъ его смотрѣть со стороны на то, въ чемъ онъ участвовалъ, но тотъ же здравый смыслъ сдѣлалъ его камеръ-юнкеромъ... Предвыборную агитацію устроила ему баронесса — это дало ni plus ni moins вице-директора департамента. Тогда онъ могъ забыть четверги у князя.

Невольно Смоличъ засвисталъ — у него была эта глупая привычка. Онъ отвѣчалъ свистомъ на свои мысли.

«Лишь бы Наташа поскорѣе уладила, — думалъ онъ, — и съ водвореніемъ мамаши, и съ устройствомъ денежныхъ дѣлъ... По правдѣ сказать, я не зналъ бы, какъ приступить къ ней... Мамаша, судя по всему, большая эгоистка и съ ней нужно умѣючи».

Онъ вытянулъ ноги и зѣвнулъ.

— Мнѣ душно, я не привыкъ къ такому пеклу. А ты, кажется, доволенъ?

— Да, я люблю солнце!

Константинъ Никаноровичъ пожалъ плечами.

— Все хорошо, когда въ мѣру. Благоустроенный курортъ даетъ тебѣ солнца столько, сколько нужно, — въ любую минуту ты въ безопасности. Судя по всему, тебя ничто не интересуетъ, кромѣ спорта и твоей спеціальности. Я даже не замѣтилъ въ тебѣ общественныхъ и политическихъ интересовъ. Этотъ индефферентизмъ, кстати, я наблюдалъ у большинства современной молодежи.

Витя отвѣчалъ, глядя въ сторону на несущуюся воронью стаю.

— Нѣтъ, почему же — политика — политикой, государственные интересы сами по себѣ. Все это весьма важно, весьма нужно и никогда не перестанетъ интересовать людей. Но каждому свое... Я хочу сказать, — каждый долженъ дѣлать свое дѣло... Я техникъ, инженеръ — ясно и просто. Я знаю, что Россіи нужны дороги и крѣпкіе люди. Я укрѣпляю свое здоровье и люблю свое дѣло. Кажется, понятно!

— Весьма понятно, — посмѣиваясь, повторилъ Смоличъ. — Но все, что ты говоришь, и сухо и до-нельзя узко. — Нельзя замкнуться въ тѣсномъ кругу своихъ интересовъ и не откликаться ни на что другое. Я и говорю о томъ, что всѣ вы теперь спеціалисты, и потому кругозоръ вашъ не широкъ. Наконецъ, не станешь же ты отрицать красоты подвига, во имя свободы, во имя народа . . . Я, грѣшнымъ дѣломъ, не люблю всѣхъ этихъ господъ, но все же я отдаю имъ должное . . . ихъ идеи вздорны, но широкъ размахъ . . .

Витя кивнулъ головой и отвѣтилъ:

— О чемъ ты говоришь? — развѣ только что я не сказалъ тебѣ, что нужно умѣть дѣлать и знать, для чего дѣлаешь . . . За подвигомъ кроется такое же дѣло, какъ и всякое другое, оно даже болѣе отвѣтственное, болѣе тяжелое . . . Но у насъ на Руси вы всѣ, тѣ, что дѣлали жизнь, увлекались больше широтой, неясностью замысла, чѣмъ способами его осуществленія. Всѣ вы, почти всѣ восторгаетесь размахомъ дѣла, не любя, какъ ты только что обмолвился, сути дѣла. Любятъ у насъ искусство, народъ, свободу и тому подобное, потому только, что это слова и слова пустыя, если въ нихъ не вложить цѣлую категорію понятій, и къ тому же, весьма прозаическаго свойства.

Коляску подкинуло на поворотѣ, и кони, раздувъ бока, взяли въ гору по липовой самолюбовской аллеѣ.

— Пріѣхали! — радостно вскрикнулъ Витя, поднялся и, держась одной рукой за козлы, другой сталъ махать надъ головой фуражкой.

— Людмила, Людмила, ур-ра!

X.

Вѣра Владиміровна еще со вчерашняго дня начала волноваться, ожидая пріѣзда сыновей, а сегодня съ утра совсѣмъ затормошилась. Она все перезабыла, все растеряла.

— Боже мой, какая глупая, — повторяла она непрестанно, — гдѣ у меня голова?

И звала Людмилу, чтобъ она помогла ей.

Нѣсколько разъ она бѣгала въ комнаты, предназначенныя сыновьямъ. Останавливалась на порогѣ и растерянно смотрѣла на обои.

— Кажется, все на мѣстѣ.

Костю она давно не видѣла и совсѣмъ не представляла его себѣ. Какъ они встрѣтятся, что скажутъ другъ другу? Ей не вѣрилось, что Костя ея сынъ. Онъ вѣдь не росъ на ея глазахъ. Порой, стыдно сознаться, но она забывала о его существованіи. Гдѣ онъ? Что онъ? Витю она и знала и любила больше. Онъ былъ всегда при ней, изъ мальчика превратился въ юношу съ пушкомъ надъ губою, съ рѣшительными движеніями, съ выработавшимся вкусомъ. Пока онъ былъ мальчикомъ, она внимательно слѣдила за его здоровьемъ, за его занятіями. Она боялась, что онъ можетъ заболѣть, разлѣниться. Къ тому же его здоровье особенно безпокоило ее — она помнила о ранней смерти его отца, который такъ любилъ ее когда-то... Да, это было печальное время — первые годы Витинаго дѣтства... Невольно въ своихъ воспоминаніяхъ Вѣра Владиміровна переходила къ мыслямъ о себѣ, о своихъ горестяхъ... Что сердце ея всегда было занято, всегда болѣло своимъ, билось отъ своихъ печалей. Она отдавала младшему сыну свои руки, свою опытность, въ отношеніяхъ своихъ къ нему удовлетворяла непрестанную жажду дѣятельности, потребность физическаго утомленія. Когда же его не было съ нею, она переносила свои заботы на другое и на другихъ... Если она писала ему письма, то въ нихъ она повторяла только самое себя. О, она никогда не лгала. Этого о ней нельзя было сказать. Она ничего не скрывала отъ своихъ дѣтей — внѣшняя сторона ея жизни была имъ извѣстна. Братъ Яша часто говорилъ ей: «Держу пари, что умри я въ твоемъ домѣ отъ горя, и ты узнаешь объ этомъ послѣдняя»... Онъ всегда смѣется... но, что дѣлать, не будучи ни злой, ни человѣконенавистной, она не умѣла пробудить въ себѣ инстинкта матери — она должна въ этомъ признаться...

А вотъ теперь, ожидая къ себѣ сыновей, не спала всю ночь и волновалась, какъ институтка.

Точно такое же волненіе испытывала она, когда должна была идти въ какое-нибудь присутственное мѣсто по дѣлу.

Услышавъ стукъ колесъ у подъѣзда, Вѣра Владиміровна схватилась за сердце и перекрестилась.

Витя тискалъ ее въ своихъ объятіяхъ и тормошилъ, а она смотрѣла на Костю.

Этотъ блѣдный, красивый, суховатый господинъ съ прищуренными глазами — это ея сынъ?

— Maman, — говорилъ онъ, почтительно прикладываясь къ ея рукѣ, — судя по вашимъ портретамъ, которые у меня есть, вы ничуть не измѣнились. Боже мой, какъ вы молодо выглядите — мнѣ стыдно за свои сѣдины.

Она улыбалась и краснѣла, смущенно проводя рукою по его волосамъ:

— Что за глупости, Костя, гдѣ у тебя сѣдины?

— Онѣ въ моемъ сердцѣ, — отвѣчалъ онъ, шутливо щурясь на мать, — но, право, каждый день я нахожу у себя одинъ сѣдой волосъ . . .

— Государственныя заботы, — подхватилъ Яковъ Владиміровичъ, по случаю пріѣзда племянниковъ оставившій свое кресло и вышедшій имъ навстрѣчу. — Жаловаться на судьбу тебѣ и желать большаго c'est demander le superflu!

— О, я не жалуюсь, — возразилъ Смоличъ, — «мы никогда не жалуемся»!

Онъ произнесъ послѣднія слова по особенному въ носъ видимо, кому-то подражая.

Они прошли всѣ на веранду, увитую виноградомъ, и сѣли за столъ пить чай.

— Горячія булки, масло, сыръ! — кричалъ Витя и тормошилъ Людмилу. — Ты добрѣешь, мать моя, — предупреждаю, къ сорока годамъ ты будешь похожа на просфору. Но нѣтъ, — перебивалъ онъ себя, — слишкомъ много бѣгаешь для этого.

Константинъ Никаноровичъ смотрѣлъ на Людмилу искоса, осторожно намазывая масломъ ломтикъ хлѣба.

Вѣра Владиміровна, забывъ о пріѣзжихъ, суетилась у самовара. Качая головой, она шептала:

— Не помню, долила я воды въ чайникъ, или нѣтъ?

Потомъ, успокаиваясь, съ горящими отъ волненія щеками, оглядывала столъ. Солнечныя пятна играли на стаканахъ, на самоварѣ, на ложкахъ. Воробьи, осмѣлѣвъ, прыгали по доскамъ пола и подбирали крошки. Пахло стоявшими на столѣ въ кувшинѣ розами, свѣжимъ хлѣбомъ и чуть-чуть

угаромъ изъ самовара. На незанятомъ концѣ вздувался отъ налетавшаго время отъ времени вѣтра край скатерти, и Вѣра Владиміровна, забываясь, каждый разъ тянулась рукой, чтобы ее поправить.

«Ну вотъ теперь оба сына со мною, — думала она, — а скоро пріѣдетъ дочь. Что же мнѣ еще нужно? Неужели мнѣ этого мало», — и краснѣла, заранѣе зная свой отвѣтъ.

— Я совсѣмъ не представлялъ васъ такою, — говорилъ Константинъ Никаноровичъ, обращаясь къ Людмилѣ. — Нѣтъ, нѣтъ, вы казались мнѣ очень худой почему-то и очень высокой... И потомъ веснушки... мнѣ почему-то всегда думалось, что у деревенскихъ барышень обязательно должны быть веснушки...

— Другъ мой, — возразилъ Тулубьевъ, — запомни это разъ навсегда — у Людмилы золотое сердце, и нѣтъ золота на лицѣ.

— И потомъ, называй ее на ты, — перебилъ Витя. — Не правда ли, Людмила?

— Если позволите?..

Облизываясь и визжа, прибѣжалъ, вспугнувъ воробьевъ, Вертунъ — лягашъ Бунакова. За зиму его раскормили, и бѣлая короткая шерсть его съ рыжими подпалинами лоснилась подъ солнцемъ. Онъ билъ твердымъ, упругимъ хвостомъ по ногамъ Смолича, положивъ морду на Витины колѣни. «Еще напуститъ блохъ», — брезгливо подумалъ Константинъ Никаноровичъ и попросилъ разрѣшенія встать.

— Ты, можетъ быть, покажешь мнѣ садъ, — спросилъ онъ Людмилу, когда она, всполоснувъ чашки, сошла по ступенькамъ къ цвѣтникамъ. «Если бы не широкая кость и слишкомъ темный загаръ, она была бы прехорошенькая», — добавилъ Смоличъ про себя.

Они пошли вдоль розъ, мимо сиреневой бесѣдки, по липовой аллеѣ къ Ящуру. Константинъ Никаноровичъ старался попасть въ ногу съ Людмилой. «У нея широкій, но эластичный шагъ, — думалъ онъ, — и, должно быть, стройныя, прямыя ноги... этимъ не могутъ похвастаться наши петербургскія дамы... вотъ только руки»...

Дѣвушка замѣтила его взглядъ и, улыбаясь, подняла руки въ уровень своего лица:

— Черныя, —сказала она звонко, — отъ работы . . . все время въ землѣ и подъ солнцемъ . . .

Онъ поспѣшилъ высказаться, думая, что она обидѣлась.

— Онѣ, должно быть, сильныя.

— Должно быть... рабочія руки у меня, да вѣдь я и вся простая . . . ты знаешь . . .

Смоличъ опустилъ глаза: что значитъ эта откровенность? Самоуниженіе или вызовъ? Она не кажется наивной.

Улыбаясь сладко, Константинъ Никаноровичъ, взялъ ея руки и, притянувъ къ себѣ, поцѣловалъ одну за другою:

— Какія бы онѣ не были, — сказалъ онъ, — но онѣ принадлежатъ очаровательной дѣвушкѣ...

Людмила глянула удивленно на названнаго брата, но рукъ не вырвала, не смутилась и не отвела глазъ: она разглядывала со вниманіемъ этого, совсѣмъ незнакомаго ей, человѣка. «Однако въ ней много самоувѣренности, — подумалъ Смоличъ, — но все же слѣдуетъ быть любезнымъ, — она тутъ, кажется, полная хозяйка», — и произнесъ громко:

— Эти руки способны не только копать землю... онѣ огрубѣли, но могли бы быть нѣжными... Кстати... неужели ты думаешь долго оставаться здѣсь, или поступишь на курсы?

Людмила отвѣтила, помедливъ, все еще не отнимая своихъ рукъ:

— Нѣтъ, я люблю сельское хозяйство... я люблю деревню, хорошо узнала крестьянъ... жаль только, что нѣтъ у насъ агрономическихъ женскихъ курсовъ... Но я занимаюсь сама, достаю книги... Мои знанія пригодятся... Да что тамъ, дѣла всюду много, а съ дѣломъ не соскучишься...

Посмѣиваясь и глядя исподлобья, съежившись и точно вышаривая глазами дѣвушку, Константинъ Никаноровичъ спросилъ многозначительно:

— А замужъ ты собираешься?

На мгновеніе дѣвушка смутилась — вопросъ былъ слишкомъ неожиданнымъ и неумѣстнымъ. Но сейчасъ же, поднявъ лицо, ярко пылавшее, открыто и ясно смотря въ глаза названному брату, Людмила отвѣтила рѣшительно:

— Конечно, если я полюблю кого-нибудь... и меня полюбятъ.

Сразу не найдя, что отвѣтить, Константинъ Никаноровичъ, наконецъ, кисло промямлилъ:

— Но развѣ у насъ теперь любятъ?

XI.

Въ скверѣ по обыкновенію играла музыка и при входѣ у деревянной калитки, на которой наклеены были афиши о любительскихъ спектакляхъ, сидѣлъ старый человѣкъ, — «свидѣтель» нотаріуса Брындина, дворянинъ Падалка и продавалъ билеты.

Лицо у него было унылое, желтое, съ сизымъ носомъ и подтекомъ подъ глазомъ. Сидѣлъ онъ тутъ совершенно напрасно, такъ какъ большинство почтенной публики были членами клуба или ихъ ближайшими родственниками, а молодежь не платила за входъ «принципіально».

Оркестръ игралъ польку «съ соловьемъ». Ее бисировали не разъ, но братья Ерандаковы настойчиво требовали повторенія, каждый разъ посылая музыкантамъ въ благодарность скатанный мякишъ хлѣба съ заклеенной въ немъ рублевой бумажкой. Дирижеръ, онъ же первая скрипка, снималъ картузъ и низко кланялся.

Фепта и Фрошу приказано было не пускать въ скверъ за скандалы, но они избили стражниковъ, карауливших у входа, и дворянина Падалку, послѣ чего, давъ имъ на чай, преспокойно заняли столикъ на верандѣ.

Сидя передъ батареей бутылокъ, пили они въ перегонки за здоровье дамъ, ѣли раковъ и бросали скорлупу въ гулявшихъ барышень. Барышни взвизгивали, громко возмущались, но снова проходили мимо.

Негодующе фыркая и размахивая палочкой, бѣгалъ нотаріусъ Брындинъ въ бѣлыхъ фланелевыхъ брюкахъ и черномъ пиджакѣ. Глаза его успѣвали томно улыбаться влюбленнымъ гимназисткамъ. Онъ былъ начисто выбритъ, напудренъ, надушенъ и, точно, весьма недуренъ. Опуская плечи, таинственно пригибаясь къ собесѣдницѣ, — начальницѣ женской гимназіи Поликсенѣ Егоровнѣ, говорилъ онъ театральнымъ шопотомъ:

— Но это же безобразіе, это недопустимо! Я долженъ буду прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, — и тотчасъ же, еще понижая голосъ и выразительно улыбаясь, продолжалъ вкрадчиво, — но вы не разрѣшаете мнѣ, Поликсена Егоровна... ахъ, женщины и долгъ всегда на разныхъ полюсахъ! Мужчина, склоняясь къ женщинѣ, какъ магнитая стрѣлка, уклоняется отъ долга. Простите мнѣ этотъ пошлый каламбуръ, но у меня голова идетъ кругомъ. Если бы вы знали, какъ тяжело быть нотаріусомъ, клубнымъ старшиной, художникомъ и мужемъ. Какъ нотаріусъ, я долженъ быть любезенъ съ Ерандаковыми, какъ клубный старшина — обязанъ гнать ихъ вонъ... какъ художникъ, я не могу не восхищаться прелестными женщинами, какъ мужъ — я долженъ бѣжать отъ нихъ...

Сойдя съ коляски и прислушиваясь къ шуму, доносящемуся съ главной аллеи, Людмила остановилась въ нерѣшительности.

— Нѣтъ, я не пойду туда, — сказала она, — тамъ должно быть опять скандалъ, ступайте вы одни, а я пройдусь по боковой дорожкѣ...

— Но можетъ быть, мнѣ побыть съ тобой? Тебѣ неудобно одной? — возразилъ Константинъ Никаноровичъ.

Лицо его улыбалось; онъ похлопывалъ себя тростью и чуть раскачивался. Потомъ нагнулся и слегка дотронулся до плеча названной сестры. Его пальцы соскользнули ей на грудь.

— Ты очень интересна сегодня...

Дѣвушка удивленно на него взглянула.

— Что за глупости, — сказала она звонко, — чего тебѣ со мною въ темнотѣ сидѣть? Иди скорѣе... Витя ждетъ.

И, отвернувшись, не спѣша, пошла въ сторону. Здѣсь фонарей не было, дорога не чистилась, рѣдко попадались одинокія скамейки.

Музыка доносилась, заглушенная зеленой чащей. Сюда приходили помолчать влюбленныя пары.

Людмила шла, опустивъ голову. Ее не покидало смутное безпокойство: нужно было все рѣшить и додумать до конца. Она невольно передернула плечами, когда ее окликнули:

— Людмилушка, милая!

Къ ней кинулась ея подруга, Липочка, дочь начальницы.

— Какъ ты сюда попала? Почему одна? Отчего раньше не пріѣзжала? Забыла насъ? — закидала Липочка ее вопросами. — А со мною Ильюша Шишикторовъ. Ильюша, Людмилушка пріѣхала! Онъ все время о тебѣ говоритъ — надоѣлъ до ужаса. Меня почему-то въ повѣренныя избралъ.

Изъ густой тѣни со скамейки поднялся тощій, высокій молодой человѣкъ. Онъ нерѣшительно подошелъ къ дѣвушкѣ и поклонился, тряхнувъ длинными кудрями.

— Ахъ, здравствуйте, Ильюша, — какъ-то по-особенному мягко и внимательно молвила Людмила, пожимая холодные длинные и худые пальцы Шишикторова. — Вы давно изъ Петербурга?

— Онъ получилъ рояль, — перебила ее Липочка, — первую награду за игру! Его портреты я видѣла въ иллюстрированныхъ журналахъ, о немъ много говорили эту зиму!

— Ахъ, Липочка, полно вамъ болтать глупости! — сорваннымъ голосомъ остановилъ ее Шишикторовъ, — право все это глупости...

Онъ замолкъ, не зная, что сказать дальше.

— Мы сядемъ, — предложила Людмила.

Всѣ трое сѣли на скамью. Съ главной аллеи все еще неслись крики, а здѣсь казалось особенно тихо. Кусты и деревья напротивъ освѣщены были луною, и ея легкій, тусклый свѣтъ колебался на черныхъ листьяхъ. Вѣялъ чуть ощутимый, влажный, съ рѣки вѣтеръ.

— Ну вотъ, ты и опять съ нами, — заговорила Липочка, наклоняясь къ подругѣ и заглядывая ей въ глаза. — Помнишь, какъ прошлой весной мы бѣгали сюда съ экзаменовъ. Мы сидѣли съ книжками, читали и ничегошеньки не понимали. Ахъ, я тогда была сумасшедшая. Я и плакала, и смѣялась, и любила, и ненавидѣла въ одно время. Мы всѣ были влюблены... Манефа и до сихъ поръ неравнодушна къ Постовоздвиженскому... Боже, какая у него длинная фамилія... А Ильюша былъ влюбленъ въ тебя... вѣдь правда, Ильюша?..

Шишикторовъ неловко шевельнулся. Людмила взяла Липочку за руку.

— Ты попрежнему болтаешь, — сказала она, — разскажи лучше, что дѣлала на курсахъ...

Лунный лучъ блеснулъ въ круглыхъ влажныхъ глазахъ Липочки. Она поспѣшнымъ движенiемъ поправила волосы подъ шарфомъ и стала разсказывать. Людмила смотрѣла на лунныя пятна. Наконецъ, Липочка вскочила и позвала идти на главную аллею. Людмила собралась вставать. Но Шишикторовъ остановилъ ее попрежнему сорваннымъ и слабымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Людмила Александровна, не уходите. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами.

Липочка расхохоталась и опять стала быстро-быстро поправлять прическу.

— Съ какихъ это поръ, Ильюша, вы стали называть Людмилушку по имени — отчеству?

Но Людмила сказала серьезно:

— Конечно, Ильюша, вы должны называть меня попрежнему, — развѣ мы съ вами не друзья дѣтства? Помните, какъ вы меня учили играть и какъ изъ этого ничего не вышло. Вы тогда злились и кричали на меня и называли тупицей. А я удирала отъ васъ и изъ сада дразнила и бѣгала, какъ шалая.

Шишикторовъ молчалъ, барабаня пальцами по скамейкѣ. Сначала онъ дѣлалъ это, чтобы развить подвижность и гибкость пальцевъ, теперь это вошло у него въ привычку. Его тонкiе, длинные пальцы, согнутые острыми костяшками, выстукивали, не переставая, свою нервную дробь.

— А помните?

Людмила говорила особенно мягко и проникновенно. Она чувствовала, что Ильюша улыбается въ это время жалкой, кривой улыбкой, и сама улыбалась печально.

Липочка повертѣлась на мѣстѣ, сдѣлала два круга подъ темпъ донесшагося вальса и, крикнувъ:

— Ну вы сидите тутъ, а я побѣгу, — скрылась на поворотѣ дорожки.

— А помните? — повторила Людмила и смущенно остановилась.

Шишикторовъ помолчалъ, выстукивая свою дробь. Хотѣлъ что-то сказать, но голосъ измѣнилъ ему: онъ закашлялся и молвилъ чуть слышно:

— Да, я все помню...

— Еще бы, какъ же не помнить! Это было такое хорошее время! Но вѣдь мы же не старики. У насъ еще такъ много впереди!

— Вы думаете?

— Конечно! Вотъ вы получили награду — передъ вами теперь самостоятельная дорога, вы піанистъ, музыкантъ. Сколько людей, сколько странъ вы увидите... сколько радостей ожидаютъ васъ. Помните, какъ вы строили планы: вы говорили о блестящихъ турнэ, тріумфахъ, вы мечтали о большихъ, освѣщенныхъ залахъ, о тысячѣ слушателей... и музыка, музыка... вы всегда говорили о музыкѣ... теперь вы съ большей увѣренностью можете говорить обо всемъ этомъ.

Шишикторовъ отвѣчалъ взволнованно; голосъ поднялся высоко и звонко, какъ скрипичная струна:

— Вы, Людмила, вспоминаете все это, но забываете одно... самое важное... то, что не я былъ героемъ во всѣхъ этихъ тріумфахъ...

Людмила опустила голову. Она ясно увидала передъ собою, тонкое, прозрачное лицо Ильюши, тонкія его изогнутыя брови, тонкій, чуть длинный носъ, тонкія губы, и цѣлый снопъ горячихъ, какъ спѣлая рожь, волосъ. Онъ стоитъ въ церкви съ тоненькой свѣчей въ рукѣ, и вокругъ свѣчи золотой вѣнчикъ. Она, гимназистка, въ черномъ передникѣ, со своими подругами. Читаютъ двѣнадцать евангелій. И Ильюша, не отрываясь, смотритъ на нее.

Людмила тряхнула головой. Тихо взяла руку Шишикторова.

— Не надо, Ильюша... вы не правы... въ своихъ мечтахъ только мы настоящіе герои. А у васъ къ тому же есть музыка — вотъ кому слѣдуетъ создать тріумфъ...

XII.

У Леонтія Алексѣевича выгорѣлъ цѣлый участокъ лѣса въ сорокъ десятинъ. Пожаръ пронесся такимъ ураганомъ, что ничто его не могло остановить. Раздуваемое вѣтромъ пламя поднялось вверхъ и мчалось клокочущей, шипящей, вѣющей золотой лавой по вершинамъ деревьевъ. Пышныя макушки

сосенъ, мохнатыя, темно-зеленыя вѣтви елей въ одно мгновеніе охватывались голодными огненными объятіями и превращались въ жалкій обугленный хворостъ, въ тысячи-тысячъ жалящихъ искръ, въ прахъ и пепелъ. Дыханіе огненнаго вихря такъ знойно, что за версту отъ пожарища становилось трудно дышать. Прибѣжавшіе рабочіе и крестьяне съ лопатами и съ кирками безпомощно смотрѣли на этотъ огненный праздникъ. Копать канавы было безполезно. Всѣ только молили Бога, чтобы вѣтеръ не измѣнилъ своего направленія и пламя изсякло бы само собою, пожравъ послѣднее дерево на границѣ съ лугами.

Крутовской особенно остро чувствовалъ свою безпомощность. Стоять и смотрѣть, какъ горитъ твой лѣсъ, ощущать почти до физической боли, какъ сотни и сотни деревьевъ вздрагиваютъ отъ корня до макушки и потомъ вспыхиваютъ, какъ гигантскія свѣчи, и умираютъ, обезображенныя, — и не имѣть силъ и возможности помочь имъ. Онъ не думалъ въ эти минуты объ убыткахъ, но его сердце, сердце ревниваго хозяина, для котораго каждый камень на его землѣ жилъ особой близкой ему жизнью, не могло не болѣть, когда разнузданное пламя хозяйничало по-своему среди этой живой мощной рати деревьевъ, истребляя, уничтожая ее раньше, чѣмъ долженъ былъ придти ихъ срокъ, срокъ, положенный разумной человѣческой волей. Этотъ участокъ долженъ былъ расти еще десять лѣтъ. За нимъ слѣдили, его подчищали, онъ вольно росъ и шумѣлъ еще такъ недавно.

Кусая губы, Крутовской слѣдилъ съ лугового холма за бѣгомъ другого пламени, за волнами желтаго дыма, затемняющими солнце, оскорбляющими величавую, невозмутимую синь неба. Горючій и ѣдкій дымъ щипалъ ему глаза, забирался въ легкія. Какая-то старая баба принесла икону и, стоя на колѣняхъ и шамкая беззубымъ ртомъ, крестила передъ собою прогоркшій воздухъ. Она боялась, что пламя перекинется въ ея деревню. Леонтія Алексѣевича охватило непонятное для него волненіе. Онъ невольно перекрестился вслѣдъ за старухой и, чувствуя, что его все сильнѣе опутываетъ эта тревожная паутина, и не будучи въ силахъ снять ее, онъ махнулъ рукою и пошелъ прочь, къ себѣ въ усадьбу.

Дорога его немного успокоила, но все же весь день онъ чувствовалъ въ себѣ зудящую неловкость.

На другое утро ему нужно было заставить себя поѣхать на мѣсто пожарища. Онъ ѣхалъ туда, какъ на могилу близкаго друга, пожалуй, его чувства были болѣе сложны и болѣзненны.

Огромное пространство, еще вчера живое, полное птичьимъ гомономъ, трепетными тѣнями, зеленымъ шумомъ и запахами смолъ, — теперь встрѣтило его необычнымъ молчаніемъ, покрытое, какъ трауромъ, черной золой.

Кое-гдѣ еще у стволовъ вился синій дымокъ, тонкій и предательскій, готовый ежеминутно превратиться въ пламя и наполнить искалѣченный лѣсъ новымъ трескомъ и гуломъ.

Тамъ и здѣсь бродили рабочіе, черные отъ копоти, съ усталыми, угрюмыми лицами. Они засыпали землей тлѣющія головни и копали канавы, такъ какъ предательскій огонь за ночь перебрался къ корнямъ и, невидимый подъ мхомъ, продолжалъ свое злое дѣло. Ноги лошади опускались въ горящую золу, какъ въ пыльный коверъ, и оттуда подымались ѣдкіе клубы дыма.

Крутовской объѣхалъ на бѣгункахъ весь участокъ съ тупымъ, безнадежнымъ чувствомъ. Его лицо стало такъ же сѣро и угрюмо, какъ и лица его рабочихъ. Случайно онъ увидалъ нѣсколько дикихъ гвоздикъ. Его поразили ихъ бѣлыя головки, качающіяся на тонкихъ стебляхъ, похожія на мальтійскіе крестики, какъ могли онѣ — такія безпомощныя и зыбкія — уцѣлѣть на этомъ пожарищѣ, въ этомъ аду. Онъ слѣзъ съ бѣгунковъ и сорвалъ ихъ. Ихъ острый, одуряющій запахъ на мгновеніе перебилъ запахъ гари, напомнилъ о солнцѣ, о лѣтѣ, среди обугленныхъ, изуродованныхъ труповъ, простершихъ къ небу свои черныя, уродливыя руки; не вѣрилось, что есть поблизости живая жизнь.

Леонтій Алексѣевичъ распорядился нанять порубщиковъ. И когда застучали топоры, раздались человѣческіе голоса, потребовался снова хозяйскій глазъ, появились расчеты и соображенія, и стало ясно только что налаженное новое дѣло, и Крутовской снова почувствовалъ силу своей хозяйской воли, замѣнившую безпомощность, онъ ожилъ и темное предчувствіе, тяготившее его эти дни, смѣнилось покойной увѣренно-

стью, что все пойдетъ такъ, какъ онъ захочетъ. Только лѣсная гвоздика, которую Леонтій Алексѣевичъ находилъ теперь въ изобиліи на мѣстѣ пожарища, и которую онъ неизмѣнно привозилъ съ собою въ петлицѣ домой, напоминала ему о жуткихъ минутахъ, пережитыхъ имъ на пожарищѣ, о его безпомощности, и онъ смѣялся, думая о томъ, что эти крошечные цвѣты оказались сильнѣе его...

XIII.

Людмила эти дни занята была на огородѣ, подъ ея наблюденіемъ дѣвки собирали клубнику. Она съ утра сидѣла надъ грядками, повязавъ бѣлымъ платкомъ голову отъ палящаго солнца, и рвала красныя ягоды, окрашивающія ея крѣпкіе пальцы алой кровью. Прямыя длинныя грядки сплошь покрыты были этими нѣжными, сочными, мясистыми ягодами, чуть прикрытыми рѣзными широкими листьями.

Крестьянки въ своихъ цвѣтныхъ юбкахъ, яркихъ платкахъ казались диковинными растеніями, кинутыми то тамъ, то здѣсь въ буйной зелени огорода. Въ этомъ году овощи изъ-за вѣтровъ и засухи шли плохо, но взамѣнъ ихъ земля опуталась цвѣтами и травами, въ бѣшенномъ хаосѣ сплетенными другъ съ другомъ. Въ накаленномъ, дрожащемъ воздухѣ купались рати бабочекъ. Въ золотыхъ потокахъ свѣта надъ посѣвами, надъ живыми изгородями орѣшника, надъ зелеными шапками яблонь, въ неподвижной, точно расплавленной лазури неба, повсюду, опьянѣвшіе отъ свѣта и простора, жаворонки пѣли во весь голосъ.

Тамъ же встрѣтилъ ее и Крутовской, возвращаясь изъ лѣсу. Она окликнула его, и онъ, привязавъ лошадь къ дереву, вскарабкался къ ней по склону холма, перепрыгивая черезъ грядки. Запыхавшійся, но довольный и бодрый, облитый съ головы до ногъ слѣпящимъ солнечнымъ свѣтомъ, онъ протянулъ Людмилѣ руку и весело крикнулъ:

— Ну, и изжарился я за эти дни! Думаю, меня не отличишь въ лѣсу отъ обгорѣлаго пня.

И, проглатывая съ жадностью алыя ягоды, которыя ему протягивала дѣвушка, онъ разсказалъ ей о своемъ горѣ, уже не казавшемся столь горькимъ.

Она слушала его внимательно, съ живымъ участіемъ, изрѣдка прикрывая ладонью глаза отъ солнца, чтобы лучше его видѣть. Потомъ, вытеревъ сорванными клубничными листами слипающіеся отъ ягоднаго сока пальцы, Крутовской протянулъ Людмилѣ пучекъ повядшихъ гвоздикъ, только сейчасъ имъ замѣченныхъ у себя въ петлицѣ, и сказалъ съ внезапной нѣжной печалью:

— Я почему-то полюбилъ этотъ простенькій цвѣтокъ и его запахъ, такой острый, что онъ заглушаетъ даже запахъ гари. Къ тому же онъ одинъ остался жить, этотъ цвѣтокъ, когда все остальное умерло, и первый заселилъ опустошенныя пожарищемъ мѣста. Конечно, все это глупости, но, право, онъ тронулъ меня, когда я увидалъ его впервые...

Замолкнувъ, Крутовской засмѣялся, и вмѣстѣ съ нимъ засмѣялась Людмила. Они нѣсколько мгновеній смотрѣли другъ на друга и смѣялись, въ то время какъ солнце не уставало поливать ихъ ливнемъ своихъ побѣлѣвшихъ отъ зноя лучей.

— Вы совсѣмъ какъ невѣста, — неожиданно для себя промолвилъ Леонтій Алексѣевичъ: — такая бѣлая, — и сейчасъ же, замѣтя, какъ дрогнули и опустились темныя Людмилины рѣсницы, онъ сказалъ серьезно: — Я, собственно, хотѣлъ попросить васъ, Людмила Александровна, найти сегодня вечеромъ свободную минуту, чтобы поговорить со мною. Я тогда не смѣлъ, знаете... о томъ...

Послѣднія слова онъ произнесъ съ усиліемъ.

Не поднимая на него глазъ, занятая разглядываніемъ гвоздики, повисшей у нея въ рукѣ, дѣвушка отвѣтила:

— Хорошо, Леонтій Алексѣевичъ, я буду ждать васъ... на прежнемъ мѣстѣ, въ лодкѣ... какъ всегда.

XIV.

Рыхлая и высокая, съ пожелтѣвшими щеками, съ сѣдѣющими короткими волосами, схваченными двумя гребнями, Марья Васильевна смотрѣла на Крутовского сквозь круглые очки свои въ стальной оправѣ ослабѣвшими, но еще не утратившими молодой рѣшительности глазами. Леонтій Алексѣевичъ любилъ тетку отъ всего сердца, сыновне привязался къ

ней. Она переѣхала въ «Рай» значительно позже смерти своего брата, сейчасъ же по возвращеніи племянника изъ Парижа, уступая настоятельной его просьбѣ. До этого она учительствовала болѣе тридцати пяти лѣтъ по деревенскимъ захолустьямъ, вся уйдя въ заботы о ребятишкахъ, которыхъ любила материнской любовью.

Еще молодою дѣвушкою, окончивъ курсы, она пошла «въ народъ» и съ тѣхъ поръ не оставляла его до поры, пока не почувствовала, что силы ея изсякли. Очень простая, очень прямая сызмальства, она за долгую свою жизнь среди крестьянъ переняла ихъ повадки, ихъ медленный, добродушный говоръ, ихъ словечки. Она все еще лукаво улыбалась, говоря съ кѣмъ-нибудь, недовѣрчиво поглядывала въ бокъ. Когда-то волновавшія ее идеи впослѣдствіи стали частью ея самой, вылились въ цѣлый рядъ маленькихъ, нехитрыхъ, но безконечно утомительныхъ заботъ объ ученикахъ, о книгахъ, объ огородахъ, о мужичьемъ житьѣ, и она дѣлала свое дѣло, безъ мысли о томъ, отвѣчаетъ ли оно времени, просто потому, что того требовала необходимость; жила такъ, какъ жили вокругъ ея сотни другихъ крестьянскихъ женщинъ. Въ ней не осталось ни капли отъ прежняго идеализма, прежней восторженности, слишкомъ ея работа стала для нея будничной, но вмѣстѣ съ тѣмъ ее никогда не покидала почти юношеская бодрость и жизненная цѣпкость.

Теперь, сидя въ «Раю» безъ привычнаго дѣла, безъ былыхъ силъ, съ затуманеннымъ зрѣніемъ, она не переставала плести свою сѣть маленькихъ заботъ, такъ скрашивающихъ одиночество Крутовского въ этомъ старомъ, запущенномъ домѣ.

Съ нею одной Крутовской переписывался, когда жилъ въ Парижѣ, въ своемъ невольномъ изгнаніи. Она поддерживала, оживляла въ немъ ослабѣвающій духъ своими грубоватыми, но полными теплоты письмами; потомъ, въ «Раю», она научила его смириться и ближе подойти къ нехитрой рабочей жизни. На ея глазахъ онъ снова ожилъ, ободрился, окрѣпъ въ трудахъ неприхотливаго сельскаго хозяина.

— Какъ тутъ быть, какъ тутъ жить, какъ тутъ смѣлости нажить, — приговаривала Марья Васильевна, лукаво поглядывая на Крутовского, сосредоточенно жевавшаго телятину,

и качала головой, точно пьяненькая. Потомъ отвѣчала себѣ самой: — Чтобъ ты вовсе не пропалъ, шести гривенъ мнѣ не жаль...

— О чемъ это вы, тетя?

— Да такъ, на тебя глядючи, радуюсь! Загорѣлъ, какъ яблочко, а на сердцѣ червь... Ты же хозяинъ, знаешь самъ, чтобы червей не было, нужно еще съ самаго цвѣта гусеницъ снимать. Снялъ, раздавилъ и прочь пошелъ, а по осени цѣльное яблочко скушаешь. Съ купцами-то о лѣсѣ не говорилъ еще? Ты бы въ городъ на пристань, къ Ерандакову съѣздилъ.

— Успѣю, тетя...

— То-то, успѣваешь... мужской волосъ не долгъ, а жизнь еще короче. Что сдѣлалъ раньше, то и слава Богу. Это я къ тому, что дѣло за дѣло цѣпляться должно, тогда все гладко пойдетъ. Вотъ ты самъ говоришь,—на пожарищѣ гвоздика росла — не ждала. Такъ и ты, — пламень налетитъ, а ты за работой, и точно вѣтромъ свѣяло мимо. Наша судьба мужичья, земляная — что помѣщикъ, что крестьянинъ, — все за погодой смотрѣть нужно... чуть зазѣвался — дождикъ и смочилъ, градомъ побило.

Старушка говорила еще долго и все такъ же иносказательно, и Крутовской догадывался, что она знаетъ о томъ тягостномъ, что нѣтъ-нѣтъ и напоминало о себѣ и о чемъ онъ сегодня же хотѣлъ говорить съ Людмилой.

Леонтій Алексѣевичъ хорошо даже не представлялъ себѣ, какъ онъ заговоритъ объ этомъ и почему ему это нужно, но онъ все съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ часъ назначеннаго свиданія. Онъ зналъ Людмилу еще дѣвочкой, когда она пріѣзжала съ отцомъ и пріемной матерью въ «Самолюбово» гостить на лѣто, потомъ онъ встрѣчался съ нею, когда она осталась въ Тильскѣ и училась въ гимназіи.

Онъ привыкъ быть съ нею откровеннымъ.

Правда, все, о чемъ онъ разсказывалъ, казалось ему слишкомъ далекимъ и не волновало его. Только иногда это прошлое точно оживало, когда въ «Рай» приходили письма въ надушенныхъ конвертахъ — немного насмѣшливыя, чуть печальныя, отчасти дружескія, цѣль которыхъ никогда не была ясна Крутовскому. Писавшая ихъ точно хотѣла время отъ времени наносить ему незамѣтные, но неизмѣнные уколы,

довольная безнаказанностью этой забавы. Она то вспоминала счастливое прошлое, то говорила о своихъ успѣхахъ или о своей тоскѣ, то въ чемъ-то каялась, каждый разъ точно оказывая милость, обѣщала не тревожить его и не пріѣзжать къ матери, каждый разъ говорила, что не писать она ему не можетъ, что только предъ нимъ можетъ исповѣдаться, и просила его не лишать ее этой единственной для нея отрады.

Крутовской не отвѣчалъ ей, но и не имѣлъ силъ не читать ея писемъ. Послѣ того разстраивался надолго. Если бы не Марья Васильевна, онъ приходилъ бы въ уныніе еще чаще. Но старушка хорошо распознавала почеркъ Натальи Никаноровны Смоличъ и всегда радовалась, когда почта попадала въ ея руки.

XV.

Когда внезапно пошелъ дождь, Крутовской почувствовалъ приступъ раздраженія. Онъ смотрѣлъ изъ окна своей столовой на струи воды, съ веселымъ гуломъ ударяющіяся о землю, о крышу, о листву деревьевъ, и проклиналъ этотъ дождь, какъ если бы онъ шелъ нарочно, чтобы помѣшать ему свидѣться съ Людмилой... Сизая туча остановилась надъ «Раемъ» и никакъ не могла пролиться до конца. Она оставалась все такой же тяжелой, тучной, полной влаги, царственно щедрой.

Былъ уже восьмой часъ вечера, когда дождь, наконецъ, затихъ и Крутовской поспѣшно вышелъ изъ дому. Шлепая по грязи, скользя по мокрой травѣ, онъ спустился на берегъ Ящура съ слабой надеждой увидать тамъ Людмилу; онъ шелъ туда скорѣй изъ излишней добросовѣстности, такъ какъ почти былъ увѣренъ, что дѣвушка не придетъ.

И точно, на спускѣ къ рѣчкѣ онъ увидалъ самолюбовскую бѣлую лодку, одиноко причаленную къ пристанькѣ противоположнаго берега.

Сойдя на мостикъ, потемнѣвшій отъ воды, онъ въ нерѣшительности оглянулся по сторонамъ, все еще не рѣшаясь вернуться домой. Надъ Ящуромъ поднимался легкій бѣловатый паръ и, низко клубясь, тихо плылъ вмѣстѣ съ теченіемъ. Склонившіяся къ водѣ по обѣимъ сторонамъ заросли

лозы и тростника казались особенно густыми и очертанія ихъ встрепанныхъ вѣтвей и косматыхъ султановъ сглаживались и округлялись въ густомъ, насыщенномъ сыростью воздухѣ.

Поднимаясь взглядомъ вверхъ по самолюбовскому берегу, Крутовской остановился случайно на самомъ высокомъ обрывистомъ мѣстѣ, гдѣ Ящуръ круто загибалъ въ сторону Тулубьевской усадьбы, и гдѣ среди сиреневыхъ кустовъ возвышалась деревянная, стрѣльчатая бесѣдка. И онъ вспомнилъ, что прошлой осенью, когда на рѣкѣ становилось сыро, онъ встрѣчался съ Людмилой частенько въ этой бесѣдкѣ. Ему даже тотчасъ же показалось, что онъ смутно видитъ сквозь зелень плюща и хмеля очертанія знакомой фигуры.

Тогда, перейдя мостъ, Леонтій Алексѣевичъ по липовой аллеѣ, зацвѣтающей и дышащей густымъ медвянымъ запахомъ, поднялся до шляха, огибавшаго съ Ящуромъ самолюбовскіе огороды. Шляхъ шелъ вдоль берега, мимо бесѣдки.

Крутовской подвигался медленно, обходя лужи и раздумывая. Ему стало не по себѣ, ему впервые пришло на мысль, что, быть можетъ, его изліянія могутъ показаться навязчивыми. Говорить о своихъ опасеніяхъ по поводу пріѣзда Натальи Никаноровны не значитъ ли это показать себя трусомъ и слабохарактернымъ. Неужели онъ самъ не сумѣетъ справиться съ глупой своей мнительностью.

И, сворачивая на тропку, ведущую къ бесѣдкѣ, Крутовской твердо рѣшилъ передать лишь содержаніе письма, полученнаго отъ Натальи, и сейчасъ же свести разговоръ на стороннія предметы.

Онъ поднялъ голову и увидалъ передъ собой въ глубинѣ Людмилу.

Она сидѣла къ нему вполоборота въ бѣломъ своемъ платьѣ, съ накинутымъ на голову неизмѣннымъ краснымъ въ розаны платкомъ. Одной обнаженной до локтя полной рукой она придерживала платокъ у подбородка, другою опиралась на доску скамейки. Лицо ея казалось блѣднѣе обыкновеннаго, должно быть, при сравненіи съ яркимъ, пестрымъ платкомъ, обрамлявшимъ его, но отъ того черты лица ея стали рѣзче и характернѣе.

Густыя черныя брови ея были сдвинуты къ тонкой переносицѣ, строгія губы плотно сомкнуты, а глаза внимательно смотрѣли на что-то передъ собою и точно къ чему-то прислушивались.

Крутовской пріостановился и, скрытый листьями сирени, невольно залюбовался ею. Но черезъ мгновеніе сдѣлалъ еще шагъ впередъ и, ступивъ на порогъ бесѣдки, промолвилъ:

— Ну, вотъ, какъ я радъ, что нашелъ васъ здѣсь. Мнѣ думалось, что намъ такъ и не придется встрѣтиться сегодня.

Людмила передернула плечами и, испуганно взглянувъ на него, поспѣшила подняться со скамьи.

Леонтій Алексѣевичъ, изумленный ея смущеніемъ и молчаніемъ, невольно оглянулся и такъ и остался стоять на мѣстѣ, чувствуя, какъ отъ неожиданности вся кровь бросилась ему въ лицо и сейчасъ же ушла въ ноги, а щеки похолодѣли.

Выступая изъ дальняго угла бесѣдки, медленно подходила къ нему молодая женщина въ сѣромъ платьѣ, съ зеленымъ шарфомъ на темныхъ волосахъ.

Она улыбалась не то смущенно, не то насмѣшливо.

— Узнаете, Леонтій Алексѣевичъ?

Ея голосъ, высокое контральто, похожее на журавлиный клекотъ, несущійся съ осенняго неба, заставилъ Крутовского очнуться.

Онъ порывисто и преувеличенно метнулся въ ея сторону и пожалъ холодные и сухіе ея пальцы.

— Конечно, узналъ, Наталья Никаноровна, — проговорилъ онъ. — Когда же вы сюда пріѣхали?

Она широко смотрѣла на него, точно желая показать, что понимаетъ и прощаетъ ему его смущеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ будто бы полна ожившими воспоминаніями; точно хочетъ скорѣй узнать, таковъ ли онъ, какимъ былъ раньше.

Подъ этимъ взглядомъ Крутовской смущался все болѣе и невольно самъ оглядывалъ ее — пополнѣвшую, развившуюся, превратившуюся изъ чуть угловатой курсистки въ увѣренную въ себѣ женщину, въ опытную артистку, каждое движеніе которой было закончено и точно.

— Я пріѣхала сегодня дневнымъ поѣздомъ и совершенно неожиданно, — заговорила она просто и безъ тѣни смущенія,

точно встрѣтила добраго знакомаго, съ которымъ недавно видѣлась. — Я писала мамѣ, что пріѣду черезъ недѣлю, можетъ быть, и позже, но дѣла мои закончились раньше, и мнѣ захотѣлось сдѣлать нашимъ сюрпризъ. Я не телеграфировала и на отвратительномъ извозчикѣ дотащилась до «Самолюбова». Меня встрѣтила только Людмилушка — ни мамы, ни братьевъ не было дома. Они нашли меня за столомъ и съ полной тарелкой клубники, которой меня угостила моя милая дѣвочка...

Наталья Никаноровна подошла къ Людмилѣ и, обнявъ ее, привлекла къ себѣ круглымъ мягкимъ движеніемъ. Потомъ медленно опустилась съ нею на скамью, чуть склонивъ къ дѣвушкѣ голову. Людмила повела было плечомъ въ сторону, но не отодвинулась и осталась неподвижной.

— Конечно, ихъ изумленію и восторгу не было границъ, — продолжала Смоличъ. — Мама сейчасъ же захлопотала, забѣгала, — кстати, она очень хорошо выглядитъ, а дядя Яша привѣтствовалъ меня двумя французскими комплиментами, какъ всегда — изысканными. Я его люблю, этого дядю Яшу, этого галантнаго старичка, этого рамоли по принципу. Потомъ, вдосталь наслушавшись семейныхъ разговоровъ, я попросила Людмилушку показать мнѣ садъ, все, все... Я вѣдь была здѣсь совсѣмъ крошкой, ничего не помню. Потомъ (она сдѣлала нѣкоторую паузу и опять не то виновато, не то насмѣшливо посмотрѣла на Крутовского)... потомъ я захотѣла посмотрѣть на вашу усадьбу, на «Рай»... Людмилушка привела меня сюда, и мы сидѣли съ нею тутъ и задумались... Я не знаю, о чемъ задумалась моя дорогая сестрица, моя красивая дѣвочка... — вѣдь, не правда ли, ей идетъ этотъ платокъ? — я спросила ее, надѣваетъ ли она его для стиля, но она не хотѣла отвѣтить мнѣ, плутовка... А я...

Наталья Никаноровна полузакрыла глаза и легкимъ движеніемъ руки коснулась своихъ волосъ.

— Ну, что, право... какая я глупая... сижу и болтаю всякій вздоръ и ничего у васъ не спрашиваю... Дайте же посмотрѣть на васъ... Вы ни чуточки не измѣнились... пожалуй, стали мужественнѣй и бородка чуть-чуть больше... это хорошо.. только подумайте, сколько лѣтъ мы съ вами не видались!

Крутовской, смущенно поглядывая на Людмилу, съ неловкой полуулыбкой на губахъ, наклонялъ голову. Онъ сидѣлъ не по-всегдашнему, увѣренно и плотно, а бочкомъ, на краешкѣ скамьи и очень неудобно.

А Наталья Никаноровна говорила о концертахъ, о гастроляхъ, только изрѣдка, точно невзначай, умѣло, двумя словами возвращаясь къ себѣ и Крутовскому.

Наконецъ, черезъ четверть часа легкой, непринужденной рѣчи, почти никѣмъ изъ ея собесѣдниковъ не прерываемой, размѣренно звучавшей въ надвигающихся сумеркахъ, подобно журавлиному клекоту, Смоличъ поднялась и, протягивая Леонтію Алексѣевичу руку, попросила извинить ее; сослалась на усталость послѣ дороги и, дружески желая покойной ночи, взяла слово, что завтра онъ обязательно придетъ въ «Самолюбово».

Возвращался къ себѣ Крутовской точно послѣ долгаго, утомительнаго пути. Въ его ушахъ, не переставая, звучалъ этотъ давно забытый контральтовый голосъ, и онъ видѣлъ попеременно то строгій и сосредоточенный взглядъ Людмилы, то виновато-насмѣшливый взглядъ Натальи Никаноровны.

Дома его поджидала за самоваромъ Марья Васильевна.

Леонтій Алексѣевичъ тяжело опустился на стулъ, вытянулъ вдоль колѣнъ отяжелѣвшія и показавшіяся ему ненужно большими руки и, тупо глядя на уголъ стола, глухо проговорилъ:

— Пріѣхала...

Марья Васильевна откинула назадъ голову, сдвинула на носъ очки и посмотрѣла поверхъ нихъ на племянника.

XVI.

— Вы все еще сражаетесь? — спросила Смоличъ, подходя къ играющимъ въ шашки Костѣ и Витѣ. — Боже, какъ вамъ не надоѣстъ. А мы съ Людмилой великолѣпно прогулялись. Я кое-что даже припомнила — смутно, конечно. Встрѣтили Крутовского — онъ мало измѣнился... Но вотъ я все ходила, смотрѣла и думала, какіе вы счастливые оба — и ты, Людмила, и ты, Витя, — вы всегда можете пользоваться

этимъ дивнымъ воздухомъ, всегда жить этой здоровой, разумной жизнью. Какъ мнѣ хотѣлось бы вотъ тоже такъ забыть обо всемъ и обо всѣхъ, забраться въ какую-нибудь глушь и почувствовать себя у себя дома. Это должно быть такое счастье!

— Но почему же тебѣ этого и не попытать, — спросилъ ее Витя, смѣшавъ шашки и вновь разставляя ихъ по мѣстамъ, — мама была бы очень рада, если бы ты помогла ей. Людмила, я думаю, тоже. У нея хлопотъ хоть отбавляй. Къ тому же ты, кажется, свободна...

Наталья Никаноровна бросила быстрый взглядъ на старшаго брата и тотчасъ же отвѣтила, глубоко вздыхая:

— Ахъ, Витя, милый мой мальчикъ. Нужно слишкомъ хорошо знать обстоятельства, въ какихъ я нахожусь, чтобы судить о томъ, что возможно, что нѣтъ. И потомъ, ты знаешь, у семи нянекъ — дитя кривое. Нѣтъ, намъ, артисткамъ, не извѣдать этого счастья. Есть болѣе достойныя насъ, болѣе разумныя, не правда ли, дорогая Людмилушка?

Она обняла дѣвушку и ясно посмотрѣла ей въ глаза. Людмила возразила, чуть пожимая полными плечами:

— Право, я не знаю, кого ты считаешь достойнѣе себя, но что касается меня, я охотно передала бы тебѣ свои обязанности. Онѣ меня ничуть не тяготятъ, но, конечно же, тебѣ онѣ должны быть ближе, такъ какъ ты хозяйка въ этомъ имѣніи.

Наталья Никаноровна всплеснула руками, раскрыла широко и испуганно глаза и замахала головой съ ласковой и укоряющей улыбкой:

— Ай-яй, — что она говоритъ, что она говоритъ! Голубка, да какъ ты смѣешь думать такія вещи. Почему я здѣсь хозяйка? Я, которая пріѣхала сюда впервые послѣ двадцати пяти лѣтъ отсутствія! Что за мысли! Да я ничего здѣсь не знаю. Нѣтъ, нѣтъ... конечно, въ этомъ очень тяжело сознаться, но я себя чувствую здѣсь совсѣмъ чужой, совсѣмъ лишней... подумай только, какъ рѣдко я видалась съ мамой... И вѣдь что скрывать — мы всѣ очень, очень одиноки... Хозяйка! Но развѣ не мама тутъ полная и нераздѣльная хозяйка... и, конечно, скорѣе всего ты можешь замѣнить ее...

Наталья Никаноровна устало опустилась въ кресло, кинувъ руки вдоль его ручекъ, и печально, уныло посмотрѣла передъ собою, точно прислушивалась къ тому, что сейчасъ безконечно ее волновало.

— Да, да, мы съ братомъ были очень, очень одинокими дѣтьми, — молвила она, — у насъ не было дома, у насъ не было матери... Я, конечно, никого не осуждаю, Боже меня упаси... но что же дѣлать, это такъ. И теперь, когда мы собрались всѣ вмѣстѣ, я только одного хочу — покоя и забвенія, забвенія всего того, что было такъ мучительно... да, да, забвенія....

Она медленно провела по лбу холеной своей рукой, поблескивающей въ сумеркахъ камнями колецъ, которыми унизаны были ея пальцы, и замолкла, глухо оборвавъ свою рѣчь на послѣднемъ словѣ.

Тихонько посмѣиваясь, Константинъ Никаноровичъ замѣтилъ изъ своего угла:

— Еще бы, еще бы... все это весьма непріятно. Очень непріятно. Наше положеніе крайне курьезное, чтобы не сказать болѣе. Но ты совершенно права, говоря, что только Людмила можетъ здѣсь хозяйничать... Да къ тому же, что бы ей оставалось дѣлать... въ ея положеніи...

— Въ какомъ положеніи? — по особенному громко перебилъ его Витя.

Людмила не дала ему продолжать, она сказала, ничуть не волнуясь:

— Ты напрасно обо мнѣ безпокоишься, Костя... При всякихъ обстоятельствахъ я сумѣю жить. Я хозяйничаю тутъ только потому, что меня просила объ этомъ тетя. Она меня любитъ, она хорошо относится ко мнѣ, и мнѣ не хотѣлось огорчать ее своимъ отказомъ. Но меня ничуть не страшитъ бѣдность и одиночество. Я родилась въ бѣдности и знаю, что такое трудъ. Если бы понадобилось, я пошла бы въ батрачки и ничуть отъ этого не страдала бы, должно быть, потому, что во мнѣ больше крестьянской крови, чѣмъ барской... А одиночество, о которомъ вы говорили — я его вообще никогда не ощущала, хотя мнѣ было только четыре года, когда умерла мама, и всю жизнь свою я прожила съ чужими людьми. Нужно только немного меньше думать о себѣ, и тогда не будешь оди-

нокимъ... Хотя, конечно, это зависитъ отъ характера... Но повѣрьте мнѣ, я могу уступить свое мѣсто кому угодно, если во мнѣ перестанутъ нуждаться. Тетю я люблю, привыкла къ ней и думаю, что хорошо ее знаю, но, конечно, вы должны быть ближе къ ней...

Она разгладила на своихъ колѣняхъ юбку, чуть опустивъ голову, и говорила, точно думала вслухъ — медленно, раздумчиво, безъ тѣни обиды и волненія.

Въ темнотѣ нельзя было разобрать, но, должно быть, и лицо ея было какъ всегда — спокойно, ясно и правдиво, — всѣ это сразу почувствовали, и каждому по-разному стало не по себѣ, точно ихъ въ чемъ-то уличили нехорошемъ.

Витя недовольно вскочилъ съ мѣста, а Наталья Никаноровна воскликнула поспѣшно:

— Конечно, конечно же, милая, дорогая Людмилушка! .. кто же иначе могъ думать! .. Ты просто не поняла Костю . . . онъ совсѣмъ не то хотѣлъ сказать . . .

И увидя Вѣру Владиміровну, идущую къ нимъ изъ освѣщенной столовой, въ которой уже кипѣлъ самоваръ, Наталья Никаноровна порывисто поднялась къ ней навстрѣчу и, обнявъ за талью, дружески заговорила:

— Ахъ, мамочка, какая прелесть у васъ эта Людмилушка . . . ее нельзя не любить, нельзя ею не восхищаться! . .

Потомъ, когда всѣ перешли въ столовую, прогуливаясь съ матерью по гостиной и читалкѣ, въ колеблющихся, неясныхъ сумеркахъ, наполненныхъ дыханіемъ розъ, и все такъ же держа ее за талью, Смоличъ продолжала тихо, ласково, съ особенной подкупающей нѣжностью, съ какою говорятъ на сценѣ, когда хотятъ подчеркнуть дружескую искренность монолога:

— Милая, дорогая, хорошая моя мама, какъ хорошо, какъ тепло у меня на душѣ, оттого, что я съ тобою, что я тебя вижу, что я могу называть тебя мамой. Если бы ты знала, какъ это сладко! Точно я изъ пустыни, послѣ многихъ лѣтъ странствованія, набрела на живой источникъ и приникла къ нему пересохшими губами. Человѣческій міръ, это вѣдь такая пустыня, когда не видишь рядомъ съ собою родного, близкаго человѣка. Я когда-нибудь разскажу тебѣ о своей жизни, о томъ, что я пережила, но теперь я хочу только смот-

рѣть на тебя и говорить о тебѣ. Если бы ты знала, какъ я боялась застать тебя осунувшейся, постарѣвшей, послѣ того горя, которое ты пережила... Нѣтъ, нѣтъ, не возражай, позволь мнѣ быть съ тобою откровенной, — вѣдь я же твоя дочь, дочь, много выстрадавшая, а потому имѣющая право говорить откровенно со своею матерью... Ты пережила большое горе... я знаю.. но хорошо, что въ тебѣ еще столько мужества, столько силъ, и ты такъ бодро выглядишь. Право, я горжусь тобою, мамочка...

И крѣпче прижимая къ себѣ тонкій станъ Вѣры Владиміровны, Смоличъ заговорила о послѣдней своей поѣздкѣ въ Кіевъ, о своемъ успѣхѣ въ этомъ прелестномъ городѣ, потомъ точно невзначай, точно обмолвившись, назвала Карышева. И назвавъ его, она, точно желая оправдаться, начала объяснять, какъ это вышло, какъ пришелъ къ ней Александръ Ясоновичъ за кулисы и какъ много, какъ долго говорилъ съ нею о ней, о бѣдной, бѣдной мамочкѣ.

И не давъ Вѣрѣ Владиміровнѣ ни возразить, ни остановить себя, она опять заговорила о себѣ, о своемъ разбитомъ сердцѣ, о томъ, что она бы простила все, если бы любимый человѣкъ упалъ къ ея ногамъ и просилъ бы его помиловать.

Потомъ, поцѣловавъ растерявшуюся, взволнованную, оглушенную мать въ лобъ, она кинулась къ себѣ въ комнату и, черезъ минуту вернувшись, съ улыбкой, лукаво щурясь, точно заговорщица, вложила ей въ руку какой-то конвертъ.

— Возьми, мамочка, прочти это письмо, я очень прошу тебя... онъ такъ умолялъ меня объ этомъ.

XVII.

Наталья Никаноровна раскладывалась. Лампа подъ розовымъ бумажнымъ абажуромъ освѣщала всю небольшую комнату мрѣющимъ, ласкающимъ свѣтомъ.

На полу, на мягкихъ кретоновыхъ креслахъ, на столахъ, на кровати — всюду были разбросаны платья — легкія, фантастическія, въ этомъ освѣщеніи особенно очаровательныя, похожія на какіе-то невѣдомые цвѣты, безстыдно развернувшіе свои пестрые, приторно благоухающіе лепестки...

Наталья Никаноровна быстро двигалась среди этого цвѣтника, то нагибаясь, то выпрямляясь, и развѣшивала платья въ шкафу. Она напѣвала вполголоса и легкая усмѣшка не сходила съ ея губъ. Иногда останавливалась и пристально смотрѣла на абажуръ, закусывая нижнюю губу, точно что-то припоминая.

Грудь ея медленно и спокойно подымалась, нѣсколько тонкихъ, блестящихъ нитей волосъ упали ей на щеки.

Кто-то осторожно постучалъ у двери.

Держа въ рукахъ только-что вынутую изъ сундука кофточку и озабоченно разглядывая примятыя кружева, Смоличъ молвила:

— Войдите . . .

Дверь осторожно скрипнула и въ комнату вошелъ Константинъ Никаноровичъ.

— Я не помѣшалъ тебѣ?

Онъ былъ, какъ всегда, безукоризненно одѣтъ, свѣжъ и легокъ. Ни тѣни усталости не было замѣтно на его бритомъ, съ подстриженными усиками, матовомъ, узкомъ и маленькомъ лицѣ; что-то колючее, настороженное проглядывало въ немъ. Онъ успѣлъ переодѣться послѣ дороги въ свѣжій домашній темнозеленый костюмъ; въ розовомъ свѣтѣ бросался въ глаза ослѣпительно бѣлый, низкій воротничекъ.

— Садись вотъ сюда на это кресло, — отвѣчала сестра, продолжая раскладываться: — у меня голова идетъ кругомъ отъ всей этой каши . . . пришлось везти весь гардеробъ свой съ собою, хоть плачь....

Константинъ Никаноровичъ сѣлъ, щелкнулъ серебряной зажигалкой, закурилъ тоненькую папироску (онъ никогда не затягивался), заложилъ ногу за ногу и протянулъ:

— Итакъ . . .

Наталья Никаноровна скосила одинъ глазъ въ его сторону, усмѣхнулась (она улыбалась точь въ точь, какъ братъ) и, продолжая безшумно двигаться по комнатѣ, заговорила:

— Ну, что же . . . сдѣлано пока все, что можно . . . Я видала восхитительнаго полковника и говорила съ нимъ . . . Онъ разсыпался въ комплиментахъ, цѣловалъ ручки, поднесъ великолѣпный букетъ, словомъ, былъ очарователенъ . . . и мои

старанія не пропали даромъ. Собственно говоря, между нами, maman сильно подалась за послѣдніе годы и... грѣшнымъ дѣломъ я весьма сочувствую бѣдному полковнику... Онъ мнѣ говорилъ вещи, говорилъ вещи... ты просто не повѣришь, — я умирала со смѣху!.. Ты знаешь, она... все еще жаждетъ любви... въ ея годы. Полковникъ чуть не плакалъ... «Помилуйте, говоритъ, я очень уважаю вашу матушку, я всегда готовъ былъ соблюдать декорумъ... но... посудите сами... мы достаточно пожили... развѣ я бросалъ ее, развѣ я афишировалъ мою связь»... Однимъ словомъ, если онъ и хитеръ и мышиный жеребчикъ, то все же во многомъ правъ. Ты только подумай, ему еще сорокъ три года, а мамѣ пятьдесятъ два... это такъ естественно. Но я, конечно, не подала виду, что сочувствую ему. О, я говорила очень длинно, очень высоко, съ большимъ подъемомъ и убѣдительностью. Я не забыла при этомъ упомянуть о фальшивомъ положеніи, въ какомъ онъ находится, о дочери его, о которой слѣдуетъ позаботиться, наконецъ, о его будущемъ, которое не можетъ быть особенно сладко, если онъ не вернется къ семьѣ. Его, кажется, больше всего безпокоятъ непріятности по службѣ. Но я не забыла и лирики — я заговорила о себѣ, о своихъ дочернихъ чувствахъ, о мамѣ и ея тоскѣ и горѣ, что такъ опасно въ ея годы... Я не забыла возмущаться его поступкомъ, недостойнымъ солиднаго человѣка, я предсказывала ему, что не сегодня-завтра его броситъ эта француженка, и онъ останется одинъ, старѣющій и одинокій. Послѣднее, кажется, его мало тронуло, но онъ усиленно цѣловалъ мои ручки, преданно заглядывалъ въ глаза и обѣщалъ исправиться, если не сейчасъ, то въ недалекомъ будущемъ. Онъ просилъ меня переговорить съ maman, убѣдить ее простить его... и передалъ мнѣ для нея письмо... Теперь остается подѣйствовать на maman... Я думаю, это не столь трудно... по всему видно, что она попрежнему его любитъ и только чувствуетъ себя оскорбленной. Что подѣлаешь, мы, женщины, избалованныя успѣхомъ, никогда не знаемъ, когда пора остановиться. Для насъ никогда не кажется довольно жить, довольно бороться. Мама всю жизнь прожила для себя и ей не на кого было оглянуться, чтобы сравнить себя... Сознаю, я чувствую, что во мнѣ много общаго съ ней...

Наталья Никаноровна замолкла на время и, разстегнувъ баульчикъ, стала разставлять на туалетѣ безчисленныя коробочки, баночки, флаконы, тускло поблескивавшіе въ ея рукахъ.

Потомъ она проговорила медленно и печально:

— Право, мнѣ иногда жаль маму, какъ она ни забавна . . . неужели и мнѣ будетъ когда-нибудь пятьдесятъ лѣтъ...

И, внезапно снова оживившись, Смоличъ воскликнула:

— Нѣтъ, ты только послушай эту Людмилу! Вѣдь это какой-то солдатъ въ юбкѣ!.. что значитъ кровь... И потомъ эти благородныя слова . . . я имъ не вѣрю . . . знаемъ мы этихъ благородныхъ людей. Видали! Я кое-что замѣтила . . . пока только не стану говорить . . . но во всякомъ случаѣ съ этой стороны намъ опасаться нечего . . .

— Она все-таки недурна, — замѣтилъ Константинъ Никаноровичъ и помахалъ ногою: — но строитъ изъ себя недотрогу . . .

Сестра разсмѣялась.

— А ты ужъ попытался... ну, что же, желаю тебѣ всяческихъ успѣховъ... всякая ея ошибка намъ, конечно, на руку... Мнѣ не нравится ея излишняя близость къ мамѣ... Во всякомъ случаѣ, чѣмъ скорѣе они отсюда уѣдутъ, тѣмъ лучше . . .

Константинъ Никаноровичъ пустилъ струю дыма, прищурился, скосивъ глаза на кончикъ носа, и, разглядывая холеныя свои ногти, молвилъ:

— А ты серьезно думаешь заняться хозяйствомъ и переселиться сюда? . . Мнѣ что-то въ это плохо вѣрится . . . Я, конечно, весьма тебѣ благодаренъ за твои хлопоты по водворенію мамаши въ лоно добродѣтели и семьи — мнѣ это крайне необходимо для прекращенія нежелательныхъ толковъ, — кромѣ того, можетъ быть это дастъ мнѣ и кое-что въ смыслѣ аржанти-контанти . . . но все же сомнительно, что ты выдержишь эту марку . . . Кромѣ того, ты забываешь дядю Яшу . . .

— Дядю Яшу?..

Наталья Никаноровна разсмѣялась отъ всего сердца.

— Боже мой, дядя Яша . . . но чѣмъ же онъ мнѣ можетъ помѣшать? . . это фигура съ пробкой въ головѣ (пѣвица не

всегда была сдержанна въ выраженіяхъ) . . . О немъ я даже не думаю...

— Что за тонъ? — поморщился Смоличъ: — такъ и пахнетъ кулисами.

— А ты попрежнему презираешь актрисъ? Почему же въ такомъ случаѣ разговариваетъ со мной его превосходительство?

— Ахъ, не то . . . Ты мнѣ сестра, и этого достаточно . . . Но скажи, можетъ быть, у тебя есть какіе-нибудь виды на этого . . . какъ его . . . ну, твое увлеченіе молодости . . .

Наталья Никаноровна сдвинула брови. Она отвѣтила рѣзко и твердо:

— Я просила бы, Костя, не касаться меня и моихъ личныхъ дѣлъ . . . Что бы я ни думала, что бы я ни дѣлала, во всемъ я сама себѣ отдаю отчетъ и никому другому . . . Радуйся тому, что твои интересы отчасти совпадаютъ съ моими и не мѣшай мнѣ. Благодарить будешь послѣ, а теперь ступай спать — я устала . . .

Глаза ея погасли, она потянулась, зѣвнула, похрустывая костями корсета и равнодушно, безразлично посмотрѣла на темнѣющій за открытымъ окномъ садъ, на звѣзды, потомъ на поднявшагося съ кресла брата. Она и точно почувствовала сейчасъ нестерпимое желаніе скорѣй раздѣться и сладко потянуться въ постели.

— Покойной ночи, — снова зѣвая, пробормотала она соннымъ, упавшимъ голосомъ: — покойной ночи . . .

XVIII.

Такъ вотъ она, эта вѣсть оттуда, отъ мужа . . . Втайнѣ отъ себя Вѣра Владиміровна ждала, что мужъ напишетъ ей, станетъ просить прощенія. Ее угнетало его молчаніе, его безразличное отношеніе къ тому, что она ушла отъ него. Сперва онъ испугался, когда открылась его измѣна, потомъ сталъ отрицать ее, клялся, что всегда оставался вѣренъ, что любитъ жену и не можетъ безъ нея жить, наконецъ, когда обманъ сталъ слишкомъ очевиденъ, полковникъ сталъ дерзокъ, насмѣшливъ и циниченъ.

— Вы сами знаете, сударыня, — говорилъ онъ: что я полнокровенъ... воздержаніе мнѣ вредно, это скажетъ вамъ любой докторъ... мнѣ васъ недостаточно...

Онъ стоялъ передъ нею — здоровый, краснощекій, съ торчащими кверху свѣтло-русыми усами и смѣющимися глазками. Заложа руки въ карманы брюкъ, отчего тужурка сзади собралась кверху, открывая затянутый круглый задъ, сильный торсъ хорошо сохранившагося мужчины, — онъ раскачивался на носкахъ лакированныхъ ботинокъ и усмѣхался хитро и вмѣстѣ добродушно, съ тѣмъ особеннымъ сознаніемъ своей силы и превосходства, которое Вѣра Владиміровна всегда замѣчала въ немъ по отношенію къ себѣ. Она смотрѣла на этого человѣка со страхомъ, ненавистью и обожаніемъ. Онъ былъ противенъ, гадокъ ей, но все же она не переставала его обожать. Когда-то она его боготворила — только въ немъ, въ немъ одномъ она замкнула свою жизнь. Внѣ его, его нуждъ — у нея не было интересовъ. За стѣнами своей квартиры, гдѣ она спала, любила и ждала мужа, она не хотѣла знать міра. Все время ревнуя, все время волнуясь, она все же считала себя счастливой. Неопровержимыя доказательства измѣны мужа (до того Вѣра Владиміровна ревновала безъ причины, не зная ея, «въ счетъ будущаго», какъ смѣясь говорилъ полковникъ) — доказательства очевиднѣе самой смерти — уничтожили бѣдную женщину, отняли волю, достоинство, уваженіе къ себѣ. У нея хватило хитрости, сдержанности, терпѣнія, чтобы до конца узнать все. Француженка, съ которой сошелся Александръ Ясоновичъ имѣла неосторожность звонить къ нему по телефону на домъ. Случайно на звонокъ подошла Вѣра Владиміровна и, назвавшись горничной, обѣщала передать барину, что о немъ справлялась барыня.

— Позвольте узнать имя? — спросила Карышева, едва владѣя собой.

— Имья не нюшно — онъ знаитъ, — отвѣчала, смѣясь, француженка и повѣсила трубку.

И придавленная этимъ внезапнымъ открытіемъ, Вѣра Владиміровна впервые сдержала себя. Не привыкшая притворяться, она лгала и притворялась — ничего не сказала мужу, цѣловала его и охотно отпустила изъ дому. О, Боже,

что это были за часы, дни, недѣли. Да, ровно двѣ недѣли она выслѣживала полковника: ѣздила за нимъ на извозчикахъ, подкупала прислугу, швейцаровъ, дворниковъ и, наконецъ, узнала все и ушла отъ мужа. Чтобы больше не возвращаться? Конечно . . . она не могла вспомить безъ содроганія все пережитое ею. Она была самолюбива и горда — тѣ униженія, которыя она испытала, ведя дознаніе, не давали ей покоя, когда все уже было кончено. Въ ней говорила Тулубьевская кровь. Тѣмъ больнѣе чувствовала она оскорбленіе, что сама же столько дней себя оскорбляла. Все было порвано — съ мужемъ, со знакомыми, съ самимъ городомъ, гдѣ она жила. Ее потянуло въ родной уголъ. Людмила должна была ѣхать съ ней — это была ея месть, жалкая месть — потому что полковникъ радъ былъ развязать себѣ руки.

Она принялась за хозяйство, окружила себя тысячью мелкихъ заботъ и успокоилась. Дни брали свое. Но чувство одиночества не покидало ее; чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй она его чувствовала. Ей было жутко ложиться спать у себя въ спальнѣ, гдѣ все еще оставалась пустая кровать мужа. Сначала она не отдавала себѣ въ этомъ отчета, потомъ поняла и смутилась еще больше. Это не были воспоминанія утраченнаго счастья или раскаяніе въ необдуманномъ шагѣ — нѣтъ — она все еще *хотѣла любви*. Она все еще чувствовала себя женщиной. Днемъ это проходило. Вновь накипало раздраженіе съ обѣда. Видя изрѣдка у пріемной дочери открытку отъ полковника (закрытыхъ писемъ онъ писать терпѣть не могъ) — она приходила въ негодованіе: Карышевъ не думалъ извиняться, не передавалъ ей поклоновъ, совсѣмъ забылъ о ея существованіи.

И вотъ сейчасъ въ ея рукахъ его письмо.

Развѣ можно было спать въ эту ночь, развѣ можно было думать о чемъ-нибудь другомъ?

Вѣра Владиміровна ходила по любимой своей дорожкѣ вдоль штамповыхъ розъ. Туманъ и роса не могли бы загнать ее въ спальню. «Милая и дорогая Вѣра Владиміровна, — писалъ ей мужъ: — Я рѣшился обратиться къ тебѣ. Положеніе создалось невѣроятное. Мои сѣдины повелѣваютъ мнѣ вспомнить о долгѣ отца и мужа».

— Неправда, у него нѣтъ сѣдинъ, — шептала Карышева: — онъ опять выдумываетъ. Боже, что это за человѣкъ!

Но улыбка мелькала на ея губахъ. Она подымала брови, кивала головой и ширила ноздри. Все-таки онъ извиняется, онъ признаетъ себя виновнымъ. Какъ это онъ пишетъ: «повелѣваютъ мнѣ вспомнить» . . . да, да и еще: «если бы я смѣлъ мечтать, если бы могъ надѣяться, что ты не простишь, а снизойдешь, то я у твоихъ ногъ умолялъ бы тебя вернуться». «Снизойдешь»... я не понимаю этого слова, — пожимая плечами, думала Вѣра Владиміровна: — онъ меня оскорбилъ — можно только забыть это . . . и я кажется забыла . . . но вѣдь это не то . . . мнѣ нужна любовь . . . да, да — любовь, а о ней онъ не говоритъ ни слова. Вернуться? зачѣмъ? . . чтобы снова мучиться? . . «Прошлое передъ моими глазами» — пишетъ онъ: — «я готовъ плакать и къ тому же чувствую одиночество» . . . А моего одиночества онъ не чувствуетъ? Не понимаетъ, что я перенесла и переношу? . . . «Прошлое передъ моими глазами» — но развѣ это прошлое не было для меня полно любви, одной любви? Вернуть прошлое, но вѣдь для этого онъ долженъ и полюбить меня попрежнему. Господи, какая мука, какой ужасъ!

Карышева подносила письмо къ губамъ и рвала его зубами, кусала себѣ пальцы.

— Что мнѣ дѣлать? — спрашивала она, останавливаясь передъ розами и безпомощно озираясь.

Внезапно ей пришла на память Людмила. Какъ часто эта дѣвушка успокаивала ее. Къ тому же она дочь полковника, она должна знать своего отца, она должна умѣть читать среди строкъ.

Спотыкаясь и цѣпляясь шушуномъ за кустарникъ, Вѣра Владиміровна побѣжала къ дому и, закинувъ голову наверхъ, стала всматриваться въ окно мезонина. Окно было открыто, но лампа не горѣла и никто не двигался въ комнатѣ.

— Людмила! — позвала Карышева.

Подождавъ и прислушавшись, она крикнула громче:

— Людмила, ты спишь?

Наконецъ ее услышали. Стукнулъ задѣтый стулъ, босыя ноги затопали по полу, темная голова дѣвушки высунулась въ окно.

— Это я, Людмилушка . . . прости, голубка, что разбудила тебя . . . но если можешь — сойди ко мнѣ, прошу . . .

XIX.

Обнявъ полный и крѣпкій станъ пріемной дочери, ходила Вѣра Владиміровна по скрипучему гравію дорожки до утренней зари, до первыхъ проблесковъ дня, когда въ липахъ закуковала кукушка и заблеяли овцы изъ отары Крутовского.

— Ахъ, Людмила, я ничего не понимаю, я путаюсь — помоги мнѣ, — повторяла Карышева, тѣснѣе прижимаясь къ плечу спутницы своей, кипя, страдая и возмущаясь и чувствуя себя безпомощнѣй малаго ребенка: — какъ мнѣ вернуться къ нему, разъ онъ меня не любитъ, разъ я не увѣрена въ его чувствѣ. Онъ опять станетъ измѣнять мнѣ, а я этого не перенесу. Скажи мнѣ, остепенится онъ или нѣтъ, можно ли ему вѣрить? . .

Людмила слушала молча. Какъ могла она возражать? Она понимала, что возраженія безполезны, но ей отъ души жаль было пріемную мать, тяжело слушать сбивчивыя рѣчи, въ которыхъ звучала все одна и та же боль, боль себялюбиваго, уязвленнаго сердца.

Она должна была становиться судьею между роднымъ отцомъ, котораго всегда чуждалась, и пріемной матерью. Но она не была дѣвически слѣпа — она знала, что можетъ судить, и съ болью чувствововала, что должна осудить и того, и другого.

— Что отвѣтить мнѣ? — спрашивала Вѣра Владиміровна: — какъ написать ему все это? на что рѣшиться?

— Тетя, дорогая, — наконецъ молвила Людмила: — вы вотъ все говорите мнѣ, а я слушала, и все-таки до сихъ поръ не могла понять: въ чемъ же ваше страданіе? Что всего тяжелѣе вамъ? Что вы его не любите, что онъ не любитъ васъ, или что онъ измѣнилъ вамъ и вы не можете забыть этой измѣны и простить ему? Какъ же я могу помочь вамъ? Если вы другъ друга не любите, то зачѣмъ тогда думать о совмѣстной жизни? . . Если вы его не любите и потому ушли отъ него, какъ раньше мнѣ думалось, — то зачѣмъ мучиться и терзаться . . . Если вы любите его, а онъ не любитъ, но

зоветъ къ себѣ, то какъ, любя, не сдѣлать того, что сладко сдѣлать — отдать ему себя, разъ онъ проситъ этого... и тогда какъ не забыть того, что было, какъ не простить?

— Ахъ, не то, не то, — тоскливо шептала Карышева.

Онѣ стояли обѣ въ блекломъ свѣтѣ ранняго утра, у обѣихъ были усталыя лица, обѣ печально замолчали. Можетъ быть, Людмила догадывалась, что больше всего причиняло страданій ея пріемной матери — но какъ могла она сказать ей это?

«Нѣтъ, — думала съ горечью Вѣра Владимировна: — такъ никто меня не пойметъ, никому нѣтъ дѣла до меня . . . я такъ одинока».

XX.

Послѣ скверной, безпокойной ночи Крутовской рѣшилъ, что, несмотря ни на что, ему нужно сдержать слово и пойти въ Самолюбово. По здравомъ размышленіи онъ пришелъ къ мысли, что вчерашнее его смущеніе до смѣшного было глупо, что Наталья Никаноровна, державшаяся съ нимъ просто, могла замѣтить эту его неловкость и замѣшательство и истолковать ихъ по своему. Что, напротивъ того, ему слѣдуетъ держаться съ нею такъ же непринужденно, какъ держалась она съ нимъ и, вообще, поменьше думать о томъ, чего уже нѣтъ и быть не можетъ. Она не курсистка, и онъ далеко не тотъ. И ежели было между тѣми двумя что-нибудь тяжелое, непоправимое, то объ этомъ слѣдуетъ поскорѣй забыть. Нельзя же было бросать и хозяйство, и насиженное мѣсто только для того, чтобы не встрѣчаться съ этой женщиной. Пожалуй, и было бы возможно, ежели бы онъ самъ не считалъ это малодушіемъ и не былъ бы увѣренъ въ себѣ... а мстить... мстить можно только тогда, когда не простыла ненависть, когда оскорбленіе передъ лицомъ . . . Онъ не сдѣлалъ этого раньше, пережилъ въ себѣ — поздно думать объ этомъ теперь. Презрѣніе . . . онъ его чувствовалъ до вчерашняго дня, чувствовалъ и гадливость, но какъ презирать женщину, внѣшне презирать ее, когда она ставитъ себя въ положеніе свѣтской, воспитанной барыни, когда вы ее встрѣчаете неожиданно, она вамъ протягиваетъ руку и гово-

ритъ самыя обыкновенныя вещи и самымъ любезнымъ, самымъ безразличнымъ тономъ. Хорошъ бы онъ былъ, ежели бы вздумалъ теперь бѣжать отъ нея, скрываться, разыгрывать роль оскорбленной добродѣтели! Но объясненій быть никакихъ не можетъ. Ничего такого, чего нельзя было бы высказать передъ другими. Знакомые? — Извольте, но ни друзья, ни враги, ни обвинители, ни обвиняемые... Подымать всю эту грязь со дна души, копаться въ ней — никогда, это было бы и слишкомъ неопрятно, и слишкомъ тяжело. Здѣсь нужно поставить точку. Большую точку. Аминь... Развѣ онъ зналъ, онъ предполагалъ тогда, что она поступитъ такъ, какъ поступила? Все, что угодно, только не это. Измѣна, убійство, только не это. Два года она жила съ нимъ, два года казалась любящей, дѣльной, умной подругой, — всѣми уважаемой, пользующейся всеобщимъ довѣріемъ. Два года ее считали своей, хотя фактически она не значилась въ партіи. Дочь генерала, довольно виднаго, съ большими связями, она часто оказывала маленькія услуги партіи и ея квартира считалась безопасной, чистой, въ ней не боялись сыска и свободно говорили. Иногда въ ней хранили «предметы» и она всегда со смѣхомъ, съ веселыми шуточками упрятывала ихъ куда-нибудь въ шифоньерку съ бѣльемъ и платьями. Къ ней приходили знакомые и друзья ея брата и знакомились тамъ съ ея товарищами: она называла такія собранія «салонами», и всѣ считали это весьма забавнымъ, очень остроумнымъ пріемомъ конспираціи. Среди лицеистовъ, юнкеровъ, молодыхъ чиновниковъ, подъ пѣніе, музыку, подчасъ танцы, свои говорили о своихъ дѣлахъ, забавные — въ студенческихъ мундирахъ, съ бѣлыми перчатками и шпагами, въ смокингахъ и жакетахъ. Старуха тетка — глухая, придурковатая, у которой жила Наташа, никогда ничему не мѣшала.

Все въ видахъ той же конспираціи Смоличъ бросила высшіе курсы и поступила въ консерваторію. Она стала пѣть, посѣщать артистическіе кабачки, стала читать стихи, както по особенному одѣваться, говорить о наслажденіи жизнью и о смерти, о Богѣ и о культѣ тѣла. Такая была пора — ничего не подѣлаешь. Она любила рестораны, и онъ ѣздилъ съ нею по ресторанамъ, она пила и онъ пилъ съ нею. Но все шло по старому еще полтора года, когда внезапно, не заставъ

ее дома, онъ нашелъ у нея записку, клочекъ бумажки, заставившій его подумать, что онъ сошелъ съ ума, что онъ боленъ.

Послѣдняя неудача оказалась дѣломъ рукъ Наташи. Она выдала всѣхъ — не было сомнѣнія. Онъ готовъ былъ растерзать ее на мѣстѣ, бить по лицу, плевать ей въ глаза. Но сдержалъ себя и сталъ слѣдить за нею. Черезъ недѣлю онъ уже зналъ навѣрное, что она предавала ихъ. Предавала спокойно, систематически, съ улыбкой — за деньги. Его Наташа, его любимая! Это открытіе было такъ ужасно, такъ нелѣпо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ достовѣрно, что онъ, и точно, думалъ, что сойдетъ съума. Нѣсколько дней онъ не зналъ, на что рѣшиться. Онъ метался по всему городу, изъ трактира въ трактиръ, приходя то къ одному, то къ другому рѣшенію, съ ужасомъ сознавая, что несмотря ни на что, онъ ее любитъ. Любитъ такой, какъ она есть, любитъ какой-то еще болѣе острой, ядовитой любовью, туманившей ему разсудокъ. Онъ не знаетъ, какъ не опустился тогда, какъ не сталъ пьяницей, жалкимъ, безвольнымъ пьяницей. Но все-таки онъ былъ достаточно здоровъ и крѣпокъ. Наконецъ, грязный, опухшій отъ пьянства, онъ вернулся домой и легъ спать впервые за эти долгіе отвратительные дни. Онъ рѣшилъ не выдавать ее партіи, а покончить съ нею самъ.

Онъ пошелъ къ ней, дождался ея возвращенія изъ консерваторіи и сказалъ, что знаетъ все. Онъ и сейчасъ видитъ ея глаза, какими она на него взглянула. Но, оправившись, она стала смѣяться. Она смѣялась, точно ей сказали невѣроятно забавную вещь, тихенькимъ, невѣрнымъ смѣшкомъ, немного въ сторону, и въ эту минуту онъ вспомнилъ, что она часто такъ смѣялась, и каждый разъ, когда обманывала. Но когда она увидала въ его рукахъ револьверъ, она поняла, что все потеряно. Она кинулась ему въ ноги, она цѣплялась за его колѣни и кричала, плакала, что то бормотала. Что это былъ за голосъ! Рѣжущій, тупой, какъ у обезумѣвшаго животнаго. Она дрожала вся мелкой собачьей дрожью и, когда онъ нагнулся къ ней, кошачьимъ движеніемъ выхватила у него револьверъ и раньше, чѣмъ онъ понялъ, что месть ему не удастся, она схватила его голову руками и стала осыпать его поцѣлуями, бѣшенными, голодными поцѣлуями, которые обез-

силивали, туманили его, лишали всякой способности сопротивляться . . .

Прійдя домой, онъ сказалъ себѣ, что для него все кончено. Онъ испытывалъ къ себѣ чисто физическое чувство отвращенія. Онъ легъ, не раздѣваясь, въ пальто и фуражкѣ на кровать и пролежалъ такъ безъ думъ, безъ движеній до утра, потому что каждое движеніе его казалось ему отвратительно мерзкимъ и вызывало тошноту.

Утромъ онъ получилъ отъ нея записку. Въ эти часы ему все было безразлично, ничто не могло удивить, взволновать, потрясти.

Она писала, что уѣзжаетъ, что онъ ее не найдетъ, что она свободна и не потерпитъ насилія надъ собой. Она предавала ихъ, потому что ей это нравилось, это ее забавляло. Каждый человѣкъ заполняетъ свою жизнь по своему. А онъ глупъ, жалокъ и глупъ. У нея давно былъ другой любовникъ, который и научилъ ее этой веселой игрѣ съ человѣческими жизнями. Прощай. Счастливаго пути — вы вѣдь тоже скоро отсюда уѣдете. Торопитесь, а то будетъ поздно.

И онъ уѣхалъ. Одинъ изъ его уцѣлѣвшихъ товарищей сообщилъ ему, чтобы онъ спасался, если не хочетъ губить всего дѣла. Собаки настигали звѣря. Почему онъ удралъ? Почему онъ остался жить? Почему сумѣлъ пережить все это . . .

Конечно, для того, чтобы жить. Развѣ онъ сталъ бы теперь отказываться отъ жизни? Такъ въ чемъ же дѣло? И что ему Наталья Никаноровна Смоличъ? Пѣвица-контральто, дочь его сосѣдки по имѣнію — Вѣры Владиміровны Карышевой . . . Мои, твои, и такъ себѣ, какъ говоритъ этотъ дуракъ Ерандаковъ. Аминь...

XXI.

Леонтій Алексѣевичъ весьма былъ доволенъ, когда, подходя къ крыльцу Тулубьевскаго дома, засталъ тамъ большое общество, только-что позавтракавшее. Это избавляло его отъ необходимости оставаться съ глазу на глазъ съ Натальей Никаноровной и невольно заставляло слѣдить за собою и не выдавать своего смущенія.

Въ «Самолюбово» пріѣхали исправникъ Анкудиновъ съ женой и братья Ерандаковы.

Вѣра Владиміровна ласково пожурила Крутовского за долгое отсутствіе — онъ ей всегда нравился своимъ здоровьемъ, открытымъ лицомъ, простотою и хозяйственностью; частенько даже она совѣтовалась съ нимъ.

Яковъ Владиміровичъ встрѣтилъ его весьма любезной шуточкой: у нихъ издавна повелось такъ, и бывшій владѣлецъ «Рая» иначе и не называлъ Крутовского, какъ «мой замѣститель», съ серьезной важностью разспрашивая объ урожаяхъ, въ которыхъ понималъ столько же, сколько и въ китайскомъ языкѣ. Съ Людмилой Леонтій Алексѣевичъ обмѣнялся дружескимъ рукопожатіемъ, она сейчасъ же отвернулась за какимъ-то дѣломъ, а Витя, казалось, очень радъ былъ его приходу, потому что, подсѣвъ къ нему, долго говорилъ съ нимъ, какъ съ старымъ пріятелемъ. Только съ Константиномъ Никаноровичемъ Крутовской обмѣнялся лишь сухимъ поклономъ, и сейчасъ же они разошлись въ разныя стороны. Эта непріязнь существовала между ними съ перваго дня знакомства, еще когда они встрѣчались у тетки, гдѣ жила Наталья Никаноровна. Леонтій Алексѣевичъ такъ и не узналъ никогда, освѣдомленъ ли Смоличъ объ отношеніяхъ его къ его сестрѣ. Они почти никогда не разговаривали.

Исправникъ, Капитонъ Ксенофонтовичъ Анкудиновъ, въ бѣломъ кителѣ, со всевозможными значками по обѣимъ сторонамъ груди, благодушно разглаживалъ бачки и подалъ руку Крутовскому, какъ доброму пріятелю. Онъ, и точно, относился къ Леонтію Алексѣевичу по-пріятельски, хотя послѣдній и рѣдко съ нимъ видѣлся. Говорилъ исправникъ съ молодымъ помѣщикомъ дружески, но какъ-то многозначительно, точно хотѣлъ сказать ему, что, молъ, пріятели мы съ тобой, пріятели, но все же прошлое мнѣ твое досконально извѣстно и лучше этого прошлаго не касаться — тутъ у насъ игра пойдетъ у каждаго своя. Крутовской замѣчалъ это и всегда благодушно посмѣивался. Капитонъ Ксенофонтовичъ былъ человѣкъ мягкій, несмотря на свои насупленныя брови и почтенный басокъ; въ немъ и до сихъ поръ сохранился крѣпкій душокъ бывшаго кавалериста.

Жена его, Авдотья Петровна, сидѣла неподвижно и похотливо жмурилась. Она любила ликеры и молодыхъ мужчинъ. При видѣ и того и другого она таяла и блаженствовала. Въ этомъ рыхломъ, большомъ тѣлѣ жила чувствительная и дѣтская душа. Все маленькое, нѣжное привлекало ее. Мужа своего она называла «Купидончикомъ» и очень огорчалась, когда ей говорили, что имя это звучитъ юмористически.

— Но, вѣдь, Капитонъ и Купидонъ — одно и то же, и, какъ хотите, «Купидонъ» звучитъ пріятнѣе.

Своего имени она тоже не любила и просила величать ее «Едокси».

Такъ ее всѣ въ городѣ и прозвали — «Едокси Анкуку».

Наталью Никаноровну Крутовской за столомъ не засталъ. Она ушла въ гостиную съ братьями Ерандаковыми. Слышенъ былъ ея смѣхъ и громкіе выкрики Фепты и Фроши.

— Пренепріятная вещь — жить въ этакой дырѣ молодымъ офицеромъ, — разсказывалъ Анкудиновъ: — представьте себѣ грязный пограничный городокъ. Ну, и придумывали развлеченія: ходили въ адресный столъ адреса свои узнавать. «Па-азвольте узнать, барышня, гдѣ живетъ корнетъ Анкудиновъ, Капитонъ Ксенофонтовичъ... Спасибо, весьма вамъ благодаренъ». И, представьте, не ошибаются, канальи! До точности вѣрно сообщаютъ, бестіи... даже обидно. И какъ это они знаютъ? Пріятное учрежденіе и недорого... Но надоѣдаетъ здорово, а соберемся вмѣстѣ, вранье такое пойдетъ, что уши вянутъ. Казначей у насъ былъ, такъ онъ всегда разсказывалъ, какъ онъ въ испанскую графиню влюбился и какъ та ему взаимностью отвѣчала. Свралъ, разумѣется, во всю, да, кажется, въ Испаніи и графовъ нѣтъ, а все гранды, но мы слушали и еще просили, да и нельзя, все-таки нужный человѣкъ, когда до жалованія придется перехватить.

Капитонъ Ксенофонтовичъ продолжалъ разсказывать, но Крутовской его не слушалъ. На террасу вышла Наталья Никаноровна и за нею слѣдомъ Ерандаковы.

Она остановилась на порогѣ и зажмурилась: солнце прямо ударило ей въ лицо, яркими пятнами легло на ея округлый, начинавшій тяжелѣть подбородокъ, на открытую,

бѣлую, полную шею, на высокую, пожалуй слишкомъ высокую грудь. Она прикрыла на мгновеніе глаза свои наружу повернутыми ладонями рукъ и на розовыхъ, съ ямочками, локтяхъ ея тоже заиграли золотыя пятна.

— Нѣтъ, вы прямо невозможны, — проговорила она, обращаясь къ своимъ кавалерамъ: — не могу же я вамъ пѣть цѣлый день. У меня настроенія нѣтъ, ступайте прочь.

Она подошла къ столу, пододвинула къ себѣ вазочку съ конфетами и только тогда, откусывая бѣлыми и крѣпкими, какъ у матери, зубами конфету, подняла голову и увидала Леонтія Алексѣевича.

— Ахъ, вотъ и вы... какъ мило, что вы пришли къ намъ. Здравствуйте.

И когда онъ пожималъ ея руку, она, чуть повернувъ голову, говорила Вѣрѣ Владиміровнѣ:

— Ты знаешь, мама, я вѣдь давно знакома съ Леонтіемъ Алексѣевичемъ, тогда еще, когда была въ консерваторіи... мы были даже друзьями одно время.

Вѣра Владиміровна, разливавшая чай, отвѣтила разсѣянно:

— Да, мнѣ кажется, я слышала объ этомъ. Вамъ съ сахаромъ, Капитонъ Ксенофонтовичъ?

А Наталья Никаноровна, садясь, снова заговорила о пѣніи, о концертахъ, объ акустикѣ и плохихъ аккомпаніаторахъ. Иногда она кидала взоръ свой на Крутовского, но мимолетный и ничего не выражавшій; она точно и его приглашала полюбоваться на себя.

И съ каждой минутой тревога утихала въ душѣ Леонтія Алексѣевича. Онъ даже съ нѣкоторымъ любопытствомъ наблюдалъ за Смоличъ, замѣчалъ ея движенія, всегда законченныя, ея словечки. Въ ея разговорѣ очень часто мелькали такія слова, какъ «утонченный», «интимный», «эстетный», и отъ этихъ словъ такъ и вѣяло кулисами, будуаромъ въ номерахъ гостиницы. Сколько ей теперь лѣтъ? спрашивалъ себя Крутовской, оглядывая ея все еще стройный станъ. Навѣрное за тридцать, но кажется она моложе. Сейчасъ, рядомъ съ Вѣрой Владиміровной, она казалась ея младшей сестрой; и несмотря на то, что Наталья Никаноровна была и значительно моложе, свѣжѣе и ярче Вѣры Владиміровны и,

вмѣстѣ, очень на нее походила, какъ лицомъ, такъ и фигурой, но все же, при сравненіи съ матерью, она въ чемъ-то и значительно теряла: такъ, точно передъ вами было два одинаковыхъ камня, но разной шлифовки.

Слѣдя за Смоличъ, Крутовской замѣтилъ, что Наталья Никаноровна очень умѣло, очень самоувѣренно разговаривавшая со всѣми, съ Вѣрой Владиміровной точно не знала, какого держаться тона, какъ будто бы скрывалась. То заговоритъ, какъ скромная, послушная дочь, то какъ подруга, а то и съ нѣкоторымъ вызовомъ. И каждый разъ невпопадъ, и каждый разъ Вѣра Владиміровна съ удивленіемъ и безпокойствомъ на нее взглядывала.

Когда послѣ нѣсколькихъ часовъ разговоровъ, чаепитія, гулянья по саду, Леонтій Алексѣевичъ сталъ раскланиваться, Наталья Никаноровна подозвала его къ себѣ. Она стояла на краю террасы, у ступенекъ. Лицо ея перемѣнилось, точно это былъ другой человѣкъ. Протягивая Крутовскому для пожатія руку и глядя на него, какъ и впервые, не то смущенно, не то насмѣшливо, она спросила, чуть слышно:

— Ну, что же... вы довольны мною? — и когда онъ продолжалъ стоять передъ нею, не зная, что отвѣтить, и опустилъ глаза, она добавила:

— Но если бы вы только знали, какъ это трудно... прощайте.

Онъ поднялъ глаза, хотѣлъ отвѣтить, но она уже улыбалась своею выдержанною улыбкой и привѣтливо кивала головой:

— До свиданія, до свиданія!.. помните, что стыдно забывать своихъ сосѣдей и старыхъ друзей... до свиданія.

Спускаясь липовой аллеей, наполненной звономъ и гудѣніемъ пчелъ, собиравшихъ медъ съ липоваго цвѣта, Крутовской увидалъ на мосту Людмилу. Она стояла, склонясь на перила и глядя въ воду. Онъ хотѣлъ ее окликнуть, но она внезапно выпрямилась и, не оглядываясь, свернула по берегу, цѣлиною къ бесѣдкѣ. Крутовской не сталъ догонять ее и медленно пошелъ своею дорогой.

XXII.

За домомъ, подъ широкою шапкою стараго боярышника, Крутовской нашелъ Марью Васильевну и Ильюшу Шишикторова.

Марья Васильевна перебирала на вареніе клубнику, а Шишикторовъ сидѣлъ, сутулясь, упершись локтями въ худыя свои колѣни и судорожно сцѣпивъ длинные пальцы, и пристально смотрѣлъ тускло блистающими глазами, глубоко запавшими по сторонамъ длиннаго тонкаго носа, на черную тѣнь свою. Передъ ними стояли двѣ бутылки пива, одна пустая, другая наполовину допитая.

— Противъ овецъ ты молодецъ, а противъ барана и даромъ не надо, — приговаривала Марья Васильевна: — у тебя отъ пива-то, должно, голова тяжелѣе ногъ — ты бы внизъ головой походилъ, авось весело стало бы.

Старушка всей знакомой ей молодежи говорила ты, и никто на это не обижался. Это обращеніе доказывало ея расположеніе къ человѣку; «выкала» она только мало знакомыхъ и лицъ ей непріятныхъ или очень почтенныхъ.

Старушка внимательно оглядѣла племянника и тогда заговорила съ нимъ:

— Вотъ, Леонтій, погляди на этого франта. Больше часу сидитъ и плачется. Найми ты его, Христа ради, клеверъ косить — благо время приспѣло, а то парню дѣвать себя некуда, въ петлю просится.

Шишикторовъ поднялся и поздоровался съ Крутовскимъ.

—Да радъ бы, Марья Васильевна, — отвѣчалъ онъ: — что угодно радъ былъ бы дѣлать, а не могу. Вы вотъ счастливая, до своихъ лѣтъ дожили и все еще сызнова васъ интересуетъ, все радуетъ. Для меня же все пусто, все ненужно и давно извѣстно.

Онъ поправилъ свои золотые вьющіеся волосы, падающіе ему на узкій лобъ, и улыбнулся жалкой, безпомощной улыбкой.

— Я васъ ждалъ, Леонтій Алексѣевичъ, — оборотился онъ къ Крутовскому и посмотрѣлъ на него съ безпокойствомъ: — хотѣлъ поиграть вамъ. Прошлый разъ вы, помнится, говорили, что не прочь послушать...

— Конечно, конечно, — поспѣшилъ отвѣтить хозяинъ: — я очень радъ буду... вотъ только сейчасъ переговорю съ приказчикомъ и весь къ вашимъ услугамъ.

Черезъ нѣкоторое время они были въ низкомъ залѣ, освѣщенномъ розовыми лучами заходящаго солнца.

Шишикторову принесли еще пива: онъ поставилъ бутылку и стаканъ на запыленную крышку рояля, глотнулъ пива — его непрестанно мучила жажда и онъ глоталъ горькую и холодную влагу каждый разъ съ какою-то особенной жадностью — и началъ играть.

Крутовской сѣлъ въ уголъ на первое попавшееся кресло и сталъ смотрѣть на портретъ Тулубьевой — сходство съ нею Натальи Никаноровны особенно теперь бросалось въ глаза.

Шишикторовъ игралъ удивительно и невольно заставлялъ собой заслушаться. Окончивъ одно, онъ тянулся, не глядя, за пивомъ, жадно выпивалъ стаканъ и игралъ дальше.

У него было много композицій на духовныя темы, но болѣе всего удавались ему пантомимы и трогательныя, наивныя пасторали, овѣянныя беззаботнымъ духомъ восемнадцатаго вѣка. Онѣ были мастерски сдѣланы и мастерски имъ исполнялись. Ничего тяжелаго, гнетущаго не замѣчалось въ его музыкѣ, точно и не онъ писалъ эти легкія, порхающія пьески; не вѣрилось, чтобы столько вкуса, столько пригожести могло быть въ этомъ долговязомъ юношѣ съ блѣднымъ лицомъ на тонкой шеѣ.

Легкая улыбка не покидала губъ слушавшаго его Крутовского. Глядя на все укорачивающуюся розовую полоску свѣта, ему невольно припоминался залитый солнцемъ веселый Провансъ, гдѣ онъ побывалъ въ дни своего изгнанія, веселыя тамошнія задорныя пѣсенки, полныя корзины янтарнаго винограда и лукавый и быстрый взглядъ провансальцевъ. Настоящее какъ-то незамѣтно уходило вмѣстѣ съ солнцемъ, и портретъ Тулубьевой уже не смущалъ его своимъ сходствомъ съ внучкою, а напоминалъ ему о беззаботномъ и легкомысленномъ нравѣ красавицы Елизаветы Яковлевны.

Зала подернулась медовой тѣнью лѣтнихъ сумерекъ, точно сѣрая паутина, раскинутая по угламъ комнаты, растя-

нулась во всю ея ширь, и только въ окнахъ еще отсвѣчивались зеленые и розовые лучи, когда Шишикторовъ внезапно оборвалъ игру и повернулъ къ Крутовскому искаженное и блѣдное лицо свое.

— Леонтій Алексѣевичъ, — тихо и значительно позвалъ онъ: — Леонтій Алексѣевичъ...

Крутовской безпокойно посмотрѣлъ на музыканта.

— Леонтій Алексѣевичъ, скажите, вы могли бы убить кого-нибудь?

— Убить?

Крутовской даже поднялся съ кресла, такъ поразилъ его этотъ вопросъ, такъ не шелъ онъ къ только-что замолкнувшей музыкѣ.

И тотчасъ же вернулись къ Крутовскому тѣ мысли, что смущали его въ тотъ вечеръ, когда онъ получилъ послѣднее письмо отъ Натальи Никаноровны.

— Ну да, убить, — повторилъ съ непонятнымъ спокойствіемъ и раздумчивостью Шишикторовъ. — Я частенько объ этомъ думаю.

Онъ налилъ въ стаканъ пива, выпилъ и, не отирая губъ, сказалъ:

— Меня, конечно, не интересуетъ, имѣю ли я право убить. Это уже рѣшено, и рѣшено въ положительномъ смыслѣ. Объ этомъ и Достоевскій писалъ, да и вы, революціонеры, съ этимъ вопросомъ давно покончили, хотя бы только фактически. Но меня занимаетъ вопросъ, измѣнится ли человѣкъ, ставъ убійцей, то-есть можетъ ли онъ воскреснуть, если былъ мертвъ. Чортъ его знаетъ, можетъ быть даже и не это. Понимаете, чтобы полюбить, нужно что-то сдѣлать... отрѣшиться отъ себя — что-ли... такъ говорятъ... такъ говорила мнѣ не разъ Людмила... ну вотъ, такъ если въ тебѣ этого нѣтъ — можетъ быть поможетъ убійство. Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ тоже самоотреченіе, нѣкоторый подвигъ... Мы куда-то всѣ ушли теперь, слишкомъ глубоко въ себя ушли и намъ нѣтъ силъ выбраться — ну, а вотъ, можетъ быть, это будетъ достаточнымъ прыжкомъ изъ себя... понимаете... я даже этимъ стремленіемъ объясняю участившіяся теперь преступленія и самоубійства. У кого еще хватаетъ духу бороться, тотъ убиваетъ, у кого нѣтъ

ничего — тотъ умираетъ самъ. Конечно, если бы къ этому пришло большее число людей, это бы было проще. Началась бы война и сдѣлала бы все гораздо скорѣе. Я, конечно, многое путаю, слова у меня косноязычныя, но мысль мнѣ кажется правильной. Теперь въ насъ самихъ и рай, и адъ, и чортъ его знаетъ что, и никуда намъ ходить незачѣмъ, и потому всѣ мы одни и всѣ сами себѣ опротивѣли. Этакіе всеобъемлющіе міры ходятъ. А можетъ быть, только я такой, но мнѣ отъ того не легче... Вамъ все равно можно сказать, да у меня и нѣтъ секретовъ... для того, чтобы, секретничать, нужно знать навѣрное, что есть что-то другое помимо тебя, а я этого не знаю... Такъ вотъ, я люблю Людмилу, то-есть мнѣ кажется, что я люблю ее и всегда говорю ей объ этомъ. Она никогда мнѣ не отвѣтитъ взаимностью и я по настоящему мучаюсь, зная это. Вы скажете — мучаешься, значитъ уже живешь, значитъ, есть чужое... но это не такъ. Я мучаюсь, потому что это стало постояннымъ состояніемъ моей души... Я повторяю себѣ, что я несчастный, но ничего изъ этого не выходитъ, мнѣ вовсе не хочется выйти изъ этого состоянія, слѣдовательно, я по настоящему страданія не чувствую. Я знаю только, что Людмила совсѣмъ на меня не похожа, что это человѣкъ какой-то другой культуры, изъ другого тѣста вылѣпленъ, и я не могу не влечься къ ней, но совершенно безвольно, пассивно... я никогда даже не интересовался ея душевнымъ міромъ, я почти не знаю, о чемъ она думаетъ, и всегда говорилъ съ ней только о себѣ. Да, кажется, я вообще ни о чемъ другомъ говорить не могу...

Шишикторовъ умолкъ и опять потянулся за пивомъ. Зала вся наполнилась тихими, сѣрыми, обволакивающими сумерками, окна тоже посинѣли.

Слышно было, какъ поспѣшно глоталъ Ильюша.

Послѣ нѣкотораго молчанія раздался голосъ Крутовского. Онъ возразилъ:

— Я никогда не думалъ о томъ, что вы говорили, и только смутно понимаю вашу мысль. Но, страшно сознаться, я иногда чувствовалъ, что способенъ убить... да, да, это было.

Шишикторовъ отвѣтилъ, постукивая пальцами по борту рояля у клавишъ:

— Вотъ видите . . . у васъ, значитъ, кое-что еще найдется на всякій случай, а я этого не сумѣю — не выпрыгну.

XXIII.

Прохаживаясь по дорожкѣ вдоль розъ, Константинъ Никаноровичъ курилъ папиросу за папиросой и то поглядывалъ въ сторону дома на два освѣщенныхъ наверху окна, то глядѣлъ себѣ подъ ноги, видимо, что-то обдумывая. Наскучивъ ходить, остановился онъ подъ туей и даже всталъ на скамейку. Съ этого мѣста освѣщенныя окна въ мезонинѣ видны были лучше. Окна были отворены настежъ и за ними виднѣлась комната, желтая отъ огня лампы. Въ густыхъ сумеркахъ поздняго вечера свѣтъ расширялъ комнату, дѣлалъ ее уютной и радостной.

У стола сидѣла Людмила и читала книгу. Время отъ времени она, не подымая глазъ, отмахивалась рукою отъ комаровъ или поправляла падающую прядь волосъ. Перелистывая страницу, на минуту останавливалась взоромъ на огнѣ въ лампѣ и чуть щурилась. Тогда лицо ея становилось необычайно строгимъ и сосредоточеннымъ.

Наконецъ она отложила книгу въ сторону, убавила огонь, поднялась и ушла въ дальній уголъ комнаты, не видный съ того мѣста, гдѣ стоялъ Смоличъ.

Константинъ Никаноровичъ собрался - было уходить, когда Людмила снова показалась у стола. Теперь она была въ бѣлой ночной кофточкѣ, волосы заплетены были въ тугія косы. Дѣвушка нагнулась надъ цвѣтами, стоящими въ большомъ кувшинѣ, и нѣсколько разъ, закрывъ глаза, глубоко дохнула, потомъ посмотрѣла въ темный садъ (Смоличъ невольно съежился), глянула на луну, выплывавшую со стороны изъ-за косматыхъ деревьевъ, и дунула на лампу. Тотчасъ же комната сомкнулась и стала плоской, какъ стѣны дома, а на подоконникѣ смутно выступила фигура сидящей Людмилы.

Константинъ Никаноровичъ прыгнулъ на песокъ и, усмѣхаясь, побѣжалъ къ дому. Тамъ, оставаясь подъ окнами, онъ осторожно кашлянулъ и посмотрѣлъ наверхъ.

Людмила перегнулась, оглядываясь.

— Кто это?

— Это я, Людмилушка... ты не спишь?

Смоличъ задралъ голову кверху и засмѣялся.

— Увы, у меня нѣтъ голоса и нѣтъ мандолины, чтобы спѣть тебѣ серенаду, — сказалъ онъ: —но если позволишь, я съ тобой поговорю немного.

— Говори, — отвѣчала сверху Людмила: — мнѣ не хочется спать; въ комнатѣ у меня душно и я рада подышать воздухомъ у окна. Ты вернулся откуда-нибудь?

— Да, я гулялъ, дошелъ до самаго Тильска и теперь возвращался домой. У васъ необычайная тишина, но вечеромъ — я успѣлъ отвыкнуть отъ нея въ городѣ — она дѣйствуетъ на меня, какъ вино. У меня тутъ кружится голова, но это очень пріятно.

— Ты усталъ, должно быть, — отвѣтила Людмила: — до Тильска три версты, да обратно столько же. А я такъ вотъ совсѣмъ деревенская жительница и въ городъ меня ничуть не тянетъ. Хорошо тутъ.

Слышно было какъ тамъ наверху вздохнули.

Смоличъ, продолжая посмѣиваться, отыскалъ впотьмахъ у клумбы камень и сѣлъ.

— Меня въ тебѣ это и поражаетъ, — проговорилъ онъ и сталъ чиркать спичкой, чтобы закурить папиросу: — ты такъ молода и такъ серьезна, я бы сказалъ положительна... мечтаешь о какихъ-то земледѣльческихъ курсахъ и вообще сплошь чѣмъ-нибудь занята. Нужно же и о себѣ подумать... узнать жизнь... вообще глупость какую-нибудь сдѣлать... Ты въ зеркало на себя смотрѣла когда-нибудь?..

— Въ зеркало?

Людмила тихо разсмѣялась.

— Ну да, въ зеркало! Ты же должна знать, что ты прехорошенькая!..

Нѣкоторое время ему не отвѣчали. Смоличъ поднялъ глаза и ясно различилъ бѣлую фигуру Людмилы, слившуюся съ бѣлымъ косякомъ окна — луна выплыла изъ-за деревьевъ и со стороны кинула на стѣну тусклые свои лучи.

— Какой ты странный, Костя, — наконецъ молвила дѣвушка: — тебя не разберешь — шутишь ты или серьезно говоришь. Бокомъ какъ-то подходишь къ людямъ... Я,

конечно, смотрюсь въ зеркало и дурнушкой себя не считаю. Вообще совсѣмъ не такъ положительна, какъ ты думаешь. Можетъ быть, скрытна немного. Но тутъ ужъ не моя вина. Въ дѣтствѣ приходилось скрываться. Только это вздоръ — я совсѣмъ не положительная . . . что ты!

Она точно сама себя провѣряла, когда говорила это.

— Нѣтъ, куда тамъ, — повторила она: — иногда я сама удивляюсь, откуда у меня столько глупостей въ головѣ. А деревню я люблю, потому что только тутъ почувствовала себя свободной.

Константинъ Никаноровичъ поморщился.

— Ты не о томъ все. Я говорю о настоящей молодости, о вѣтрѣ въ головѣ . . . понимаешь? Вотъ моя сестра — сколько она надѣлала глупостей и все зря, по молодости . . .

— Что же ты хочешь сказать этимъ?

— Я хочу сказать, что ты кажешься мнѣ стара душою и братъ Витя тоже. У васъ слишкомъ ясно все. Ну работа, ну дѣло, ну любовь къ Иксу или Игреку и ничего больше. Никогда случайно, никогда безъ толку . . .

— Не понимаю тебя . . . я ничего впередъ не предрѣшаю, ничего не расчитываю, а что легко на все смотрѣть не могу — это ты сказать хочешь? — такъ опять этому меня жизнь научила. Приходилось задумываться, разбираться во многомъ. Если бы не разбираясь, такъ я бы давно . . .

Людмила запнулась и докончила поспѣшно:

— Давно раскисла бы.

Константинъ Никаноровичъ засмѣялся принужденно и задымилъ папиросой. Потомъ, бросивъ окурокъ на песокъ дорожки, поднялся съ камня.

— Людмилушка, — сказалъ онъ громкимъ шопотомъ: — сознайся мнѣ, что ты влюблена . . . я это сразу замѣтилъ . . . еще тогда, въ скверѣ . . . по правдѣ сказать, это меня даже задѣло . . . увѣряю тебя . . .

И такъ какъ Людмила не отвѣчала ему и даже не шевелилась тамъ у себя въ окнѣ мезонина, то Смоличъ, помолчавъ, продолжалъ снова:

— Сознайся мнѣ, мой другъ, и я охотно помогу тебѣ . . . хотя, конечно, это будетъ мнѣ не особенно пріятно . . . ахъ, Людмила, почему ты такая разсудительная!

Онъ еще помолчалъ, дожидаясь отвѣта, и заговорилъ опять:

— Нѣтъ, правда, Людмила, я долженъ поговорить съ тобою по душѣ. Я самъ плохо разбираюсь въ томъ, что происходитъ сейчасъ со мною, но я ничего подобнаго никогда не испытывалъ... Чортъ знаетъ, однако, какъ глупо ходить тутъ внизу, говорить и даже не видѣть съ кѣмъ говоришь... Ты слышишь меня, по крайней мѣрѣ?

Наконецъ Людмила отвѣтила:

— Я очень хорошо тебя слышу, Костя. Но плохо понимаю. Должно быть потому, что мнѣ хочется спать. Завтра днемъ тебѣ тоже легче будетъ разговаривать со мною... Покойной ночи!

Смоличъ хотѣлъ-было возражать, но Людмила затворила окно и въ звякнувшихъ стеклахъ онъ увидѣлъ только отраженіе луны.

XXIV.

Досадливо вздернувъ плечи, Константинъ Никаноровичъ думалъ было итти спать, но неожиданно его остановилъ раздавшійся поблизости шопотъ:

— Ахъ, прошу васъ, погодите...

Смоличъ обезпокоенно оглянулся.

Къ нему черезъ клумбы шагалъ высокій, худой человѣкъ.

— Здравствуйте! — произнесъ онъ подходя: — не безпокойтесь — это я — Шишикторовъ... Извиняюсь, что нарушилъ вашъ tête-à-tête, но, увѣряю васъ, не намѣренно... Шелъ отъ Крутовского и случайно забрался сюда... замечтался, должно быть... со мной бываетъ... Разрѣшите пройтись съ вами?

Константинъ Никаноровичъ презрительно улыбаясь, процѣдилъ сквозь зубы:

— Сдѣлайте одолженіе... Мнѣ сегодня везетъ на ночные разговоры. Свернемте вотъ въ эту аллею — въ ней не рискуешь споткнуться и голоса наши никого не разбудятъ...

Онъ подумалъ:

«Почему бы и впрямь не поговорить съ этимъ типомъ? Отъ него несетъ какъ отъ пивной бочки. Но тѣмъ лучше — пьяные болтливы. Я могу поразспросить его кое-о-чемъ...»

И, выйдя на широкую липовую аллею, онъ закурилъ папиросу и проговорилъ безразлично:

— Вы были у Крутовского, я совсѣмъ не знаю этого господина . . . разскажите мнѣ что-нибудь о немъ . . .

— Да, я былъ у Крутовского, — отвѣтилъ Шишикторовъ, которому все не удавалось итти со Смоличемъ въ ногу: — я игралъ ему свои новыя пьесы . . . Да не въ этомъ дѣло . . . О Крутовскомъ когда-нибудь въ другой разъ . . . Мнѣ хотѣлось бы спросить . . . только, право, не примете ли за дерзость . . .

Ильюша наклонился къ Константину Никаноровичу и дохнулъ на него пивомъ. Смоличъ брезгливо поморщился.

— Вы разговаривали съ Людмилой . . . она ничего не говорила обо мнѣ . . . то-есть я хотѣлъ сказать . . .

— О васъ? Почему же она должна была васъ вспомнить?— подхватилъ Смоличъ и чаще задымилъ папироской.

«Я, кажется, поймаю его», — подумалъ онъ тотчасъ же.

— Вовсе нѣтъ, вовсе нѣтъ, — торопливо забормоталъ Шишикторовъ: — я никогда этого не предполагалъ . . . но, если угодно, мнѣ хотѣлось бы, чтобы такъ случилось . . . Чепуха . . . Боже, какую я несу чепуху!

Онъ остановился, и, снявъ шляпу, провелъ длинными своими пальцами по волосамъ. Потомъ, внезапно приходя въ волненіе, дергаясь на мѣстѣ, размахивая руками, заговорилъ:

— Право, это хорошо . . . что вамъ стоитъ! . . Пойдемте въ городъ, въ клубъ . . . Буфетчикъ меня знаетъ — онъ дастъ намъ пива и мы отлично посидимъ . . . Тамъ въ саду за столикомъ по утрамъ великолѣпно . . . Я не могу спать, это ужъ опредѣленно . . . и потомъ мнѣ хочется пить . . . Три версты — совершеннѣйшіе пустяки. Дорога чудеснѣйшая!

Онъ хваталъ Смолича за рукавъ, точно хотѣлъ насильно увести его съ собой.

Они пошли внизъ, къ Ящуру, по проѣзжей дорогѣ. Константинъ Никаноровичъ не переставалъ улыбаться недоумѣнно и насмѣшливо. Онъ удивлялся самому себѣ. Все-таки это путешествіе пѣшкомъ въ городъ съ подвыпившимъ музы-

кантомъ, нѣсколько курьезно. Но, въ концѣ концовъ, здѣсь можно забыть объ условностяхъ. Деревня, съ перваго же дня, сбила его немного съ толку. Пусть идетъ все само собою.

Изъ «Рая» по мосту выскочили съ неистовымъ лаемъ собаки. Признавъ Шишикторова, онѣ замолкли и побѣжали впереди, изслѣдуя по дорогѣ каждый кустъ, каждый камень.

Деревья по обоимъ сторонамъ шляха — старыя ветлы, похожія на согнутыя, искривленныя человѣческія фигуры, тянулись непрерывнымъ рядомъ, освѣщенныя молочно-бѣлымъ свѣтомъ. Во множествѣ разсыпанныя надъ ними звѣзды казались сіяющими, диковинными плодами, повисшими въ волнующемся туманѣ. На всемъ протяженіи дороги играли невѣрныя тѣни. Со стороны Ящура на берегу лягушки надрывались отъ крика. Ихъ трескотня дополнялась по временамъ пѣніемъ жабъ, напоминающимъ нѣжныя ноты флейты.

Весь путь до города Смоличъ и Шишикторовъ прошли молча.

Когда, наконецъ, они усѣлись за столикъ въ бесѣдкѣ надъ Днѣпромъ, и сонный, съ подпухшимъ лицомъ, лакей во фракѣ, натянутомъ на синюю сатиновую рубашку, принесъ графинъ водки и сомнительную закуску, Шишикторовъ, довольно потирая руки, заговорилъ:

— Вотъ и отлично. Здѣсь удивительно хорошо! Черезъ часъ-полтора, начнетъ свѣтать и вы увидите, что это за красота. Позвольте предложить вамъ рюмочку — она предохранитъ васъ отъ простуды... Будьте здоровы... Вы спрашивали меня о Крутовскомъ? . . Охотно отвѣчу вамъ — это отличнѣйшій человѣкъ . . .

— И только? . .

— Можетъ быть, что-нибудь еще, но я его знаю только съ этой стороны. У него есть какая-то бодрость, жизненная цѣпкость, кромѣ того онъ настойчивъ . . .

— И понимаетъ въ музыкѣ?

— Не думаю, чтобы очень, но умѣетъ слушать . . .

— И вы играете ему . . .

— Да. Мнѣ необходимо, чтобы меня слушали — все равно кто . . .

Константинъ Никаноровичъ прищурился и въ свой чередъ наполнилъ рюмки.

— Мнѣ кажется, вы немного преувеличиваете, — сказалъ онъ: — найдется человѣкъ, которому вы играли бы съ большимъ удовольствіемъ. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что человѣкъ этотъ женщина.

Шишикторовъ провелъ рукою по волосамъ, потомъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Не знаю, что отвѣтить вамъ на это ... Пожалуй, вы правы ... но это все несбыточныя мечты ...

Смоличъ зацѣпилъ вилкой кусокъ селедки и, осторожно разрѣзая его, проговорилъ равнодушно:

— Для меня нѣтъ несбыточной мечты ... Кромѣ того женщина наиболѣе доступное изъ всего того, о чемъ мы можемъ мечтать. Можетъ быть потому она такъ мало меня волнуетъ, какая бы она ни была.

— Нѣтъ, нѣтъ, — не говорите ... есть женщины ... есть такія женщины ... Онъ не находилъ словъ.

Смоличъ подсказалъ:

— Недоступныя? Ахъ, молодой человѣкъ, какъ вы наивны! Такихъ нѣтъ, увѣряю васъ. Нужно только умѣть подойти къ нимъ. Къ каждой по разному.

—Нѣтъ, нѣтъ ... вы не знаете ... ну вотъ ... да что тамъ!

— Продолжайте ... я слушаю ... приведите примѣры ... это всего удобнѣе .

— Примѣры? . .

— Впрочемъ, не трудитесь, я готовъ пересчитать самъ ...

Шишикторовъ нахмурился, углы губъ его задергались.

— Я не хотѣлъ бы никого называть по имени. Да и вообще оставимъ этотъ разговоръ.

— Какъ угодно, — равнодушно отвѣчалъ Смоличъ и, разсѣянно глядя на рѣку, на тускнѣющее небо, добавилъ: — Долженъ сознаться — сегодняшнее приключеніе меня особенно утвердило въ моемъ убѣжденіи. Представьте себѣ, эта недотрога Людмила ...

— Вы говорите о Людмилѣ Александровнѣ?

— О ней самой ... Мнѣ она казалась весьма строгой ... и вотъ вамъ яркій примѣръ ... она такая же, какъ всѣ ...

Шишикторовъ вскочилъ съ мѣста и затопалъ ногами.

— Это неправда! — закричалъ онъ визгливо, точно готовый заплакать.

Смоличъ посмотрѣлъ на него снизу вверхъ. Свѣтъ садоваго фонаря достигалъ только до груди Шишикторова — лицо его оставалось въ тѣни.

— Я никакъ не думалъ, что вы нервны до такой степени, — процѣдилъ сквозь зубы Константинъ Никаноровичъ: — вамъ нужно лѣчиться. Но сядьте на мѣсто. Я не могу разговаривать такимъ образомъ. Не понимаю, чѣмъ вы такъ возмутились . . . Я сказалъ самую обыкновенную вещь. И въ концѣ концовъ это такъ естественно. Дѣвицѣ девятнадцать лѣтъ, ей скучно, людей нѣтъ . . . что же удивительнаго, если она захотѣла развлечься . . . Строго говоря, ея кокетство отдаетъ слегка посадомъ, но все же она весьма недурна . . .

Смоличъ говорилъ ровнымъ, безразличнымъ тономъ, слѣдя глазами за мотыльками, кружащими надъ свѣчей. Шишикторовъ тяжело опустился на скамью, схвативъ голову обѣими руками.

— Этого не можетъ быть, — повторилъ онъ.

— Вы чудакъ! ваше волненіе выдаетъ васъ, но право же не изъ-за чего приходить въ отчаяніе. Побольше рѣшительности, молодой человѣкъ! . . Покажите себя мужчиной. Я охотно уступлю вамъ ее . . . она мало меня прельщаетъ.

И когда Ильюша снова готовъ былъ вскочить съ мѣста, Константинъ Никаноровичъ остановилъ его, положа ему на плечо руку, и, придвинувшись ближе, сталъ убѣдительно ему что-то нашептывать.

XXV.

Нагнувшись черезъ перила мостика, ведущаго въ «Рай», Наталья Никаноровна крикнула:

— Какая дивная, какая прозрачная вода! Я вижу всю себя въ ней. Людмилушка, ты не смѣйся надо мною. Я, право, глупѣю отъ восхищенія и готова восторженно ахать передъ каждымъ кустомъ. Я такъ давно не видала настоящей природы.

Людмила, улыбаясь, сдержанно глянула внизъ, на воду, и отвѣтила:

— Ты увидѣла свое отраженіе и я понимаю твою радость — ты очень хороша сейчасъ.

Наталья Никаноровна подняла брови, потомъ самодовольная улыбка разомкнула ея губы.

— Людмилушка! Голубушка! да ты хочешь посмѣяться надъ старухой?

И тотчасъ же, увидѣвъ спокойное лицо Людмилы, кинулась къ ней и, обнявъ за плечи, воскликнула:

— Нѣтъ конечно, милая, я пошутила! Спасибо, спасибо тебѣ! .. Ну, давай руку ... мнѣ хочется пробѣжаться.

Шурша юбками, пробѣжали онѣ до площадки передъ верандой и остановились обѣ, запыхавшись.

Смоличъ чувствовала, что хороша, и не стала поправлять растрепавшіеся волосы. Пусть всѣ видятъ, что здѣсь она не думаетъ о себѣ, не жеманится, не боится загара, усталости, небрежности въ костюмѣ.

— Леонтій Алексѣевичъ, мы къ вамъ! ау!

Воробьи, клевавшіе крошки на ступенькахъ веранды и купавшіеся въ горячемъ отъ солнца пескѣ, съ пронзительнымъ чириканіемъ юркнули въ кусты жасмина.

— Да гдѣ же хозяинъ? Леонтій Алексѣевичъ!

— Онъ въ полѣ, должно быть, — сказала Людмила: — или въ лѣсу ... У него дѣлъ теперь много ... цѣлый участокъ выгорѣлъ, а тутъ еще жатва началась ...

Наталья Никаноровна остановилась у веранды. Вытянувъ руку, оперлась о деревянную колонну, опустила внизъ голову, точно глубоко задумавшись. Солнце сіяло на ея темныхъ волосахъ, бѣломъ лбу и тонкомъ носѣ.

— Крутовской — хозяинъ, — медленно, глубокимъ шопотомъ произнесла она: — я совсѣмъ не представляю себѣ его въ этой роли ... Ахъ, Людмилушка, какъ удивительна, какъ непостижима жизнь ...

Потомъ, рѣшительно тряхнувъ головою, точно отгоняя отъ себя тяжелыя мысли, она быстро поднялась по лѣсенкѣ и вошла въ залу, гдѣ стоялъ рояль.

На роялѣ стояла пустая бутылка пива и недопитый Шишкторовымъ стаканъ — ихъ должно быть забыли убрать отсюда.

— Онъ пьетъ пиво, — смѣясь, воскликнула Смоличъ: — онъ играетъ романсы и пьетъ пиво. Вотъ еще одинъ новый штрихъ. Разскажи мнѣ, Людмилушка, о немъ. Я такъ

давно его не видала. Сядемъ сюда и поговоримъ. Тутъ прохладно и пахнетъ бабушкой, старинной усадьбой: совсѣмъ «interieur», какое любятъ писать современные художники. Посмотри, вотъ даже портретъ... Постой... постой... кого онъ мнѣ напоминаетъ?..

— Это портретъ твоей бабки, Елизаветы Яковлевны, — сказала Людмила: — ты похожа на нее...

— Да, да... ты права... много общаго... но какое жестокое, сухое выраженіе.

Она прищурилась, стоя передъ портретомъ, вытянувъ впередъ лицо и приподымаясь на цыпочки.

Людмила отошла къ окну и, облокотясь на подоконникъ, смотрѣла въ садъ, занятая своими мыслями.

— Нѣтъ, я не могу быть такою черствой, — наконецъ рѣшительно промолвила Наталья Никаноровна: — я совсѣмъ не такая.

И увидѣвъ, что Людмила не смотритъ на нее, она поспѣшно провела рукою по волосамъ, поправляя прическу и нахмурила на мгновеніе брови. Потомъ подошла къ Людмилѣ и, охвативъ ее за талью, шепнула на ухо.

— Я совсѣмъ не сухая... я просто очень, очень несчастная...

Дѣвушка передернула плечами и, рѣзко повернувъ къ названной сестрѣ лицо, пристально посмотрѣла ей въ глаза. Смоличъ выдержала ея взглядъ. Лицо актрисы становилось незамѣтно печальнымъ, углы губъ дернулись и опустились. Людмила отвела глаза.

Наталья Никаноровна, не отнимая рукъ съ ея тальи, медленно и съ убѣжденіемъ проговорила:

— Ты еще очень молода, Людмила, но въ тебѣ я чувствую большое сердце. Если ты любишь кого-нибудь, ты поймешь и меня.

Лицо дѣвушки потемнѣло. Она отвѣтила глухо:

— Я многаго не понимаю въ тебѣ и врядъ ли пойму когда-нибудь... мы разные люди... лучше не будемъ говорить объ этомъ.

Тогда, прижавшись къ ней вплотную и мягко, но настойчиво привлекая къ себѣ, Смоличъ спросила:

— Скажи мнѣ правду... ты что-нибудь знаешь?

— Да, знаю...

— Что именно?..

Людмила отвѣтила не колеблясь:

— Все...

— И не можешь простить мнѣ? . .

Повернувъ лицо въ сторону, сдвинувъ брови и осторожно пытаясь высвободиться изъ объятій названной сестры, Людмила возразила:

— Мнѣ нечего прощать тебѣ . . .

Мелкія морщины засуетились въ углахъ сѣрыхъ глазъ Натальи Никаноровны. Стараясь скрыть мелькнувшую улыбку, закусивъ губу, Смоличъ тотчасъ же стала серьезна, и опять привлекая къ себѣ Людмилу и цѣлуя ее, прошептала:

— Спасибо, спасибо тебѣ, милая... Я послѣ все, все разскажу и ты поймешь...

Она не договорила. За ними заскрипѣли половицы, раздались шаги. Онѣ обернулись поспѣшно и увидѣли передъ собою Крутовского. Онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ, съ палкой въ рукѣ, въ полотняной своей тужуркѣ, въ запыленныхъ высокихъ крагахъ и смотрѣлъ на нежданныхъ гостей съ удивленіемъ.

— Какая трогательная сцена, — проговорилъ онъ наконецъ, улыбаясь смущенно: — я помѣшалъ вамъ?..

XXVI.

У боярышника на обычномъ своемъ мѣстѣ сидѣла Марья Васильевна и наметывала рубашку, когда къ ней подошли всѣ трое — Наталья Никаноровна, Людмила и Крутовской.

— Вотъ, позвольте познакомить васъ, тетушка съ дочерью Вѣры Владиміровны, — сказалъ Леонтій Алексѣевичъ, искоса поглядывая на старушку.

Марья Васильевна положила на столъ работу и поверхъ очковъ глянула на Смоличъ.

— Милости прошу, — сказала она ровно и безъ улыбки: — мнѣ Леничка какъ-то говорилъ о васъ — будто вы съ нимъ старые пріятели. Здравствуй, Людмилушка . . .

И оборотясь къ подошедшей дѣвушкѣ, она протянула руки свои и, ухвативъ Людмилину голову, поцѣловала въ лобъ.

— Присаживайтесь, прошу васъ, — я тутъ сижу, рубашку шью дѣвонькѣ одной — голодранкѣ. Много ихъ въ нашихъ краяхъ — не управишься. Какъ вамъ мѣста наши показались?

Улыбаясь въ сторону Крутовского, точно она съ нимъ что-то знаетъ, точно она маленькая дѣвочка, которую хотятъ пожурить за проказы, Смоличъ отвѣтила съ той поспѣшной предупредительностью, съ какой отвѣчаютъ очень почтеннымъ, старымъ, но чудаковатымъ людямъ.

— О, они очаровательны! Я такъ счастлива, что наконецъ сюда попала. Я опять точно вернулась къ своему дѣтству. Тутъ все по иному — и солнце, и земля, и люди. Все крѣпче, все по настоящему. Сегодня проснулась и побѣжала купаться. Утро было такъ восхитительно. И я была совершенно одна. Ни уродливыхъ купальщиковъ, ни кабинокъ, ни любопытныхъ биноклей, ни отвратительнаго костюма. Вода и солнце точно смыли съ меня все пережитое, я точно приняла новое крещеніе...

Въ ея голосѣ звучали и улыбка и искренность. О такихъ вещахъ нельзя говорить вполнѣ серьезно.

Марья Васильевна, наклонивъ голову надъ работой, проговорила задумчиво:

— Ну, что же, дай Богъ всходы, какъ въ старые годы!

Они помолчали, точно прислушиваясь къ ровному неумолкаемому жужжанію пчелъ, къ шелесту листьевъ.

Крутовской похлопывалъ себя по крагамъ сухою вѣткой, которую онъ подобралъ тутъ же подъ столомъ. Онъ не смѣлъ поднять глазъ на Смоличъ. Хотѣлось поскорѣе уйти въ поле, въ лѣсъ, куда-нибудь, и онъ тревожно и нетерпѣливо выискивалъ удобный предлогъ.

Но внезапно Наталья Никаноровна поднялась съ мѣста.

— Леонтій Алексѣевичъ, — крикнула она (Крутовскому почудилось, что голосъ ея раздался особенно рѣзко): — Леонтій Алексѣевичъ, вы должны показать мнѣ свой садъ, свое хозяйство.

И не дожидаясь его отвѣта, она извинилась передъ Марьей Васильевной, что на время отнимаетъ у нея племянника, и пошла впередъ по дорожкѣ, въ зеленую чащу.

Онъ нагналъ ее съ стѣсненнымъ сердцемъ, чувствуя, что сейчасъ произойдетъ разговоръ, котораго такъ боялся. Обернулся и посмотрѣлъ на Людмилу, втайнѣ надѣясь, что она пойдетъ съ ними, но дѣвушка не глядѣла въ его сторону.

Они прошли молча два поворота. Боярышникъ скрылся давно за густой стѣною сирени и орѣшника. Подъ ногами хрустѣли сухія вѣтки и колебались причудливыя тѣни.

Нечищенная дорожка привела къ высохшему пруду. Когда-то правильный, копанный четырехъугольникъ воды пышно заросъ теперь аиромъ, ирисами и тминомъ. Старая, прогнившая лодка лежала вверхъ дномъ, покрытая губчатымъ мохомъ, въ щели и зіяющія дыры мощно вырывались къ солнцу широколистный лопухъ и крапива. Изумрудная лягушка сидѣла на краю кормы.

Наталья Никаноровна рѣзко остановилась и повернулась къ слѣдовавшему за нею Крутовскому. Лицо ея было строго и рѣшительно, глаза потемнѣли.

— Я очень виновата передъ вами, Леонтій Алексѣевичъ, — произнесла она.

Руки ея опустились, голосъ дрогнулъ.

Крутовской смѣшался.

Не возражайте и выслушайте меня. Я ничего не хочу отъ васъ, я хотѣла одного: сказать вамъ это. Только сейчасъ я поняла до конца, какъ я виновата передъ вами и передъ собою. Да, да... Это непоправимо, я знаю. И оправдываться не нужно. Нужно молчать. Я была глупа, эгоистична, когда писала вамъ, когда чего-то добивалась. Говорить о прошломъ значитъ переживать его вновь, вновь повторять свои ошибки. Не бойтесь, этого не случится. Здѣсь, въ деревнѣ, всѣ сложности, всѣ запутанности, самобичеванія излишни. Здѣсь только — да или нѣтъ. Леонтій Алексѣевичъ, дайте мнѣ вашу руку. Вѣрьте мнѣ — все кончено, все вытравлено, постарайтесь увидѣть во мнѣ только новую знакомую. Видите, какъ мало мнѣ нужно...

Она протягивала ему руку. Она улыбалась смущенно и грустно. — Я даже не прошу у васъ дружбы, — добавила она чуть слышно, когда Крутовской, склонясь, цѣловалъ холодные ея пальцы.

XXVII.

На лугу, за бѣлыми березами, у обрыва высокаго Днѣпровскаго берега, братья Ерандаковы устроили пикникъ. Навезли невѣроятное количество винъ и яствъ, подрядили играть клубный оркестръ. Музыкантовъ напоили еще до пріѣзда всѣхъ приглашенныхъ.

— Ничего, пей! — кричалъ Фроша, озабоченно копаясь въ корзинахъ и вытаскивая то одну бутылку, то другую. Потъ катилъ съ него градомъ, канотье торчало на затылкѣ. Дирижеръ кланялся, вытиралъ рукавомъ вспотѣвшій лобъ и красный носъ и, вытягивая впередъ толстыя губы, прикладывался къ новой рюмкѣ.

— Для игры нужно вдохновеніе, — разсуждалъ Фепта, сидя на травѣ и съ ожесточеніемъ раскупоривая перочиннымъ ножемъ жестянку съ консервами: — это ужъ я знаю . . а вдохновеніе отъ вина — тутъ ничего не подѣлаешь. Нѣтъ, Іудовичъ, ты скажи мнѣ, видалъ ли когда-нибудь этакое совершенство? Красота, умъ, талантище. Понимаешь, она намъ пѣла . . . неподражаемо. Чортъ его знаетъ, что такое! Мы съ братомъ такъ и влопались по уши . . . не смѣйся . . . трагедія, говорю я тебѣ! А, дьяволъ, никакъ не откупоришь, будь они трижды прокляты! . . Да, Іудовичъ, противъ этого ничего не подѣлаешь, тутъ родную кровь пролить можно . . .

— Что вы, Феопемтъ Савельевичъ! — захлебнувшись, запищалъ капельмейстеръ:— опомнитесь!.. этакое сказали!..

— И скажу, — заоралъ Фепта, ударяя сразмаху ножемъ по крышкѣ жестянки, отчего во всѣ стороны разлетѣлись брызги: — ты пойми только. Мы съ братомъ можно сказать одно. Что онъ — то я. Цѣлое и недѣлимое. Да и она тоже одна. Что же, намъ ее на куски рвать? А какъ подѣлишь? Мы думали, ничего не выходитъ. Пусть сама разсудитъ: «Наталья Никаноровна» — скажемъ . . .

— Баринъ! гости пожаловали, — закричалъ мальчишка-лодочникъ, подбѣгая къ Ерандакову: — Самолюбовскіе . . .

За березками позванивали бубенцы, ржали кони. Разнесся заливчатый женскій смѣхъ, густой басъ загудѣлъ: «тпр, милай», на поляну выскочилъ пойнтеръ — бѣлый, съ рыжими подпалинами — Витинъ Вертунъ.

И сейчасъ же грянулъ нестройно, но смѣло привѣственный маршъ. Фепта и Фроша, подергивая фалды пиджачковъ, побѣжали къ пріѣзжимъ вприпрыжку, рабочія лошаденки, привезшія угощеніе, отвѣтили ржаньемъ на привѣтствіе Самолюбовскихъ коней, голоса перемѣшались съ лаемъ и на полянѣ стало казаться и очень весело и людно.

— Вѣра Владиміровна, вашу ручку, — суетился Фепта, помогая Карышевой сойти съ коляски: — вотъ сюда, подъ дубокъ — самое удобное мѣстечко — мы ужъ вамъ подушечки приготовили.

Наталья Никаноровна обмахивалась большимъ лопухомъ; Витя дразнилъ Вертуна; Людмила и Константинъ Никаноровичъ вынимали мороженницу, Смоличъ старался не отходитъ отъ Людмилы и выказывалъ необычайную предупредительность.

Вслѣдъ за Самолюбовскими подкатила лихо исправницкая тройка. Мадамъ Анкуку въ кружевномъ розовомъ капотѣ сидѣла красная и только пыхтѣла, истомленная до-нельзя жарою. Капитонъ Ксенофонтовичъ расправлялъ усы, топыря колесомъ грудь, затянутую въ ослѣпительно бѣлый китель.

Нотаріусъ Бриндинъ съ супругою пріѣхали на лодкѣ. Падалка несъ передъ ними объемистый кулекъ съ фруктами.

— Только для васъ, Наталья Никаноровна, — говорилъ Олегъ Максимовичъ, склоняясь къ рукѣ пѣвицы: — я ѣздилъ въ городъ чтобы достать эти primeur'ы!

Онъ былъ великолѣпенъ: въ бѣлыхъ брюкахъ, бѣлыхъ туфелькахъ, въ бѣлой тенисной, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ, рубашкѣ; слѣпяще-желтый піонъ красовался у него на груди.

Завистливо и бокомъ поглядывая на него, Фроша говорилъ преувеличенно-развязно:

— Это что же! пустяки. Зелень одна — привозные фрукты. Вотъ мы винца раздобыли — удивительное! Кордонъ-ружъ.

И потомъ, понижая голосъ и незамѣтно отводя подъ локоть смѣющуюся Смоличъ въ сторону отъ нотаріуса, онъ зашепталъ взволнованно:

— Ахъ, Наталья Никаноровна, мы съ братомъ безъ ума, прямо безъ ума . . . это что-то необъяснимое. Вы кудесница,

даже больше... Мы никогда комплименты не говоримъ, это сущая правда. Вы должны насъ понять.

Все еще смѣясь, Смоличъ воскликнула:

— Боже мой! Вы меня оглушили — объяснитесь въ чемъ дѣло?

Тогда, сдернувъ канотье, краснѣя и таращa глаза, Фроша пробормоталъ:

— Вы не повѣрите, честное слово — но мы готовы ради васъ... мы умоляемъ. Наша любовь...

Кусая губы, чтобы сдержать приступы смѣха, Наталья Никаноровна сказала участливо:

— Ваша любовь? Кто же изъ васъ влюбленъ — я не разберу — вы оба?...

И такъ какъ Фроша продолжалъ молчать, тяжело дыша и багровѣя все больше, она затѣнила его зонтикомъ и, качая головой, протянула:

— Ай, ай, какъ мнѣ васъ жаль... но, ради Бога, надѣньте скорѣе шляпу — вы можете получить солнечный ударъ и тогда мнѣ волей-неволей не придется выбирать между вами и братомъ... Такъ, значитъ, оба?

И снова заливаясь звонкимъ смѣхомъ, она повернулась, чтобы идти и столкнулась къ Крутовскимъ.

Глядя на нее, Леонтій Алексѣевичъ невольно улыбнулся. Она протянула ему руку съ дружескимъ кивкомъ, все еще сіяя смѣхомъ и блестя глазами.

— Ну вотъ! Какъ хорошо, что и вы тутъ. Эти Ерандаковы препотѣшны. Идемте, насъ навѣрно ждутъ подъ дубомъ. Представьте, мнѣ объяснились въ любви — въ коллективной любви. Какъ вамъ это нравится.

XXVIII.

Вѣра Владиміровна, конечно, не сѣла на приготовленныя ей подушки подъ дубомъ. Она совсѣмъ не такъ стара, какъ думаютъ, и ничуть не устала. Развѣ могутъ накрыть, подать и устроить все по-человѣчески, если она сама за всѣмъ не присмотритъ...

Она подняла всѣхъ на ноги; каждому дала дѣло. Эта молодежь ни на что не способна. Ну, живо, живо... Маршъ

за хворостомъ, вотъ тамъ въ заросляхъ его должно быть много. Ната, достань чашки. Витя, сбѣгай за водой.

И когда все стало по своимъ мѣстамъ, и на бѣлой скатерти аппетитно разставлены были закуски, изъ ведра со льдомъ весело выглянули цвѣтныя горлышки бутылокъ, а самоваръ закипѣлъ, забулькалъ, готовый убѣжать, Вѣра Владиміровна удовлетворенно вздохнула, но все же не успокоилась.

— Капитонъ Ксенофонтовичъ, Авдотья Петровна, Ильюша, что же вы? Давайте, я вамъ положу. . . вотъ этого . .

Щеки ея горѣли, глаза блестѣли, вся ея тонкая фигура была напряжена. Можно было подумать, что она вполнѣ счастлива, вполнѣ удовлетворена. Но мысли ея шли другимъ порядкомъ, онѣ не сливались ни съ словами ея, ни съ поступками, ихъ ходъ былъ дологъ и тягостенъ. Она не переставала думать о себѣ, о мужѣ, о его письмѣ. Это письмо она носила съ собою, каждый день и по нѣскольку разъ въ день перечитывала, стараясь прочесть истину, повѣрить его словамъ. Возможна ли ихъ совмѣстная жизнь? Новый долгій миръ? Она стала мнительной. Перестала довѣрять себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ее страшила мыслъ, что опять и навсегда ей суждено одиночество. Но все же она не рѣшалась дѣйствовать, не рѣшалась сдѣлать первый шагъ, отвѣтить на письмо мужа. Она положительно боялась этого, не находила въ себѣ достаточно мужества.

Этотъ кругъ, въ которомъ вращались ея мысли, замкнулъ въ себѣ все ея существо.

— Да, да, конечно, еще бы! — восклицала она, улыбаясь, готовая куда-то бѣжать, что-то дѣлать, точно увлеченная тѣмъ, что ей говорили, но въ глубинѣ далекая отъ всего и всѣхъ.

Она замѣтила, что Костя слишкомъ часто подливаетъ въ стаканъ Шишикторова вина, и даже остановила сына.

— Ему будетъ нехорошо, Костя.

Но уже не слышала, что отвѣчалъ ей Смоличъ.

Это были какіе-то овраги, провалы. Вокругъ нея точно все замирало, отодвигалось отъ нея. Она бы не могла сказать, что съ нею, и о чемъ она говорила минуту передъ тѣмъ.

Внезапно она услышала звонкій срывающійся голосъ Шишикторова и прислушалась.

— Вы говорите, что я слишкомъ выпилъ, — кричалъ Ильюша: — не спорю, не смѣю спорить... но все же я отлично соображаю. Великолѣпно! Вотъ передо мною стоятъ два оболтуса — Фепта и Фроша... Нѣтъ, нѣтъ — не обижайтесь. Это я такъ, par amour, отъ чистаго сердца. Для того, чтобы вы поняли насколько остро и ярко я воспринимаю окружающее. Да. Я хочу сказать тостъ. Спичъ... по-англійски, слово привѣта... Я хочу обратиться къ женщинамъ. Можетъ быть, даже къ одной женщинѣ изъ здѣсь присутствующихъ. Она, конечно, пойметъ, если захочетъ. Вотъ!

Шишикторовъ поднялъ дрожащей рукою бокалъ съ шампанскимъ и, обведя всѣхъ присутствующихъ покраснѣвшими глазами, остановилъ ихъ на Людмилѣ. Константинъ Никаноровичъ сгорбился и смотрѣлъ въ тарелку, на которой извивался зеленый червякъ, упавшій съ дерева. Наталья Никаноровна улыбалась выжидающе, искоса поглядывая на Крутовского, обезпокоенно слѣдящаго за Ильюшей. Исправникъ нѣсколько разъ крякнулъ и, вытянувъ губы, дергалъ себя за усы. Чета Брындиныхъ, Яковъ Владиміровичъ и мадамъ Анкуку играли въ карты. Это не мѣшало Тамарѣ Гавриловнѣ слѣдить за Леонтіемъ Алексѣевичемъ и пѣвицей Въ сторонѣ дворянинъ Падалка угощалъ музыкантовъ. Вѣрѣ Владиміровнѣ показалось на мгновеніе, что она въ театрѣ, что передъ ней сцена. Она видѣла все въ мельчайшихъ подробностяхъ, но такъ это было чуждо ей, такъ не задѣвало ее. Она слышала какъ жужжалъ комаръ, какъ смѣялись кучера въ рощѣ, перекликаясь съ горничными. Съ высокаго берега виденъ былъ Днѣпръ и колокольня Тильскаго собора.

Всклокоченная грива Шишикторова горѣла на солнцѣ, по лицу его бѣгали тѣни листьевъ и солнечныя пятна. Онъ стоялъ на колѣняхъ въ травѣ передъ скатертью съ остатками снѣди, вокругъ которой сидѣла и лежала вся компанія. Стаканъ его, стиснутый костлявыми пальцами, описывалъ въ воздухѣ кривую.

— Вотъ, — снова заговорилъ онъ: — я обращаюсь къ ней, моей дамѣ. Я говорю ей, что она несправедлива. Ее любятъ долго и преданно, но она остается холодной. Она кажетъ себя безстрастной, неприступной . . . Вотъ . . . Но это вздоръ. Это фарсъ, глупый фарсъ! Она такая, какъ и всѣ . . . Она женщина . . . женщина . Господинъ Смоличъ, вы, кажется, говорили мнѣ что-то о женщинахъ. Всѣ одинаковы. Да . . . Она заводитъ флиртъ, по-русски шашни . . . Съ кѣмъ! Константинъ Никаноровичъ, съ кѣмъ!

Смоличъ пожалъ плечами.

— Онъ пьянъ, — пробормоталъ Константинъ Никаноровичъ смущенно: — что за чепуха!

Витя поднялся съ травы и подошелъ къ Шишикторову.

— Послушайте, пойдемте, пройдемся, здѣсь очень душно.

Но Ильюша дернулся въ сторону, вино плеснуло на скатерть.

Нѣтъ, позвольте, — крикнулъ онъ: — я не кончилъ . . . Я хочу выпить . . . Я все-таки хочу выпить за здоровье моей дамы. Ваше здоровье, Людмила Александровна!

Онъ залпомъ выпилъ остатки шампанскаго и бросилъ стаканъ далеко въ сторону.

Витя схватилъ его подъ руку и поднялъ съ колѣнъ. Крутовской помогъ Бунакову. Они поспѣшно отвели его въ сторону.

— Что за гадость, — негодовалъ Витя: — я не узнаю Ильюшу.

Леонтій Алексѣевичъ съ безпокойствомъ оглядывался на Людмилу. Она сидѣла неподвижно на своемъ мѣстѣ. Одной рукой опиралась въ землю. Голова ея опустилась и глазъ ея не было видно. Тяжелая коса упала ей на грудь.

— Ахъ, ахъ, — испуганно вскрикивала исправница, а исправникъ многозначительно мычалъ себѣ подъ носъ. Тамара Гавриловна что-то шептала взволнованно Натальѣ Никаноровнѣ, не перестававшей улыбаться. Бryндинъ суетился возлѣ Вѣры Владиміровны. Растерянная, испуганная, она не знала, къ кому обратиться. Потомъ, внезапно прійдя въ нервное возбужденіе, поднялась съ мѣста и потребовала лошадей.

— Я ѣду домой, — говорила она, волнуясь и тщетно ища свой шарфъ: — сейчасъ же ѣду! Я никакъ не думала, что люди могутъ дойти до такой степени. Я не хочу здѣсь оставаться.

— Его бить надо, драть надо! — неожиданно заоралъ Фроша, приходя внезапно въ ярость: — молокососъ, мальчишка!

Хватая брата за рукавъ, Фепта сказалъ увѣренно:

— Дуракъ! Потащить его въ Днѣпръ и головой въ воду — очухается. Опредѣленно!

Размахивая руками, они побѣжали къ Шишикторову.

Наталья Никаноровна, кивая успокаивающе головой встревоженнымъ дамамъ, незамѣтно подошла къ матери и шепнула ей:

— Мамуся, успокойся. Сейчасъ подадутъ лошадей, и я отвезу тебя домой. Эта молодежь никогда не знаетъ мѣры. Онъ, бѣдный, совсѣмъ потерялъ голову.

Потомъ, оборотясь къ Людмилѣ, все еще недвижимой, весело шепнула:

— Людмилушка, милая, я поѣду съ мамой, а ты присмотри за вещами. До свиданія!

XXIX.

Коляска быстро выѣхала на дорогу. Березовая роща и Днѣпръ остались позади. Вѣра Владиміровна откинулась на подушки коляски и нѣкоторое время молчала, скорбно сомкнувъ губы. Потомъ проговорила съ горечью:

— Какъ это все некрасиво, какъ гадко. Я не могу разобраться, но не можетъ быть, чтобы онъ говорилъ правду. Я знаю Людмилу . . . Нѣтъ, нѣтъ,быть этого не можетъ.

Наталья Никаноровна заботливо склонилась надъ матерью.

— Ахъ, мама, не нужно такъ волноваться. Конечно, я тоже ничему не вѣрю . . . во всякомъ случаѣ это не больше, чѣмъ вспышка ревности . . .

Вѣра Владиміровна спросила поспѣшно:

— Ты все-таки думаешь, что онъ имѣлъ основанія?..

Смоличъ раздумчиво подняла брови и отвѣтила:

— Какъ знать... въ концѣ концовъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, если онъ былъ влюбленъ въ Людмилу... Она такъ хороша и кокетство простительно въ ея годы...

— Да, да, конечно, — тихо повторила Вѣра Владиміровна: — въ ея годы это простительно... но я никакъ не думала, никакъ не предполагала. Она росла все время на глазахъ у меня, мнѣ казалось, что я хорошо ее знаю... И все же многое ускользнуло отъ меня... Она жила своей жизнью, своими чувствами... Странно, мнѣ никогда не приходилось говорить съ нею о ней самой.

Карышева улыбнулась устало и виновато. Искоса она посмотрѣла на свою дочь. Знаетъ ли она и Нату? Почему вотъ сейчасъ она чувствуетъ къ ней какое-то необъяснимое недовѣріе. Боится повѣрить въ ея искренность. Изъ случайныхъ словъ, обрывковъ воспоминаній мать смутно начинала догадываться объ отношеніяхъ дочери къ Крутовскому. Что это за отношенія? Влюбленность, любовь, или дружба? Когда они зародились? Нѣтъ, она ровно ничего не знаетъ о дочери. Не знаетъ, что это за человѣкъ. Какъ понять это участіе къ ней, участіе, явившееся такъ внезапно. Проснувшееся дочернее чувство? Но развѣ она,Вѣра Владиміровна, была ей матерью? «Ната, конечно, не дурной человѣкъ, — думала Вѣра Владиміровна, продолжая приглядываться къ дочери. — Правда, съ хитринкой. Ее испортила сцена, эти подозрительные люди, съ которыми она вела знакомство. Она практична, но и безтолкова; вспомнила обо мнѣ потому, должно быть, что пережила какой-нибудь сердечный ударъ. Конечно... — Вѣра Владиміровна облегченно вздохнула: — у нея былъ какой-нибудь романъ... она не разъ намекала мнѣ на это. У нихъ, среди актеровъ, это бываетъ часто.»

Карышева не хотѣла додумать свою мысль до конца. Нѣтъ, конечно, ничего серьезнаго. Но эта одинаковость переживаній точно сблизила ее съ дочерью. «Она тоже женщина, она понимаетъ меня.»

Наталья Никаноровна замѣтила, какъ расправились черты лица ея матери. Она дотронулась до ея руки и сказала:

— Ты успокоилась, мама? Конечно, не нужно думать объ этомъ. Я хотѣла поговорить съ тобой о другомъ.

Вѣра Владиміровна спросила, обезпокоенная:

— Что такое, Наташа? .. Ради Бога, не пугай меня! ..

Смоличъ тихо засмѣялась.

— О, ничего страшнаго, мама ... Мнѣ хотѣлось узнать .. Вы ничего еще не говорили мнѣ о томъ письмѣ, что я передала вамъ ...

Карышева откинулась опять на спинку коляски и закрыла глаза.

— Я взволновала тебя, мама? Прости мнѣ, я не хотѣла этого ... мнѣ такъ жаль тебя ...

Наталья Никаноровна порывисто пригнулась и поцѣловала лежавшую на колѣнахъ руку матери.

Вѣра Владиміровна, растроганная, взволнованная до слезъ, схватила голову дочери и поцѣловала въ лобъ съ нѣмой благодарностью. Въ ней проснулось настоящее глубокое материнское чувство. И пристально глядя потемнѣвшими, влажными глазами въ глаза Наташи, она произнесла срывающимся голосомъ:

— Дочь моя ...

Наталья Никаноровна прижалась къ матери, чувствуя, что и у нея выступили слезы. На мгновеніе она почувствовала себя маленькой дѣвочкой и пробормотала совершенно искренно:

— Мама, мамочка, не нужно плакать. Мы будемъ счастливы.

Потомъ, вновь взявъ себя въ руки и поправивъ прическу, она сказала со спокойной увѣренностью:

— Повѣрь мнѣ, все устроится. Ты слишкомъ намучилась. Такъ нельзя. Ты должна простить его и вернуться къ нему. Онъ тебя попрежнему любитъ и самъ страдаетъ. Позволь мнѣ устроить все это. Я знаю, какъ тяжело дѣлать первые шаги. Положись на меня и перестань себя мучить. Ты уѣдешь въ городъ и все забудешь. Повѣрь мнѣ — всѣ мужчины одинаковы — не хуже и не лучше. Подумай о себѣ. Ты не такъ молода, чтобы начинать все сызнова, а одиночество можетъ убить тебя.

— Ахъ, Наташа, я сама не знаю, что дѣлать ... Я боюсь, боюсь всего ...

— Это нервы, нужно взять себя въ руки.

Вѣра Владиміровна безпомощно поежилась. Глаза ея высохли, взглядъ былъ растерянъ. Ее знобило.

— Мнѣ казалось, что я начинаю привыкать къ мысли навсегда остаться вдовою . . . брошенной . . . Я рѣшила посвятить себя всецѣло вамъ, вашимъ интересамъ . . . . Я боюсь, что ничего изъ этого не вышло . . . Какъ же это такъ, Наташа?

Смоличъ чуть улыбнулась, глядя на убитое лицо матери. Ее начинала забавлять дѣтская ея безпомощность и наивность. Она произнесла успокаивающе:

— Зачѣмъ думать, мама? Я понимаю твое желаніе посвятить себя заботамъ о насъ, но развѣ твое примиреніе съ мужемъ помѣшаетъ этому? Напротивъ. Что дѣлать, если ты все еще женщина! . .

Она добавила съ шутливой полуулыбкой:

— Я признаюсь тебѣ, мама, что я точно такая же, какъ ты. Мы невольны надъ своимъ сердцемъ...

Немного смущенная этой неумѣстной вольностью, Вѣра Владиміровна подобралась и, глядя на вынырнувшій изъ зелени сада домъ свой, сдержанно отвѣтила:

— Сердце дано намъ для любви, Наташа, но съ годами оно подчиняется разуму, если только мы не безнадежно глупы.

Смоличъ прикусила языкъ, понявъ свою оплошность, и, помогая матери сойти съ экипажа, она постаралась сгладить невыгодное впечатлѣніе.

— Я, можетъ быть, говорила не то, что нужно, — сказала она: — но все же, мама, вѣрь, что мною руководитъ только желаніе помочь тебѣ. Прошу тебя, позволь, я отвѣчу ему . . . успокою . . .

И видя, что Вѣра Владиміровна готова возражать, поспѣшно добавила:

— Это, конечно, ни къ чему тебя не обязываетъ . . . ни къ чему . . .

XXX.

Смоличъ прошла съ себѣ въ комнату переодѣться. Она сняла платье и, встряхнувъ его, бросила на спинку стула. Потомъ наклонилась надъ умывальникомъ, съ наслажденіемъ погружая руки въ холодную воду. Она не переставала улы-

баться, подъ сурдинку напѣвая французскую пѣсенку о барашкѣ и дѣвочкѣ. Она чувствовала себя удивительно бодрой, взвинченной. Вся эта исторія на пикникѣ только забавляла ее. Конечно, виноватъ въ скандалѣ Костя — это ясно. Нельзя сказать, чтобы его выдумка была остроумна. Никто не могъ придать особеннаго значенія пьянымъ глупостямъ мальчишки. Но все же онѣ доставили Людмилѣ нѣсколько непріятныхъ минутъ. Боже, какъ мужчины глупы!

Наталья Никаноровна подошла къ зеркальному шкапу и, закинувъ за голову руки, посмотрѣла на свое отраженіе. На тонкой розовой кожѣ у сгиба рукъ натянулись двѣ тоненькія, блѣдноголубыя жилки. Онѣ были такъ нѣжны, такъ очаровательны, что ихъ хотѣлось поцѣловать. Смоличъ засмѣялась возбужденнымъ, удовлетвореннымъ смѣхомъ. Она еще чувствовала себя красивой, она не могла не нравиться. Ея полнота не отталкивала, не казалась тяжелой, ея крѣпкое, округлое, свѣжее тѣло въ мѣру расцвѣло и созрѣло. Роды ничуть не обезобразили ее. При воспоминаніи о своемъ ребенкѣ Смоличъ на мгновеніе нахмурилась. Этотъ случайный ребенокъ не принесъ ей счастья. Его смерть не поразила ея. Съ его отцомъ у нея тянулась нудная любовь, тягостная обоимъ. Все же она убѣдилась, что никогда по настоящему не любила; въ ней мало страсти — весь темпераментъ ея уходитъ на другое — на заботы о своемъ голосѣ, своемъ успѣхѣ, своихъ развлеченіяхъ. Да, да, нужно сознаться, она больше всего любила себя. Въ концѣ концовъ это не такъ плохо. Если она увлекалась и увлекала, то только изъ любопытства и еще потому, быть можетъ, что каждое увлеченіе несло съ собою новыя радости . . .

Наталья Никаноровна потянулась, грудь поднялась выше, зашевеливъ тонкій, прозрачный узоръ кружевъ. Она втянула ноздрями свой запахъ — сладкій запахъ духовъ и тѣла. Она такъ любила его . . . духи всегда были ея первѣйшей заботой. Она сама составляла смѣсь и никому не открыла бы своего секрета. Развѣ кто-нибудь изъ тѣхъ, кто любилъ ее, кому она отдавалась, умѣли любить ее тѣло такъ, какъ она его любила? Они всѣ были грубы и въ концѣ концовъ непріятны... Нѣтъ, конечно, страсть никогда еще не заставляла ее забыться, не приносила ей тѣхъ радостей, какія даютъ запахи

духовъ, тонкое бѣлье, теплая вода ванны, густое вино, зрѣлище своей красоты и сознаніе своей силы...

Смоличъ прошлась по комнатѣ. Чуть ощутимое дуновеніе пріятно ласкало ея обнаженныя руки, шею и грудь. Теперь она думала о Крутовскомъ. Что собственно она хочетъ отъ него? Можетъ быть, онъ ей немного нравится. Она не хотѣла серьезно разбираться въ этомъ. Можетъ быть, и то, и другое, и третье... Все-таки какъ онъ слабъ, несмотря на весь свой видъ дѣлового человѣка. Иногда сладко вернуть прошлое. Не потому ли она пріѣхала сюда? Конечно, она сумѣла бы найти кого-нибудь другого, если бы захотѣла. Она понимаетъ, что не сегодня, завтра ей понадобится надежная опора, вѣрный уголъ. Дни бѣгутъ, бѣгутъ до отчаянія быстро. Но развѣ одинъ Крутовской остался у нея для роли этой вѣрной опоры? Ахъ, идеи были ей такъ же чужды, какъ и люди. Вся ея революціонная полоса не было ли это лишь игра на нервахъ... Интересныя, острыя ощущенія, почти такія же, какія вызываются холодной струей воды, внезапно оросившей тѣло. Конечно, она никогда не была предательницей, измѣнницей, что за нелѣпость. Она никогда не измѣняла себѣ. По правдѣ сказать, она плохо вѣрила въ то, чтобы люди серьезно и самоотверженно отдавали себя идеѣ. Они притворяются... они притворяются, быть можетъ, сами не замѣчая того. Въ концѣ концовъ въ этой игрѣ, въ этомъ притворствѣ выигрываетъ тотъ, кто во время сумѣетъ остановиться. Вѣдь увлекаются люди рискованнымъ спортомъ, ежеминутно находятся на грани гибели. Оттого спортъ завлекаетъ, а опасная работа только тягостна... Этотъ жандармскій ротмистръ съ каменнымъ подбородкомъ, несмотря на всю свою силу, все же былъ слишкомъ серьезенъ, чтобы наслаждаться своимъ дѣломъ. Онъ никакъ не хотѣлъ повѣрить ей, что на деньги, которыя она получала отъ него, она смотрѣла какъ на выигрышъ... Это были *шальныя* деньги — и только. Ей такъ же хотѣлось смѣяться и хлопать въ ладоши, когда она получала ихъ, какъ если бы ихъ ей пододвинулъ крупье своей лопаточкой. «Le jeu est fait — rien ne va plus!» Почему игру въ рулетку не считаютъ преступной? Сколько жертвъ влечетъ за собою каждый выигрышъ. И можетъ быть безсознательно Наталья

Никаноровна считала бѣшенную вспышку Крутовскаго, тогда, въ тотъ роковой день — только естественной вспышкой отчаянія проигравшагося человѣка... Но теперь она готова пожалѣть его.

Проведя ладонями по глазамъ и зѣвнувъ, Смоличъ снова улыбнулась, невольно возвратившись мыслью къ сегодняшнему дню и стала поспѣшно одѣваться.

Въ столовой она встрѣтила Якова Владиміровича и Костю. Они обсуждали происшедшій скандалъ и оба сильно возмущались. Особенно шокировало Якова Владиміровича то, что молодой человѣкъ смѣлъ напиться при дамахъ.

— Я уже не говорю о той чепухѣ, которую онъ болталъ — она изъ рукъ вонъ вздорна. Нѣтъ, такъ мы не влюблялись, чортъ возьми!

Отведя брата въ сторону, Наталья Никаноровна шепнула ему на ухо:

— Какъ это глупо, другъ мой.

— Что такое? что глупо?

— Не притворяйся. Я догадалась, кто это подстроилъ, и, повѣрь мнѣ, догадалась не я одна.

Константинъ Никаноровичъ досадливо поморщился:

— Оставь меня въ покоѣ, — процѣдилъ онъ сквозь зубы: — вы всѣ мнѣ надоѣли по горло.

— Вотъ потому-то у тебя ничего и не выходитъ, — возразила сестра. — Дядя Яша, — обратилась она къ Тулубьеву: — вы не находите, что сегодня вечеромъ будетъ гроза. Паритъ невыносимо, а на горизонтѣ тучи.

И точно, воздухъ былъ накаленъ до того, что даже въ столовой трудно было дышать; вѣтеръ затихъ и деревья стояли недвижимо.

Внезапно раздался густой раскатъ грома. Наталья Никаноровна вздрогнула и перекрестилась. Вошла Вѣра Владиміровна и стала затворять окна. Но дождь не шелъ и небо оставалось синимъ и невозмутимымъ.

Людмила озабоченно прошла черезъ столовую на балконъ и оттуда спустилась въ садъ. Смоличъ окликнула ее:

— Куда ты, Людмилушка?

Не поворачивая головы, дѣвушка отвѣтила:

— Нужно пойти закрыть парники — дождь поломаетъ кактусы.

Наталья Никаноровна выбѣжала за нею.

— Подожди меня — я пойду съ тобою.

Онѣ пошли рядомъ быстрымъ шагомъ. Парило не меньше, но небо постепенно мутнѣло, точно заволакивалось дымомъ. Когда же Смоличъ и Людмила дошли до калитки огорода, порывъ вѣтра съ бѣшенной силой поднялъ столбъ пыли и понесъ его, свивая вверхъ по холму, и засыпалъ глаза. Неподалеку жеребята въ своемъ зеленомъ загонѣ безпокойно заржали. Цѣлая туча воробьевъ съ пронзительнымъ чириканіемъ кинулась съ кустовъ смородины въ чащу сада. Поддерживая одной рукой волосы, другой юбку, Наталья Никаноровна бѣжала за Людмилой. И почти ошеломительно-внезапно она почувствовала себя залитой бѣшеннымъ водянымъ потокомъ. Ливень несся, чѣмъ дальше, тѣмъ ожесточеннѣе, заливая поля, огороды, крыши домовъ, потускнѣвшую зелень. Смѣясь и взвизгивая, Смоличъ прыгала черезъ гряды, путаясь въ стебляхъ гороха.

Когда она, наконецъ, остановилась, запыхавшись, подъ навѣсомъ огородничьяго домика, то воскликнула отъ всего сердца:

— Это превесело, Людмила, я никогда не чувствовала себя такой встрепанной.

Людмила, поспѣшно закрывая парники, не отвѣчала. Должно быть за шумомъ дождя и звономъ стеколъ не слыхала, что говоритъ сестра. Потомъ, забѣжавъ подъ навѣсъ, она отряхнула юбку. Въ волосахъ ея и косѣ блестѣли серебряныя капли. «Какая она все-таки хорошенькая» — подумала невольно Наталья Никаноровна.

— Сядемъ на эту телѣжку, — сказала дѣвушка: — все равно нужно переждать дождь.

Онѣ сѣли рядомъ, чувствуя пріятный, легкій ознобъ во всемъ тѣлѣ, и ровное біеніе оживленной крови.

Полоса дождя, цѣлая сѣть голубой пыли, проносилась все дальше, захватывая все большее пространство. Теперь солнце посылало свои лучи изъ-подъ клубящихся облаковъ, похожихъ на дымъ, вырывающійся изъ трубы, дымъ съ золотымъ пламенемъ — освѣтившій все пространство огорода и

луга ржавымъ отблескомъ и преломляющимся въ водяныхъ струяхъ тусклымъ, непрерывно дрожащимъ серебромъ.

XXXI.

Ты, кажется, сердишься на меня, — начала Наталья Никаноровна, дотрагиваясь до влажной отъ дождя руки Людмилы: — что съ тобою, сознайся мнѣ.

— Я — на тебя? за что же? — возразила дѣвушка.

— Можетъ быть, мнѣ это только показалось, — во всякомъ случаѣ тебя что-то мучаетъ. Я это замѣтила уже нѣсколько дней тому назадъ. Не глупая же выходка Шишикторова могла тебя растревожить. Ты, конечно, вѣришь мнѣ, что ни я, ни другіе не придали его словамъ никакого значенія. Онъ просто глупъ.

Людмила возразила:

— Напрасно ты считаешь его глупымъ. Онъ больной и несчастный. Мнѣ отъ души его жаль.

— Пусть такъ, — это не мѣняетъ положенія. По всей вѣроятности, онъ давно тебя любитъ и ревнуетъ.

— Ему не къ кому ревновать меня. Къ тому же онъ знаетъ, что я не люблю его.

Наталья Никаноровна искоса поглядѣла на Людмилу и улыбнулась.

— Часто ревнуютъ безъ повода, — произнесла она со вздохомъ: — когда чувствуютъ, что любимый человѣкъ не отвѣчаетъ на любовь. Иногда изъ-за ревности идутъ на преступленія... дѣлаютъ невѣроятныя, непоправимыя глупости...

Наталья Никаноровна вздохнула еще разъ.

— Рядомъ съ тобой сидитъ человѣкъ, который искалѣчилъ всю жизнь изъ-за дикой, ни на чемъ не основанной ревности...

Людмила посмотрѣла на сестру.

— Ты говоришь о себѣ? — спросила она.

— Да, о себѣ... Недавно я говорила тебѣ, что разскажу все... Я готова сдѣлать это...

Людмила возразила:

— Мнѣ кажется, здѣсь не вполнѣ подходящее мѣсто. Къ тому же я не нахожу это необходимымъ. Повторяю, я ни въ чемъ не могу упрекать тебя.

— Да, да, конечно, можетъ быть, — перебила ее Наталья Никаноровна: — но я должна говорить. Это меня мучитъ. Можетъ быть, ты поймешь... Я сама безъ ужаса не могу вспомнить того, что сдѣлала.

Она на минуту замолкла, точно борясь со своими чувствами, и докончила глубокимъ шопотомъ:

— Тѣмъ болѣе это кошмарно, что я любила и до сихъ поръ люблю его...

Людмила поднялась съ телѣги и, схвативъ Смоличъ за руку, посмотрѣла ей въ глаза. Она поблѣднѣла, брови ея сомкнулись, болѣзненная скорбная складка легла у ея губъ.

— Ты все еще любишь?

Ея голосъ звучалъ глухо. Наталья Никаноровна невольно отвела глаза и помедлила, прежде чѣмъ говорить.

— Увы, это правда, — тихо продолжала она, не подымая глазъ.

Людмила оставила ея руку и бросилась къ краю навѣса, повернувшись къ сестрѣ спиною. Она стояла долго, точно особенно заинтересовавшаяся звенящимъ потокомъ дождя, разливающимся по землѣ у ея ногъ.

— Ты не вѣришь мнѣ, — сказала Смоличъ, ударяя себя по юбкѣ подвернувшейся подъ руку зеленой вѣткой: — ты не повѣришь, какъ тяготила меня эта раздвоенность. Иногда мнѣ казалось, что я не выдержу. Самое лучшее было не пріѣзжать сюда, но я не могла. Это было выше моихъ силъ.

— Чего же ты хочешь? — спросила Людмила, не поворачиваясь.

— Ахъ, я сама не знаю! Онъ, конечно, не проститъ меня, онъ не вѣритъ мнѣ. Я даже не смѣю просить у него прощенія.

— Онъ не помнитъ обиды, — тихо возразила дѣвушка: — онъ успокоился.

Поспѣшно спрыгнувъ съ телѣги, Наталья Никаноровна подбѣжала къ Людмилѣ.

— Онъ успокоился... онъ счастливъ?..

— Да, у него есть трудъ, — отвѣчала дѣвушка: — если ты хочешь знать правду (она подняла глаза на Смоличъ и прямо глянула на нее) — только твои письма нарушали его покой. Ему было тяжело получать ихъ. Зачѣмъ ты это дѣлала?

— Я не могла иначе, какъ не могла и не пріѣхать сюда.

— Но для чего? Ты все-таки надѣешься?

— Надѣюсь ли я? Развѣ мы всѣ не надѣемся, даже тогда, когда нѣтъ надежды? Нѣтъ, конечно нѣтъ!.. у меня нѣтъ даже и этого... Я просто безумная... Можетъ быть, мнѣ только хотѣлось посмотрѣть на него. Увидѣть его счастливымъ...

— И ты ничего не скажешь?

Дѣвушка произнесла это особенно поспѣшно. На мгновеніе лицо ея просвѣтлѣло.

Смоличъ, чуть прищурившись, посмотрѣла на Людмилу и также поспѣшно спросила:

— А ты находишь, что это необходимо? для его счастья? да?..

Рѣзко отвернувшись отъ нея, Людмила вышла изъ-подъ навѣса и сказала сдержанно:

— Ты должна знать это лучше меня. Слава Богу, дождь пересталъ — нужно итти домой.

Пряча предательскую улыбку, Наталья Никаноровна воскликнула:

— Да, бѣжимъ домой. Я начинаю чувствовать ознобъ. Но посмотри, какое великолѣпіе!

Весь ярко-зеленый холмъ блестѣлъ и переливался, надъ нимъ въ прозрачномъ небѣ проплывали громадные розовые обрывки облаковъ съ расплавленными золотыми краями, и солнце, готовое развязать свой пурпурный поясъ, точно погружалось въ мягкое кружевное ложе.

XXXII.

Людмила не пошла домой. Она сказала сестрѣ, что ей необходимо побывать еще въ скотномъ сараѣ, и, свернувъ въ боковую аллею вдоль Ящура, быстро перешла мостъ и спустилась въ Раевскій садъ. Здѣсь въ низинѣ было сыро и значительно темнѣе, чѣмъ въ Самолюбовѣ. Подъ ногами хлю-

пала вода, мокрая земля, поросшая травой и мохомъ. Густые, тяжелые кусты, полные влаги, грузно сгрудились у нечищенной дорожки, наполняя воздухъ тонкимъ своимъ дыханіемъ. Улитки и лягушки ежеминутно попадались подъ ноги... Однообразно — пронзительно пищалъ дождевикъ. Кое-гдѣ пробивался туманъ, неся съ собою съ луговъ запахъ нахтфіоли.

По обыкновенію на верандѣ никого не было. На длинномъ березовомъ столѣ, стоящемъ въ одномъ углу, разлилась лужа. Должно быть, натекло съ прогнившей крыши.

Пройдя залу, Людмила повернула направо по корридору. Идя ощупью въ темнотѣ, она вздрогнула отъ неожиданности. Передъ нею выросла темная фигура, которую она тотчасъ же узнала.

— Леонтій Алексѣевичъ, — вскрикнула она.

— Это вы, Людмила Александровна?

Крутовской прижался къ стѣнѣ, давая ей мѣсто.

— Вы къ тетушкѣ? — спросилъ онъ.

— Да, я къ ней, — отвѣтила дѣвушка, не двигаясь. Потомъ, помолчавъ, добавила:

— Вы куда-нибудь уходите?

— Къ сожалѣнію, да. Я обѣщалъ отвезти Ильюшу домой.

— А онъ у васъ?

— У меня. Мы уложили его спать. Съ нимъ было худо. Я очень боюсь за него — ему нельзя такъ много пить. Теперь онъ проснулся. Вы не очень на него сердитесь?

— О, нѣтъ, нисколько...

— Онъ очень несчастенъ. Ему теперь нестерпимо стыдно. Если бы вы видѣли, какъ онъ плакалъ...

— Плакалъ?..

— Да... тяжело было смотрѣть на него.

— Можетъ быть, мнѣ слѣдуетъ пройти къ нему?.. — нерѣшительно спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, лучше не надо. Теперь это его разстроитъ... послѣ, какъ-нибудь.

Они продолжали стоять другъ противъ друга и молчали.

— Леонтій Алексѣевичъ, — наконецъ, произнесла Людмила: — вы вѣрите мнѣ?

Крутовской невольно подвинулся къ дѣвушкѣ, стараясь различить въ темнотѣ черты ея лица. Онъ случайно коснулся ея руки и, схвативъ, пожалъ ее.

— Развѣ вы можете сомнѣваться? — вырвалось у него невольно отъ всего сердца: — развѣ вамъ можно не вѣрить? Вы мой лучшій, неизмѣнный другъ.

Онъ все еще держалъ ее за руку. Внезапно ему захотѣлось еще и еще говорить съ Людмилой. Разсказать ей все, что онъ передумалъ за эти дни, все, что онъ пережилъ. Но пальцы дѣвушки дернулись въ его рукахъ и тотчасъ же выскользнули. Людмила сдѣлала шагъ назадъ, помедлила мгновеніе и поспѣшно бросилась вдоль корридора.

—Людмила Александровна, — позвалъ ее Крутовскій: — куда же вы? Я еще хотѣлъ сказать вамъ...

Но дверь стукнула за скрывшейся дѣвушкой.

Леонтій Алексѣевичъ въ неудомѣніи пожалъ плечами и нѣсколько минутъ стоялъ не шевелясь, низко опустивъ голову. Онъ старался что-то понять, въ чемъ-то разобраться, онъ и самъ не зналъ, что происходитъ въ его душѣ за эти послѣдніе дни.

— Здравствуй, Людмилушка, — сказала Марья Васильевна, поднимая голову и смотря поверхъ очковъ на вошедшую дѣвушку: — а я думала, что за стукъ? Такъ быстро вошла, даже испугала. Ну, что скажешь?

Старушка сидѣла у окна въ креслѣ. Рядомъ съ нею стояла табуретка съ лукошкомъ, до верху наполненнымъ перьями. На колѣняхъ лежала холстинковая бѣлая наволочка. Марья Васильевна щипала перья и пухъ прятала въ наволочку. Никакой другой работы въ сумерки она не могла дѣлать, а праздной сидѣть не любила.

Въ низкой, крохотной комнаткѣ ея пахло сушенымъ шафраномъ, мятой и майораномъ; пучки этихъ травъ висѣли надъ окнами. Широкая деревянная кровать, со множествомъ подушекъ и накрытая вязанымъ вишневымъ одѣяломъ, точь-въ-точь такая, какія встрѣтишь у каждаго зажиточнаго крестьянина — занимала добрую треть комнаты.

Въ углу темнѣлъ старымъ серебромъ кіотъ съ лампадой, а подъ лампадой висѣло большое бархатное яйцо. Со стѣны смотрѣлъ портретъ Герцена, — воспоминаніе далекаго прошлаго.

Какъ хорошо знала Людмила эту комнату. Здѣсь она проводила долгіе зимніе вечера, играя съ Крутовскимъ въ дурачки или слушая Марью Васильевну, ворчавшую изъ-за самовара. Вечерній чай они всегда пили здѣсь.

Теперь отблескъ умирающаго заката, пробившись сквозь листву акацій, тронулъ окна лиловой тѣнью, тускло поблескивалъ на крашеномъ полу и волнующимся, фосфорическимъ, прозрачнымъ нимбомъ окружилъ темный профиль, спинку кресла и всю фигуру старушки. Легкій пухъ, незамѣтно разсѣивающійся изъ-подъ пальцевъ Марьи Васильевны, кружилъ и рѣялъ надъ нею. Людмила стояла у двери и смотрѣла. Сердце ея стѣсненно и сладко билось. Почему-то казалось, что видитъ она все это въ послѣдній разъ. Все выше подымался къ ея горлу сухой клубокъ. Она полуоткрыла ротъ, глотая воздухъ и жмурясь, точно отъ боли. Пальцы схватились за юбку, еще сырую, судорожно перебирали складки.

— Ну, что же ты? Людмилушка! — снова окликнула ее старуха и встревоженно зашевелилась.

Тогда, не имѣя больше силъ бороться, Людмила кинулась къ Марьѣ Васильевнѣ и уткнулась головой въ ея колѣни, въ наволочку съ пухомъ, и зарыдала тяжело и глухо.

Старуха провела рукой по ея волосамъ, въ которыхъ запутались пушинки. Она еще никогда не видѣла у дѣвушки такого отчаянія. Она не утѣшала ее, она молчала и только легко проводила темными заскорузлыми пальцами по судорожно дергающейся головѣ.

Наконецъ, вздохнувъ глубоко, Людмила подняла покраснѣвшее лицо и по-дѣтски безпомощно взглянула на Марью Васильевну. Въ ней трудно было бы признать теперь всегда сдержанную, замкнутую дѣвушку.

— Вы сердитесь на меня, тетя?

Она привыкла такъ называть Крутовскую.

Не дури, дѣвка, — возразила старушка: — лучше глаза утри, вотъ платокъ. Поплакала и ладно. Поплакать Богъ

велѣлъ — сердцу легче. А сердиться мнѣ на тебя незачѣмъ... Знаешь вѣдь, что люблю тебя...

— Спасибо, спасибо, тетя, — пробормотала Людмила, снова припадая къ теплымъ старушечьимъ колѣнямъ.

— Благодарить послѣ будешь. Теперь поговоримъ лучше. Знаешь? — кривину въ лѣсъ, кривину въ лѣсъ — прямое оставайся здѣсь!.. Такъ-то... Слыхала, слыхала, что этотъ шутъ гороховый нагородилъ — на глаза его къ себѣ не пущу. Тошно... и все вретъ, все вретъ — ничего у него за душою нѣтъ — мусоръ одинъ. Сколько разъ говорила ему: брось, оставь Людмилу — не по губамъ малина. Нѣтъ — опять за свое. Только тутъ что-то не такъ... Самъ бы онъ не додумался до этой пакости. Тутъ другое что-то.

Старушка насупилась и стала поправлять на носу очки.

— Я не думала объ этомъ, тетя, — возразила Людмила: — я не могу полюбить его.

Марья Васильевна замахала руками.

— Что ты, опомнись. Тоже нашла. Да и избави Господи! Этакое чучело.

И внезапно смолкнувъ, склонилась надъ дѣвушкой, схватила ея голову и, пристально и любовно глядя ей въ глаза, молвила:

— Знай, что я *одного хочу* вмѣстѣ съ тобой. Понимаешь... всѣмъ сердцемъ хочу. Мнѣ и говорить не нужно, и о чемъ слезы твои — знаю. Ты у меня сильная — терпи... Богъ милостивъ...

И тотчасъ же откинувшись снова на спинку кресла, сказала ворчливо, по обычному:

— Ишь комаровъ налетѣло — видно мясо старушечье сладко... Прикрой-ка окно, дѣвонька — а то и другое что залетитъ. Всяко бываетъ. Тутъ теперь всего бояться надо — вѣтромъ, должно быть, нечисть заноситъ...

Людмила поднялась, чувствуя слабость во всемъ тѣлѣ, и захлопнула окно.

Заря угасла и въ комнатѣ стало совсѣмъ темно и тихо.

XXXIII.

Отъ вѣтра ли, отъ долгой ли засухи (дождь, прошедшій на этихъ дняхъ, не оставилъ по себѣ и слѣда), или, быть

можетъ, по другимъ причинамъ, но на розахъ каждый день появлялись муравьи, зеленые паразиты и изумрудные блестящіе жуки. Они съ полнымъ равнодушіемъ поѣдали листья, бутоны и расцвѣтшіе цвѣты. Всѣ мѣры къ ихъ уничтоженію были приняты, но они не исчезали.

Это очень волновало Вѣру Владиміровну. Съ тряпочкой, садовыми ножницами и табачнымъ настоемъ она переходила отъ одного куста къ другому. Съ печальными восклицаніями, съ горестнымъ покачиваніемъ головы она становилась на колѣни, матерински ласково вытирала мокрой тряпицей искалѣченные бутоны, тонкіе молодые ростки съ красноватыми свернутыми листочками. Передъ штамповыми розами она становилась на цыпочки, поднимала кверху подбородокъ и вытягивала губы, словно для нѣжнаго поцѣлуя, всей душой болѣя съ страдающими цвѣтами. Невольно она сравнивала себя съ ними. Ей казалось, что и ея душу гложатъ эти маленькія насѣкомыя, вызывая неперестающую зудящую боль.

Иногда среди своей работы она останавливалась, тряпка выскальзывала изъ ея рукъ, глаза переставали видѣть окружающее. Нѣтъ, это невыносимо. Нужно положить этому конецъ. Она чувствуетъ, что тупѣетъ, теряетъ себя отъ вѣчнаго гнета заброшенности, ненужности, одиночества. Опять услышать его голосъ, опять знать, что тутъ, около есть человѣкъ, который принадлежитъ тебѣ, и ты принадлежишь ему. Какое это счастье! Почему оно невозможно
болѣя съ страдающими цвѣтами. Невольно она сравнивала
относится къ ней попрежнему, что и онъ чувствуетъ себя осиротѣлымъ. Отчего же не смириться?.. Пусть даже это не прежняя любовь, нѣтъ, нѣтъ, пусть будетъ она ему только вѣрнымъ другомъ, нянькой... Къ тому же онъ и не такъ молодъ. При этой мысли кровь приливала къ похудѣвшимъ щекамъ Вѣры Владиміровны. Съ необычайной ясностью видѣла она лицо мужа — крѣпкое и загорѣлое, его пышные усы, его смѣющіеся глаза, его бѣлые зубы (всегда открывавшіеся, когда онъ говорилъ). Онъ зналъ, что улыбка его нравилась ей, дѣлала ее готовой на все, беззащитной... Она почти до галлюцинацій слышала его голосъ, его смѣхъ, его крѣпкій, мужской запахъ... У нея кружилась голова, слабѣли ноги... Приходя по вечерамъ въ свою одинокую спальню и

медленно раздѣваясь, среди безнадежнаго молчанія, Вѣра Владиміровна съ испугомъ начинала прислушиваться. Ей казалось, что тишина звенитъ, до того она была полной. Лежа въ темнотѣ съ открытыми глазами, Вѣра Владиміровна съ ужасомъ прислушивалась къ этому звону, который росъ, ширился и наполнялъ всю комнату. Еще минута, и она вскакивала съ кровати, вся въ горячемъ поту, готовая кричать не своимъ голосомъ, звать на помощь. Дрожащими руками она зажигала свѣчу. Тусклый свѣтъ потрескивающаго пламени уныло озарялъ спально и пустую кровать мужа съ холодными кружевными накидками.

Она была одна, безнадежно одна... Ею овладѣвало безуміе, настоящее безуміе женщины, которая хочетъ любви, которая полна желаній... Она начинала ходить по комнатѣ — босая, въ длинной бѣлой рубахѣ, похожая на печальный болотный призракъ. Она открывала комодъ, шкапъ, доставала оттуда бѣлье, платья, тупо смотрѣла на нихъ и кидала на полъ. У нея являлось желаніе перемѣнить рубашку, потому, что ее не переставалъ палить жаръ, но она сейчасъ же забывала объ этомъ и когда вынимала вещи — не знала, для чего ей это нужно. Звонъ въ ушахъ ни на минуту не прекращался. Тогда, изнеможенная, она падала на стулъ у туалетнаго стола и сидѣла неподвижно, глядя на себя въ зеркало. Видъ усталаго лица, темныхъ впадинъ глазъ, старчески сомкнутыхъ губъ точно отрезвлялъ ее. Она роняла голову на руки и глухо плакала безъ слезъ. Потомъ, едва двигаясь, добиралась до своей кровати и, натягивая на себя одѣяло, стучала зубами и ежилась отъ сковывавшаго ее ледяного холода, который казался особенно жестокимъ послѣ горячей испарины. Такъ она лежала, стараясь согрѣться, до перваго проблеска зари, когда, наконецъ, въ ея усталую душу возвращался покой и она засыпала.

Послѣ одной изъ такихъ ночей Вѣра Владиміровна рѣшилась согласиться на уговоры дочери. Встрѣтивъ ее утромъ послѣ чая на тенисѣ, гдѣ она играла съ Витей, Карышева, смущаясь и краснѣя, дождалась, пока дѣти ея кончили партію, и, отведя Смоличъ въ сторону, подъ предлогомъ желанія пройтись съ нею, начала издалека.

— Тебѣ хорошо здѣсь, Наташа? — спросила она вкрад-

чиво, безпомощно прижимаясь къ плечу дочери (онѣ ходили подъ руку туда и обратно по розовой дорожкѣ).

— О, еще бы, мамочка! Я даже располнѣла!

Наталья Никаноровна разсмѣялась, прямо взглянувъ на мать, на ея смущенное, жалкое лицо, догадалась тотчасъ же о причинѣ этого, и сказала чуть слышно, склонясь къ самому уху:

— Ты тоже хочешь меня порадовать? Не такъ ли?.. я могу написать ему? да?..

Потупляясь, какъ дѣвочка, и вспыхивая, Вѣра Владиміровна молвила:

— Я почти рѣшилась.

— Ну вотъ и отлично, — перебила ее дочь: — и слава Богу... давно пора. Сегодня же мы отправимъ письмо. Я попрошу его назначить день, такъ какъ ему будетъ неудобно сразу же пріѣхать сюда — вы встрѣтитесь съ нимъ въ Смоленскѣ. Это будетъ удобнѣе и лучше. Потомъ, переговоривъ, вы рѣшите, что дѣлать дальше... Ну, скажи, мамуся, не умница ли я?

Она схватила мать за талью и закружила ее. Потомъ, обѣ улыбаясь — одна виновато, другая самодовольно, онѣ поцѣловались и быстро пошли къ дому.

Вышедшій имъ навстрѣчу Константинъ Никаноровичъ воскликнулъ изумленно:

— Боже, что съ вами? У васъ какія-то умопомрачительно сіяющія лица!

— Мы счастливы, мы очень счастливы, — торжественно отвѣтила Наталья Никаноровна: — сегодня большой день.

И, снова прижавшись къ матери, поцѣловала ее.

А у себя въ комнатѣ, причесываясь къ завтраку, она сказала заглянувшему къ ней любопытствующему брату:

— Ну, ты можешь меня поздравить. Мои дѣла идутъ получше твоихъ. Мамаша водворяется въ объятія своего супруга. Къ тому же, думается мнѣ, я убью двухъ зайцевъ. Съ нею, конечно, уѣдетъ къ отцу и Людмила. Надо сознаться, она оказалась опаснѣе, чѣмъ я ожидала. За эти дни мнѣ открылось многое. Во всякомъ случаѣ помощь твоя, даже если бы ты дѣйствовалъ болѣе удачно — мнѣ не понадобится.

Поджимая губы и раскачиваясь на каблукахъ, Константинъ Никаноровичъ отвѣтилъ:

— Надо сознаться, я очень мало думалъ о твоихъ дѣлахъ, мой другъ. И вообще ни въ какія исторіи я не хочу вмѣшиваться. Онѣ мнѣ достаточно надоѣли, такъ же точно какъ и эта деревня. Что же касается тебя, то тебя дѣйствительно можно поздравить: братья Ерандаковы у твоихъ ногъ и это конечно необычайно лестно. Embarras de choix et de richesse. M-me Fepta ou Frocha Erandakoff! Это звучитъ почти пышно!

Выдержавъ паузу, Смоличъ произнесла тоненькимъ, наивнымъ голоскомъ:

— О, это превышаетъ мои скромныя желанія. Я была бы вполнѣ счастлива, если бы могла назвать Людмилу своей belle-soeur!

— Что за чепуха! — возразилъ Смоличъ: — что за чушь!

— Но ваши ухаживанія, сударь, ваши влюбленные взгляды... какъ иначе понять намѣренія gentilhomm'a? и къ чему тѣ сѣти, которыя онъ плететъ вокругъ несчастной своей жертвы?

Выведенный изъ себя, Смоличъ прошипѣлъ:

— Замолчи, пожалуйста, это издѣвательство.

Онъ повернулся и пошелъ къ двери.

Наталья Никаноровна, проворно вкалывая шпильки въ пышную свою прическу и смѣясь, крикнула ему вслѣдъ:

— Tu l'as voulu, Georges Dandin!

XXXIV.

Мелкой сизой волной, тѣсно сгрудившись, дробно топоча и мэкая, катились овцы съ тырла. Это похоже было издали на медленно ползущее съ холма грузное облако. Личманъ и подпасокъ, развернувъ отару во фронтъ, пятясь задомъ, проходили вдоль перваго ряда, иногда вытягивая передъ собою длинный тонкій шестъ, точно на плоту, и пробовали дно. Далеко сзади мальчишка третьякъ кидался то въ одну, то въ другую сторону, подгоняя отсталыхъ. По бокамъ отары,

чуть отступя, бѣжали степенно и съ достоинствомъ огромныя овчарки.

Красное солнце только-только выплывало изъ-за ржаного поля. Свѣжій воздухъ струился по лугу, по ярамъ, по обнаженной головѣ Крутовского. Сизыя стриженныя спины овецъ мгновеніями розовѣли, когда вытягивающіеся лучи, догоняя сзади, проходили по нимъ. Бѣлые барашки вверху въ небѣ, остановивъ свой бѣгъ, смуглѣли и таяли. Крѣпкій, ядерный запахъ овечьяго пота, смѣшанный съ крѣпкимъ дымомъ махорки, отяжелѣвъ отъ утренней росы и мятнаго духу, напоминалъ запахъ у моря, гдѣ-нибудь на турецкой фелюгѣ и вливалъ бодрость въ душу и мускулы.

Пропуская мимо себя эту ползущую лавину — дышащую и живую, Леонтій Алексѣевичъ чувствовалъ, какъ постепенно имъ овладѣваетъ увѣренное спокойствіе. Все это хозяйство — дѣло его рукъ и воли. Достаточно на время забыться, и все пойдетъ прахомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше усилій стоило ему его дѣло. Сѣрый трудъ сельскаго хозяина успокоилъ его сердце, выработалъ въ немъ упорство. Эти руки загорѣли и огрубѣли недаромъ. Улыбаясь, Крутовской подумалъ, что въ немъ развилась даже нѣкоторая хозяйственная бережливость, доля необходимой въ его деревенскомъ быту расчетливости. Недавно, найдя на дорогѣ кусокъ бичевки, онъ спряталъ его въ карманъ. Онъ сдѣлалъ это безъ умысла, изъ одной привычки дорожить всѣмъ, что можетъ пригодиться. Его руки пріобрѣли силу и цѣпкость. Онъ могъ быть пастухомъ, пекаремъ, дровосѣкомъ, машинистомъ, кучеромъ, ветеринаромъ. Онъ зналъ и любилъ свою землю, свой лѣсъ, своихъ животныхъ.

Онъ началъ съ пятидесяти головъ овецъ, теперь у него въ отарѣ около двухъ тысячъ. Къ нему пріѣзжаютъ хуторяне учиться овцеводству, которое даетъ ему значительный доходъ. Въ будущемъ онъ надѣялся поставить мыловаренный заводъ. Онъ развернетъ свое дѣло, и Тильскъ можетъ со временемъ стать торговой пристанью, повысится благосостояніе окружныхъ крестьянъ, его примѣръ заразитъ другихъ. Сначала онъ зависѣлъ отъ старика Ерандакова — перваго богатѣя и кулака въ округѣ. Было время, когда онъ чуть-чуть не попалъ къ нему въ лапы, но теперь онъ чув-

ствовалъ себя ему равнымъ и съ радостью готовъ былъ бороться съ нимъ. Лѣсъ, запущенный при отцѣ, продававшемъ его за безцѣнокъ Ерандакову, теперь былъ вымѣренъ, вычищенъ, разбитъ на участки и только отсутствіе рѣки (Днѣпръ не подходилъ къ границѣ «Рая») заставляло Крутовского все еще прибѣгать къ посредничеству старика. Но съ этимъ Леонтій Алексѣевичъ думалъ какъ-нибудь покончить. До сихъ поръ онъ зависѣлъ и отъ мельницы Ерандакова и отъ хлѣбныхъ его магазиновъ. Небольшая завѣтная вѣтряная мельница Крутовского, конечно, не могла состязаться съ хорошо налаженнымъ хлѣбнымъ предпріятіемъ старика. Она усиленно махала сѣрыми своими расчепленными крыльями, благо вѣтры въ этихъ краяхъ не рѣдкость, но польза отъ того была не велика. Муки хватало только на экономію, да кое-что вымалывалось для окрестныхъ крестьянъ. Ждать доходовъ съ нея нечего. Старый, слѣпой мельникъ, пыльный вѣдунъ, былъ скорѣе романтическимъ штрихомъ, чѣмъ необходимой частью во всемъ раціонально поставленномъ хозяйствѣ Леонтія Алексѣевича, гдѣ каждый винтъ зналъ свое мѣсто. Ящуръ давно привлекалъ зоркій глазъ Крутовского. Укрѣпивъ болотистые берега его, можно было бы возвести плотину. Къ этому помѣщикъ думалъ приступить въ ближайшемъ будущемъ, можетъ быть, даже осенью.

Всѣ эти дѣла, новые замыслы, цѣплялись одни за другими, вытекали другъ изъ друга, какъ логическая необходимость. Слѣдовало быть лишь всегда на чеку и во время приложить свои усилія и знанія. Передъ глазами всегда была цѣль разумная, ясная, непосредственно оправдывающая себя. Крутовской помнитъ этотъ первый толчекъ напряженія, эту искрящуюся радость, когда дрожитъ каждый мускулъ. Онъ проснулся тогда точно отъ внезапнаго толчка, отъ прилива быстрѣе забившейся крови, широкими глазами смотря на стѣны своей комнаты, освѣщенныя утреннимъ солнцемъ, точно раздавшіяся въ стороны, вмѣстившія въ себя весь огромный міръ, въ которомъ такъ радостно жить и побѣждать. Да, онъ твердо зналъ въ эту минуту, что онъ побѣдитъ. Именно тутъ, на нетронутой цѣлинѣ родной земли, за труднымъ и простымъ дѣломъ пахаря. Какъ мелко по-

казалось ему тогда все то, чѣмъ онъ жилъ раньше, онъ почти ничего не помнилъ изъ своего прошлаго. Оно лежало въ сторонѣ, точно спутанный весь въ узлахъ и потому никуда негодный клубокъ нитокъ. Стоило ли тратить время на безполезное его распутываніе.

Но, чортъ возьми, въ немъ еще сидѣлъ этотъ червячекъ; гдѣ-то глубоко забившись, онъ нѣтъ-нѣтъ и давалъ себя чувствовать. Тогда Леонтій Алексѣевичъ проклиналъ свое поколѣніе, сыномъ котораго, быть можетъ, однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ, былъ онъ.

Крутовской улыбнулся. Те-те, мы начинаемъ философствовать, это тоже плохой знакъ. И пройдя вдоль края отары, онъ догналъ чабана, на минуту остановившагося и опершагося на свой ветхозавѣтный посохъ, чтобы раскурить новую трубку. Лѣниво и медленно кланяясь хозяину, чабанъ не двинулся съ мѣста. Въ его закорузлыхъ, коричневыхъ пальцахъ тлѣлъ красный огонь трута; морщинистыя, изрытыя глубокими бороздами щеки то вздувались, то опадали, выпуская изо рта густые клубы дыма; борода и волосы, выбивающіеся изъ-подъ засаленной, пропотѣвшей, должно быть, господской фетровой шляпы, похожи были на свалявшуюся жирную овечью шерсть.

— Здравствуй, Данилычъ, — сказалъ Крутовской, радостными свѣтлыми глазами глядя на старика и чувствуя, какъ весело бьется сердце отъ особенно яснаго сознанія своего здоровья, силы и близости къ этому человѣку: — что много больныхъ въ отарѣ?

Чабанъ дѣловито раскурилъ трубку, потомъ оборотясь крикнулъ товарищу, чтобы онъ придержалъ правофланговыхъ и тогда уже отвѣтилъ:

— Больныхъ пять, баринъ. Сегодня на переборкѣ двухъ коростовыхъ нащупали, да допрежъ три было. Ну, ничего, — помолчавъ добавилъ онъ: — скипидаромъ залили, въ сушь эту пройдетъ быстро. Нынче на урмѣ травы мало — вотъ плохо. Уже обжариваться начинаютъ, а все не сыты.

— А вы ихъ на свѣжій пускайте.

— Нельзя, баринъ, не годится. Нагульнымъ мало останется. И раскрылять отары не приходится. Гдѣ тамъ! Такъ

и смотри, чтобы стѣжекъ не подѣлали. За балкой дождались — поволока съ полъ-десятины — что твоя плѣшь — гладко; до новой весны не зарастетъ. Дѣла какія...

Онъ сплюнулъ на сторону и, замѣтивъ забѣжавшихъ впередъ двухъ овечекъ-годовокъ, не торопясь, пошелъ къ нимъ.

Крутовской спустился съ холма, перепрыгнулъ канаву и по проселочной дорогѣ зашагалъ къ лѣсу. Не успѣлъ онъ дойти до опушки, какъ навстрѣчу ему показался Витя. Вертунъ съ смѣющимся лаемъ кинулся къ Леонтію Алексѣевичу на грудь.

— Вы въ лѣсъ? — крикнулъ Бунаковъ: — а я изъ лѣсу. Припекать начало. Вамъ не къ спѣху? Сядемъ, отдохнемъ на минуту.

Они прилегли на траву у берега.

Вертунъ, высунувъ языкъ, сидѣлъ рядомъ и дышалъ, какъ кузнечный мѣхъ, мухи облѣпили углы его раскрытой розовой пасти.

— Хозяйничаете? — спросилъ Витя, пожевывая травинку.

Ружье онъ прислонилъ къ березѣ, а ягташъ съ битой птицей повѣсилъ на сукъ. Нѣтъ-нѣтъ и съ сѣтки падали на траву тяжелыя густыя капли крови.

— Хозяйничаю, — отвѣтилъ Крутовской.

— Мнѣ нравится въ васъ это, — продолжалъ Бунаковъ: — вы лодыря не гоняете, и дѣло у васъ живое, настоящее! Я не люблю путанныхъ дѣлъ, комнатныхъ — рѣшето какое-то: налилъ — выпустилъ, налилъ — выпустилъ. Когда я кончу институтъ, я сейчасъ же постараюсь у какого нибудь крупнаго предпріятія стать, на машинный заводъ, кораблестроительный. Работы я не боюсь — только давай. Но работы мало. Мнѣ еще нужны деньги, чтобы потомъ завести свое дѣло. Что деньги — сила, я зналъ мальчишкой. Сами по себѣ онѣ мнѣ не нужны, я не избалованъ и не нѣженка — могу спать на доскахъ и ѣсть одни сухари, но, по правдѣ сказать, сельское хозяйство меня не удовлетворило бы... Слишкомъ малъ масштабъ, негдѣ развернуться. У меня широкіе замыслы и большая вѣра въ себя. Вѣдь Россія дьявольски большая страна и можетъ удовлетворить какіе угодно

аппетиты, и чѣмъ больше аппетитъ, тѣмъ лучше. Въ концѣ концовъ всю нашу громоздкую, архаическую государственную машину можно перевернуть только большой экономической встряской. Для этого нужны умѣлыя и сильныя руки.

— И большіе аппетиты! — смѣясь, подсказалъ Леонтій Алексѣевичъ.

— Да, большіе, я бы сказалъ гомерическіе аппетиты. Чортъ возьми, насъ заѣли чиновники, интеллигенты-нытики, философствующіе глупцы — вся эта орава безпозвоночныхъ. А у насъ есть люди, Леонтій Алексѣевичъ! Есть настоящіе люди. Этой зимой я познакомился съ однимъ изъ нихъ. Купецъ, кремень со стальной головой и стальной волей. Его ничѣмъ не собьешь. Онъ пускаетъ въ ходъ все, что возможно, только бы добиться своего. Онъ молодъ, образованъ и не знаетъ, что такое усталость и скука. Пожалуй, онъ даже не знаетъ, что такое безнравственность. Онъ могъ бы быть, если бы захотѣлъ, самымъ тонкимъ царедворцемъ и проницательнымъ дипломатомъ. Но вотъ у кого гигантскій аппетитъ. Попомните мое слово — только ему и ему подобнымъ будетъ принадлежать Россія, и только тогда она обновится. Въ былое время говорили: «хоть день, да мой», теперь мы говоримъ — каждый день — мой день.

Заинтересованный Крутовской спросилъ:

— А не думаете ли вы, что это будетъ царство слишкомъ грубой, слишкомъ физической силы?

— Грубой — пожалуй, но отнюдь не физической. Для того, чтобы держать въ рукахъ всю эту махину (Витя съ силой ударилъ ладонью по землѣ), нужно быть крупной, духовно крупной личностью. Дайте сдѣлать дѣло и тогда уже наводите лоскъ.

Онъ замолкъ, падая навзничь въ траву и щурясь на солнце.

— Чортъ возьми, — черезъ минуту произнесъ онъ уже значительно тише: — я, кажется, накричалъ слишкомъ вамъ въ уши... Что сказалъ бы мой достопочтенный превосходительный и экстраполированный братецъ! Вотъ образчикъ нашей россійской разносторонности. А контральто — Наталья Смоличъ? Какъ вы ее находите?

Крутовской невольно насторожился при этомъ имени. Онъ поднялъ глаза на Витю, но сейчасъ же успокоился. Бунаковъ, конечно, ничего не зналъ.

— Ваша сестра — интересная женщина.

Витя разсмѣялся.

— Она одна изъ тѣхъ, которыхъ покупаютъ. Но купивъ ихъ, вы не всегда будете увѣрены, что не получите искусную поддѣлку и что васъ не проведутъ. Во всякомъ случаѣ эти женщины достаточно живучи и годны на роль мелочныхъ торговцевъ.

— Вы однако злы, — смущенно пробормоталъ Крутовской.

— Скажите: циникъ, и я не обижусь, — спокойно возразилъ Бунаковъ: — я привыкъ мѣрить все соотвѣтствующимъ аршиномъ и не боюсь страшныхъ словъ.

XXXV.

Обойдя хозяйство, задавъ всѣмъ на день работы, Крутовской пошелъ къ себѣ въ комнату отдохнуть. Но онъ долго не засыпалъ. Мѣшали мухи, а больше всего непрошенныя мысли... Разговоръ съ Витей навелъ его на многое. «Онъ и вправду суховатъ», — подумалъ Леонтій Алексѣевичъ, вспомнивъ характеристику, какую далъ Витя сестрѣ и брату. «Можетъ быть, по-своему онъ правъ, но все же я не могъ бы отзываться такъ о своихъ близкихъ.

Щуря глаза на золотыя пылинки, пляшущія въ полосѣ свѣта, пробившейся сквозь ставни, Крутовской увидѣлъ передъ собою Наталью Никаноровну. Она предстала передъ нимъ, точно живая. Онъ видѣлъ ея улыбку, слышалъ ея голосъ, похожій на журавлиный клекотъ. Эти дни она часто заходила въ «Рай» и подолгу сиживала съ Марьей Васильевной даже тогда, когда Крутовского не было дома. Она относилась къ старушкѣ очень предупредительно, очень почтительно. Леонтій Алексѣевичъ не понималъ, почему такъ сухо тетка отвѣчала на всю выказываемую ей любезность. Онъ зналъ, что Марья Васильевна не могла простить Смоличъ того, что было, но почему она явно подчеркивала свою враждебность? Простилъ ли онъ самъ Натальѣ Никано-

ровнѣ? Кажется, да. Вѣрнѣе — пересталъ объ этомъ думать съ той минуты, когда убѣдился, что Смоличъ ничего не ждетъ отъ него. Сначала онъ избѣгалъ встрѣчаться съ нею, потомъ привыкъ видѣть ее какъ добрую знакомую. Его сердце оставалось покойнымъ. Благодаря Богу, тягостное предчувствіе не оправдалось. Послѣ разговора у пруда въ первое посѣщеніе Натальей Никаноровной «Рая» — они не касались наболѣвшаго вопроса, имъ даже не случалось оставаться вдвоемъ. Смоличъ точно радовалась случаю доказать ему на дѣлѣ высказанное ею тогда желаніе быть только доброй знакомой — она всегда звала съ собою то Марью Васильевну, то Людмилу и весело болтала о пустякахъ. Людмила... вотъ кого онъ не могъ узнать. Что съ нею? Они больше не катались въ лодкѣ и не говорили какъ старые пріятели. Она избѣгала его... А тогда, въ день пикника... тамъ, въ корридорѣ... этотъ ничѣмъ не вызванный вопросъ, это бѣгство... Странную неловкость почувствовалъ Крутовской. На время онъ смѣшался и мысли его спутались. Повернулся лицомъ къ стѣнѣ, сталъ считать по пальцамъ, сколько у него въ саду яблонь и, насчитавъ до пятидесяти, заснулъ.

Разбудилъ его громкій стукъ въ дверь и голосъ казачка Васятки.

— Баринъ, а баринъ, къ вамъ барышня пришли.

Съ просонья онъ опрометью вскочилъ съ кровати и сталъ протирать глаза. Потомъ, освѣживъ лицо одеколономъ, вошелъ въ залу.

Боже, какой у васъ потѣшный видъ, — вскрикнула Наталья Никаноровна, поворачиваясь отъ рояля и смотря на Крутовского смѣющимися поддразнивающими глазами: — какъ не стыдно спать въ такую погоду!

— Я встаю въ четыре, — оправдывался Леонтій Алексѣевичъ.

— Пустяки, что за отговорки! Все равно я вамъ не дамъ больше спать. И не думайте опять идти по хозяйству. Сегодня я похищаю васъ. Вы должны проводить меня въ Тильскъ. Наши кавалеры куда-то разбрелись, а одна я не поѣду. Мнѣ нужно отдать визитъ m-me Брындиной и повидать Ерандаковыхъ. Они обѣщали мнѣ повезти меня на

тоню и устроить любительскій спектакль. Не морщитесь. Я знаю въ чемъ дѣло. Вы не хотите встрѣчаться съ Тамарой Гавриловной — мнѣ извѣстенъ вашъ романъ. Она — бѣдная — покаялась, что безъ ума отъ васъ, а вы черствый фатъ. Вотъ вамъ! А теперь прикажите запречь шарабанъ — мы поѣдемъ безъ кучера — я хочу править.

Крутовской подумалъ, что нетактично говорить о какомъ-то его романѣ и особенно ей и непростительно отрывать его отъ работы въ такое страдное время, но все же онъ отвѣчалъ покорно:

— Поморщился я, должно быть, оттого, что еще плохо вижу, и конечно охотно поѣду съ вами.

Черезъ четверть часа сѣрый меринъ везъ ихъ по полуденному припеку. Всю дорогу до Тильска Наталья Никаноровна болтала безъ умолку. И глаза ея, и голосъ, и движенія рукъ, съ какими она правила лошадью все напоминало живость кокетливой ingenue, не знающей другихъ мыслей, кромѣ мысли о весельѣ.

XXXVI.

У Брындиныхъ просидѣли съ полчаса. Олегъ Максимовичъ бросилъ свою контору, забѣжалъ переодѣться съ чернаго хода къ себѣ въ спальню, попудрился и надушился и вышелъ къ гостямъ. Онъ сталъ разсыпаться въ любезностяхъ, сыпалъ остротами, два года назадъ ходившими по Петрограду, неподражаемо и не безъ соли разсказывалъ анекдоты, показалъ свои рисунки — словомъ занималъ гостей, какъ умѣлъ. Наталья Никаноровна смѣялась, кокетничала; даже спѣла романсъ, сама себѣ аккомпанируя. Пѣла она хорошо, голосъ у нея былъ сильный и гибкій, чѣмъ привела всѣхъ въ восхищеніе. Тамара Гавриловна вертѣла востренькимъ своимъ носикомъ и порою томно и тяжко вздыхала, кидая взгляды на Крутовского. Она была изумительно причесана, съ крутыми локонами, спадающими штопоромъ на плечи и высокимъ узломъ сзади à la Татьяна Гремина; подъ стать прическѣ на ней было платье бѣлое, все въ яркихъ букетикахъ и съ большимъ зеленымъ бантомъ на спинѣ у самыхъ лопатокъ. Крутовской считалъ мухъ

по стѣнамъ, кряхтѣлъ отъ жары и не зналъ, куда дѣвать себя отъ скуки. Кокетство съ нимъ Натальи Никаноровны, вызванное, должно быть, желаніемъ подразнить Брындину, сильно смущало его, а нервность и вздохи Тамары Гавриловны раздражали. Годъ назадъ онъ имѣлъ неосторожность поцѣловать безъ причины ручку Брындиной и сказать ей, что она ему нравится. Съ тѣхъ поръ она вела съ нимъ скучнѣйшую игру въ любовь, которая ни къ чему не могла привести, такъ какъ Крутовской ничуть не былъ увлеченъ ею, а она была достаточно осторожна и умна и скорѣй тщеславна, чѣмъ страстна.

Наконецъ, побуждаемая довольно ясными намеками Леонтія Алексѣевича, Смоличъ распрощалась, и они пошли пѣшкомъ къ пристани.

Подходя къ сходнямъ, Наталья Никаноровна оглянулась на Крутовского и сказала раздумчиво:

— Боже мой, какъ мы съ вами перемѣнились. Мы совсѣмъ, совсѣмъ другіе люди... Порою мнѣ кажется, что этого никогда не было...

Леонтій Алексѣевичъ не отвѣтилъ. Онъ съ безпокойствомъ глянулъ на пѣвицу и потупился.

Стая голубей взвилась передъ ними. Крутовской вспомнилъ тотъ вечеръ, когда онъ получилъ письмо Натальи Никаноровны, извѣщавшее о ея пріѣздѣ. Такая же тоска и безпокойство зашевелились въ немъ и теперь. «Что за чушь, — подумалъ онъ: — я точно боюсь самого себя». Онъ поднялъ глаза: въ голубой лазури купались и ныряли серебристо-розовые голуби.

— Здѣсь никого нѣтъ, — крикнула ему съ пристани Наталья Никаноровна: — что намъ дѣлать?

Онъ поспѣшно поднялся къ ней и отворилъ дверь въ контору. За столомъ, заваленнымъ бумагами, сидѣлъ плотный старикъ съ темными очками на хрящеватомъ крупномъ носу. Онъ поднялъ на шумъ сѣдую, круглую голову, подстриженную ежомъ, снялъ очки и посмотрѣлъ на вошедшихъ внимательнымъ, острымъ взглядомъ.

— Здравствуйте, Савелій Онисимовичъ, — сказалъ Крутовской: — вотъ я вамъ привелъ гостью — дочь Вѣры Владиміровны. Мы думали застать здѣсь вашихъ сыновей.

— Очень пріятно, — отвѣтилъ Ерандаковъ, приподымаясь и протягивая Натальѣ Никаноровнѣ руку: — только вѣтрогоновъ моихъ вы теперь и съ собаками не сыщите. Когда я здѣсь, они сюда и носу не покажутъ. Присядьте пока, сдѣлайте милость.

Говоря это, старикъ пододвинулъ вошедшимъ стулья и, самъ садясь, продолжалъ внимательно вглядываться въ лицо Смоличъ.

— Надолго изволили пріѣхать? Такъ... мѣста у насъ тутъ пріятныя. «Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ»... (онъ засмѣялся какъ-то вбокъ и беззвучно). Пѣніемъ занимаетесь? Такъ. Голосъ — великое дѣло. Я очень даже пѣніе уважаю. Вы бы спѣли что-нибудь.

Это предложеніе, столь неожиданно высказанное, заставило Наталью Никаноровну улыбнуться. Первыя минуты она чувствовала себя необычайно стѣсненной подъ упорнымъ взглядомъ этого «чудака».

— Спѣть вамъ? Сейчасъ? Но я не пою безъ аккомпанимента! и къ тому же такъ внезапно...

Но тотчасъ же ее осѣнило вдохновеніе. Она воскликнула, блестя глазами и наклоняясь къ Ерандакову.

— Ладно, идетъ! Я спою вамъ, только не здѣсь, а въ лодкѣ. Ѣдемте кататься.

Крутовской посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, но она улыбнулась, дѣлая ему знакъ, чтобы онъ молчалъ, и опять обратилась къ старику.

— Что же, ѣдемъ?

Купецъ поднялъ на нее глаза, странная усмѣшка скользнула у него по сухимъ губамъ и спряталась въ рыжеватой, узенькой бородкѣ.

— Отчего же не поѣхать... можно. Вы, какъ я погляжу, огонь-баба и сговорчивы.

Онъ всталъ. Наталья Никаноровна, точно невзначай касаясь его локтемъ, молвила:

— Бываетъ, что и сговорчива!

Леонтій Алексѣевичъ пожималъ плечами. Онъ опять не узнавалъ ее. Изъ веселой, но изящной ingenue, она на мгновеніе сдѣлалась серьезной, и вотъ теперь въ ней все и голосъ,

и манеры, и языкъ были подъ стать бойкой купчихѣ Островскаго.

— Прохоръ! — крикнулъ Ерандаковъ: — лодку давай.

Они сѣли въ разлатую бѣлую плоскодонку и отчалили. Днѣпръ сильно обмелѣлъ и до самой середины его весла касались дна. Передъ глазами развернулся Тильскъ. Издали бѣлые домики, главы церквей и густая зелень садовъ дѣлали его нарряднымъ и привѣтливымъ.

— Ну, что же, уговоръ дороже денегъ, — сказалъ, улыбаясь и подмигивая, старикъ Ерандаковъ.

Подъ солнцемъ лицо его прояснѣло и стало пріятнѣе, глаза сузились по-стариковски и не смотрѣли такъ остро.

— Пѣть такъ пѣть, — отвѣтила Смоличъ и, тряхнувъ головой, закрыла зонтикъ, положила его у ногъ и сложила на колѣняхъ руки: — вы хохлацкія пѣсни любите?

— Люблю, — согласился Ерандаковъ.

Наталья Никаноровна приподняла подбородокъ, чуть откинулась назадъ и запѣла. Голосъ ея высоко и звонко поднялся вверхъ надъ дремлющей рѣкой. Она пѣла: «Пропала надія, забілося сердце...» грудь ея ровно дышала подъ кружевною кофточкой. Прохоръ на веслахъ ухмыльнулся, сдвинулъ на носъ картузъ и крякнулъ отъ удовольствія. Ерандаковъ придвинулся ближе, не сводя съ пѣвицы загорѣвшагося взора. Крутовской смотрѣлъ въ небо, на голубей и Богъ знаетъ о чемъ задумался.

Потомъ, внезапно оборвавъ пѣсню. Смоличъ запѣла плясовую. Тонкія ноздри ея раздулись, волосы выбились на залѣвшія щеки. Посмотрѣвъ на нее, Леонтій Алексѣевичъ долженъ былъ сознаться, что она хороша, пожалуй во много лучше того, какой была прежде. «Она, кажется, мнѣ ровесница, — думалъ онъ: — кто могъ бы сказать, что мы съ нею когда-то работали вмѣстѣ, что я называлъ ее Наташей..»

Онъ криво усмѣхнулся своимъ мыслямъ, невольно краснѣя. «Какъ все это однако проходитъ безслѣдно, — снова подумалъ онъ: — я даже не могу представить себѣ, что она была моею... Нѣтъ, совсѣмъ чужая, совсѣмъ другая... Она права, мы очень перемѣнились. Какъ я могу къ ней — къ этой чужой, незнакомой женщинѣ чувствовать ненависть и обиду. Эта никогда не сдѣлала бы того, что сдѣлала

другая... Онъ еще разъ посмотрѣлъ въ ея возбужденное, задорное лицо и, невольно улыбаясь и оживляясь, подумалъ: «Нѣтъ, право, она очень хороша».

Ерандаковъ сиповатымъ теноркомъ подпѣвалъ Натальѣ Никаноровнѣ; Прохоръ весело работалъ веслами и лодка легко неслась по теченію.

«Мнѣ кажется, что я сталъ моложе и глупѣе» — снова мелькнуло въ умѣ Крутовского, чувствовавшаго, что онъ не въ силахъ сдержать счастливую, ребячливую улыбку, раздвигающую его полныя губы.

— Ну будетъ! — крикнула наконецъ Смоличъ и, опускаясь устало вдоль скамейки, окунула руки въ воду.

— Королева! — восторженно повторялъ старикъ.

— Вотъ бы выкупаться теперь, — томно промолвила молодая женщина: — вода теплая-теплая...

Ерандаковъ потянулъ конецъ бородки въ ротъ и тихо. посмѣиваясь, возразилъ:

— Кто же помѣхой, красавица? На лѣвомъ берегу песочекъ бархатный. Высадимъ васъ — купайтесь на здоровье.

Нахмурясь на мгновеніе, Смоличъ отвѣтила:

— Я, милѣйшій, что по уговору, то и дѣлаю. Спасибо скажите, что пѣла.

И, разсмѣявшись, звонко добавила:

— А видно сынки ваши въ папашу пошли — быстрые! Ай да, Савелій Онисимовичъ, совсѣмъ молодцомъ!

Потомъ оборотилась къ Крутовскому:

— Милый Леонтій Алексѣевичъ, намъ кажется и домой пора — поверните назадъ.

Они ѣхали обратно молча.

Ерандаковъ сопѣлъ и смотрѣлъ исподлобья. Крутовской, смущенный происшедшимъ только-что разговоромъ, старался не глядѣть на спутниковъ. Томное волненіе охватывало его. Давно этого съ нимъ не было и онъ начиналъ бояться за себя.

Первый выскочилъ изъ лодки старикъ Ерандаковъ. Онъ остановился у причала и протянулъ руку Натальѣ Никаноровнѣ. Она подобрала юбки и, неловко раскачиваясь вмѣстѣ съ лодкой, подбѣжала къ носу. Ерандаковъ подхватилъ ее и легко поставилъ рядомъ съ собой.

— Спасибо, — произнесла Смоличъ, притоптывая каблучками и оправляя платье.

— Спасибо и вамъ, — тихо молвилъ старикъ, не выпуская ея руки: — за пѣнье спасибо... а какъ же ежели по другому уговору?

Онъ покосился на Крутовского, разговаривавшаго въ сторонѣ съ Прохоромъ. Не понявъ, молодая женщина переспросила:

— По какому уговору?

— Да вы говорили, — еще тише и настойчивѣе повторилъ Ерандаковъ.

Онъ крѣпче сжалъ ея руку. Она посмотрѣла на него — глаза его были попрежнему остры, почти злы. Чуть испугавшись его взгляда и сразу понявъ, Наталья Никаноровна возразила съ подчеркнутой насмѣшкой:

— На каждый уговоръ — свой разговоръ и своя цѣна...

Она никакъ не думала, что слова ея примутъ всерьезъ, ее нѣсколько задѣло упорство и грубость старика и она хотѣла только уколоть его. Но онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— За цѣной не постою, королева, а какой разговоръ!

Эти слова оглушили ее. Она вспыхнула отъ обиды и возмущенія и, вырывая руку свою, пронзительно вскрикнула:

— Ай, да оставьте же, вы мнѣ дѣлаете больно!..

И тотчасъ же понявъ, что сама виновата во всемъ, что сама вызвала эту дерзость, она закричала, топая ногами и стуча зонтикомъ по доскамъ:

— Вонъ, вонъ, убирайтесь вонъ!

— Что такое, въ чѣмъ дѣло? — спросилъ, подбѣгая къ ней Крутовской.

Тогда, боясь скандала, боясь выдать себя, она пробормотала, склонясь къ Леонтію Алексѣевичу на руки и глотая слезы обиды:

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, ничего — ѣдемъ домой скорѣй. Савелій Онисимовичъ такой неловкій — онъ наступилъ мнѣ на ногу.

XXXVII.

— Скажите мнѣ, что съ вами? — повторялъ Крутовской, поддерживая Наталью Никаноровну.

Она сидѣла рядомъ съ нимъ въ дрожкахъ, опираясь о его плечо, и всхлипывала. Къ счастью, на улицахъ было пусто, городъ точно вымеръ, и никто ихъ не могъ увидѣть. Меринъ бѣжалъ быстро; его не нужно было направлять — онъ самъ хорошо зналъ дорогу. Оставивъ вожжи, Леонтій Алексѣевичъ силился отвести руки молодой женщины, закрывающія лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня, — бормотала она, отворачиваясь: — это сейчасъ пройдетъ. Я сама не знаю, что со мною... Глупые нервы...

По скату на мостъ лошадь понеслась быстрѣе, дрожки, подпрыгивая, застучали по комьямъ высохшей глины.

Наталья Никаноровна испуганно ахнула и, опустивъ руки, схватилась за рукавъ Крутовского. Занятый дорогой, онъ сказалъ, не глядя на нее:

— Не бойтесь, мы сейчасъ выѣдемъ на большакъ, и тамъ будетъ мягче.

Она шепнула, прижимаясь къ нему:

— Я ничего не боюсь съ вами.

Онъ обернулся, пораженный ея словами, смутно сознавая ихъ значеніе, охваченный приступомъ настоящей жалости. И внезапно почувствовалъ прикосновеніе горячихъ губъ къ своей рукѣ. Она сползла къ его ногамъ, уронивъ голову на его колѣни. Онъ забормоталъ, потрясенный, растерянный, взволнованный до того, что не находилъ словъ.

— Что съ вами? Наталья Никаноровна... встаньте, ради Бога встаньте... вы можете упасть.

Но она не поднимала головы; она плакала, вздрагивая плечами, всѣмъ тѣломъ, не выпуская его руки изъ своихъ рукъ и покрывая ее поцѣлуями.

Тогда, склонившись надъ нею и самъ готовый заплакать отъ своей безпомощности, онъ схватилъ ее за плечи и съ силой приподнялъ, заставляя сѣсть рядомъ съ собою.

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ, — шептала она: — мнѣ такъ сладко у вашихъ ногъ. Я гадкая, я отвратительная, и онъ былъ правъ, предложивъ мнѣ это...

— Но что такое, въ чемъ дѣло?..

Она не слушала его. Она шептала все быстрѣе, все порывистѣе, точно хотѣла вылить все сразу, все, что было у нея на душѣ. Глаза ея были сухи.

— О, какъ я презираю себя, какъ я себѣ омерзительна! Мнѣ хочется иногда рвать на себѣ волосы отъ отвращенія. Онъ предложилъ мнѣ деньги, и онъ правъ. Почему я обидѣлась? Развѣ я не брала денегъ тогда, когда продавала того, кого я любила, кого люблю до сихъ поръ? Почему мнѣ не продать себя, мое тѣло, которое я отдавала другому, не любя. Какъ смѣю я быть гордой? Какъ могу требовать уваженія? Почему вы тогда не убили меня, почему не задушили, не растоптали ногами? О, какъ все это ужасно, какъ ужасно, какъ ужасно...

Она снова опустилась, точно придавленная тяжестью, и зарыдала, но теперь это были громкія, истерическія рыданія. Не сознавая, что дѣлаетъ, Крутовской остановилъ лошадь, сошелъ съ дрожекъ и схватилъ Смоличъ на руки. Онъ хотѣлъ нести ее или положить на траву, онъ самъ не зналъ, что онъ хотѣлъ дѣлать, лишь бы не слышать ея слезъ, не слышать того, что она говоритъ. Мысли его путались, голова шла кругомъ. Онъ поднялъ ее, не чувствуя ея тяжести, слыша только глухое біеніе своего сердца, тупые удары пульса въ вискахъ. И тотчасъ же почувствовалъ, что не можетъ дышать, что задыхается. Обвивъ тѣснымъ кольцомъ его шею, Наталья Никаноровна приникла къ его губамъ, всасывая, вбирая въ себя его дыханіе. Онъ пошатнулся, готовый упасть, потомъ, оторвавшись, впился снова въ этотъ красный, полуоткрытый ротъ, подсознательно чувствуя, что дѣлаетъ больно, и радуясь этому. Онъ слышалъ изрѣдка ея заглушенныя поцѣлуями слова:

— Убей, убей меня . . .

Незамѣтно онъ донесъ ее до канавы и опустился на колѣни, но внезапно она выскользнула изъ его рукъ и побѣжала по хлѣбамъ, крича задыхающимся голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Ошеломленный Крутовской остался неподвижнымъ, растерянно смотря ей вслѣдъ, не пытаясь даже догнать ее или

окликнуть. Черезъ минуту она скрылась среди волнующихся ржаныхъ колосьевъ.

Шатаясь, Леонтій Алексѣевичъ поднялся. По привычкѣ онъ провелъ ладонью по колѣнямъ, счищая пыль. Медленно подошелъ къ дрожкамъ. Сѣрый меринъ, повернувъ морду, покосился на него внимательнымъ влажнымъ глазомъ. Крутовской сѣлъ и, сгорбившись, закрылъ руками нестерпимо пылающія щеки.

Лошадь дернула разъ, другой, и сама побѣжала къ дому.

XXXVIII.

Людмила сидѣла на качеляхъ и, тихо раскачиваясь, положивъ книгу на колѣни, оперлась лицомъ о ладони и закрыла глаза. Она не спала, но должно быть о чемъ-нибудь упорно думала и не слыхала, какъ подкрался къ ней Смоличъ. Подойдя сзади, онъ качнулъ качели и, смѣясь, остановился. Отъ неожиданности она слабо вскрикнула и, открывъ глаза, посмотрѣла на Константина Никаноровича. Ея взглядъ поразилъ его — такъ онъ былъ далекъ и печаленъ. Невольно усмѣшка соскользнула съ его лица. Онъ проговорилъ смущенно:

— Прости меня... я не думалъ, что ты такъ испугаешься.

Постепенно выраженіе лица ея измѣнилось — оно стало обычно-сдержаннымъ. Она отвѣтила, останавливая носкомъ туфли расходившуюся качель:

— Ты подошелъ очень тихо, я не слыхала твоихъ шаговъ.

Помявшись, Константинъ Никаноровичъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Скажи мнѣ, почему ты меня такъ не любишь?

Людмила возразила:

— Если хочешь знать, я не не люблю тебя — за что же мнѣ тебя не любить или любить? — но я тебѣ не довѣряю.

— Какъ мнѣ понять это?

— Понять легко. Въ тебѣ мало прямоты и искренности и съ тобой трудно говорить. Должно быть, потому, что ты слишкомъ занятъ собою. Я никогда не знаю, чего ждать

отъ тебя, и всегда чувствую какую-то связанность — это непріятно.

Онъ улыбнулся заискивающе, подбирая нужныя слова и чувствуя, что опять начинаетъ злиться.

— Ты еще болѣе непонятна мнѣ; ты странная дѣвушка — я никогда такихъ не видѣлъ. Ты очень упряма и скрытна... Чтобы я далъ, чтобы расшевелить тебя!

— Тебѣ, должно быть, это не удастся, пока ты не перестанешь злиться и не станешь самимъ собою.

— Но съ чего ты взяла, что я злюсь?

— Когда ты говоришь со мною, у тебя срывается голосъ, точно ты не находишь нужнаго тона, и потомъ ты всегда начинаешь съ намековъ, за которыми ничего нѣтъ, кромѣ раздраженія.

— Однако, ты читаешь мнѣ нотацію, — пробормоталъ Смоличъ.

— Ты самъ хотѣлъ знать, что я о тебѣ думаю.

— Но если мое волненіе объясняется другой причиной, — съ жаромъ воскликнулъ Константинъ Никаноровичъ: — если я не злюсь, а смущаюсь. Если при видѣ тебя у меня сердце начинаетъ стучать быстрѣе. Если боясь и не зная тебя, я все же влекусь къ тебѣ. Если твое лицо, твои глаза, твои волосы приводятъ меня въ трепетъ. Если меня бѣситъ, когда ты бываешь съ другими. Если я злюсь потому, что хочу видѣть тебя только около себя, хочу касаться твоихъ рукъ, чтобы почерпнуть ту силу, которой такъ много въ тебѣ. Что если ты узнаешь, что я впервые въ жизни понялъ, что такое настоящая женщина, увидѣвъ тебя? Развѣ это только раздраженіе? И если даже раздраженіе, то не раздраженіе ли это сердца, нервовъ, мыслей, влекущихъ къ тебѣ, жаждущихъ тебя?

Онъ придвинулся къ ней еще ближе и жарко дышалъ на нее. Пальцы его касались ея колѣнъ. Но она, казалось, слушала его, не слыша; ни одна черточка не дрогнула въ ея лицѣ, едва замѣтно поблѣднѣвшемъ.

Осмѣлѣвъ, онъ припалъ къ ея плечу, повторяя:

— Ты должна быть моей, ты должна быть моей...

Тогда, спокойно отведя его руки, она встала съ качели и холодно промолвила:

— Если ты не хочешь, Костя, совсѣмъ потерять мое уваженіе, ты долженъ оставить этотъ разговоръ и этотъ тонъ. Онъ мало идетъ тебѣ, потому что въ тебѣ нѣтъ чувства, которое бы оправдывало тѣ пошлости, что были сказаны тобою. Я не дѣвочка и не наивная барышня, чтобы возмущаться отъ твоихъ словъ, но мнѣ стыдно, Костя, мнѣ стыдно за тебя. Неужели въ тебѣ такъ мало чутья и такта, что ты не понимаешь, какъ ты смѣшенъ въ роли соблазнителя, ты, не обладающій и малой долей настоящей страсти, настоящаго увлеченія!

Первое мгновеніе Константинъ Никаноровичъ молчалъ, пристыженный, но, тотчасъ же приходя въ ярость, онъ закричалъ, съ налитыми кровью глазами:

— Что, что, что ты говоришь? У меня нѣтъ страсти, я говорю пошлости? Но ты смѣешься надо мной! Конечно, мое увлеченіе глупо, конечно, мое увлеченіе смѣшно тебѣ, разъ ты любишь другого!

Выкрикнувъ это, онъ остановился, не зная, что сказать еще чувствуя, что говоритъ вздоръ, и не находя, чѣмъ отплатить за оскорбленіе.

Онъ повторилъ, сжимая зубы, кривя ротъ:

— Да, да, конечно, ты любишь другого, какого-нибудь мужика и грубіяна, у котораго бѣшенный темпераментъ животнаго!..

Вспыхнувъ и напрягшись какъ струна, но сдерживая себя, Людмила подняла голову и, въ упоръ смотря на названнаго брата, отвѣтила:

— Да, ты угадалъ — я люблю другого, можетъ быть, мужика, но вѣдь и я мужичка!

Онъ не ожидалъ этого простого отвѣта, этой искренности, этого спокойствія. Онъ смотрѣлъ на нее испуганно и безпомощно, тщетно ища словъ, могущихъ оправдать его грубость, могущихъ вывести его изъ того унизительнаго положенія, въ какомъ онъ себя чувствовалъ.

Подойдя ближе и ухватившись рукою за одну изъ веревокъ качели, Людмила добавила совершенно спокойно, точно ничего и не произошло:

— Костя, уходи теперь, пройдись. Оставь меня, мнѣ хочется побыть одной.

Эта сцена вспоминалась Смоличу каждый день. Онъ не могъ забыть ее. Она заставляла его краснѣть и сжиматься. Даже тогда, когда онъ былъ одинъ и никто его не видѣлъ. Людмила спокойно прогнала его послѣ того, что высмѣяла его самымъ наглымъ образомъ. И онъ ушелъ, онъ покорно всталъ и ушелъ, точно побитая собака. Дрянная, самоувѣренная дѣвочка! Онъ бы съ наслажденіемъ уѣхалъ въ тотъ же день изъ «Самолюбова», если бы не думалъ, что она сочтетъ это за малодушное бѣгство, за трусость.

Поневолѣ пришлось ходитъ по идіотскимъ болотамъ, кормить комаровъ, задыхаясь отъ жары, дрожать въ предразсвѣтномъ туманѣ — лишь бы не видѣть ея, не встрѣчаться съ ней, не лицезрѣть ея невозмутимой физіономіи. Онъ шипѣлъ отъ злости... «Но я тебѣ еще устрою штуку, — думалъ онъ: — ты еще у меня запляшешь».

Они лежали на жесткомъ сѣнѣ въ сѣновалѣ у лѣсника — всѣ четверо — Смоличъ, Витя и братья Ерандоковы. Витя спалъ, должно быть спалъ, такъ какъ давно пересталъ отвѣчать на вопросы, а Фепта и Фроша продолжали пить водку.

— Вы мнѣ нужны будете, — сказалъ Константинъ Никаноровичъ, — я хочу подѣлиться съ вами однимъ планомъ — вы не очень пьяны?

— Чепуха! — крикнулъ Фроша: — вздоръ! Почему пьяны? И вообще наплевать. Мы съ братомъ въ реальномъ были, и вмѣстѣ насъ выгнали. Мы всегда вмѣстѣ. Кромѣ того, ваша сестра неподражаема, умопомрачительна... Ради нея мы готовы на все и между прочимъ — слушаемъ. Опредѣленно!

XXXIX.

Вѣра Владиміровна закрыла глаза, отдаваясь равномѣрному покачиванію вагонныхъ рессоръ. Такъ колесный говоръ умѣрялъ стукъ сердца, заглушалъ біеніе крови, убаюки-

валъ разбѣжавшіяся мысли. Открывъ глаза, она не могла бы сосредоточиться, ей нужно было бы все увидѣть, во всемъ разобраться съ тѣмъ особеннымъ нервнымъ напряженіемъ, похожимъ на паническій ужасъ, когда каждый пустякъ, каждый вздорный предметъ пріобрѣтаетъ особое значеніе, особый зловѣщій смыслъ.

— Мамочка, ты спишь?

Вѣра Владиміровна почувствовала прикосновеніе дочерней руки, но не шевельнулась, не отвѣтила. Она сидѣла, откинувъ на полосатый чехолъ спинки голову, съ плотно сомкнутыми губами, съ страдальчески опущенными углами рта, съ темными тѣнями подъ глазами. Особенно рѣзко выступали румяна на поблѣднѣвшихъ, опавшихъ щекахъ, тронутыхъ у подбородка и висковъ дряблой старческой желтизной. Блѣдныя руки съ вздувшимися у кисти синими жилками и съ тонкими пальцами, каждый суставъ которыхъ выдавался впередъ, подчеркивая ихъ худобу, лежали тяжело и безпомощно на колѣняхъ.

Наконецъ, пришелъ день, рѣшающій ея судьбу. Она ѣхала на свиданіе съ мужемъ. Она, наконецъ, его увидитъ, послѣ долгаго ряда дней, вызывавшихъ такую боль въ оскорбленномъ, измаявшемся сердцѣ. Она начнетъ прежнюю жизнь, кровать рядомъ съ нею не будетъ пуста, все пойдетъ, какъ шло раньше. Они будутъ вмѣстѣ спать, вмѣстѣ ѣсть, вмѣстѣ думать о мелочахъ, наполняющихъ ихъ размѣренную жизнь. Она подойдетъ къ нему, дотронется до его плеча, заговоритъ съ нимъ. Она даже посмотритъ ему въ глаза. Да, она увидитъ его глаза и должна будетъ попрежнему улыбнуться имъ. Посмѣетъ ли она сдѣлать это? Какія нелѣпыя мысли... Вѣдь она такъ этого хотѣла. Онъ обниметъ и поцѣлуетъ ее; онъ имѣетъ полное право сдѣлать это — и она приметъ его поцѣлуй. Значитъ, она простила, значитъ, она забыла? Значитъ, ничего не было?.. Но вѣдь она мечтала о его поцѣлуяхъ, нужно сознаться, она хотѣла ихъ, ну да, хотѣла, ждала, сходила съ ума по нимъ! Почему это звучитъ такъ непріятно сейчасъ, когда ея желанія близки къ осуществленію? И потомъ, зачѣмъ объ этомъ думать, когда все придетъ само собою. Нужно только знать, что все это

необходимо. Необходимо для нея, для мужа, для дѣтей, для общества. Конечно, такъ. Наташа совершенно права. Нужно поскорѣй покончить съ этимъ. Она должна. Да, нѣтъ — не должна, а не можетъ иначе.

Когда пришла телеграмма, извѣщавшая, что Карышевъ выѣзжаетъ въ Смоленскъ, Вѣра Владиміровна еще не была причесана. Она сидѣла въ спальнѣ передъ зеркаломъ и расчесывала волосы. Наташа вошла къ ней, плотно притворила двери и съ таинственнымъ и многозначительнымъ лицомъ протянула клочекъ бумажки. Испуганная Вѣра Владиміровна взяла его и, прочтя, почувствовала, что краснѣетъ, краснѣетъ до корня волосъ, точно пойманная въ чемъ-то постыдномъ. Она не смѣла поднять глазъ на дочь, не смѣла отложить въ сторону телеграмму, не смѣла ничего сказать.

— Мама, ты счастлива?

Она съежилась отъ этого вопроса, показавшагося ей безстыднымъ. Дочь не могла, не смѣла спрашивать объ этомъ. Дочь не должна была читать телеграмму и приносить ее сюда, не должна была стоять тутъ и смотрѣть на свою мать, не одѣтую, съ распущенными волосами — теперь, въ эту минуту, самую большую, страшную минуту ея жизни. До боли остро показалось ей, что Наташа видитъ ее голой, читаетъ въ ея душѣ. Вѣра Владиміровна проговорила черезъ силу:

— Хорошо, спасибо, Наташа, а теперь уходи — мнѣ нужно одѣться.

Знала, что отъ нея ждутъ другихъ словъ, что смотрятъ на нее съ удивленіемъ, но не могла себя пересилить. И когда дочь ушла, она, все такая же простоволосая, оставалась сидѣть предъ зеркаломъ, съ каменнымъ неподвижнымъ лицомъ.

И до отъѣзда это были мучительные, нелѣпые часы, въ которые она не знала, куда себя дѣвать; вздрагивала отъ каждаго слова, отъ каждаго шума, ходила, опустивъ голову, растерянная и жалкая. Она боялась вопросовъ, разговоровъ, избѣгала своихъ дѣтей, чувствуя, не зная сама почему, странную робость передъ ними и даже непріязнь. Особенно ей была непріятна Наташа; а встрѣчаясь съ молчаливымъ взглядомъ Людмилы, она краснѣла и потуплялась, сознавая, что съ нею она должна быть откровенна, желая этой откровенно-

сти и не имѣя силъ ее выказать. Какъ, когда поѣдетъ, — она не знала, боялась думать. И уже подъ вечеръ спохватилась, что завтра должна быть въ Смоленскѣ и что сейчасъ, сію минуту ей нужно собраться и ѣхать. Она остановилась, холодѣя, не зная, на что рѣшиться, какъ поступить. Хватала нужныя въ дорогу вещи и, запрятывая ихъ кое-какъ въ баульчикъ, повторяла: «Нѣтъ, нѣтъ — я не поѣду, я не могу ѣхать»... почти теряя сознаніе при одной мысли, что это случится завтра, черезъ нѣсколько часовъ, что все и безповоротно рѣшится. Одѣтая по-дорожному, съ сумочкой въ рукахъ, еще не знала, поѣдетъ-ли. Она прошла по всѣмъ комнатамъ своего дома, точно прощаясь съ ними, точно желая найти въ нихъ, въ ихъ спокойной неизмѣнности, покинувшее ее самообладаніе. Она остановилась передъ вазой съ розами и долго перебирала дрожащими пальцами влажные податливые лепестки, постепенно погружаясь въ оцѣпенѣніе, тупое безразличіе. Она могла бы простоять такъ еще долго, если бы стукъ колесъ не пробудилъ ее, вновь не заставилъ судорожно забиться сердце. Тогда она бросилась къ комнатѣ дочери, крича испуганно:

— Наташа, Наташа!

Съ внезапной увѣренностью сознавала она, что ей необходима дочь, что безъ нея потеряется, замучается, выскочитъ съ поѣзда на какой-нибудь станціи и не поѣдетъ дальше.

— Ты звала меня, мама?

— Да, да — ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе.

Вѣра Владиміровна не удивилась тому, что Наташа была уже готова, и спокойно, безъ возраженій взяла ее подъ руку и сѣла рядомъ съ нею въ коляску.

«Мнѣ нужно было взять съ собою Людмилу, — проплыло гдѣ-то далеко въ ея мысляхъ, но она сейчасъ же забыла объ этомъ, пристально всматриваясь въ широкую спину кучера, показавшуюся ей почему-то особенно милой и вѣрной. — Вотъ такъ, хорошо, что онъ тутъ передо мною и что я вижу его, а онъ меня не видитъ, — подумала она, успокаиваясь и плотнѣе забившись въ уголъ коляски.

XL.

Цѣлую ночь нужно было ѣхать, и только на другое утро онѣ прибыли въ Смоленскъ.

— Мы остановимся въ «Дворянской», — сказала Наталья Никаноровна, — гдѣ остановился Александръ Ясоновичъ.

— Нѣтъ-нѣтъ, только не тамъ, — испуганно возразила Вѣра Владиміровна. — Гдѣ угодно, только не тамъ...

Смоличъ пожала плечами, но рѣшила не спорить — скорѣй бы только кончилась эта комедія, начинающая раздражать ее. «Совсѣмъ институтка» — подумала она о матери. Въ вагонѣ было душно, окна нельзя было открыть, потому что тотчасъ же сыпала пыль, и Наталья Никаноровна проклинала поѣздку. Отъ жары она много пила и теперь боялась за свое горло.

— Хорошо, мы поѣдемъ въ другую, — отвѣтила она, стараясь не раскрывать рта. — Я зайду за полковникомъ и приведу его...

— Ты приведешь его?

Такъ неужели же правда, что она его сейчасъ увидитъ? Вотъ тутъ, въ этомъ городѣ. Вѣра Владиміровна только теперь поняла по-настоящему все, что происходитъ. Волнуясь, схватила дочь за руку и быстро, торопясь, срывающимся голосомъ заговорила:

— Наташа, милая, ради Бога помоги мнѣ, успокой меня, дай собраться съ силами. Я сама не своя, я волнуюсь, какъ дѣвчонка. Мнѣ стыдно, мнѣ до ужаса стыдно. Мнѣ всегда казалось, что это не случится, и вотъ теперь, когда остался одинъ шагъ къ примиренію, я робѣю, я не вѣрю въ себя, въ свои силы. Ты не знаешь, чего мнѣ это стоитъ. Совѣстно сознаться тебѣ, но были минуты, когда я хотѣла броситься съ поѣзда. Это малодушіе, конечно, но что дѣлать. Господи, что я скажу ему? Если онъ будетъ просить прощенія, я не выдержу, я расплачусь, я убѣгу отъ него...

Она помолчала, собираясь съ мыслями, потомъ зашептала заискивающе:

— Наташа, я прошу тебя, не приводи его въ гостиницу — я не могу его т а м ъ принять. Пусть лучше мы встрѣтимся въ саду, гдѣ-нибудь на улицѣ, только не въ комнатѣ. Я буду чувствовать себя спокойнѣе, когда буду знать, что вокругъ меня люди, шумъ. Сдѣлай это ради меня!

Она склонялась къ дочери съ трогательной мольбой, точно то, о чемъ она просила, было почти невыполнимо. Тро-

нутая этой безпомощностью, этой слабостью, Наталья Никаноровна поцѣловала мать и, смѣясь, отвѣтила:

— Ну, конечно же, мамочка, какая ты потѣшная! Я все, все сдѣлаю, что ты хочешь.

Онѣ остановились въ большой шумной гостиницѣ съ лифтомъ и кафе-концертомъ въ примыкающемъ саду... Въ ней останавливались военные, дѣльцы, пѣвички, разный темный, крикливый, кутящій людъ — вотъ почему полковникъ Карышевъ предпочелъ хотя и не столь нарядную, но тихую «Дворянскую». Онъ считалъ, что она болѣе подходитъ къ серьезной минутѣ свиданія его съ женой, но Вѣра Владиміровна растроила его планы. Онѣ заняли единственный оставшійся свободнымъ номеръ, выходящій окнами въ лѣтній садъ, и стали приводить себя въ порядокъ. Рѣшено было, что Смоличъ проведетъ мать въ Лопатинскій садъ, предупредивъ полковника по телефону.

Вѣра Владиміровна старалась ни о чемъ не думать. Она поспѣшно мылась, причесывалась, переодѣвалась. За стѣною два голоса, мужской и женскій, разучивали пѣсенку.

— Должно быть, пѣвцы съ открытой сцены, — сказала Наталья Никаноровна.

— Да, да, должно быть, — конфузливо улыбаясь, согласилась Вѣра Владиміровна: — и поютъ, кажется, что-то веселое... Я когда-то въ Кіевѣ слыхала...

При этомъ воспоминаніи она опять вспыхнула и, глянувъ искоса на дочь, засуетилась.

Завтракъ имъ подали въ номеръ; дочь ѣла съ аппетитомъ, мать сдѣлала видъ, что ѣстъ. Отъ утомленія, отъ безсонной ночи, отъ мыслей у ней разболѣлось сердце.

«Я недоживу, я заболѣю», — думала она тоскливо.

Потомъ онѣ шли по улицѣ, обѣ въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ, обѣ одного почти роста, и сзади мать казалась легче и моложе дочери.

Онѣ поднялись въ гору, гдѣ разбитъ былъ паркъ, густой и темный. Съ Лопатинскаго сада виденъ былъ весь Смоленскъ, бѣлыя стѣны кремля, излучины Днѣпра. Все залито было ослѣпительнымъ солнцемъ. Стоя на самомъ высокомъ мѣстѣ у обрыва, заросшаго орѣшникомъ и липою, онѣ смотрѣли передъ собою, невольно жмуря глаза, восхищенныя

зрѣлищемъ этого древняго города, дремавшаго среди своихъ садовъ, блистающаго куполами своихъ церквей.

«Я хорошо сдѣлала, что пришла сюда», — подумала Вѣра Владиміровна, чувствуя, какъ постепенно сладкій покой разливается по всему ея тѣлу. — Здѣсь такъ благостно, такъ высоко... Хорошо было бы здѣсь остаться надолго». — Сквозь листья солнце грѣло ей затылокъ и спину, и ей казалось, что горячіе лучи добираются до ея сердца и согрѣваютъ его. — «Если бы я была моложе, я непремѣнно сбѣжала бы внизъ по этому откосу. Тутъ такая зеленая и, должно быть, мягкая трава. Лечь вотъ такъ на спину въ эту траву, подложить подъ голову руки и лежать, и ни о чемъ не думать»... мелькало въ уставшей ея головѣ. — Почему я всегда тормошусь, всегда волнуюсь и, собственно, что мнѣ нужно? — Она печально пожала плечами и улыбнулась тихой, успокоенной улыбкой. — Ничего, пусть все такъ и будетъ, какъ должно быть, какъ хочетъ Богъ...

— Ты не устала, мама? Что же онъ не идетъ, — волновалась Наталья Никаноровна, которой надоѣло стоять на припекѣ.

Вѣра Владиміровна посмотрѣла на нее и впервые за эти часы увидѣла въ ней дочь. «Вотъ она какая», — почти вслухъ подумала она и сейчасъ же отвѣтила:

— Нѣтъ, Наташа, я не устала. Его должно быть что-нибудь задержало, но онъ, конечно, скоро будетъ. Если хочешь, можешь вернуться въ городъ, я и одна подожду его...

Смоличъ внимательно глянула на мать, стараясь понять, какая перемѣна произошла въ ней. «Она боится, что убѣгу отсюда, — догадалась Вѣра Владиміровна, — какъ странна и неестественна эта ея забота обо мнѣ. Неужели ее волнуетъ мое будущее, моя одинокая старость...» Онѣ смотрѣли другъ на друга молча, приглядываясь, изучая выраженіе лица. — «У меня очень взрослая дочь и совсѣмъ женщина... Да, она, конечно, уже не дѣвушка — вотъ что», — рѣшила Вѣра Владиміровна, удивляясь спокойствію, съ какимъ это она подумала.

— Ну вотъ и полковникъ! — неожиданно вскрикнула Смоличъ и, сдѣлавъ два шага въ сторону, заулыбалась и закивала головой. Вѣра Владиміровна оглянулсь. Къ нимъ

навстрѣчу по песочной дорожкѣ шелъ легкой, свободной поступью плотный, средняго роста офицеръ, придерживая одной рукой шашку, другою прикладываясь къ козырьку. Несмотря на замѣтное желаніе быть серьезнымъ, онъ весело улыбался, скаля подъ свѣтлыми пушистыми усами ровные крупные зубы и глядя сѣрыми живыми глазками попеременно то на Вѣру Владиміровну, то на Смоличъ.

Похрустывая по песку мягкими, хорошо пригнанными сапогами онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, пріостановился, снялъ фуражку и, слегка согнувъ круглую спину, сутулясь и склонивъ голову, пробѣжалъ мелко сѣменя ногами отдѣляющее его пространство отъ жены и, чуть оттопыривъ губы для почтительнаго поцѣлуя, нагнулся къ ея рукѣ.

— Вѣра, Вѣрочка, — вскрикнулъ онъ два раза дребезжащимъ баскомъ и задохнулся, не подымая лица своего.

«У него лысинка стала больше, — невольно подумала Вѣра Владиміровна и сейчасъ же, начиная волноваться, вспомнила: — когда онъ жилъ со мною, онъ не лысѣлъ, потому что велъ правильный образъ жизни, а теперь его эти француженки и вино заѣздили...»

— Ну, Господь съ тобою, — произнесла она, цѣлуя его въ лобъ и удивляясь тому, что сейчасъ она такъ спокойна и что сердце не болитъ, и она жива, и такъ хорошо во всемъ разбирается.

Наталья Никаноровна скромно отошла въ сторону, потомъ и совсѣмъ скрылась за деревьями.

Они остались вдвоемъ, высоко надъ городомъ, въ чужомъ саду, не зная, что сказать другъ другу.

— Пойдемъ, пройдемся, — сказала Вѣра Владиміровна, испытывая странное раздраженіе, какую-то неловкость.

— Да, пройдемся, — повторилъ полковникъ и, выпрямившись и беря себя за пуговицу тужурки, зашепталъ, напрягшись:

— Повѣрь мнѣ, Вѣра, я понимаю...

Жена остановила его движеніемъ руки, и они стали прохаживаться по площадкѣ туда и обратно, въ глубокомъ молчаніи.

«Онъ все такой же, — безпомощно морща лобъ, думала Вѣра Владиміровна, чувствуя, какъ непонятная тоска опять

начинаетъ сковывать ея душу: — онъ ничуть не постарѣлъ и такъ же здоровъ, какъ былъ, но у него покраснѣлъ носъ и сталъ толще — это оттого, что онъ много пилъ, конечно, и даже, кажется, сейчасъ отъ него пахнетъ виномъ».

— Саша, — наконецъ сказала она, останавливаясь и смотря на мужа, скромно опустившаго глаза, — мы оба виноваты во всемъ, что случилось. Мы слишкомъ жили жизнью тѣла, мы не уважали другъ друга. Постараемся стать другими...

«Я совсѣмъ не то говорю, что надо, — морщась, думала она, — совсѣмъ не то, и потомъ я обманываю себя, я и теперь люблю его какъ мужчину».

Александръ Ясоновичъ схватилъ ея руку и, тиская ее въ своихъ полныхъ рукахъ, воскликнулъ:

— Ахъ, Вѣрочка, ты слишкомъ великодушна! Ты святая женщина! Я страшно виноватъ передъ тобою и готовъ искупить, а ты ангелъ... Когда ты вернешься ко мнѣ, мы станемъ жить по-другому, я исправлюсь и, конечно, вздоръ, что я говорилъ тогда о полнокровіи... это пройдетъ...

«Зачѣмъ, зачѣмъ эти слова, — продолжала думать Вѣра Владиміровна: — и онъ тоже обманываетъ и не вѣритъ тому, что говоритъ. Но развѣ это не все равно? Я вернусь къ нему, вѣдь я не могу иначе. Я даже готова пойти на униженіе, лишь бы снова принадлежать ему. Да развѣ все это сейчасъ не униженіе?»

Она устало закрыла глаза, чувствуя все свое тѣло, истомленное жарой и волненіемъ. «Это проклятіе должно быть мое, что я никакъ не могу успокоиться, что у меня такія грязныя мысли и что до сихъ поръ я женщина и всегда ношу съ собою это свое женское. Господи, Боже мой, помоги мнѣ».

— Ну идемъ теперь домой, — черезъ силу сказала она: — у меня начинается мигрень — должно быть отъ жары, проводи меня до извозчика.

полковникъ. — Солнце печетъ адски, а мы и не думали уйти въ тѣнь. Полежи, отдохни, потомъ я зайду за тобою пообѣ-

— Конечно, конечно, дорогая, — засуетился и забасилъ дать, и тогда мы все обсудимъ.

Онъ радъ былъ, что все такъ гладко и скоро обошлось, безъ лишнихъ слезъ и сценъ: онъ немного трусилъ, когда шелъ на это свиданіе.

— Хорошо, мой другъ, — отвѣчала Вѣра Владиміровна, опираясь на его руку и мысленно добавила: — «вотъ я иду со своимъ мужемъ и все кончено. Зачѣмъ же было такъ волноваться, такъ мучиться. Боже, какъ все это не то, не то»...

XLI.

Ровно въ шесть часовъ Александръ Ясоновичъ ждалъ жену въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана. Бубня себѣ подъ носъ новый, недавно слышанный имъ куплетъ, ходилъ онъ по комнатѣ и расправлялъ усы, пахнувшіе «L'origan». Онъ заказалъ простой, но вкусный обѣдъ и приказалъ заморозить шампанское своей любимой марки. Настроеніе было у него чудесное, хотя онъ и вообще не могъ пожаловаться на свое настроеніе. Онъ привыкъ, что ему во всемъ везетъ, что у него крѣпкое здоровье и хорошій заработокъ. Его безпокоила только одна мысль — удастся ли ему сегодня вечеромъ попасть въ лѣтній садъ, гдѣ пѣла, какъ онъ узналъ, одна француженка, интересовавшая его еще въ Кіевѣ.

Въ половинѣ седьмого въ кабинетъ вошла Наталья Никаноровна и сказала, что Вѣрѣ Владиміровнѣ нездоровится; что обѣдать она не будетъ и проситъ мужа придти къ ней послѣ обѣда вечеромъ.

Полковникъ слегка поморщился, его планы, кажется, разстраивались.

— Но какъ она себя чувствуетъ, она не нервничаетъ? — съ безпокойствомъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, все въ порядкѣ, — смѣясь отвѣтила Смоличъ: — не бойтесь, она больше не убѣжитъ отъ васъ — птичка поймана и, повѣрьте мнѣ, навсегда!

Тогда глядя въ смѣющіеся глаза падчерицы и вновь приходя въ игривое и радостное настроеніе, онъ воскликнулъ потирая руки:

— Что же дѣлать, мы выпьемъ за здоровье нашей старушки, и вы, я надѣюсь, не откажетесь раздѣлить со мною скромную мою трапезу.

Онъ помогъ Натальѣ Никаноровнѣ снять шляпу, перецѣловалъ ей каждый пальчикъ, стягивая перчатки; суетился, басилъ, нюхалъ и мѣнялъ закуску; вскочивъ изъ-за стола, послѣ жаркого, сыгралъ ей новую французскую шансонетку смѣялся полнымъ, круглымъ, довольнымъ смѣхомъ и игралъ глазами, томно вздыхалъ и грозно кричалъ на лакея, принесшаго для шампанскаго не тѣ фужеры. Словомъ, чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ и увлеченъ былъ своей дамой, ничуть отъ него не отстававшей. За все время обѣда не было произнесено ни одного серьезнаго, скучнаго слова, кажется, даже не поминалось и имя Вѣры Владиміровны, если не считать того, что раза два полковникъ шутя, но вовсе не зло назвалъ ее «моя старушка», «моя старушенція». Пили за будущее, за встрѣчу въ Кіевѣ, пили молча, многозначительно и быстро взглядывая другъ на друга, пили такъ, просто потому что хотѣлось пить и въ кабинетѣ было жарко. Вмѣсто одной заказанной выпили двѣ бутылки шампанскаго.

«C'est une belle fille, vraiment, rudement gentille. Je la regarde, elle merigolle, ça va, ça va, ça colle»... размахивая руками и топыря усы, пѣлъ Карышевъ.

Наконецъ лакей внесъ свѣчи, и они вспомнили, что пора ѣхать въ гостиницу. Тогда, у самыхъ дверей, Александръ Ясоновичъ остановился на полусловѣ (онъ говорилъ какой-то французскій каламбуръ), наморщилъ лобъ и, дѣлая серьезное лицо, спросилъ озабоченно:

— Ахъ да, кстати, что съ моей дочерью, съ Людмилой? Вы мнѣ писали о ней что-то. Надѣюсь ничего серьезнаго?

Наталья Никаноровна не отвѣтила; она почла за лучшее разговоръ этотъ отложить до болѣе благопріятнаго случая.

XLII.

Сославшись на мигрень, Вѣра Владиміровна отослала дочь къ мужу, чтобы эти часы побыть одной, разобраться въ себѣ, обдумать свою дальнѣйшую жизнь.

Вотъ вскорѣ пріѣдетъ ея мужъ, и они заговорятъ, какъ и куда ѣхать, что куда уложить, сколько будетъ стоить перевозка ея вещей и мебели обратно въ городъ. Они будутъ говорить съ озабоченными серьезными лицами, можетъ быть поспорятъ и погорячатся, такіе разговоры никогда безъ этого

не обходятся. И такъ пойдетъ изо дня въ день, точно ничего не случалось, точно между ними ничего и не произошло, начнется та жизнь, по которой такъ тосковала Вѣра Владиміровна. «Но вѣдь нужно было бы какъ-нибудь иначе», — тоскливо шептала Карышева, смотря на рисунокъ обоевъ и прислушиваясь къ музыкѣ за стѣною, гдѣ кто-то игралъ: «Я помню все и голосъ милый»...

«Это какой-то очень старый романсъ, — невольно перебивая главную, самую важную мысль, которую нужно было додумать поскорѣе, соображала лѣниво Вѣра Владиміровна: — помнится мнѣ, я пѣла его еще барышней. Да, да помню. Это было тоже лѣтомъ, въ Павловскѣ. Я была совсѣмъ молоденькой, только что окончившей институткой, и этотъ романсъ казался мнѣ особенно грустнымъ. Ника, пріѣзжая изъ лагерей, любилъ его слушать. Странно, что вотъ тутъ, сейчасъ его играетъ пѣвичка изъ сада... Ну да, вотъ это и было тогда то же, что теперь, и что нужно измѣнить во что бы то ни стало... И этотъ звонъ въ ушахъ, и то, что я румянюсь, все это одно и то же, — снова, напрягаясь переходила она къ самому важному: и до тѣхъ поръ пока это будетъ, я не смѣю гордиться и думать, что я лучше той вотъ пѣвички, что играетъ за стѣною».

Она встала и прошлась по комнатѣ, брезгливо глядя на бархатную пунцовую и уже потертую мебель, на прожженную въ нѣсколькихъ мѣстахъ скатерть, покрывавшую круглый столъ, на бамбуковыя ширмы, на коврикъ, гдѣ выткана была бѣлая собака съ куропаткой въ зубахъ, на картины въ золоченыхъ рамахъ, изображающія дочь фараона съ младенцемъ Моисеемъ въ синемъ тростникѣ и пріемъ Колумба испанскимъ королемъ. «Да, да, и эта вотъ обстановка, и это пѣнье за стѣной, и крики пьяныхъ на лѣстницѣ — это именно то, чего я достойна, пока я такая», — томительно влачилась мысль въ уставшей головѣ. — Всю жизнь я пила изъ одного источника, который сталъ теперь мутнымъ и грязнымъ и отъ котораго я все-таки не могу оторвать губъ. Боже, какой это камень и какъ мнѣ его сдвинуть, но я не могу, не могу иначе, у меня нѣтъ ничего другого, я растеряла все, пока жила такъ — сначала съ Никой, потомъ съ Сережей и Сашей, я изсушила свою душу, и мнѣ нужна страсть, чтобы

согрѣвать ее. Я никогда не была матерью, я стыдилась своихъ дѣтей, я заботилась о нихъ только потому, что, устраивая свое счастье и видя ихъ передъ собою, я не хотѣла, чтобы они, болѣя или шаля, разстраивали это мое счастье. Но не видя ихъ, я о нихъ не думала, не знала, какъ о нихъ думать — во мнѣ ничего не оставалось для нихъ. И вотъ почему я теперь не могу вѣрить Наташѣ, не могу съ нею посовѣтоваться, я даже почти ревную къ ней... Ахъ, — стискивая зубы и открывая широко скорбныя глаза, продолжала думать Вѣра Владиміровна, — напрасно я не встрѣтилась съ мужемъ впервые здѣсь, въ этомъ загаженномъ номерѣ, напрасно этимъ брезгала: вѣдь все равно я не откажусь остаться здѣсь сегодня съ нимъ ночью и лечь въ эту кровать... Да, да, не для дѣтей и не для того, чтобы вести разумную жизнь семьянинки и чтобы не состарѣться въ одиночествѣ, я согласилась примириться съ мужемъ, а ради этого, только ради этого... Потому-то я и не повѣрила Наташѣ въ ея участьѣ, — она все знаетъ, обо всемъ догадывается и смѣется надо мною»...

Въ комнатѣ остановилось темнѣе, и изъ окна принесло вмѣстѣ съ пылью вечернюю прохладу. Вѣра Владиміровна наклонилась надъ окномъ и посмотрѣла въ садъ. Между тощихъ липокъ зажигались газовые фонари, рабочіе прибирали столы и стулья, скребли дорожки, передъ открытой сценой возились съ нотами и инструментами заспанные музыканты, помятые лакеи звенѣли тарелками и стаканами, изъ кегельбана раздавался четкій стукъ шаровъ и грохотъ кегель.

— Что же они не идутъ? — прошептала Карышева, сразу забывая все, о чемъ она думала только что и поспѣшно поправляя прическу. — Уже должно быть восьмой часъ.

Оглаживая юбку, она сняла съ нея нѣсколько пушинокъ, расправила кружева кофточки, потомъ, быстрымъ шагомъ подойдя къ баульчику, достала духи и пудру и, нагибаясь передъ зеркаломъ на комодѣ, становясь на цыпочки и похрустывая косточками корсета, провела нѣсколько разъ пуховкой по тонкому своему носу, по лбу и подбородку. Затѣмъ, выпрямившись, налила на ладонь духовъ и медленно проводя рукой по груди, плечамъ и подъ мышками вдыхала, зажмурясь, ихъ нѣжный и дѣвическій запахъ.

Пріятная бодрость и свѣжесть наполнили тѣло. Она снова прошлась по комнатѣ, по привычкѣ зорко оглядываясь и переставляя стулья, обмахивая скатерь, оправляя постель. Поджавъ губу, она провѣряла, лучше ли, уютнѣе ли стало отъ ея уборки. Заслышавъ шаги поблизости, подбѣжала къ дверямъ и прислушалась, но ключъ щелкнулъ въ сосѣднемъ номерѣ, женскій голосъ вскрикнулъ радостно, треснула крышка рояля и чмокнулъ сочный, беззастѣнчивый поцѣлуй.

— Чортъ возьми, я усталъ порядкомъ. Будь она проклята эта идіотская пьеса, — отчетливо прозвучалъ мужской голосъ, точно говорившій былъ въ одномъ номерѣ съ Карышевой.

Вѣра Владиміровна на цыпочкахъ отошла отъ двери, улыбаясь многозначительно, но тотчасъ же улыбка стала печальной, и она прошептала нетерпѣливо:

— Да что же они не идутъ, наконецъ!

Легкая дрожь прошла вдоль спины и заставила поежиться. Тоскливо еще разъ оглянула она комнату, уже занавѣшенную неподвижными сумерками.

Внезапно грянулъ оркестръ, тамъ внизу. Вѣра Владиміровна встрепенулась, сердце ударило разъ-другой и болѣзненно замерло. Она стиснула зубы отъ острой боли и, сейчасъ же приходя въ нервное возбужденіе и безпокойство, стремительно выбѣжала въ коридоръ.

«Съ нимъ что-нибудь случилось, — мелькнула привычная мысль, всегда терзавшая ее, когда мужъ долго не возвращался, — но почему же Наташа...»

Стараясь не додумать до конца, Карышева стала спускаться по лѣстницѣ, рѣшивъ позвонить по телефону въ тотъ ресторанъ, гдѣ обѣдалъ полковникъ.

Она опустилась на второй этажъ, когда услышала гудѣнье подымающагося лифта. Предположивъ, что это, быть можетъ, ѣдетъ мужъ, она остановилась, прислонясь къ периламъ. Каюта медленно подымалась вверхъ. Сначала показались чьи-то головы: женская шляпа и военная фуражка.

«Ну да это они, — подумала Вѣра Владиміровна, вспыхивая и отъ волненія не имѣя силъ подойти къ дверцѣ и крикнуть.

И точно, сейчасъ же выплыли изъ-подъ пола во весь ростъ Наталья Никаноровна и полковникъ. Они смѣялись. Александръ Ясоновичъ, вытягивая пухлыя губы и жмурясь, ловилъ руки Наташи, которая махала ими въ воздухѣ. Потомъ онъ наклонился къ ея локтю, мыча и фыркая, какъ молодой бычокъ.

Уже видны были только ихъ ноги, когда со взрывами смѣха до Карышевой донесся обрывокъ фразы: «Насъ приколотитъ моя старушка»... и все скрылось.

XLIII.

Одеревенѣвъ, стояла Вѣра Владиміровна у перилъ, все еще смотря вверхъ передъ собою. Щеки ея жгло такъ, что она чувствовала кожу на нихъ, губы дрожали, но слезы не шли изъ глазъ; не глядя по сторонамъ, она сошла въ вестибюль, прошла безъ шляпки мимо озадаченнаго швейцара и медленно пошла по улицѣ. Случайно ей попался какой-то скверъ, она вошла въ него и, пройдя по аллейкѣ, сѣла на скамью.

Мимо нея проходили гуляющіе, но она не глядѣла на нихъ, не замѣчала ихъ взглядовъ. Ей было только одно пріятно, что сумерки совсѣмъ низко упали на землю и свѣтъ не рѣзалъ глазъ и можно было глубже заглянуть въ свою душу. Мысли ея стали глубоки и ясны, но онѣ не передавались словами — тайный ходъ ихъ она лишь чувствовала въ себѣ, не умѣя дать имъ обличье живыхъ словъ. Иногда только она шептала ссохшимися губами: «и я того же хотѣла для себя», когда передъ ней, уплывая вверхъ, опять стояли мужъ и дочь.

Она сидѣла такъ и часъ и два. Стало совсѣмъ темно, гуляющіе скрылись, только листъ шуршалъ надъ головою въ вѣтвяхъ да издали, оттуда, изъ лѣтняго сада заносило дуновеніемъ вѣтра обрывки музыки.

Наконецъ, она поднялась, чувствуя тяжесть и разбитость во всемъ тѣлѣ, каждая косточка болѣла и ныла. «Старушка, — прошептала она, слабо улыбаясь, но безъ горечи. — Конечно, я старушка; что же тутъ обиднаго. Но если такъ, то почему я не иду къ нимъ... я должна пойти къ нимъ и сказать, что ничуть не зла на нихъ, вѣдь они ничего дурного не дѣлали, это была только легкая шалость, конечно, маленькая, дѣтская шалость. Но я ревную... Да, ревную, —

повторила она громко, — мнѣ все еще кажется, что я имѣю право ревновать, какъ женщина; но почему же я не ревную, какъ человѣкъ? Къ душѣ ихъ не ревную, къ душѣ своей дочери, которую я не знаю»... — Она застонала, закусывая губы, готовая упасть наземь, но пересилила себя и, тяжело пригибаясь къ землѣ, какъ вѣтвь, отягченная созрѣвшими плодами, побрела по скверу, переходя съ одной дорожки на другую.

Нежданно она остановилась у чьей-то высокой темной фигуры. Это былъ памятникъ Глинкѣ, золотые значки нотъ поблескивали на узорѣ рѣшетки. «Я въ Блокѣ, — подумала она, — у ногъ любимаго композитора, и скоро ночь, а я одна безъ шляпки. Вотъ куда завели меня мои мысли. Если бы я не была старухой, я навѣрно расплакалась бы у этой рѣшетки. Но развѣ я способна чувствовать романтизмъ во всемъ этомъ? Я кажусь себѣ только смѣшной и жалкой... очень смѣшной и постыдно жалкой»...

Она стояла такъ нѣсколько минутъ, стараясь разобрать золотыя ноты, но было совсѣмъ темно, и глаза ея плохо видѣли.

— Пора уходить, госпожа, — услышала она охрипшій голосъ, — потому мы садъ запирать будемъ.

Она поспѣшно отошла, испуганная и вновь возвращенная къ жизни. Выйдя за ворота, еще долго бродила по улицамъ, блуждая въ мало знакомомъ городѣ. Наконецъ, почувствовала, что не въ силахъ идти дальше. Она подозвала извозчика и приказала ему ѣхать въ гостиницу. Дорогой думала: «Если я стала другой, если у меня есть силы побороть въ себѣ все темное и грязное, я останусь съ мужемъ»...

Пріѣхавъ, она поднялась наверхъ. Коридорный принесъ ей ключъ отъ номера.

— Барышня и баринъ ушли въ лѣтній садъ, — сказалъ онъ услужливо, — они просили доложить вамъ, ежели вы изволите прійтить раньше ихъ, что они будутъ обратно не позже часу...

— Хорошо, голубчикъ, — произнесла она спокойно, и, чувствуя какъ съ новой силой вспыхиваютъ въ ней возмущеніе и ревность, тотчасъ подумала: «Да, иначе нельзя», — и стала поспѣшно укладывать вещи и накалывать шляпку. —

«Въ двѣнадцать идетъ поѣздъ на «Самолюбово», — я буду далеко, когда они вернутся».

И сидя черезъ полчаса въ темномъ углу вагоннаго дивана, подложивъ подъ голову подушку изъ розовыхъ лепестковъ и сомкнувъ отяжелѣвшія вѣки, она шептала въ тоскѣ и страхѣ: «Господи, Господи, помоги мнѣ снести мою ношу. Господи, помоги. Ты видишь, я слабая и грязная, и у меня нѣтъ силъ потушить темный огонь, такъ дай мнѣ перегорѣть въ себѣ, чтобы предстать предъ Тобой чистой. Господи, не оставь меня...»

XLIV.

Въ отсутствіе Вѣры Владиміровны, за Яковомъ Владиміровичемъ ухаживала Людмила. Она приготавливала ему лѣкарства (онъ принималъ какія-то микстуры, увѣряя, что у него до сихъ поръ катаръ въ легкихъ и больныя почки), носила ему то пледъ, то карты, то книжку романа, иногда читала ему или играла съ нимъ въ безикъ.

— Ты мой ангелъ, душа моя, — говорилъ Тулубьевъ, слѣдя за ней покраснѣвшими кофейными своими глазами, кажущимися всегда подернутыми слезой умиленія: — у тебя золотыя руки, des mains de Sylfe. Онѣ дѣлаютъ все неслышно, быстро и удивительно красиво, точно два одушевленныхъ существа, увѣряю тебя. Ты меня трогаешь, мнѣ стыдно своей безпомощности, я чувствую себя до безобразія ничтожнымъ при видѣ того, какъ ты ухаживаешь за мною... Ахъ, — вздыхая, шепталъ онъ: — если бы я былъ моложе, если бы ко мнѣ вернулись мои былыя силы, я стоялъ бы передъ тобою на колѣняхъ и ждалъ бы твоихъ приказаній... но увы, я только старый рамоли, ни на что не нужный старикъ, годный развѣ лишь на то, чтобы на мнѣ ты лишній разъ испытала свое золотое сердце...

— Ну что вы, дядя, какъ вамъ не стыдно, — возражала, улыбаясь, Людмила и, садясь рядомъ съ нимъ, гладила его по рукѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, душа моя, это такъ, я не тѣшу себя иллюзіями, какъ моя сестра, Богъ ей прости! Я хорошо знаю что я такое — une vielle rosse — et rien que ça![1]) И меня ни-

[1]) Старая кляча — и ничего больше.

сколько это не смущаетъ, повѣрь мнѣ, я не жалуюсь. Ба, я сумѣлъ взять все, что могъ, въ свое время, больше чѣмъ могъ... Каюсь, душа моя, я любилъ въ жизни только двѣ вещи — праздность и смѣхъ, смѣхъ и праздность... я всегда и во всемъ находилъ только смѣшное, и это на мой взглядъ самое большее, чего достойна наша жизнь... Я всегда слѣдовалъ принципу мудраго Босюэтта: il faut rire avant que d'être heureux, de peur de mourir sans avoir ri»[2]). Это великій завѣтъ, повѣрь мнѣ... Чѣмъ бы я былъ сейчасъ, если бы не мое чувство юмора... Что подѣлаешь, я не вѣрю ни во что другое, никакая ложь не скрыла бы отъ меня истины — а она всегда вызывала во мнѣ только снисходительную улыбку. Ты молода еще, дитя мое, ты очень серьезна. У тебя прекрасная душа, ты глубоко чувствуешь, но ты не умѣешь еще смѣяться. Это большое твое несчастье. Нельзя быть всегда серьезной, этого не выдержатъ никакіе нервы, никакая воля... Ты знаешь, чего больше всего мнѣ жаль изъ того, что я утратилъ — это мой цилиндръ. Не смѣйся, мой другъ, — мой послѣдній цилиндръ утонулъ, когда я переплывалъ Ламаншъ. Съ тѣхъ поръ я не покупалъ себѣ другого. Я сказалъ себѣ, что это указующій знакъ. Когда у порядочнаго человѣка цилиндръ начинаетъ ходить за водою, вмѣсто того, чтобы сидѣть на головѣ, это значитъ, что такому человѣку слѣдуетъ надѣть чепецъ и забиться въ свое кресло. Душа моя, утративъ респектабельность джентельмена, уже ничѣмъ не вернешь ея. Все остальное относительно, даже здоровье, увѣряю тебя... Я прожилъ бурную, безтолковую, врядъ ли разумную и полезную жизнь, но больше всего я смѣялся, это сохранило мнѣ мой желудокъ и душевное равновѣсіе. Вотъ почему я такъ люблю Парижъ. Тамъ люди хорошо усвоили себѣ этотъ принципъ, у нихъ есть чувство юмора — это помѣшало имъ стать ханжами и мистиками, несмотря на то, что у нихъ въ центрѣ Парижа стоитъ изумительная Sainte Chapelle, приводящая даже скептика въ религіозный экстазъ; и они ничуть не пришли въ ужасъ и не утратили вѣры въ свой художественный вкусъ, увидя въ одно прекрасное утро Эйфелеву башню. Они нашли для характеристики этого пошлѣйшаго сооруженія одно

[2]) Нужно смѣяться, не будучи даже счастливымъ.

mot, геніальность котораго ты оцѣнила бы тотчасъ же, если бы я рѣшился произнести его при тебѣ вслухъ... Ахъ, дитя мое, для твоего счастья, я хотѣлъ бы чаще видѣть на лицѣ твоемъ улыбку, улыбку снисходительности и превосходства. Я знаю, ты мечтаешь побѣдить жизнь, но это потому, что ты молода. У насъ есть только одно оружіе противъ нея — это смѣхъ. Даже побѣжденными, улыбаясь, мы будемъ сознавать себя выше ея. Говоря о жизни, я могъ бы перефразировать стихи венеціанскаго поэта Бурати на знаменитую Болонскую пѣвицу изъ романа Стендаля «Пармская Шартреза»: «Желать и не желать, любить и ненавидѣть, въ одно и то же время довольствоваться лишь непостоянствомъ, презирать то, что уважаетъ человѣчество, въ то время какъ человѣчество ею восторгается — ж и з н ь полна пороковъ. Поэтому не стремись п о з н а т ь эту змѣю. Если ты серьезно станешь изучать ее, безумный, ты позабудешь ея капризы; если будешь имѣть смѣлость п р и с л у ш а т ь с я к ъ н е й, — ты позабудешь самого себя, и въ одно мгновеніе любовь сдѣлаетъ изъ тебя то, что нѣкогда Цирцея сдѣлала съ товарищами Улисса».

Яковъ Владиміровичъ засмѣялся, беря руку Людмилы и цѣлуя ее.

— Вотъ видите, моя очаровательная племянница, какой философъ вашъ дядя, — сказалъ онъ. Когда боишься своихъ мыслей, самое лучшее ихъ высказывать. Должно быть, всѣ философы были большіе трусы... имъ слѣдовало бы тоже чаще смѣяться...

Онъ откинулся на спинку кресла и, дыша какъ рыба, чуть раскрывъ ротъ, посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Я чувствую, что изъ этого ничего не выйдетъ, — пробормоталъ онъ совсѣмъ тихо. — Она никогда не знала мѣры... ахъ, знаю ли я эту мѣру?..

Вечеромъ Тулубьевъ, Людмила и Витя, сидя за чайнымъ столомъ, играли въ домино. У всѣхъ у трехъ были серьезныя, встревоженныя лица, всѣ они невольно мыслью возвращались къ Вѣрѣ Владиміровнѣ, у нихъ у всѣхъ должна была измѣниться жизнь. Можетъ быть, у нихъ были еще и свои заботы, но никто не высказывалъ ихъ.

Константинъ Никаноровичъ не выходилъ изъ своей комнаты: онъ писалъ дѣловыя письма.

На верандѣ, у чайнаго стола, подъ лампой-молніей никто не произносилъ ни слова. Слышны были придушенные вздохи самовара, трескъ опаленныхъ бабочекъ и сухой стукъ костяшекъ.

Наконецъ Яковъ Владиміровичъ прервалъ молчаніе, проговоривъ убѣжденно:

— Я говорю вамъ, изъ этого ничего не выйдетъ, Вѣра не можетъ жить для другихъ... Мнѣ непріятна вся эта затѣя... я не сочувствовалъ ея разрыву съ мужемъ, но еще менѣе сочувствую ея возвращенію къ нему... Это все очень непріятно и только Наташѣ могла придти въ голову такая мысль...

Никто не отвѣтилъ ему. Людмила и Витя опустили головы, Тулубьевъ пожевалъ губами и сказалъ тише.

— Вообще у насъ творятся вещи за послѣднее время... on sant la poudre, боюсь, что братъ и сестра Смоличъ слишкомъ шумливы для здѣшнихъ мѣстъ. Il y a des gens qui veulent être, il y a des gens qui veulent paraître[1]): они изъ числа послѣднихъ... Однако, вы меня, кажется, не слушаете? — добавилъ онъ, улыбаясь: — но я не въ претензіи, когда человѣкъ говоритъ, онъ больше всего думаетъ о собственномъ удовольствіи... Уже поздно, я что-то усталъ, моя бѣдная голова не выдерживаетъ большого напряженія... Покойной ночи, Людмила...

Онъ наклонился съ особенной почтительностью, цѣлуя руку дѣвушки, она поспѣшно поднялась и въ свою очередь поцѣловала его въ лобъ.

— А ты, Витя? — спросилъ Тулубьевъ, оборотившись къ племяннику, — не захочешь ли ты проводить меня въ спальню?.. Пожелавъ нашимъ дамамъ счастливыхъ сновъ, мы, какъ старые, завзятые холостяки, поболтаемъ еще часокъ о своихъ слабостяхъ... Не такъ ли?..

Онъ посмотрѣлъ на Витю внимательнымъ многозначительнымъ взглядомъ. Бунаковъ, взглянувъ на дядю, тотчасъ же вскочилъ и, кивнувъ головою, послѣдовалъ за нимъ.

---

[1]) Есть люди, которые хотятъ быть, а есть люди, которые хотятъ только казаться.

Придя къ себѣ, Яковъ Владиміровичъ заперъ дверь на ключъ, осмотрѣлся и, подойдя развинченной своей походкой къ Витѣ, положилъ ему на плечо руку.

— Я получилъ письмо, — сказалъ онъ строго, — оно касается Людмилы...

— Это письмо отъ Кости, — поспѣшно перебилъ его Бунаковъ.

— Не знаю, оно безъ подписи... я не пытался разузнавать, кто писалъ его, но оно настолько гнусно, что говоритъ само за себя...

— Я знаю, что его писалъ Костя... — проговорилъ настойчиво Витя, — вѣрнѣе оно написано подъ его диктовку... Что же вы думаете съ нимъ дѣлать?..

Яковъ Владиміровичъ не отвѣтилъ. Онъ подошелъ къ ночному столику, досталъ оттуда листокъ бумаги и, развернувъ его двумя пальцами, точно боясь запачкаться, показалъ Витѣ.

— Вотъ оно, — сказалъ онъ все такъ же тихо, строго и медленно: — я думаю тебѣ не интересно знать его содержаніе...

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!..

— Тѣмъ лучше...

И, сложивъ листокъ опять, Тулубьевъ медленно протянулъ его надъ пламенемъ свѣчи. Письмо задымило, съежилось и, мгновенно вспыхнувъ, превратилось въ пепелъ.

— Да, да, — произнесъ Яковъ Владиміровичъ: — его больше не существуетъ. Я сдѣлалъ бы это и раньше, но почелъ необходимымъ предупредить тебя... Теперь ты видѣлъ... поступай самъ, какъ считаешь нужнымъ...

Онъ устало опустился на стулъ рядомъ съ кроватью и, положивъ на колѣни руки, закрылъ глаза.

Витя подошелъ къ нему и сказалъ рѣшительно:

— Я знаю, что дѣлать... спасибо вамъ, дядя...

Тулубьевъ молчалъ, не отрывая глазъ; потомъ, когда племянникъ щелкнулъ замкомъ, собираясь выйти, Яковъ Владиміровичъ движеніемъ руки остановилъ его.

— Подожди, — сказалъ онъ чуть слышно: — знай, что я ничему не вѣрю, и потомъ вотъ... когда увидишь завтра Людмилу, поцѣлуй ее... отъ меня поцѣлуй... и скажи, что у

нея есть два друга... два преданныхъ друга... Я хотѣлъ бы, чтобы ты сказалъ ей это... только ты... понимаешь?

XLV.

Константинъ Никаноровичъ запечатывалъ послѣднее письмо: онъ писалъ своему кредитору, Марѳинькѣ (замѣняющей ему экономку на его холостой квартирѣ, старой, но дѣятельной женщинѣ — молодыхъ онъ у себя не держалъ, считая это дурнымъ тономъ) и кое-какимъ своимъ пріятелямъ. Рѣзкій стукъ заставилъ его вздрогнуть отъ неожиданности.

— Войдите, — крикнулъ Константинъ Никаноровичъ и, мелькомъ взглянувъ на входящаго брата, снова занялся своей корреспонденціей.

— Садись, я сейчасъ! — сказалъ онъ. — Ты хочешь поговорить со мною?

— Да, я принужденъ говорить съ тобою, — отвѣчалъ Бунаковъ, не садясь и остановившись посреди комнаты, — хотя мнѣ это крайне непріятно...

— Въ чемъ дѣло? — недоумѣвая, проговорилъ Смоличъ, оставивъ недописаннымъ адресъ, отложивъ ручку и оборачиваясь къ брату.

— Ты поступилъ подло, и я пришелъ сказать тебѣ это, — твердо и стараясь не повышать голоса, молвилъ Витя.

Константинъ Никаноровичъ привскочилъ на мѣстѣ: онъ болѣзненно сморщился и закричалъ пронзительно:

— Что за тонъ, что за манеры! Кто тебѣ далъ право врываться ко мнѣ съ такими разговорами?

— Не кричи, — холодно возразилъ Бунаковъ: — уже ночь, и ты можешь разбудить сестру и дядю. Я пришелъ къ тебѣ вовсе не для того, чтобы вступать въ препирательства. Если бы ты не приходился мнѣ братомъ, я нашелъ бы другой способъ воздѣйствовать на тебя и, конечно, не приходилъ бы къ тебѣ въ комнату. Но мы живемъ у мамы, ты, къ сожалѣнію, мой братъ, и я не вижу другого пути для того, чтобы выразить тебѣ все мое презрѣніе...

— Но это чортъ знаетъ, что такое! — вставая и садясь на край стола, но значительно тише возразилъ Смоличъ: — что онъ отъ меня хочетъ? Я ничего не понимаю...

— Изволь, — я объясню тебѣ, — отвѣтилъ Витя: — за множествомъ дѣлъ ты забываешь то, что дѣлаешь. Не далѣе, какъ третьяго дня ты послалъ анонимное письмо дядѣ...

— Это клевета!

— Нѣтъ, это не клевета. Я самъ слышалъ, какъ ты просилъ Ерандаковыхъ написать его...

— Хорошенькая манера изыскивать способы выказать свое благородство, — криво усмѣхаясь, пробормоталъ Константинъ Никаноровичъ: — но вы все-таки плохо слышали...

— Я слышалъ именно то, что говорилось, — медленно и не двигаясь съ мѣста, сказалъ Бунаковъ: дядя показалъ мнѣ это письмо и, конечно, не повѣрилъ ни одному его слову. Не желая разбираться въ цѣляхъ твоего паскиля, я предлагаю тебѣ одно — уѣхать отсюда какъ можно скорѣе...

— Что-о?

— Да, ты долженъ уѣхать.

Смоличъ принужденно расхохотался. Блѣдность сошла съ его лица. Онъ держался руками за край стола, раскачивался и смѣялся.

— Нѣтъ, это мнѣ нравится, — вскрикивалъ онъ: — нѣтъ, это великолѣпно!.. онъ, видите ли, пришелъ для того, чтобы выгнать меня изъ моего же дома...

— Этотъ домъ принадлежитъ моей матери...

— Ха-ха, но ты забываешь, что она и моя мать, и я такое же имѣю право жить въ немъ, какъ и ты...

— Ты долженъ отсюда уѣхать, — вспыхивая и сжимая кулаки, до жуткаго тихо еще разъ сказалъ Бунаковъ: — и ты уѣдешь...

Тогда, презрительно морщась и отходя отъ стола, Смоличъ возразилъ съ вызовомъ:

— Ну, это мы еще посмотримъ... можетъ быть, я скоро и уѣду отсюда, но только тогда, когда самъ захочу этого... А прежде всего, милѣйшій, я переговорю съ матерью... она должна, наконецъ, понять, что творится вокругъ нея... Не безпокойся (Константинъ Никаноровичъ потрясъ рукой въ воздухѣ), это такъ не пройдетъ... Если вы здѣсь влюбились въ эту дѣвчонку...

— Молчи...

Витя сдѣлалъ два шага впередъ, рука его поднялась было и опять опустилась, глаза налились кровью, губы побѣлѣли.

— Молчи, — хрипло повторилъ онъ.

Смоличъ попятился назадъ, но тотчасъ же закричалъ, подпрыгивая; въ его голосѣ слышались страхъ и ненависть:

— Убирайся, убирайся, убирайся отсюда... я тебѣ говорю, убирайся...

И когда младшій братъ, сдерживаясь и боясь за самого себя, повернулся съ усиліемъ и пошелъ къ двери, Константинъ Никанoровичъ, наскакивая на него, шипѣлъ, захлебываясь:

— Мальчишка, щенокъ, наглый хамъ! Онъ смѣетъ кричать на меня!

XLVI.

Людмила встала, по обыкновенію, рано. Еще только выглянуло солнце. Дѣвушка подбѣжала къ окну, всю ночь открытому настежь, и полной грудью дохнула въ себя росный, густой, медвяный воздухъ. Иволги перекликались въ саду, то громко высвистывая, то скрипя, точно колеса; пчелы гудѣли надъ липами — все тучно наливалось, золотѣло, улыбчиво поблескивало. Стоя, опершись ладонями на подоконникъ и полураскрывъ полныя губы, Людмила не могла не дышать и не наслаждаться своимъ дыханіемъ, несмотря на то, что ей вовсе не было весело и легко. Но даже и наединѣ съ самой собою, она умѣла сдерживаться и не давать волю своимъ чувствамъ — молодое ея тѣло не знало еще слабости. Какое бы горе ни томило ея душу, Людмила никогда не опускала рукъ, не сидѣла въ бездѣйствіи. Она неизмѣнно вставала въ урочный часъ, купалась или обливалась холодной водою и бѣжала исполнять свою работу. Ея губы невольно улыбались солнцу, кровь ровно и сильно билась въ ея крѣпкомъ тѣлѣ. Какое бы душевное страданіе ни испытывала она, какъ ни были бы тягостны ея мысли, она никогда не оставляла того, что привыкла дѣлать изо дня въ день; напротивъ, чѣмъ сильнѣе и тяжелѣе былъ грузъ, давившій ея сердце, тѣмъ съ большимъ напряженіемъ и охотой

отдавалась она дѣятельности, тѣмъ острѣе становился ея глазъ и проворнѣй руки. Только въ глубинѣ ея глазъ, за привычной ихъ зоркостью и здоровымъ матовымъ блескомъ, можно было читать ея взволнованныя мысли. Эти глаза — не очень большіе, темно-сѣрые, иногда казавшіеся карими, обыкновенные глаза русской дѣвушки съ чуть уловимой разсѣянной печалью — всегда уходили вглубь, точно прислушивались чутко и ждали и вотъ-вотъ готовы были заговорить, но, никогда не убѣгая въ сторону, умѣли таить въ себѣ самое завѣтное. И сейчасъ, смотря передъ собою на цвѣтущую землю, на небо, отдавая обнаженныя свои круглыя плечи, тронутыя загаромъ, лучамъ солнца, Людмила казалась спокойной, увѣренной и такой же здоровой и крѣпкой, какъ и все вокругъ. Она не стала долго смотрѣть въ бездѣйствіи передъ собою. Она дохнула разъ-другой, мягко и свободно потянулась, расправляя чуть онѣмѣвшія отъ сна руки и ноги, отчего все тѣло ея напряглось подъ крѣпкой, плотной кожей, и сейчасъ же, быстро накинувъ шершавый бѣлый халатикъ, закрутивъ проворной рукой на затылкѣ густую косу, захвативъ узелокъ съ бѣльемъ и платьемъ, босая сбѣжала внизъ и по саду спустилась въ купальню.

Еще лучи солнца не успѣли согрѣть остывшую за ночь воду и только вкось скользили по ея гладкой поверхности. Кое-гдѣ прозрачный дымокъ курился надъ ней, и ласточки, взвизгивая, стремительно разсѣкали его.

Бойко скрипнула досчатая дверца, бодрый смоляной духъ намокшихъ бревенъ ударилъ въ лицо, большая пузатая лягушка, сидѣвшая на краю помоста, грузно шмякнулась въ воду.

Скинувъ халатикъ и рубашку и осторожно снявъ нагрудный золотой крестикъ на серебряной тонкой цѣпочкѣ, Людмила подошла къ лѣсенкѣ и пальцами ноги провела по водѣ. Стайка серебрянокъ, неподвижно сгрудившаяся на поверхности, тотчасъ же разсыпалась въ стороны, синяя рябь, вспыхивая искорками, правильнымъ кругомъ ушла подъ стѣну на просторъ; желтыя полосы, проходя сквозь доски, забѣгали по спинѣ и затылку дѣвушки, а перевернутое отраженіе смуглаго отъ загара тѣла ея дрогнуло и заколебалось.

Людмила протянула руки вверхъ, шагнула впередъ и, нырнувъ, выплыла изъ купальни, а вода долго еще бурлила и плескалась за нею, ударясь о лѣсенку и намокшія бревна.

Искупавшись и обождавъ, пока вода сама сойдетъ подъ лучами солнца, Людмила быстро одѣлась и, поднявшись по откосу, вышла на проѣзжую дорогу. Увлаженная за ночь земля еще не пылилась, и двѣ глубокія колеи отъ колесъ, уходя вмѣстѣ съ извивами дороги, блестѣли росою... Дѣвушка, поправляя намокшіе волосы, глядѣла впередъ и, слѣдя передъ собою этотъ гладкій путь, невольно вспомнила о Вѣрѣ Владиміровнѣ и объ отцѣ. Она всей душой привязана была къ пріемной матери. Зная всѣ ея слабости, всѣ ея мелкіе недостатки, изо дня въ день наблюдая за нею, Людмила почти угадывала, что должна была переживать въ эти минуты Вѣра Владиміровна. Тягостный разрывъ съ мужемъ прошелъ на глазахъ у дѣвушки; несдержанная женщина часто посвящала пріемную дочь свою въ то, чего бы она не сумѣла замѣтить и понять. И, несмотря на это, Людмила умѣла любить Карышеву любовью сдержанной, но вѣрной. И теперь, думая о примиреніи Вѣры Владиміровны съ полковникомъ, она не очень радовалась этому, слишкомъ хорошо зная характеръ обоихъ. Людмила никогда не могла простить себѣ холодности къ своему отцу, развившейся въ ней еще въ дѣтствѣ, когда жива была ея мать: этотъ человѣкъ былъ совсѣмъ чуждъ, совсѣмъ далекъ отъ нея, она стояла передъ нимъ съ омертвѣлой душой, она не знала, о чемъ говорить съ нимъ, когда онъ былъ съ нею, можетъ быть, потому, что угадывала его къ ней равнодушіе. То, что, уѣзжая къ нему, Вѣра Владиміровна не простилась съ нею, не взяла ея съ собой, не подѣлилась своею радостью, ничуть не оскорбляло Людмилу. Чутьемъ она догадывалась, что не равнодушіе, не пренебреженіе къ ней были тому причиной. Она сама не поѣхала бы въ Смоленскъ. То, что касается только двухъ, не должно быть извѣстно третьему. Если поѣхала Наташа, то это дѣло ея совѣсти, къ тому же она, пожалуй, могла помочь матери. Но Людмила не хотѣла думать о названной своей сестрѣ. Она и такъ слишкомъ много и долго думала о ней. Она не смѣла, и страшно было ей судить ее.

«Нѣтъ, нѣтъ, я не вправѣ этого дѣлать, — повторяла она, — я слишкомъ пристрастна». И снова думала и снова мучилась.

Людмила шла по дорогѣ, стараясь отвлечь свои мысли. Смотрѣла на Ящуръ и тотчасъ же вспомнились ей вечернія прогулки ея въ лодкѣ съ Крутовскимъ. Она смотрѣла на берегъ, гдѣ въ низинѣ за густой зеленью скрывался раевскій домъ, и сейчасъ же слышала голосъ Марьи Васильевны и то, что она говорила ей въ тотъ вечеръ послѣ пикника. Вспомнивъ пикникъ, вспомнила она и Шишикторова. Думая о непонятной его выходкѣ и его слезахъ, она печально улыбнулась. «Нѣтъ, это не могло быть настоящей любовью, — покачавъ головой, рѣшила она, — такъ не любятъ».

И тотчасъ же, точно затѣмъ, чтобы остановить ея мысли, на дорогѣ показался Ильюша. Онъ шелъ сгорбившись, размахивая длинными своими руками, и смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Увидавъ его, Людмила остановилась. Она рѣшила, когда онъ подойдетъ къ ней, сказать ему что-нибудь ласковое, ободрить его, увѣрить его въ томъ, что ничуть на него не сердится и рада считать его своимъ другомъ.

Почувствовавъ должно быть на себѣ ея взглядъ, Шишикторовъ поднялъ глаза и, пошатнушись, замеръ. Онъ стоялъ шагахъ въ двадцати отъ дѣвушки. Она увидала, какъ жалко и испуганно стало его лицо, потомъ видѣла, какъ, содрогаясь и дергаясь, онъ сталъ шарить что-то въ карманахъ и поспѣшно вытянулъ правую руку, точно угрожая ей.

Раздался негромкій, короткій хлопокъ, тонкая пелена дыма заволокла на секунду Ильюшу. Не понимающая и обезпокоенная, Людмила сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и, только вновь увидя Шишикторова, припавшаго къ землѣ, поняла, какая опасность угрожала ей. «Онъ стрѣлялъ въ меня, — не вѣря и приходя въ ужасъ не за себя, а за него, подумала дѣвушка: — что же это такое? Господи, какъ могъ онъ...» и уже бѣжала къ Ильюшѣ, крича съ мольбой и страхомъ:

— Ильюша, Ильюша, встаньте, что съ вами?..

Но онъ поднялся и, пятясь отъ нея, шепталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не подходите... умоляю васъ не подходите... я гадина, я трусъ, я хотѣлъ убить васъ...

— Но за что, за что? — повторяла Людмила, невольно останавливаясь и чувствуя, что она начинаетъ, какъ и Шишикторовъ, дрожать всѣмъ тѣломъ, отвратительной мелкой дрожью, — за что, Ильюша?

Онъ не отвѣтилъ, онъ все еще продолжалъ пятиться, безпомощно кривя ротъ и поднявъ руки, точно боясь удара. Потомъ повернулся и побѣжалъ внизъ къ рѣкѣ и скрылся въ заросляхъ.

Людмила, блѣдная, стояла неподвижно, дрожь постепенно затихла, замѣняясь страннымъ оцѣпенѣніемъ и равнодушіемъ. Замѣтя у ногъ своихъ что-то тускло поблескивавшее, она нагнулась и увидала револьверъ... Взяла его въ руки. Брезгливое и горькое чувство охватило ее; все живое, все здоровое въ ней возмутилось. Легкая судорога при мысли о томъ, какъ близко была отъ нея смерть, снова пробѣжала по тѣлу. Она подошла къ краю берегового ската и бросила револьверъ въ воду. «Онъ и этого не могъ сдѣлать, — горько улыбаясь, невольно подумала Людмила о Шишикторовѣ: — а я могла бы? — тотчасъ перебила она себя: — И не могла бы, и не стала бы, — твердо и вслухъ отвѣтила дѣвушка своимъ мыслямъ: — убійство ничего не мѣняетъ, нужно умѣть такъ подойти къ людямъ, чтобы ихъ жизнь была бы и твоей жизнью. А я хочу жить, я должна жить, — подумала она, чувствуя ускоренные удары своего сердца: — и у меня достанетъ силъ на жизнь».

Внезапно раздавшійся скрипъ и звяканіе заставили ее оглянуться. Она увидала катящуюся по дорогѣ старенькую таратайку, влекомую пузатой лошаденкой. На козлахъ сидѣлъ сѣденькій мужичокъ; онъ, не переставая, нукалъ и дергалъ веревочными вожжами. Людмила приглядѣлась внимательнѣе. За мужичкомъ сидѣла на скамеечкѣ, согнувшись, какая-то женщина.

— Тетя, тетя! — вскрикнула Людмила, кидаясь къ таратайкѣ, — это вы, тетя?

Лошадь остановилась, мужичонка соскочилъ съ козелъ. На скамеечкѣ сидѣла Вѣра Владиміровна. Усталое, блѣдное лицо ея со слѣдами слезъ оборотилось къ дѣвушкѣ, губы дрогнули въ робкой и извиняющейся улыбкѣ, глаза просіяли

и въ мигъ заволоклись туманомъ. Она слабо вскрикнула и протянула Людмилѣ руки.

— А гдѣ Наташа? — спросила было дѣвушка, но сразу поняла все, все до конца почувствовала и припала къ этимъ вздрагивающимъ, прозрачнымъ, худымъ рукамъ, судорожно сжимающимъ ея голову.

— Ты не оставишь меня, Людмила?.. Не уйдешь отъ меня? — шептала Вѣра Владиміровна.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, никогда...

XLVI.

— Вотъ я и дома, — проговорила Вѣра Владиміровна, входя въ спальню и снимая запыленную шляпку, точно послѣ долгаго-долгаго пути. А между тѣмъ, букетъ съ розами еще не успѣлъ завять, и такъ же лежатъ на комодѣ, какъ тогда передъ отъѣздомъ, кинутыя ею перчатки. Она присѣла на край кровати и прикурнула къ подушкѣ, съ наслажденіемъ чувствуя прикосновеніе свѣжаго полотна къ горящей щекѣ.

Сѣдѣющіе ея волосы, которые она забыла почернить, лежали на подушкѣ сбившимся комкомъ.

— Тетя, хотите я помогу вамъ раздѣться? — сказала Людмила, ставя передъ нею на ночной столикъ стаканъ молока, — выпейте вотъ, раздѣньтесь и усните. Вы очень устали.

— Да, я очень устала, — повторила Вѣра Владиміровна, не размыкая глазъ, — но ты не безпокойся, я сама...

Людмила постояла, посмотрѣла на съежившуюся ея фигуру и, неслышно ступая, вышла изъ комнаты.

Такъ наполовину дремля, наполовину бодрствуя, смутно припоминая пережитое, Вѣра Владиміровна пролежала до обѣда. Постучавшись у двери, Людмила предложила ей принести обѣдъ въ спальню, но она отказалась и сказала, что сама выйдетъ къ столу.

«Я должна себя взять въ руки, — подумала она: — мнѣ нечего ихъ стыдиться... каждый можетъ нести тяжесть по силамъ...»

Въ столовой всѣ сидѣли молча и смотрѣли себѣ въ тарелки. Первый поднялся ей навстрѣчу Витя, крѣпко обнялъ ее и, не говоря ни слова, поцѣловалъ; Константинъ Никаноровичъ почтительно приложился къ рукѣ; къ Якову Владиміровичу она сама подошла.

— Здоровъ? — спросила его Вѣра Владиміровна, стараясь, чтобы голосъ ея звучалъ ровно: — позаботились о тебѣ?..

— Все, все, ma chère было въ порядкѣ, — въ образцовомъ порядкѣ, не исключая и меня, — стараясь шутить и улыбаться, отвѣчалъ Тулубьевъ.

Она сѣла на свое мѣсто, во главѣ стола у дымящейся супницы. Привычнымъ взглядомъ оглядѣла столъ: все ли на своихъ мѣстахъ; потомъ медленно разлила по тарелкамъ супъ и слѣдила за тѣмъ, какъ, стараясь ступать неслышно, двигалась горничная вокругъ стола. У нея начиналась обычная мигрень, но на душѣ было необычайно покойно. «Вотъ моя семья, мои дѣти, мой братъ...» думала она, глядя на медленно опускающіяся и подымающіяся головы: — я нужна имъ и они нужны мнѣ и не за чѣмъ мнѣ туда ѣздить». Она вспомнила номеръ гостиницы и поцѣлуй за стѣною и романсъ: «Я помню все, и голосъ милый...» «Нѣтъ, лучше сидѣть тутъ въ своемъ домѣ, за своимъ столомъ, со своими близкими. Господи, дай только силы вынести, перегорѣть, почувствовать любовь и забыть себя».

Когда горничная ушла за жаркимъ, Вѣра Владиміровна подняла голову и еще разъ обвела всѣхъ глазами; тонкіе пальцы правой руки быстро и съ напряженіемъ теребили кусочекъ хлѣба.

— Я должна сказать вамъ, — проговорила она охрипшимъ голосомъ, задохнулась и докончила совсѣмъ тихо, но спокойно: — что больше не вернусь къ мужу и навсегда останусь здѣсь. Мы помирились, но жить вмѣстѣ не будемъ.

Никто не отвѣтилъ ей, всѣ молчали и молчали долго. Передъ десертомъ Константинъ Никаноровичъ, наконецъ, рѣшился спросить:

— Вы не знаете, maman, когда вернется Наташа?

— Думаю, что сегодня вечеромъ, какъ было рѣшено... какъ должны мы были пріѣхать, — поправилась Вѣра Владиміровна: — во всякомъ случаѣ, я пошлю за ней экипажъ.

— Это очень кстати, — возразилъ Смоличъ: — вы, конечно, разрѣшите мнѣ воспользоваться имъ, чтобы уѣхать отсюда...

— Ты уѣзжаешь? Куда?..

— Къ сожалѣнію, мнѣ нужно ѣхать въ Петербургъ. Очень непріятно оставлять васъ, особливо теперь, но я вынужденъ...

Вѣра Владиміровна удивленно смотрѣла на сына, не понимая внезапности этого рѣшенія и нервности этого тона.

— Тебя вызываютъ? — спросила она.

— Да... то есть нѣтъ... нѣтъ, конечно, никто меня не вызываетъ, — повышая голосъ, начинавшій срываться, отвѣчалъ онъ: — но я потомъ объясню вамъ причины... вообще, долженъ сказать, что меня давно возмущаетъ, оскорбляетъ до глубины души все, что здѣсь происходитъ... Я болѣю душой, видя, какъ васъ обманываютъ...

— Обманываютъ? Меня? Да объяснись, ради Бога! Я ничего не понимаю.

Смоличъ готовъ былъ отвѣтить, но Яковъ Владиміровичъ остановилъ его. Сидя рядомъ, онъ стиснулъ ему подъ столомъ до боли локоть и сказалъ шутливо:

— Костя погорячился... и потому вышло все такъ страшно. Дѣло гораздо проще. Вчера Людмила дала ему провѣрить счета, предъявленные арендаторомъ, и онъ возмутился наглости этого стараго плута. Я давно говорилъ, что его нужно выгнать.

— Но я не понимаю, почему же уѣзжаетъ Костя — сжимая виски отъ новаго приступа мигрени, слабо возразила Вѣра Владиміровна: — при чемъ тутъ арендаторъ?..

— Онъ уѣзжаетъ потому, что я просилъ его объ этомъ, — медленно отвѣтилъ Витя.

— Ты? Да не мучайте меня, говорите скорѣе...

— Онъ самъ скажетъ тебѣ причину.

— Я скажу ее, если вамъ угодно, — отвѣтилъ Смоличъ, — но въ другой разъ...

Онъ поднялся изъ-за стола и пошелъ благодарить.

Со слезами на глазахъ Вѣра Владиміровна схватила его за руку.

— Костя, милый, успокой меня, скажи, въ чемъ дѣло... Витя, иди сюда.

Но Бунакова не было въ столовой. Она опустила голову, подавленная новымъ испытаніемъ, посланнымъ ей. Людмила подносила ей стаканъ воды. Вѣра Владиміровна судорожно глотала воду, стуча зубами о край стакана. Пристально глядя въ глаза племяннику, Яковъ Владиміровичъ проговорилъ:

— Онъ повздорилъ съ братомъ, вотъ и все. Два молодыхъ человѣка не могутъ долго ужиться вмѣстѣ. Ихъ увлекла какая-нибудь Дульцинея, и они оскалили зубы. Оставь ихъ, Вѣра, все равно ты ихъ не поймешь и не разсудишь. А Костя давно скучалъ здѣсь, въ то время какъ министерство скучало по немъ... имъ вредно разставаться надолго...

Черезъ часъ, одѣтый по-дорожному, Костя зашелъ къ матери проститься. Онъ пробылъ у нея довольно долго и вышелъ блѣдный, но улыбающійся. Всю дорогу до вокзала онъ насвистывалъ вальсъ изъ «Люксембурга» и, пріѣхавъ, далъ хорошо на чай кучеру... Видимо, онъ былъ въ великолѣпномъ расположеніи духа, потому что ходилъ по платформѣ медленно и съ достоинствомъ, а на поклонъ начальника станціи небрежно махнулъ у лица двумя пальцами. Когда подошелъ поѣздъ, онъ сразу же увидалъ сестру и пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Костя, ты чего здѣсь? — спросила его Наталья Никаноровна.

Онъ вкратцѣ передалъ ей все происшедшее.

— Но ты глупъ. Боже мой, до чего ты глупъ! — съ досадой перебила его разсказъ сестра. — Я тебя не узнаю, Костя.

— Мудрено узнать, — зло отвѣчалъ онъ, — эта деревня хоть кого доведетъ до идіотизма. Но, кажется, и ты не отличаешься большимъ умомъ. Мамаша опять на старомъ мѣстѣ. Сидѣть тутъ въ ожиданіи какихъ-то метаморфозъ. Слуга покорный! Достаточно съ меня деревенскихъ

прелестей... Мамаша — выжившая изъ ума старуха, а дѣтки... но лучше не говорить о нихъ... даже дядя — этотъ старый кретинъ — разыгралъ изъ себя Донъ-Кихота. Положительно они всѣ влюблены въ дѣвчонку... Но, въ концѣ концовъ, пусть снюхиваются какъ угодно, je m'en fiche! Баста! Моя нога здѣсь больше не будетъ... Желаю тебѣ всяческихъ успѣховъ... но сильно сомнѣваюсь въ нихъ... Долженъ замѣтить, этотъ народецъ не такъ простъ, какъ кажется съ перваго раза.... A rivíderci!

Онъ поцѣловалъ ей руку, махнулъ шляпой и вскочилъ на подножку уже тронувшагося поѣзда.

— До свиданія!

Въ тотъ же вечеръ, ложась спать, Вѣра Владиміровна позвала къ себѣ Людмилу. Она посадила ее къ себѣ на кровать, какъ дѣлала не разъ. Обняла за талью и медленно и тихо разсказала ей все, что пережила и какъ рѣшилась вернуться обратно. Она не искала на этотъ разъ въ пріемной дочери участья, открывала ей свою душу, потому что ей и самой хотѣлось знать, что на душѣ у этой дѣвушки.

— Я не знаю ни Кости, ни Вити, — говорила она: — но Витя все-таки мнѣ ближе, потому что я привыкла видѣть его около себя. И мнѣ не вѣрится, чтобъ онъ могъ изъ-за пустяка повздорить съ Костей.

— Да, тетя — согласилась Людмила.

— Въ такомъ случаѣ, это что-нибудь серьезное. Можетъ быть, ты знаешь, что именно?...

— Нѣтъ, тетя, я сама не понимаю...

Вѣра Владиміровна крѣпче прижала къ себѣ станъ дѣвушки, думая: «Въ нее и въ самомъ дѣлѣ можно влюбиться».

— Если Витю и Костю я не знаю, то тебѣ вѣрю, — молвила она, — и дорожу твоей искренностью... Видишь ли, Костя передъ отъѣздомъ сказалъ мнѣ, что Витя потому будто бы требовалъ его отъѣзда, что приревновалъ тебя къ нему...

— Какая нелѣпость, — вскрикнула Людмила, оскорбленная при одной мысли объ этомъ, и тотчасъ же вспомнила объясненіе свое съ Костей и жалкое и злое его лицо.

— Подожди... онъ говорилъ еще о Шишикторовѣ, о томъ, что онъ не лгалъ, когда намекалъ на тебя... однимъ словомъ, что ты сама виновата.

Людмила порывисто встала. Вся нелѣпая и ужасная сегодняшняя сцена на дорогѣ прошла передъ нею — неужели же и точно она виновата? Виновата въ томъ, что не любитъ этого несчастнаго.

— Вы, тетя, не должны меня спрашивать, — отвѣтила она, едва слышно, — можетъ быть, я и виновата, но я никогда не давала ему повода думать, что люблю его, потому что я, дѣйствительно, никогда его не любила. Его можно только жалѣть, тетя...

Вѣра Владиміровна вздохнула съ облегченіемъ. Конечно же, Людмила говоритъ правду. Какъ она могла сомнѣваться въ ней?

— Спасибо, спасибо тебѣ, — молвила она, — подойди ко мнѣ, дай я еще посмотрю на тебя...

И наклоняя къ себѣ лицо дѣвушки, она прошептала:

— Прости меня и ты... я отняла у тебя отца, но я постараюсь замѣнить его... не суди меня строго, люби меня.

XLVII.

Крутовской чувствовалъ, что все валится у него изъ рукъ, что прежнее хладнокровіе и увѣренность покинули его. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ. Ему и стыдно и больно было, и невольный трепетъ охватывалъ его каждый разъ, какъ только вспоминалъ Наталью. Работалъ онъ эти дни, можетъ быть, и больше прежняго, но работа плохо спорилась. Онъ дѣлалъ ее лишь для того, чтобы какъ-нибудь успокоить себя. До отъѣзда Смоличъ съ матерью въ Смоленскъ, онъ видѣлъ ее еще два раза. Первый разъ встрѣтилъ ее у Марьи Васильевны. Онъ только что вернулся съ поля жатвы и никакъ не думалъ увидать Наталью. Густой румянецъ залилъ ему щеки, когда онъ взглянулъ на моло-

дую женщину — до боли ясно увидалъ онъ себя на колѣняхъ, въ канавѣ, и ее, убѣгающую отъ него. Но Смоличъ улыбнулась ему съ дружеской, ободряющей привѣтливостью. Сіяя глазами и въ то же время смущаясь, она пожала ему руку. Послѣ, сидя за чаемъ, еще разъ, украдкой коснулась его руки. Она была такъ тиха, такъ скромна этотъ вечеръ. Она почти не говорила съ нимъ, степенно разспрашивая Марью Васильевну объ ея учительствѣ, о ребятишкахъ, о народныхъ школахъ. Даже волосы причесала просто, низко опустивъ ихъ на уши; ровная бѣлая дорожка разрѣзала пополамъ ея голову и убѣгала къ полному затылку. Леонтій Алексѣевичъ краснѣлъ, мялся и смотрѣлъ на эту дорожку и самъ не зналъ, что съ нимъ — счастливъ онъ или несчастливъ. Она казалась моложе, проще и тише. «Неужели она измѣнилась? — съ отчаяніемъ и надеждой спрашивалъ себя Крутовской. — Неужели она меня любитъ...» Онъ просидѣлъ бы такъ всю ночь у самовара между Натальей Никаноровной и теткой, то готовый провалиться сквозь землю отъ стыда, то забывая все и только исподлобья слѣдя за молодой женщиной. Наконецъ она поднялась и сказала, что пора ей идти домой. Онъ вскочилъ растерянно, точно его разбудили, оторвавъ отъ тревожнаго, но сладкаго сна. Она наклонилась къ Марьѣ Васильевнѣ и поцѣловала ей руку. Старушка съ удивленіемъ и тревогой на нее посмотрѣла, но Смоличъ точно не замѣтила этого. Кивнула Леонтію Алексѣевичу головой.

— Вы совсѣмъ спите, — сказала она съ лаской въ тихихъ глазахъ.

Онъ сконфуженно предложилъ ей проводить ее до дому — онъ ждалъ и боялся этой минуты.

Нѣтъ, она хочетъ пройтись одна. Теперь такъ хорошо и тепло на воздухѣ. Она любитъ въ такія ночи побродить въ одиночествѣ.

Крутовской не сталъ ее упрашивать. «Такъ лучше», — подумалъ онъ.

— Ты хоть пойди, посвѣти до крыльца, — сказала ему Марья Васильевна, видя его нерѣшительность.

Онъ зажегъ свѣчу и пошелъ за Наташей. Она шла быстро и не оглядывалась. Когда они вышли на крылечко,

Смоличъ остановилась. Лунный свѣтъ упалъ на ея лицо, на бѣлую прямую дорожку ея прически. Она ухватилась одной рукой за колонну и долго, не отрываясь, посмотрѣла на Крутовского. Онъ тяжело дышалъ, свѣча въ его рукахъ колебалась; нѣсколько разъ пытался онъ заговорить и не имѣлъ силъ, наконецъ, порывисто наклонился къ ней, но она сбѣжала съ лѣсенки и изъ сада крикнула ему: «Покойной ночи». Мертвая голова налетѣла на свѣчу и, треснувъ, загасила огонь. Крутовской остался въ темнотѣ. Онъ долго еще смотрѣлъ въ гущу сада, на мутныя пятна, плывущія по дорожкамъ.

Слѣдующіе два дня онъ ея не видѣлъ. Каждый вечеръ выходилъ на крылечко и потомъ, низко опустивъ голову, ходилъ по дорожкѣ до самаго моста въ «Самолюбово», но дальше не шелъ.

На третій день Крутовской былъ въ полѣ. Испортилась жатвенная машина и онъ пришелъ взглянуть, что слѣдуетъ починить... Потомъ по межѣ возвращался домой. У самаго сада остановился передохнуть. Внезапно шуршаніе чьихъ-то спѣшныхъ шаговъ привлекло его вниманіе. Навстрѣчу ему изъ сада шла Наталья Никаноровна. Запыхавшись, подошла къ нему и поспѣшно сказала:

— Я всюду искала васъ, хорошо, что нашла... Мы сегодня уѣзжаемъ съ мамой въ Смоленскъ, она встрѣтится тамъ съ мужемъ... Думаю, что черезъ день или два вернемся обратно... Я должна съ ней ѣхать...

Крутовской не зналъ, что отвѣтить. Стоялъ передъ нею, какъ и въ первый разъ, смущенный и самому себѣ жалкій.

Опуская глаза и медля минуту, Смоличъ добавила:

— Мнѣ очень тяжело было эти дни, но я нарочно не приходила. Я должна была себя провѣрить...

— Ну и что же, — наконецъ промолвилъ Леонтій Алексѣевичъ глухимъ, точно чужимъ голосомъ. — Вы провѣрили?..

— Да, — не шевелясь и не подымая глазъ, едва слышно отвѣчала Наталья Никаноровна: — и я поняла, что люблю васъ... подождите... (она отстранила Крутовского, прибли-

зившагося къ ней) люблю васъ и никогда не переставала любить. То, что было, то, что я сдѣлала, тотъ ужасъ, который я создала, та грязь, въ которую я втоптала вашу любовь (голосъ ея зазвенѣлъ), этого я никогда не забуду, этого нельзя смыть. Это было сумасшествіе, ядовитый туманъ, отравившій мой мозгъ, мое сердце. Я ревновала васъ, любила, мучилась и сама отдалась другому и предала васъ. Я продавала свою любовь къ вамъ за деньги и страшнѣе всего то, что чувствовала себя почти счастливой. Не перебивайте, я должна все сказать вамъ. Это тянулось очень долго. Порою я просыпалась точно отъ кошмарнаго сна и тогда готова была во всемъ признаться, валяться у вашихъ ногъ, вымолить у васъ прощеніе. Но я не дѣлала этого, я сама ожесточала себя, падала все ниже. Гордость и упрямство мѣшали мнѣ просто подойти къ вамъ. И знайте, когда вы, наконецъ, все узнали и хотѣли убить, а потомъ взяли меня...

При этихъ словахъ Крутовской почувствовалъ, какъ вся кровь ударила ему въ лицо, отхлынувъ отъ сердца.

— Я презирала себя больше, чѣмъ вы меня, и любила васъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо... Но вы ушли, и я написала вамъ. Я написала потому, что хотѣла спасти васъ, и смѣялась надъ вами, чтобы не выдать своего чувства... Вы спаслись, вы уѣхали за-границу — если бы вы знали, какъ я была счастлива, что хоть это удалось мнѣ... Я тогда же разошлась съ ротмистромъ, который до того дѣлалъ со мною, что хотѣлъ, онъ зналъ, что имѣетъ власть надо мною, власть тѣла... Потомъ я уѣхала въ провинцію, у меня были связи, былъ ребенокъ, о которомъ я писала вамъ — жизнь брала свое, но я васъ помнила... Хотя мнѣ казалось, что любовь къ вамъ прошла почти безслѣдно... и это понятно... я начала успокаиваться... только иногда мнѣ хотѣлось увидѣть васъ, я слыхала, что вы занялись хозяйствомъ, что вы счастливы... Захотѣлось посмотрѣть на васъ, мнѣ казалось, что, увидя ваше счастье, вашъ покой, я сама успокоюсь и забуду свой проступокъ, сумѣю простить себя... Я пріѣхала, мы встрѣтились... Леонтій Алексѣевичъ...

Наталья Никаноровна подняла глаза и протянула Крутовскому руку:

— Леонтій Алексѣевичъ, — повторила она, — вѣрьте мнѣ, я и сейчасъ не хотѣла говорить вамъ этого, какъ обѣщала... но я не могу... не могу...

Она вскрикнула. Голова ея странно зашаталась. Крутовской подхватилъ ее. Тогда, схвативъ руками его голову, она стала цѣловать его. Потомъ вырвалась и тихо пошла по дорогѣ черезъ садъ въ «Самолюбово». Леонтій Алексѣевичъ слѣдовалъ за ней. Онъ пытался говорить и не понималъ того, что говорилъ. На мостикѣ они разстались.

— Когда пріѣду, я приду къ тебѣ, — сказала она, — помни, что сейчасъ я отъ тебя ничего не жду, ничего мнѣ не нужно. Но такъ легче, потому что ты знаешь правду.

Нѣтъ, онъ отказывался понимать... Неужели все это время онъ ошибался, совсѣмъ не зналъ эту женщину?

Чувствуя, что ему не подъ силу разобраться во всѣхъ этихъ мысляхъ, Крутовской пошелъ вечеромъ къ теткѣ.

Марья Васильевна сидѣла у себя въ своемъ креслѣ. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею, не рѣшаясь заговорить, да и не зналъ, съ чего начать разговоръ... Старушка тоже, казалось, была не расположена къ бесѣдѣ. Наконецъ она молвила:

— Ты, какъ погляжу, опять захандрилъ. Иди спать: намаялся, поди...

— Нѣтъ, тетя, я не усталъ, у меня просто что-то голова не въ порядкѣ.

— Чего ужъ тутъ, — заговорила Крутовская, — и печной горшокъ лопнетъ! Дѣла какія!.. И хозяйство на рукахъ большое и разводы съ узорами во всю ширину — хоть по швамъ рвись...

— Я не понимаю васъ, тетя...

— Чего понимать!... косноязычная — кружевъ не плету; дай Богъ веревку сучить... объяснять только мнѣ, вишь, недосугъ — лапотъ порвался.

Леонтій Алексѣевичъ махнулъ рукой и отвернулся.

— Вы бы, тетя, лучше совсѣмъ не говорили, чѣмъ такъ-то... — произнесъ онъ.

— Значитъ, держи языкъ за зубами, ѣшь пирогъ съ груздями, — усмѣхаясь, опять заговорила Марья Васильевна, — только ты мнѣ вотъ что скажи, почему у насъ Людмила давно не была?

— Не знаю, право...

— Не знаешь?

Старушка потянула за рукавъ племянника и посмотрѣла ему въ глаза.

— Чего не нужно, то знаешь, — молвила она, — а подумать не можешь?

— О чемъ же думать? Не говорите загадками, прошу васъ, — тоскливо отвѣтилъ Крутовской, — мнѣ и такъ не сладко...

Старушка отпустила его рукавъ и снова углубилась въ кресло.

— Чужая душа всегда загадка, — сказала она строго, — такъ и знай. А разумъ человѣку данъ, чтобы ее разгадывать, только для этого туману не слѣдъ въ голову напускать. Отъ туману какъ разъ не въ ту сторону угодишь, заплутаешь и на старое мѣсто вернешься. Знаешь поговорку: «старое мѣсто, что прокисшее тѣсто — поднялось высоко, а нѣту прока...»

— Вы бы и помогли разгадать мнѣ эту загадку.

— Разныя загадки бываютъ, — неохотно отозвалась Крутовская, — иную и разгадывать тошно...

— Нѣтъ, нѣтъ все-таки, — взмолился Крутовской, — я прошу васъ, скажите, что вы думаете о Смоличъ, о Натальѣ Никаноровнѣ... какая она?..

Не глядя на него и затормошившись, точно что-то ища на полу, Марья Васильевна отвѣтила:

— Вотъ ужъ о комъ говорить не хочу. Уволь, будь добръ... Очки свои потеряла, никакъ не найду...

— Очки передъ вами — берите, — возразилъ Леонтій Алексѣевичъ, — только вы ужъ не отказывайтесь.

Старушка взяла очки, разложила ихъ, поднесла къ носу и опять опустила на колѣни. Видимо она была не на шутку растревожена.

— Тебѣ, племянничекъ, какъ будто бы виднѣй должно быть, — отвѣтила она, нахмурясь, — не первый день знакомъ. А мнѣ вѣдомо, что люди знаютъ.

— Что же именно?

— А то, что она актриса, — почти закричала Марья Васильевна, — въ театрѣ играетъ...

— Да-да, это само собою, — морщась точно отъ зубной боли и не понимая тетки, возразилъ Крутовской, — но какъ человѣкъ... Что вы думаете о ней, какъ о человѣкѣ?

Тетка посмотрѣла на него не то съ сожалѣніемъ, не то съ испугомъ и развела руками.

— Ну, родной, ты и впрямь ополоумѣлъ, — сказала она, — что же мнѣ съ тобою еще говорить?

И тотчасъ же, видя, какъ жалко и убито стало лицо племянника, какъ весь онъ опустился, точно обмякъ, всѣмъ своимъ большимъ тѣломъ съежившись на стулѣ, она взяла его за плечи и, тихонько оглаживая, промолвила:

— Леня, голубокъ мой, да оправься ты, будь мужчиной... актриса она, актерка — какъ самъ не поймешь!..

Крутовской не возражалъ, не перечилъ ей. Но уходя спать, подумалъ: «Нѣтъ, тетка ошибается... такъ не играютъ... Она просто неуравновѣшенная натура, да, да, просто несчастное, исковерканное больное существо, сбившееся съ пути. Какъ не понять этого?

XVLIII.

Какъ и въ ту ночь, когда получилъ письмо отъ Наташи, пошелъ Крутовской въ залу, собираясь поиграть на рояли, но, открывъ крышку, задумался, да такъ и просидѣлъ, ни разу не ударивъ по клавишамъ. Потомъ поднялся и, стараясь не шумѣть, чтобы не разбудить тетку (Богъ вѣсть почему казалось ему, что шаги его могутъ разбудить ее), онъ прошелъ къ себѣ въ спальню и легъ въ постель. Комары жужжали все время у самаго лица, подушки жгли голову, въ комнатѣ казалось нестерпимо душно — онъ промаялся до разсвѣта и всталъ разбитымъ. Но все же пересилилъ себя и пошелъ въ поле. Накаленныя солнцемъ земля и небо привели его въ оцѣпенѣніе и, слѣдя, какъ жатвенныя машины, точно огромные жуки, жужжа и потрескивая на ходу, ровной полосой сжирали высокую рожь, онъ постепенно забывалъ о себѣ и своихъ сомнѣніяхъ. Крѣпкія потныя лица рабочихъ, яркіе сарафаны бабъ, — все было давно знакомое,

понятное и привычное. Крутовской видѣлъ, что все идетъ по заведенному, и это невольно успокаивало его, но, вернувшись домой, онъ почувствовалъ сильнѣйшую головную боль и намучился съ нею до слѣдующаго утра. Тогда онъ рѣшилъ остаться дома. Пробовалъ взяться за книгу, но голова плохо его слушалась, а сидѣть, сложа руки, было нестерпимо. Онъ вышелъ въ садъ и пошелъ осматривать плодовыя деревья. Этой весной цвѣтъ былъ очень хорошъ, и надо было ждать урожая, но на большинствѣ деревьевъ Леонтій Алексѣевичъ увидѣлъ коконы; гусеницъ не было на нихъ, но онѣ оставили по себѣ слѣды: большинство завязей было съѣдено. Весною слѣдовало осмотрѣть деревья, а садовникъ должно быть не подумалъ объ этомъ. «Я и хозяинъ скверный», — досадливо рѣшилъ Крутовской, угрюмо глядя на длинные ряды деревьевъ молодого фруктоваго сада. Низкія густыя шапки яблонь надъ бѣлыми стволами, вымазанными известкой, точно забылись въ парномъ воздухѣ, дыша горьковатымъ дыханіемъ своихъ листьевъ. Засѣянный подъ ними овесъ чуть волновался Богъ вѣсть отъ какой причины — вѣтра не было и помину.

— Леонтій Алексѣевичъ, — услышалъ Крутовской чей-то негромкій зовъ.

Онъ оглянулся на него и увидалъ за заборомъ голову съ сбившимися желтыми волосами и худыя угловатыя плечи Шишикторова.

— Здравствуйте, Ильюша, — сказалъ Крутовской, подходя къ забору и приминая ногами разросшуюся около него высокую крапиву, — почему вы въ садъ не зашли?

— Ничего, это не важно... вздоръ, — отвѣчалъ Ильюша.

Леонтій Алексѣевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на юношу. Лицо Шишикторова, несмотря на палящій жаръ, было землисто-блѣдно; углы рта примѣтно дрожали, носъ заострился.

— Что съ вами? — съ безпокойствомъ спросилъ Крутовской, — вы нездоровы...

— Нездоровъ? — проговорилъ Ильюша, беря себя за лобъ, — нѣтъ, я здоровъ, не въ этомъ дѣло... Я пришелъ сказать вамъ, что я потерялъ вашъ револьверъ, не ищите его.

— Мой револьверъ?

— Да, я взялъ его у васъ, когда лежалъ... помните, въ тотъ день, ну, когда пьянъ былъ.... мнѣ онъ былъ нуженъ.

— Вамъ нуженъ былъ мой револьверъ? — переспросилъ Леонтій Алексѣевичъ, заражаясь волненіемъ Шишикторова и смутно догадываясь о причинѣ, — да постойте, вы никакъ чепуху какую-то затѣяли?.. Сознайтесь, стрѣляться хотѣли?... Такъ и слава Богу, что потеряли (Крутовской началъ сердиться). Да говорите же, чортъ васъ возьми совсѣмъ!

— Нѣтъ, — тихо пробормоталъ Ильюша, и пальцы его забарабанили по колышкамъ забора, — хотя и это... но я раздумалъ... Я хотѣлъ выскочить изъ себя...

— Что за вздоръ!

— Помните, я разъ говорилъ вамъ объ этомъ... объ убійствѣ... о томъ, что я не могу... сдѣлать прыжокъ... Ну вотъ... я и рѣшилъ попробовать... испытать себя...

— Убить?

— Да, убить... самое дорогое, понимаете?... перейти черезъ это. Это очень трудно, почти невозможно... но мнѣ ничего не оставалось больше... всѣ думали бы, что изъ ревности, но это не такъ... я не ревновалъ...

— Послушайте, вы что-то путаете, — блѣднѣя и придвигая лицо свое къ лицу Ильюши и съ силой сжимая его плечи, глухо проговорилъ Крутовской, — вы не въ своемъ умѣ. Говорите скорѣе и безъ увертокъ, кого вы хотѣли убить? Ну!

Сгибаясь отъ боли, Ильюша отвѣтилъ беззвучно, поблѣднѣвшими губами:

— Людмилу...

— Что?

Крутовской поднялъ руку, готовясь ударить, синія жилы напряглись у него на вискахъ. Шишикторовъ склонилъ голову на заборъ.

— Убить Людмилу? Да послушайте, вы и впрямь сумасшедшій, хуже того, — овладѣвая собой и отпуская плечо Ильюши, прошепталъ Леонтій Алексѣевичъ, — вы понимаете, что вы хотѣли сдѣлать?..

— Да, — едва слышно произнесъ Шишикторовъ, — но мнѣ не удалось это... Я самъ испугался, я трусъ, я несчастный... я потомъ лежалъ въ кустахъ и молился, благодарилъ Бога, что она осталась жива... конечно, это былъ какой-то порывъ, жалкая выходка, которая могла бы стать преступленіемъ... Я понимаю... мнѣ только остается перестать жить...

Крутовской перебилъ его. Онъ не успѣлъ подумать, что говоритъ: волненіе еще его не покинуло.

— И великолѣпно, — сказалъ онъ рѣзко, — это самое лучшее, что вы можете сдѣлать...

И сейчасъ же закрылъ глаза отъ непріятнаго скверннаго чувства досады и раздраженія. «Это маньякъ, больной человѣкъ, — тотчасъ же подумалъ онъ, — развѣ онъ знаетъ, что дѣлаетъ? Съ нимъ не такъ, совсѣмъ не такъ слѣдовало говорить».

— Ильюша! — окликнулъ Крутовской, открывая глаза.

Но Шишикторовъ отошелъ отъ забора. Онъ медленно, едва передвигая ноги, шелъ по лугу къ рѣкѣ.

— Ильюша, — снова позвалъ его Леонтій Алексѣевичъ, но тотъ не обернулся, какъ будто даже не слышалъ, продолжая медленно и неровно ступать по травѣ.

«Надо бы догнать его, — думалъ Крутовской, слѣдя за нимъ изъ-за забора, — привести домой, сдать на руки теткѣ».

И все же оставался на мѣстѣ и только смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся съ необъяснимымъ равнодушіемъ, точно заранѣе рѣшивъ предоставить все судьбѣ. Леонтій Алексѣевичъ съ собой теперь не могъ бороться. «У него нѣтъ револьвера», — успокаивалъ онъ себя, отходя отъ забора и возвращаясь домой.

XLIX.

Наталья Никаноровна не на шутку была растревожена, не заставъ мать въ номерѣ, и, узнавъ отъ коридорнаго, что старая барыня взяла вещи и уѣхала на вокзалъ, вышла изъ себя и раскричалась на растерявшагося полковника. По-

томъ отогнала его и въ условленный часъ на другое утро, проклиная все и всѣхъ за неудачу, выѣхала сама въ «Самолюбово».

Встрѣча на вокзалѣ съ братомъ и разговоръ съ нимъ въ конецъ испортили ей настроеніе, но, усѣвшись въ коляску и глядя на развертывающіяся передъ нею въ спокойномъ бѣгѣ поля, успокоилась и улыбнулась. Она сама себѣ не вѣрила. Воспоминаніе о Крутовскомъ, о смущенномъ лицѣ его, о послѣднемъ съ нимъ свиданіи сладко и странно взволновало ее. Она вспомнила то, что говорила ему, и не могла рѣшить, обманывала ли его или все это было правдой. Нѣтъ, нѣтъ, она не только играла, въ ея словахъ была доля правды. Въ концѣ концовъ, факты не искажены, а чувства... Богъ вѣсть, трудно разобраться въ своихъ чувствахъ... Она и точно никогда его не забывала... она всегда о немъ помнила, этого нельзя отрицать... почему, по какой причинѣ, что заставляло ее писать ему письма, наконецъ, почему такъ рѣшительно захотѣла она пріѣхать сюда... Ей даже не хотѣлось думать, серьезно разобраться... Внѣшняя матеріальная цѣль была ясна, но другая, духовная... развѣ на ней она хоть разъ остановилась?... А вѣдь она все-таки любила Крутовского. Она пошла ради него на все, она отдалась ему и даже не хотѣла слышать о бракѣ. Правда, это ее забавляло, въ этомъ была доля нѣкотораго своеволія, легкомыслія... но развѣ это что-нибудь мѣняетъ...

Отдавая вѣтру лицо свое, Наталья Никаноровна не переставала улыбаться. И ровный бѣгъ коней, и мягкое журчаніе шинъ по дорогѣ, и эти меланхолическія, вечеромъ затѣненныя поля, и тихое сладостное біеніе сердца, и печальный крикъ какой-то птицы. Все дополняло другъ друга, все сливалось въ одно немного грустное, пѣвучее цѣлое. Она старалась подобрать этому слова, вспомнила партіи, которыя пѣла, и за всѣмъ этимъ видѣла крѣпкую, чуть грубоватую фигуру Крутовского, такъ идущаго къ простой, спокойной картинѣ, открывающейся передъ ея глазами. «Почему бы мнѣ не вернуть ему то, что я отняла отъ него? — думала Смоличъ: — онъ теперь боится меня, но потомъ будетъ благодаренъ... Развѣ это такъ дурно?.. Развѣ въ этомъ кроется какая-нибудь ложь, какой-нибудь обманъ?..

Объ отъѣздѣ брата и обо всемъ, что касалось Вѣры Владиміровны, Наталья Никаноровна точно забыла и только послѣ вечерняго чая, вставъ изъ-за стола и желая матери покойной ночи, шепнула чуть слышно:

— Я понимаю тебя, мама...

На другой день она не сразу пошла въ «Рай», а вышла изъ дома въ четвертомъ часу. Въ усадьбѣ рабочій, попавшійся ей навстрѣчу, сказалъ, что Леонтій Алексѣевичъ былъ въ полѣ, а теперь, должно быть, на мельницѣ. Наталья Никаноровна не стала заходить къ Марьѣ Васильевнѣ, и, разспросивъ дорогу, побѣжала, куда ей указывали.

Мельница стояла въ полуверстѣ отъ усадьбы, на высокомъ холмѣ, засѣянномъ гречихой; къ ней вела проселочная дорога, оживлявшаяся только осенью, когда крестьяне возили свой хлѣбъ. Вѣтеръ всегда гулялъ въ ея крыльяхъ и жалобно гудѣлъ подъ крышей. Пройдя немного по полю, Смоличъ сразу увидѣла сѣрыя растрепанныя крылья, замершія неожиданно въ синемъ небѣ. Поднявшись на холмъ и съ усиліемъ отрывая цѣплявшіеся за ноги и юбку вьюнки, лиловымъ ковромъ застлавшіе землю вокругъ каменнаго фундамента, Наталья Никаноровна вошла въ настежь растворенныя низкія дверцы и, поднявъ голову, крикнула:

— Леонтій Алексѣевичъ, ау!

Крутовской возился наверху у жернова, что-то объясняя и показывая старику-мельнику, на все кивавшему головою, но ничего не понимавшему. Смоличъ прислушалась къ звонкому гулу, разносящемуся въ пустыхъ, забѣленныхъ мукою стѣнахъ. Двѣ голубки взвились и пронеслись надъ нею, свистя упруго сизыми крыльями. Большой паукъ-крестовикъ испуганно поднялся къ потолку. Наталья Никаноровна присѣла на порогѣ. Немного затхлый, сыроватый воздухъ, напитанный запахомъ источеннаго дерева и пропыленной муки, проникъ ей въ горло и носъ. Она чихнула и разсмѣялась.

— Леонтій Алексѣевичъ, идите сюда, — снова позвала она и тотчасъ же услышала по лѣсенкѣ его торопливые шаги и въ золотой полумглѣ увидала плотную его фигуру, спускающуюся внизъ.

— Наталья Никаноровна!

Онъ остановился передъ нею, не смѣя подать ей испачканную руку, сконфуженно и счастливо улыбаясь.

Она приблизилась, взяла его за плечи и, прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ, выгнувъ спину и откинувъ голову и зажмурясь, поцѣловала его въ губы.

Онъ поддался впередъ, охнувъ, замыкая ее въ своихъ рукахъ, показавшихся ей желѣзными. Немного испуганная, съ бьющимся сердцемъ, она попыталась отодвинуться отъ него и, обезсиленная, побѣжденная, снова отдала свое лицо, свои губы, всю себя медленнымъ его поцѣлуямъ. Потомъ пробормотала охрипшимъ, задыхающимся голосомъ.

— Довольно, довольно, Леня, оставь... послѣ, послѣ... ты долженъ провѣрить себя, подумать...

И увлекая его за собою на порогъ, садясь рядомъ съ нимъ и беря его руки, выпустившіе ее, она молвила совсѣмъ тихо:

— Леня, вѣришь мнѣ? Я искуплю, я искуплю все... только не гони меня... Если хочешь, я останусь тутъ жить, на мельницѣ, гдѣ угодно... я буду работать съ тобой, помогать тебѣ.. и ты не думай, что я боюсь, только сейчасъ этого не нужно... понимаешь. Мнѣ некого стыдиться, мнѣ все равно, пусть думаютъ, что хотятъ... лишь бы ты простилъ мнѣ... вѣришь? Да?...

Онъ не отвѣчалъ ей, пряча голову свою въ ея колѣняхъ, стараясь умѣрить глухіе удары крови.

L.

Возвращаясь съ мельницы, они встрѣтили Людмилу у самаго моста. Дѣвушка шла медленно, опустивъ голову, и не слыхала какъ къ ней приблизились.

— Людмилушка, куда ты? — окликнула ее Наталья Никаноровна.

Людмила ухватилась за перильца моста и испуганными и строгими глазами посмотрѣла на названную сестру, потомъ на Крутовского.

— Я шла къ тетѣ, къ Марьѣ Васильевнѣ, — отвѣтила она тихо и хотѣла пройти мимо, кивнувъ головой Леонтію Алексѣевичу, на его смущенный поклонъ. Но Наталья Никаноровна остановила ее. Она обняла дѣвушку за талію и, цѣлуя, шепнула на ухо:

— Какъ я счастлива...

Людмила съ удивленіемъ взглянула на Смоличъ.

— Да, я очень, очень счастлива, — повторила Наталья Никаноровна громко: — меня больше не давитъ моя вина. Я во всемъ призналась Леонтію, и онъ простилъ меня.

Она оборотилась къ Крутовскому, остановившемуся поодаль и смущенно обрывавшему листья съ вербы. Онъ покраснѣлъ и потупился.

—Я сказала, что любила, никогда не переставала любить и люблю его, — немного торжественно произнесла Смоличъ.

«Зачѣмъ это, — все болѣе смущаясь и чувствуя непріятную раздражающую неловкость, подумалъ Крутовской, — развѣ нужно говорить объ этомъ. Какая она...» Онъ не докончилъ своей мысли и исподлобья посмотрѣлъ на Людмилу. Она, какъ стояла, такъ и осталась стоять неподвижно, одной рукой опершись о перила моста, другую опустивъ внизъ. Она не наклонила головы, лицо ея не выражало удивленія. Оно показалось Крутовскому необычайно спокойнымъ, окаменѣвшимъ, холоднымъ. Губы ея плотно были сжаты, на щекахъ чуть выступили скулы, глаза подъ сдвинутыми бровями, минуя стоящихъ передъ нею, смотрѣли и будто ничего не видѣли. «Что съ нею? — спрашивалъ себя Крутовской, — откуда такое безразличіе, такая холодность!» Но не понимая, онъ смутно почувствовалъ, что нужно положить конецъ этому, и сдѣлалъ движеніе, чтобы идти дальше. Наталья Никаноровна задержала его, улыбаясь счастливо и торжествующе.

— Нѣтъ, постой, — молвила она, — я хочу, чтобы Людмила передала тебѣ все, что я говорила ей о своей любви. Ты ей вѣришь, пусть она тебѣ скажетъ...

— Ну зачѣмъ это? — мягко, но настойчиво возразилъ Крутовской, — я и такъ вѣрю...

— Нѣтъ, нѣтъ, — она должна сказать, — воскликнула Наталья Никаноровна, точно безпокоясь и боясь чего-то.

— Людмилушка, родная, разскажи ему... мнѣ такъ сладко будетъ самой услышать это, ты знаешь, какая ты мнѣ теперь родная и близкая...

Не шевелясь, Людмила подняла на названную сестру глаза и глухо, но ровно отвѣтила:

— Ты сказала мнѣ, что любишь и любила Леонтія Алексѣевича, и я рада за тебя, что онъ сумѣлъ повѣрить тебѣ. Но то, что ты считаешь меня родной и близкой — этому я не вѣрю. И мнѣ непріятна твоя откровенность.

И тотчасъ же, опустивъ голову, она пошла дальше, легкимъ шагомъ.

Наталья Никаноровна посмотрѣла на Крутовского, хотѣла что-то сказать, но громкій крикъ помѣшалъ ей. Къ нимъ бѣгомъ спускался Витя. Онъ былъ въ парусиновой охотничьей рубахѣ, патронташъ билъ его по боку, ноги были въ грязи, и все на немъ было мокро.

— Леонтій Алексѣевичъ, — кричалъ онъ еще издали, — ради Бога... идите скорѣй, зовите людей... Шишикторовъ утонулъ...

Крутовской дрогнулъ и замеръ минуту на мѣстѣ, точно пришитый къ землѣ. «Вотъ оно, — мелькнуло у него смутно, — началось... то, что я хотѣлъ»...

— Что ты, что ты говоришь? — испуганно спросила Смоличъ, кидаясь къ брату: — почему ты знаешь?..

Людмила, блѣдная, съ сразу запавшими глазами, тихо подходила къ нимъ, держа на груди руку.

— Мнѣ сказали мальчишки, пастухи... — торопясь и задыхаясь, говорилъ Витя: — я охотился по Ящуру... они кинулись ко мнѣ... и сказали, что утопъ молодой барчукъ... съ длинными волосами, худой, высокій... онъ бродилъ второй день... потомъ пошелъ купаться съ ними и утонулъ... Они показали мнѣ мѣсто, гдѣ это случилось, я кинулся туда, нырялъ, искалъ и ничего не нашелъ... Они принесли его платье, по немъ я и узналъ, что это Ильюша... Леонтій Алексѣевичъ, нужно найти его, я возьму лодку, а вы зовите рабочихъ, тащите багры...

Онъ снова побѣжалъ къ рѣкѣ, хлюпая на ходу.

— И я съ тобой, — закричала Смоличъ, но Крутовской остановилъ ее за руку.

— Останься, — шепнулъ онъ ей, — посмотри на Людмилу. Людмила Александровна, вамъ плохо? — спросилъ онъ громко, подходя къ дѣвушкѣ.

Она тяжело дышала, губы ея побѣлѣли и полураскрылись.

— Нѣтъ, ничего, это пройдетъ... я испугалась, — едва слышно отвѣтила Людмила. — Я пойду домой...

— Леонтій Алексѣевичъ, ну что же вы! Скорѣе! — кричалъ съ рѣки Витя.

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣтилъ Крутовской, — Наташа, да помоги же ей!

LI.

Шишикторова похоронили на тильскомъ кладбищѣ у самой ограды, среди кустовъ сирени. Его такъ и не удалось найти, когда искали, а онъ самъ выплылъ на другой день недалеко отъ самолюбовскихъ купаленъ. Страшно было глядѣть на него, такъ измѣнила его смерть. Крутовской долго не могъ забыть его остеклѣвшихъ, вылѣзшихъ глазъ и зеленаго распухшаго лица, которое казалось улыбающимся. Все его голое худое тѣло отяжелѣло и раздулось, руки были поджаты и пальцы растопырены. Всѣ увѣрены были, что Ильюша попалъ въ омутъ и утонулъ. Крутовской хотѣлъ этому вѣрить и не могъ. «Я не долженъ былъ, я не смѣлъ говорить ему этого, — тоскливо и съ болью думалъ онъ: — Богъ знаетъ, можетъ быть, мои слова такъ на него подѣйствовали. Онъ пришелъ ко мнѣ, боясь самого себя, и я долженъ былъ не отпускать его. Мнѣ никогда не забыть этого».

На похоронахъ былъ почти весь Тильскъ. Гимназистки возложили вѣнокъ отъ гимназіи: Шишикторовъ давалъ лѣтомъ уроки музыки. За гробомъ шла его старушка-мать, вдова письмоводителя изъ земской управы. Это была высокая, худая женщина, съ остановившимся, почти прозрачнымъ лицомъ. Ильюша очень походилъ на нее. Во все время похоронъ она не плакала, лицо ея оставалось неподвижнымъ и только, когда зарыли сына въ могилу, она пошатнулась и чуть

не упала. Фепта и Фроша поддержали ее. Изъ «Самолюбова» пріѣхали Людмила и Витя; у Людмилы глаза были красны отъ слезъ, Витя смотрѣлъ мрачно и даже зло.

Во все время службы Крутовской бродилъ между поросшими могилами. Мысли о Шишикторовѣ и Натальѣ связывались, переплетались у него въ отяжелѣвшей головѣ. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ. Почему? Его страсть къ Натальѣ тяготила его. Онъ боролся съ нею и не зналъ, какъ пробороть ее. «Но что же тутъ дурного, — спрашивалъ себя ежеминутно. — Почему я не могъ снова полюбить ее?» — Насмѣшливая улыбка трогала его губы. — «Полно, развѣ я люблю ее? Еще ни разу не сказалъ ей этого... просто не думалъ объ этомъ... не приходило въ голову... да развѣ я вообще что-нибудь говорилъ ей?»

Еще вчера пришла она къ нему ночью. Онъ никакъ не ждалъ ее. Осторожный стукъ въ окно разбудилъ его. Онъ вскочилъ, недоумѣвая, и взглянулъ черезъ стекло въ садъ. Долго не могъ одѣться, вертѣлся по комнатѣ и, спѣша, только путалъ. Наконецъ, отворилъ окно. Смоличъ сѣла на подоконникъ и обняла Крутовского.

— Ты сердишься? — спросила она.

— За что?

— За то, что я открылась Людмилѣ.

— Нѣтъ, почему же...

— Я видѣла это по твоему лицу, сознайся, что ты очень дорожишь ея мнѣніемъ.

— Мы съ ней были большими друзьями, я ничего не скрывалъ отъ нея... не знаю, какъ это вышло, но мнѣ дорого было ея вниманіе... она очень хорошая, умная дѣвушка...

Наталья отодвинулась и посмотрѣла на него сбоку.

— Ты, кажется, неравнодушенъ къ ней, — тихо и грустно произнесла она.

— Что за вздоръ, какъ тебѣ не стыдно! Я люблю ее почти какъ сестру, я привыкъ къ ней...

— Да, да... конечно...

Она больше ничего не сказала. Нужно было это какъ-нибудь уладить. Онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать. Она не противилась, но казалась безчувственной и печальной. «Что

съ нею?» — думалъ онъ досадливо и настойчивѣе привлекалъ къ себѣ, потому что съ раздраженіемъ въ немъ просыпалось желаніе, непобѣдимое, злое, почти ревнивое, мстительное желаніе взять, наконецъ, эту женщину, подчинить ее себѣ, заставить ее опять почувствовать, что она въ его власти.

Но она произнесла спокойно, безъ тѣни волненія:

— Оставь меня, Леня, я не хочу этого... это придетъ потомъ... мнѣ нужно знать, что ты меня любишь.... я только пришла за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на тебя... мнѣ было грустно... меня мучили сомнѣнія, я не знаю, что я думала... Но это прошло, я вѣрю тебѣ... и мнѣ нужно идти домой. Покойной ночи...

Неужели она ревновала? Что за вздоръ...

Вспоминая это ночное свиданіе, Крутовской сѣлъ на скамейку у одной изъ могилъ съ большимъ деревяннымъ крестомъ. «Андрей Степановичъ Креозотовъ», — прочелъ онъ и грустно улыбнулся: — Какая нелѣпая фамилія... А развѣ смерть Шишикторова менѣе нелѣпа? А все, что теперь дѣлается со мною развѣ имѣетъ какой-нибудь смыслъ, не кажется ли такимъ же нарочнымъ, какъ этотъ умершій рабъ Божій Креозотовъ? Нѣтъ, во мнѣ еще очень мало настоящаго, подлиннаго, крѣпкаго. Тетка права, червь гложетъ яблоко, а, можетъ быть, съѣстъ цѣликомъ. И тогда зачѣмъ были всѣ эти долгіе, тяжкіе годы внутренней ломки, борьбы воли съ заѣзженной измытаренной душой, если вся эта постройка въ одинъ прекрасный день должно была рухнуть только отъ того, что пришла женщина изъ сквернаго прошлаго и снова разбудила во мнѣ страсть, грязное, звѣриное чувство, которое я самъ, даже сейчасъ, не могу оправдать любовью?.. Что за нелѣпость! Что за креозотовщина!... — пробормоталъ, усмѣхаясь Леонтій Алексѣевичъ. — Будь бы я моложе, это было бы понятнѣй, — но мнѣ тридцать четвертый годъ, я здоровый, бородатый мужчина и могу отвѣчать за свои поступки. Для чего же тогда вся эта канитель, къ чему она можетъ привести? Жениться на Наташѣ? Теперь, послѣ всего, что было... Ну, положимъ, что такъ... но развѣ мы можемъ жить вмѣстѣ? Положа руку на сердце, могу я

сказать, что хорошо ее знаю и увѣренъ въ ея искренности и въ то, что она можетъ раздѣлить со мною эту сѣрую жизнь средней руки помѣщика?.. Развѣ мы въ чемъ-нибудь съ ней сходимся? Даже тогда, въ молодости, наше сожительство привело къ катастрофѣ, ну а теперь, развѣ я не дальше отъ нея, чѣмъ тогда?.. И это полбѣды, — съ настойчивостью мысленно топтался все на одномъ мѣстѣ Крутовской, сжимая руками виски и смотря тупо на могилу Креозотова: — съ этимъ можно было бы какъ-нибудь сладить. Она не хотѣла бы бросить свое пѣніе (что она будетъ жить на мельницѣ, какъ она сказала, это, конечно, чистѣйшій вздоръ), — но я самъ могъ бы бросить имѣніе и переселиться въ городъ?.. Ради чего? Ради чего я тебя спрашиваю. Все, чѣмъ жилъ такъ долго, все, что стало своимъ, необходимымъ, выбросить съ мусоромъ въ помойку и только потому, что тебѣ нужна женщина, потому, что ты здоровъ, какъ быкъ, и поцѣлуй, грязныя воспоминанія, ревность къ прошлому сдѣлали тебя тряпкой, ты раскисъ?.. Но почему же тогда не поѣхать тебѣ, какъ ты это не разъ дѣлалъ, къ Софьѣ Даниловнѣ?.. Не то же ли это самое?.. Зато тамъ все просто, ясно, ничего не мутитъ душу»...

Краснѣя и моргая, поднялъ Леонтій Алексѣевичъ глаза и увидѣлъ передъ собою Витю. Людмила остановилась въ сторонѣ.

— Вы задумались? — спросилъ его Бунаковъ: — идемте, все уже кончилось...

Крутовской поднялся, смущенно улыбаясь.

— Да, я задумался, — сказалъ онъ. — Посмотрите, какая дикая фамилія — Креозотовъ. Какъ вы полагаете, зналъ умершій, что она означаетъ?..

Витя посмотрѣлъ на крестъ и надпись, потомъ перевелъ взглядъ на Крутовского и отвѣтилъ:

—Не думаю, право, должно быть не зналъ... Большинство людей не знаетъ, для чего и зачѣмъ они живутъ на свѣтѣ, гдѣ ужъ разбираться въ своей фамиліи... Вы, кажется, разстроены?.. Я хотѣлъ предложить вамъ вернуться съ нами... но, какъ видно, вамъ недосугъ... всего добраго!..

Онъ протянулъ Крутовскому руку и поклонился необычно сухо. Леонтій Алексѣевичъ хотѣлъ возразить, хотѣлъ оста-

новить его, но потомъ раздумалъ и, издали глядя на удаляющуюся Людмилу, побрелъ въ клубъ.

«Пойду, сыграю на билліардѣ, — рѣшилъ онъ, — это меня разсѣетъ... на жнитвѣ и безъ меня управятся... давно я не сражался съ Падалкой».

Возвращался изъ города онъ поздно ночью. Сѣрый меринъ лѣниво перебиралъ ногами — бѣжалъ и останавливался, когда хотѣлъ. Леонтій Алексѣевичъ сидѣлъ, сгорбившись, и бубнилъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсню. Иногда махалъ рукой, точно отгонялъ комаровъ, хотя ихъ и помину не было. Во рту у него дымилась папироска, которую онъ не умѣлъ курить: она палила ему усы и дымъ ея заставлялъ его чихать. Но все же давно уже Крутовской не былъ въ такомъ безмятежномъ и умиротворенномъ настроеніи...

LII.

Этой же ночью Витя сидѣлъ у Людмилы въ ея комнатѣ въ мезонинѣ. На столѣ, рядомъ съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, горѣла лампа, вокругъ нея суетилась мошкара. Въ темное окно иногда залеталъ вѣтеръ и шевелилъ занавѣски.

Людмила сидѣла у стола, подперевъ рукою подборокъ, Витя напротивъ нея перелистывалъ, не читая, страницы книги.

— Я не понимаю, зачѣмъ ты только напрасно себя мучишь, — говорилъ онъ, — это совсѣмъ ни къ чему. Все равно не узнаешь и не воскресишь. Утонулъ ли онъ или утопился, дѣло оттого не мѣняется. Онъ не умѣлъ и не хотѣлъ жить по-настоящему и умеръ. Самъ ли онъ ускорилъ свою смерть или смерть предупредила его желаніе — судьба или случай игралъ тутъ роль — я считаю, что онъ умеръ во-время. Такимъ людямъ, какъ онъ, жить не слѣдуетъ, они только мѣшаютъ другимъ. Ты сама говорила мнѣ, что это былъ какой-то добровольный мученикъ, который страдалъ, не потому, что ты его не любила, а потому, что онъ не хотѣлъ не страдать. Да что я говорю, страдалъ.... это страданіе, это не настоящее чувство здороваго человѣка, это просто-напросто неврастенія, болѣзнь, безволіе...

Витя всталъ и заходилъ по комнатѣ. Людмила, глядя на него, молвила:

— Мнѣ непріятно, Витя, слышать это... я не думала, что въ тебѣ такъ мало сердца.

Бунаковъ пожалъ плечами и усмѣхнулся угрюмо.

— Мало сердца, говоришь ты? — повторилъ онъ, — Богъ знаетъ, я объ этомъ не думалъ... хотя, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не скажу, что не умѣю чувствовать... Да, что тамъ! Что можетъ быть глупѣе и безсмысленнѣе разговоровъ о себѣ.. по правдѣ сказать, если я и вспомнилъ Шишикторова, то только потому, что мнѣ непріятно твое настроеніе. Я привыкъ видѣть тебя всегда дѣятельной и бодрой. Я знаю твое сердце, и что оно у тебя есть, я не сомнѣвался, — добавилъ Витя, мягко взглядывая на сестру, — но я также не сомнѣвался въ твоемъ здравомъ смыслѣ. Жалѣть Ильюшу можно, и тебѣ въ особенности: онъ другъ твоего дѣтства, но приписывать себѣ его смерть, болѣе чѣмъ дико.

— Ахъ, Витя, ты не хочешь понять, — тихо и печально возразила дѣвушка, — ты говоришь совсѣмъ не то...

— Да, да, я говорю не то, говорю сбивчиво... но ты должна выслушать... Я хорошо тебя знаю, привыкъ наблюдать за тобою и, можетъ быть, догадываюсь о многомъ... ты молчалива, какъ всѣ сильные люди, но и я не слѣпъ....

Людмила шевельнула плечами, точно отъ холода, и отняла отъ лица руку. Она испытующе посмотрѣла на брата.

— Что ты хочешь сказать этимъ? — спросила она.

— То, что такъ дальше не должно продолжаться.... то, что нельзя испытывать такъ свои нервы, то, что ты можешь не выдержать...

— И что тогда, Витя? — едва слышно переспросила Людмила, — что не должно продолжаться?

— А то, что тогда однимъ здоровымъ человѣкомъ станетъ меньше, — отвѣчалъ горячо Бунаковъ, — ты думаешь, я не понялъ всего, что здѣсь происходитъ... все рѣшительно... И не я одинъ. Дядя Яша просилъ передать тебѣ, что у тебя есть два друга...

— Дядя Яша?

— Да... и онъ былъ правъ, у тебя есть два друга. Тебѣ нужно уѣхать отсюда, заняться другимъ дѣломъ, подышать другимъ воздухомъ. У тебя крѣпкіе нервы, свѣжая голова и сильное тѣло, но тебѣ нужно увидѣть другихъ людей. Поѣзжай со мной въ Петербургъ, поступай на курсы, на службу, куда хочешь, читай, но не только читай, этого и тутъ было достаточно, но поговори съ такими, какъ ты, молодыми дѣвушками, побѣгай по театрамъ, по улицамъ, по лекціямъ, послушай поэтовъ, не поспи нѣсколько ночей въ кругу знакомыхъ. Поволнуйся и поголодай даже... Дѣлай все, что дѣлаютъ тысячи другихъ дѣвушекъ, какъ бы это на первый взглядъ ни казалось глупымъ, ничто тебя не измѣнитъ, не собьетъ, не развратитъ и не сдѣлаетъ пустою, потому что ты и сильна достаточно и умна... Но ты узнаешь жизнь, людей, учтешь свои силы и найдешь свой путь... Пусть даже вернешься сюда обратно, но освѣженной, съ новымъ запасомъ впечатлѣній и опыта... Чтобы жить и работать разумно, нельзя быть одному, нужно знать, что дѣлаютъ рядомъ другіе... Я и кутилъ, и не спалъ ночей, и дѣлалъ глупости, и недоѣдалъ, но отъ этого не сталъ похожъ на Ильюшу... Все это вздоръ!... У насъ съ тобой здоровые корни, у тебя отъ матери, должно быть, а у меня чортъ его знаетъ откуда, можетъ быть самъ ихъ развилъ въ себѣ. Мы родились для того, чтобы дѣло дѣлать, это у насъ въ крови, и ничѣмъ этого не вышибешь... Разъ есть вѣра въ себя, въ свое дѣло — ничто не страшно. На что ужъ крѣпкое дерево дубъ, а и его кладутъ въ воду, въ болото, чтобы тамъ оно закалилось, стало желѣзнымъ, тогда какъ другія деревья гніютъ въ водѣ. Тебѣ необходимо испытаніе жизнью. Но безсмысленно, преступно испытывать свои чувства, они пригодятся на что-нибудь лучшее...

Витя замолкъ, сразу оборвалъ свою рѣчь и, пройдя еще разъ по комнатѣ, подошелъ къ Людмилѣ и коснулся ея руки, лежащей безпомощно вдоль стола.

— Людмила, — проговорилъ онъ необычнымъ для себя мягкимъ голосомъ, — послушай меня... повѣрь мнѣ, я молодъ, но я достаточно распозналъ людей... Онъ мягкій, честный, неглупый человѣкъ, но онъ не для тебя... Подожди, постой... пусть я ошибаюсь, пусть это мнѣ только кажется... тѣмъ лучше... Ему еще нужно многое убить въ себѣ, чтобы

стать дѣйственнымъ человѣкомъ... дадимъ ему время для этого, пусть перегоритъ въ немъ и то, что опять владѣетъ имъ... это хорошо, это испытаніе... если онъ побѣдитъ — онъ спасенъ, если нѣтъ — все равно никто ему не поможетъ... Тебѣ нужно подумать о себѣ, позволь помочь тебѣ въ этомъ... обѣщай мнѣ уѣхать со мною...

Онъ наклонился надъ дѣвушкой и поцѣловалъ ее въ голову. Она не шевельнулась, не отвѣтила, руки ея все такъ же лежали вытянутыми на столѣ, глаза смотрѣли, не мигая, на огонь лампы.

— Я цѣлую тебя за дядю, — стараясь улыбнуться, проговорилъ Витя, — онъ просилъ меня объ этомъ...

Потомъ, оживляясь и точно отгоняя отъ себя тягостныя мысли, Бунаковъ схватилъ Людмилу за руки, крѣпко сжалъ ихъ и потянулъ слегка къ себѣ, заставляя этимъ дѣвушку оглянуться.

— Ну, улыбнись, — сказалъ онъ, — посмотри на меня... вотъ такъ... и скажи, что ты согласна.

Людмила подняла на названнаго брата глаза, минуту смотрѣла на него серьезно и молча и, наконецъ, промолвила тихо и рѣшительно:

— Ты правъ, Витя... мнѣ нужно уѣхать... только дай мнѣ подумать, дай время...

Бунаковъ отвѣтилъ весело:

— Ну еще бы... у насъ времени хоть отбавляй, но нужно рѣшиться, это самое главное...

И, садясь снова рядомъ съ дѣвушкой, онъ опять заговорилъ о Петербургѣ, о своихъ планахъ, о томъ, какъ они устроятся и гдѣ будутъ жить. Онъ говорилъ долго, горячо и съ молодой искренностью.

Людмила слушала его внимательно и только разъ перебила его.

— Послушай, Витя, зачѣмъ ты прогналъ Костю? — спросила она, быстро взглядывая на названнаго брата.

Бунаковъ сразу не понялъ ее; онъ занятъ былъ всецѣло своими мыслями и потому отвѣтилъ послѣ минутнаго молчанія:

— Затѣмъ, что онъ позволилъ себѣ говорить дурно о человѣкѣ мнѣ близкомъ... Но что тебѣ до этого?.. Лучше послушай...

И онъ опять вернулся къ прерванному. Людмила ему не возражала. Глаза ея опять устремились на огонь лампы и Богъ вѣсть гдѣ были ея мысли.

LIII.

Вѣтры снова понеслись надъ «Самолюбовымъ» и «Раемъ», но въ этотъ разъ они, что ни день, то нагоняли новыя тучи. Утромъ выглянетъ солнце, освѣтитъ все, высушитъ, пригрѣетъ, а съ двѣнадцати небо начнетъ хмуриться, посѣрѣетъ, закурится точно отъ дыма, упадетъ одна лѣнивая крупная капля, другая, и хлынетъ дождь и будетъ идти, то утихая, то усиливаясь, до самаго вечера. Вечеромъ тучи будто испугаются чего-то, разбѣгутся въ стороны, и заря вспыхнетъ такая алая, такая яркая и радостная, что такъ и кажется: никогда больше не пойдетъ дождь и настанетъ ведро. Но на другой день все начиналось сызнова.

Жнитва была въ полномъ разгарѣ, и арендаторъ Вѣры Владиміровны рвалъ на себѣ волосы. Крутовской ходилъ угрюмый и злой: у него и другія были причины къ неудовольствію. Марья Васильевна, посмѣиваясь, припѣвала:

— Дождикъ, онъ хитрый, не идетъ, когда просятъ, а когда косятъ, не когда ждутъ, а когда жнутъ.

Даже Витя застрялъ дома. Собака плохо ходила по мокрому слѣду и могла застудить ноги. Студентъ вспомнилъ зимнія свои занятія и засѣлъ за чертежи. Наталья Никаноровна часами стояла у книжнаго шкапа, полнаго французскихъ романовъ: отвернетъ желтую, потрепанную обложку, прочтетъ заглавіе, остановится гдѣ-нибудь въ серединѣ книги, заглянетъ въ конецъ и броситъ пренебрежительно въ сторону.

— Боже, какая скука, — говорила она черезъ плечо дядѣ Яшѣ, сидѣвшему неподалеку въ своихъ креслахъ: — ничего новаго, ничего интереснаго...

— Другъ мой, — возражалъ шутливо Тулубьевъ, не подымая съ кофейныхъ своихъ глазъ тяжелыхъ вѣкъ: —

запомни это: французскую литературу всю можно раздѣлить на двѣ категоріи — littérature des gargotes et des gourmands. По существу это одно и то же, ибо любить устрицы или гречневую кашу, значитъ любить ѣсть, значитъ обжираться — все дѣло во вкусовыхъ ощущеніяхъ. Французы — сластены, а мы, русскіе, увы, просто голодны. Бульваръ, смѣющійся, беззастѣнчивый и гривуазный намъ претитъ, а изящнаго, «spirituel», мы не понимаемъ. Захлопни дверцы этого шкапа, въ которомъ нѣтъ ничего любопытнаго для очаровательной женщины, открывающей всѣ сердца... Я готовъ по секрету сказать тебѣ одну истину: le femmes qui lisent des romans sont celles qui n'en ont pas dans leur vie... и я думаю, она тебя утѣшитъ...

Звонко смѣясь, Наталья Никаноровна грозила дядѣ Яшѣ пальцемъ.

— Vous n'ajouterez pas un mot, pas une syllabe, — говорила она, притворно хмурясь: — vilain moqueur.

Людмила попрежнему занята была по хозяйству, дождь не могъ ей помѣшать ходить по двору, въ курятникъ, въ ледникъ, въ сараи. Ея похудѣвшее, осунувшееся лицо, съ темными кругами подъ запавшими глазами, казалось еще строже, еще сосредоточеннѣе; непоколебимая рѣшимость проглядывала въ каждомъ ея движеніи. Иногда только среди дѣла, она вдругъ остановится, опуститъ руки и стоитъ, безучастно глядя передъ собой.

По вечерамъ, когда утихалъ дождь, Вѣра Владиміровна, какъ и раньше, выходила изъ дому и шла гулять. Но теперь она полюбила болѣе далекія прогулки. Она надѣвала глубокія калоши, укутывалась въ темный платокъ и садомъ, мимо розъ, истрепанныхъ дождемъ, выходила за околицу въ поле... Она шла по обычаю быстрыми, молодыми шагами, вытянувъ голову чуть впередъ, крѣпко держа на груди края платка. Можно было подумать, что она куда-нибудь спѣшитъ, чѣмъ-нибудь озабочена. Но она никуда не спѣшила, ни о чемъ не волновалась. Никогда такъ ровно не было у нея на душѣ, какъ въ эти минуты. Она дышала, смотрѣла вокругъ себя, слѣдила свой легкій шагъ, жила тѣмъ, что

было передъ нею. Она начинала любить свое одиночество, оно учило ее понимать людей, а до сихъ поръ она только жила собою. Міръ начиналъ проясняться передъ нею, какъ бываетъ въ тихіе, осенніе дни, когда воздухъ такъ рѣдокъ, такъ чистъ, что все кажется прозрачнымъ, легкимъ и яснымъ. Она съ изумленной радостью смотрѣла передъ собой и ни до чего ей не хотѣлось коснуться. Въ одну ночь, въ одинъ часъ, вернувшись изъ Смоленска, почувствовала она міръ вокругъ себя дивно перестроеннымъ. Да, да — не она измѣнилась, а міръ. «Пришла осень, — думала она безъ печали, — я могу идти куда угодно, ничто меня не замыкаетъ, не связываетъ, я наконецъ свободна отъ всего... какъ далеко я стала видѣть... А камень! я его почти не чувствую. Во мнѣ еще есть женщина и еще много во мнѣ темнаго и грязнаго, но теперь не это меня занимаетъ, потому что я умѣю видѣть вокругъ себя». Она улыбалась, она нашла наконецъ аріаднину нить въ путанной своей жизни. «Имъ кажется, что я теперь ничего не вижу, ни о чемъ не догадываюсь, — думала она о своихъ дѣтяхъ: — а я вижу все лучше, чѣмъ тогда, когда я няньчилась съ ними, когда они были маленькими». Ей было по-новому пріятно думать о дѣтяхъ, которыхъ она только теперь начинала разглядывать. Ей пріятно было вотъ такъ, завернувшись въ теплый старушечій платокъ, идти одной на вечерней зарѣ по взмокшей дорогѣ и разбираться въ людяхъ, почти незнакомыхъ ей и вмѣстѣ близкихъ — въ своихъ дѣтяхъ. Она спрашивала себя, любитъ ли она ихъ и какъ любитъ; она бережно и по мелочамъ вспоминала ихъ дѣтство, ихъ капризы, ихъ недостатки. Она чувствовала, что можетъ судить о нихъ безпристрастно и безъ того холоднаго отчужденія, какое она всегда чувствовала къ нимъ, занятая собою. «Мнѣ ничего теперь не мѣшаетъ думать о нихъ», — съ радостью повторяла она. Она нашла въ этихъ одинокихъ далекихъ прогулкахъ, въ этихъ одинокихъ медлительныхъ думахъ особенное утѣшеніе, особую сладость. Это отдаляло ее отъ себя, очищало ее, помогало ей перегорѣть въ себѣ самой.

Какъ-то вечеромъ, послѣ одной изъ такихъ прогулокъ, Вѣра Владиміровна сидѣла въ гостиной въ углу у рабочаго своего столика и, склонясь надъ лампой съ краснымъ аба-

журомъ, вышивала. Яковъ Владиміровичъ сидѣлъ въ кабинетѣ и черезъ отворенную дверь Карышева видѣла, подымая время отъ времени глаза, какъ братъ ея, откинувшись на спинку кресла, отодвинувъ далеко отъ глазъ книгу въ вытянутой рукѣ, то читалъ, то, начиная безпокойно вертѣться на мѣстѣ и капризно ворча, бросалъ книгу на колѣни и смотрѣлъ въ потолокъ.

Приглядываясь къ нему, съ той особенной внимательностью, которая теперь не покидала ее и какъ-то вошла въ ея привычку, все представляя ей въ подчеркнутомъ, яркомъ свѣтѣ театральной рампы, гдѣ она отыграла свою роль, оставшись лишь зрительницей, Вѣра Владиміровна старалась угадать, что безпокоитъ ея брата. Она привыкла къ нему и по-своему любила его. Капризы его порой раздражали ее, порой смѣшили; онъ казался ей избалованнымъ, вывихнутымъ человѣкомъ. Но она никогда не задумывалась надъ тѣмъ, что сдѣлало его такимъ, и кажется сильно сомнѣвалась, что онъ можетъ что-нибудь по-настоящему чувствовать.

— Тебѣ, я вижу, не по себѣ, Яша, — сказала Вѣра Владиміровна мягкимъ, настороженнымъ голосомъ, какимъ она также стала говорить совсѣмъ недавно (точно она вывѣдывала, выщупывала человѣка, стороной подходя къ нему, боясь сразу повѣрить ему и полюбить), — можетъ быть, тебѣ нездоровится? Теперь такъ легко простудиться...

— Ахъ, ma chère, laisse moi, — досадливо перебилъ ее Тулубьевъ: — у меня нервы, ты хорошо это знаешь... mes nerfs... Когда покойная матушка, царство ей небесное, бранила нашего отчима, прекраснаго кавалерійскаго полковника Дымшу, онъ всегда виновато говорилъ: «Madame a ses nerfs!» и этимъ все было сказано... Я весь пошелъ въ мамашу, съ той только разницей, что мои нервы, увы, болѣе не выражаются въ дѣйствіи!

Улыбаясь смягченно и знающе, Вѣра Владиміровна подумала:

«А вѣдь онъ шутитъ, когда что-нибудь его мучитъ... я только теперь это замѣтила... Онъ сидитъ у себя въ креслѣ, читаетъ и волнуется чего-то... Можетъ быть, онъ такъ же,

какъ и я сейчасъ, все видитъ, все понимаетъ, самъ не участвуя въ жизни. Какъ странно».

Она наклонилась надъ своей вышивкой и нѣкоторое время сидѣла молча, чутко прислушиваясь къ каждому звуку — вотъ съ жолоба капаетъ въ бочку вода, вотъ зашумѣли деревья, вотъ кто-то въ дальнихъ комнатахъ хлопнулъ дверью, и разнесся крикъ Варвары: «самоваръ ставьте».

— Яша, — снова обратилась Карышева къ брату, — скажи мнѣ, почему уѣхалъ Костя? Ты не знаешь?

Яковъ Владиміровичъ зашевелился въ креслѣ:

— Откуда мнѣ знать? — брюзгливо отвѣтилъ онъ: — развѣ меня когда-нибудь предупреждаютъ, со мною совѣтуются? Въ одинъ прекрасный день я вижу, что однимъ приборомъ за столомъ стало меньше — et voilà tout! Мнѣ предоставляется право обсуждать перемѣны, происходящія вокругъ, какъ мнѣ заблагоразсудится. Это сдѣлало меня философомъ, и я ничему не удивляюсь. Жизнь проходитъ мимо меня, — она течетъ, какъ вода, и, по правдѣ сказать, я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія утолить свою жажду. Я верблюдъ, который можетъ не пить и не ѣсть, питаясь своимъ жиромъ. Когда говорятъ мнѣ: «Боже, какое несчастье — мы его не ожидали»... я всегда отвѣчаю: «Но это понятно, потому что вы заняты были своей игрой». «Но что же намъ дѣлать», кричатъ они. И развѣ меня можно назвать жестокимъ, если я имъ отвѣчаю: «Продолжайте въ томъ же духѣ...» Кто захочетъ сѣсть на мое мѣсто и превратиться въ стараго рамоли? Кто добровольно откажется отъ своей глупости?..

«Я, я откажусь и уже отказалась», — хотѣла воскликнуть Вѣра Владиміровна, но, удержавшись, повторила свой вопросъ.

— Такъ ты знаешь, почему уѣхалъ Костя? Мнѣ помнится, ты намекалъ на что-то...

— Мои намеки похожи на вольный переводъ въ нѣмецкой хрестоматіи, — еще болѣе ворчливо перебилъ ее Тулубьевъ: — въ нихъ столько же красоты, сколько и смысла: — «что за странный шумъ въ сосѣдней комнатѣ? Это мой глухонѣмой дядя кушаетъ сыръ»... Чортъ возьми, я до сихъ поръ не знаю, какъ кушаетъ сыръ глухонѣмой дядя, но какъ

онъ воспринимаетъ окружающее, это мнѣ доподлинно извѣстно... Я глухъ и нѣмъ, потому что никому не нужны ни глаза мои, ни совѣты. А ты спрашиваешь меня, почему уѣхалъ Костя...

Онъ замолчалъ на время, то раскрывая, то захлопывая книгу. Вѣра Владиміровна пристально смотрѣла на него изъ подъ краснаго абажура. Она отложила вышивку и чуть согнулась, чтобы лучше видѣть.

— Ты спрашиваешь меня объ этомъ, — снова началъ онъ: — но почему же ты не спрашиваешь меня о томъ, какъ поступать тебѣ съ обманувшимъ тебя мужемъ? — возвращаться тебѣ къ нему, или остаться дома?.. Почему ты не полюбопытствовала узнать, что представляютъ собою твои дѣти? О, la, la! ты собрала ихъ всѣхъ подъ крылышко и не потрудилась узнать, понравится ли имъ такое милое уединеніе... Ты не поразспросила меня, какъ и чѣмъ жила Наташа, съ кѣмъ она была знакома, — тихо добавилъ Тулубьевъ: — ты, наконецъ, ничего не видѣла въ Людмилѣ и теперь ничего не видишь...

Блѣднѣя и волнуясь, Вѣра Владиміровна перебила его:

— Нѣтъ, я знаю, она очень измѣнилась, она, кажется, страдаетъ...

— Кажется, страдаетъ? — почти закричалъ Яковъ Владиміровичъ, ударяя обѣими руками по ручкамъ кресла: — это мнѣ нравится... Она жила съ дѣтства въ одномъ съ тобою домѣ, и ты ничего, н и ч е г о о ней не знаешь. Ты была занята своей любовью и не могла понять, что другіе могутъ любить и страдать и никому не говорить объ этомъ.

Вѣра Владиміровна встала, руки ея дрожали, глаза широко открылись. Она слушала, слушала брата и боялась проронить слово. «Такъ мнѣ и надо, — мелькало у нея въ головѣ, — такъ и надо»...

— Ты радовалась пріѣзду Наташи, — говорилъ Тулубьевъ, — потому что она должна была помирить тебя съ мужемъ, и ты ходила вокругъ своихъ розъ, какъ институтка, которая мечтаетъ о суженомъ. Тебя не удивляли странное шпіонство и доносы Кости, ты почти имъ вѣрила... Да нѣтъ, какое! Ты просто была равнодушна. При тебѣ пья-

ный, больной человѣкъ оскорблялъ твою пріемную дочь, явно намекая на подстрекательство Кости, и ты не думала утѣшить ее, разспросить ее, успокоить и объясниться съ сыномъ, пристыдить его. Ты бросила Людмилу и уѣхала съ Наташей, потому что та говорила о полковникѣ. Твой младшій сынъ выгоняетъ изъ дому старшаго, и ты спрашиваешь у меня, глухонѣмого дяди, — почему уѣхалъ Костя!

— Да, да, правда, — шептала Карышева, не шевелясь, не отводя глазъ, пришибленная словами брата.

— Ты дѣлаешь повѣренной свою старшую дочь, — значительно тише продолжалъ Яковъ Владиміровичъ: — не зная ее, ея цѣлей, ея жизни, ты сознаешься ей въ своихъ слабостяхъ и позволяешь везти себя на свиданіе съ мужемъ и потомъ бѣжишь оттуда, понявъ, но уже поздно. Какъ все это глупо и смѣшно! Ты не видишь некрасивой, недостойной игры... да что тамъ. Слѣпой не можетъ стать зрячимъ!

Тулубьевъ махнулъ рукой и, снова успокаиваясь и принявъ обычный свой насмѣшливый тонъ, спросилъ: — Скажи, Костя у тебя не просилъ денегъ?..

— Просилъ, — тихо отвѣчала Вѣра Владиміровна.

Она смотрѣла на брата со страхомъ и надеждой, точно была маленькой его дочерью.

Яковъ Владиміровичъ разсмѣялся.

— И ты дала ему? — спросилъ онъ: — ну, конечно! онъ добился своего, онъ уѣхалъ удовлетвореннымъ... Кому не везетъ въ любви... старая истина. Будь покойна, душа моя, если бы его не выгнали, онъ самъ скоро отсюда испарился бы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, и вполнѣ счастливъ. Если его доносъ, его пасквиль остался безъ послѣдствій, то все же онъ получилъ за него звонкой монетой. Вѣра, сядь я тебѣ говорю... вотъ такъ... Когда мы сидимъ, мы лучше мыслимъ... Ты не обижаешься на меня за то, что я тебя сравниваю съ собою?.. Иногда выгодно назвать себя старикомъ: старикамъ все прощаютъ... Я только боюсь одного, какъ бы моя прелестная племянница не оказалась упрямѣе своего брата... ея голосъ сильно пострадаетъ отъ нашего вѣтра...

— Ты хотѣлъ бы, чтобы она отсюда уѣхала? — боязливо спросила Карышева.

— Хотѣлъ бы я? — переспросилъ Тулубьевъ, усмѣхаясь: — я ничего не хочу, съ тѣхъ поръ, какъ я занялъ эту позицію (онъ указалъ на свое кресло). Но такъ было бы лучше для другихъ... Теряя аппетитъ къ жизни, поневолѣ становишься альтруистомъ. Ты спрашиваешь у меня совѣта? Изволь я тебѣ дамъ одинъ: будь довѣрчива къ постороннимъ, осторожна съ близкими, и никогда не вѣрь самой себѣ. Со стороны всегда виднѣе. Наши чувства насъ обманываютъ, и мы становимся несправедливы. Я не берусь судить, но мнѣ кажется, что было бы лучше всего, если бы всѣ разъѣхались, а мы остались одни... Когда у птенцовъ выростаютъ крылья, мать не собираетъ ихъ въ гнѣздо, а отправляетъ летать по свѣту...

Вѣра Владиміровна печально улыбнулась.

— Ты, какъ всегда, шутишь, — сказала она: — и раньше я не понимала тебя... по теперь мнѣ самой многое стало ясно, сколько все-таки нужно любви и мудрости, чтобы хоть ненадолго забыть себя.

LV.

Въ одинъ изъ этихъ дождливыхъ іюльскихъ вечеровъ въ «Самолюбово» пріѣхали братья Ерандаковы. Они застали только Карышеву, ея брата и Наталью Никаноровну, такъ какъ Витя и Людмила еще съ обѣда уѣхали къ начальницѣ гимназіи Поликсенѣ Егоровнѣ. Липочка — ея дочь, подруга Людмилы, была именинницей. Противъ обыкновенія Фепта и Фроша были очень тихи, молчаливы и торжественны. Долго и подробно разсказывали о дѣлахъ своего отца, о томъ, какой капиталъ выручилъ онъ отъ продажи лѣса, купивъ его за безцѣнокъ у предводителя Оболешева.

— Что говорить, у насъ есть средства, — какъ-то значительно и въ бокъ говорилъ Вѣрѣ Владиміровнѣ Фроша, косясь на Наталью Никаноровну.

— Но что дѣлать, — подхватывалъ Фепта, — приходится прозябать въ этой дырѣ.

— И никакого удовольствія, — вставлялъ опять первый, — къ тому же, представьте себѣ, даже влюбиться невозможно...

— Что такъ? — спрашивала, смѣясь, Смоличъ.

— Помилуйте! — начинали они оба, и потомъ Фроша, болѣе словоохотливый, продолжалъ, — гдѣ барышни? Гдѣ невѣсты?.. Вообще одно недоразумѣніе. Гимназистки у насъ все больше изъ крестьянокъ и самыя неподходящія...

Вѣра Владиміровна слушала ихъ съ добродушной усмѣшкой.

За Ерандаковыми вскорѣ пріѣхали Брындины. Олегъ Максимовичъ привезъ цѣлую связку пьесъ; онъ предложилъ Смоличъ выбрать, какую она захочетъ. Всѣ сѣли за круглый столъ и начали разбирать роли. Нужно было найти такую пьесу, въ которой могли бы участвовать всѣ тильскіе любители, а ихъ было чуть ли не полъ города. Кромѣ того, у каждаго исполнителя должно было бы быть въ роли хоть нѣсколько словъ, и ни одна барышня никогда не согласилась бы играть горничную. Наталья Никаноровна смѣялась больше всѣхъ. Она предлагала каждому выбрать роль въ любой пьесѣ и изъ этого составить драму. Братья Ерандаковы пусть играютъ одного героя.

— Вы такъ похожи, — говорила она Фептѣ и Фрошѣ, — что влюбиться въ васъ можно въ обоихъ сразу.

Она почувствовала, что кто-то пожимаетъ ей подъ столомъ ногу. Сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ, потомъ неожиданно вскрикнула:

— Ай, мнѣ больно!

И быстро посмотрѣла на лица кавалеровъ. Фепта и Фроша покраснѣли оба и потупились.

— Это просто прелесть, — сказала она, смѣясь, — у васъ одни желанія, однѣ мысли — ну, какъ обидѣть одного, предпочтя другого!

— Можно выбрать на узелки, — отвѣтилъ Фроша.

— Конечно, — согласился Фепта.

— Нѣтъ нѣтъ, — наморща брови, возразила Наталья Никаноровна, — такъ нельзя... помните въ старыхъ легендахъ — я выбрала бы самаго смѣлаго.

Она многозначительно посмотрѣла на братьевъ Ерандаковыхъ и оборотилась къ Бриндину. «Эти дураки на что-нибудь пригодятся, — подумала она, — съ ними можно дѣлать, что хочешь».

И она начала снова выбирать пьесу. Наконецъ, остановилась на «Роковой скамейкѣ» и «Меблированныхъ комнатахъ Королева». Бриндинъ пришелъ въ восторгъ, безпрестанно повторялъ «раковая скамейка» и цѣловалъ ручки Натальи Никаноровны. Тамара Гавриловна забезпокоилась и стала язвить Смоличъ; пѣвица отвѣчала ей, и отъ того разговоръ оживился. Фепта и Фроша запрыгали и замахали руками — они во что бы-то ни стало сейчасъ же хотѣли проявить свою смѣлость.

Послѣ чая Вѣра Владиміровна сослалась на мигрень и пошла спать, дядя Яша заперся въ кабинетѣ, молодежь почувствовала себя еще свободнѣе.

— Ѣдемъ кататься, — внезапно крикнула Наталья Никаноровна, вскакивая изъ-за стола и хлопая въ ладоши, — вотъ вамъ испытаніе, — оборотилась она къ Ерандаковымъ. Хороши ли у васъ лошади?

— Чудесныя... тройка орловскихъ, — отвѣчали братья.

— Тѣмъ лучше! покажите вашу лихость... если похитить меня вздумаете, буду знать, стоитъ ли.

Тамара Гавриловна побоялась дождя, и всѣ пошли на балконъ смотрѣть, какова погода.

Наталья Никаноровна первая, отворивъ дверь, сбѣжала на ступеньки веранды. Упругій, сырой, но теплый вѣтеръ ударилъ ей въ лицо; нѣсколько тяжелыхъ капель съ дикаго винограда упали ей на голову. Изъ-за косматыхъ, разорванныхъ тучъ, поверхъ глухо шумящихъ деревьевъ, плыла ущербленная луна. Вѣтеръ точно гналъ ее куда-то. Дохнувъ всей грудью, Смоличъ опустила глаза и увидѣла чуть ниже себя въ двухъ шагахъ черную тѣнь Крутовского. Она вздрогнула отъ неожиданности, но сразу узнала Леонтія Алексѣевича, потому что свѣтъ изъ раскрытой двери желтой полосой упалъ на него.

— Леничка, — тихо вскрикнула Наталья Никаноровна и протянула ему руки.

Онъ схватилъ ихъ и поцѣловалъ.

— Я шелъ къ тебѣ, — сказалъ онъ поспѣшно, стараясь отвести ее въ тѣнь, чтобы остаться незамѣченнымъ, — я не могъ ждать дольше... почему эти дни ты не заглядывала? Что съ тобой?

— Лилъ дождь, — неопредѣленно отвѣтила Смоличъ и сейчасъ же, прижимаясь къ нему плечомъ, добавила шопотомъ, — нѣтъ, нѣтъ, это мнѣ не помѣшало бы... Но я ждала, я хотѣла тебя провѣрить. Я точно чувствовала, что встрѣчу тебя сейчасъ... Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать мнѣ, что любишь? Да? Скажи скорѣй...

— Да, — глухо и точно съ усиліемъ проговорилъ онъ, вдавливая ногами сырую землю и опуская голову.

Ему казалось, что она слышитъ, какъ медленно и тяжко бьется его сердце.

— Наталья Никаноровна! — крикнуло сразу нѣсколько голосовъ, — гдѣ вы? Идите къ намъ — ѣхать, такъ ѣхать!

— Иду, иду, — отвѣтила Смоличъ, не выпуская руки Крутовского и увлекая его за собою: — погода чудесная, романтическая погода. А вотъ вамъ новый спутникъ!

— Зачѣмъ? Я лучше уйду, мнѣ непріятна эта компанія.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты останешься, ты поѣдешь со мной. Милый, милый...

Она еще разъ пожала ему руку и отбѣжала въ сторону.

Крутовской угрюмо и зло раскланялся. Тамара Гавриловна воскликнула томно:

— Вы поѣдете со мною, Леонтій Алексѣевичъ!

— Мы поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, — поддразнивающе, улыбаясь, перебила ее Смоличъ, — насъ шесть человѣкъ — коляска большая, троечная, мѣста хватитъ...

Фепта и Фроша побѣжали распорядиться.

Вскорѣ зазвенѣли колокольцы. Всѣ высыпали къ крыльцу, стали размѣщаться и размѣщались долго.

Наконецъ, Фепта крикнулъ: «па-а-шелъ», Фроша пронзительно свистнулъ, собаки завизжали и залаяли, колокольцы звякнули и, на мгновенье смолкнувъ, залились въ плясовой, кони бросили изъ-подъ ногъ пригоршню брызгъ и грязи; мелькнули гудящія деревья, проскочили ворота, коляску

толкнуло на поворотѣ, и только дробное шмяканье ногъ и колесъ, слившееся съ пѣніемъ бубенчиковъ, понеслось навстрѣчу полю и вѣтру.

Крутовской крѣпко охватилъ станъ Натальи Никаноровны. Госпожа Брындина съ другой стороны склонила ему на плечо голову. Но онъ не замѣчалъ этого. Онъ все крѣпче, все больнѣе прижималъ къ себѣ теплое плечо и грудь Смоличъ, все сильнѣе дышалъ упругимъ, густымъ воздухомъ, закрывалъ глаза и ни о чемъ не думалъ.

— Шибче! — кричалъ Фроша и хлопалъ въ ладоши, а Фепта, снявъ шапку и размахивая ею въ воздухѣ, лихо пѣлъ цыганскую пѣсню.

Луна убѣгала отъ нихъ все дальше, тучи клубились тамъ, въ далекой своей вышинѣ, а по сторонамъ внизу мелькали черныя, грузныя, дождемъ напоенныя многоверстныя поля.

LVI.

Людмила и Витя вернулись изъ Тильска раньше, чѣмъ Наталья Никаноровна съ гостями уѣхала кататься. Заслышавъ смѣхъ и говоръ, Людмила сказала брату:

— Я пойду къ себѣ, мнѣ больше никого не хочется видѣть, я устала.

— И я тоже, — отвѣчалъ Бунаковъ, — если позволишь, я посижу у тебя немного и пойду спать.

Они поднялись въ мезонинъ и, не зажигая огня, подъ шумъ деревьевъ и гулъ доносящихся изрѣдка снизу голосовъ, тихо и отрывочно, иногда замолкая надолго, говорили о подругахъ Людмилы, о судьбѣ ихъ, вспомнили школьные свои годы и учителей. Луна, выплывая изъ-за тучъ, освѣщала мгновеніями блѣднымъ своимъ, чуть мерцающимъ свѣтомъ, задумчивыя, ушедшія въ себя молодыя лица. Витя ни разу не вернулся къ недавнему разговору съ сестрою, Людмила также его не вспоминала.

Черезъ полчаса Бунаковъ всталъ и, поцѣловавъ сестру, пошелъ спать. Людмила, не зажигая свѣта, въ живой отъ бѣга тучъ полумглѣ, торопливо раздѣлась и легла въ постель. Она не пыталась заснуть и даже не смыкала глазъ. Она ле-

жала на спинѣ, вытянувшись во весь ростъ, подложивъ подъ подушку руки. Дыханіе ея было глубоко и ровно — она смотрѣла передъ собой на плывшія по стѣнѣ черныя тѣни и, упорно не отвлекаясь, думала все объ одномъ и томъ же. Внезапно ее прервалъ ярый звонъ бубенцовъ, лай собакъ и крики. Она подняла голову, оперлась на локтѣ и долго слушала ночной гомонъ, постепенно затихающій и сливающійся съ нетерпѣливыми взлетами вѣтра.

Утромъ Людмила поднялась по обычному рано. Мелкій, нудный дождь барабанилъ въ окно, тоскливой сѣтью сѣялъ въ небѣ. Дѣвушка все же спустилась внизъ и побѣжала къ купальнѣ — она купалась во всякую погоду. Но, добѣжавъ до мостковъ, поспѣшно повернула обратно. Предъ собою увидала она Ильюшу Шишикторова, его распухшее тѣло, прибитое неподалеку къ илистому берегу. Это случилось съ нею впервые. Раньше она никогда не поддавалась нервной впечатлительности, она бы пересилила себя. «Нѣтъ, не могу, — подумала дѣвушка, глядя на мутную воду, — нужно уйти, иначе я не выдержу».

Придя домой, Людмила поспѣшила въ кладовку и кухню. Ей нужно было поскорѣе услышать человѣческій голосъ. Она выдала кухаркѣ провизію, заказала завтракъ и обѣдъ. На ходу выпивъ стаканъ молока, смотрѣла, какъ доятъ коровъ. Крѣпкій духъ навоза и парное молоко влили въ нее новую бодрость. Она сама присѣла къ доенкѣ и стала доить. Тонкая бѣлая струя съ пѣвучимъ звономъ ударяла о деревянную стѣнку доенки, корова мотала хвостомъ и медлительно, вкусно жевала сѣно; легкій паръ курился въ полутемной аборѣ и густо чмякали босыя ноги доильщицъ. Всѣ молчали, занятыя своимъ дѣломъ. Иногда раздавался глухой отъ недавняго сна и сырого воздуха женскій голосъ: «Но-о, прими ножку» — и опять ровное, торопливое пѣніе живоносныхъ струй, сопѣніе здоровыхъ животныхъ, сдержанное покашливаніе и звонъ наполняемыхъ ведеръ.

«Да, да, конечно, такъ надо, — думала Людмила, глядя на свои пальцы, быстро и ловко перебирающіе упругіе сосцы, — мнѣ все это дорого, все это я люблю и не могу съ этимъ навсегда порвать, но сейчасъ нужно дать пройти времени, оно все сгладитъ...»

Разгибая уставшую спину, поднялась Людмила, и тихая улыбка тронула ея губы. Медленно переступая отъ тяжести доенки по липкой духоватой жижѣ аборы, она вылила молоко въ ведро, и, когда всѣ коровы были выдоены, смѣрила удой и пошла въ домъ. Въ эту пору просыпалась Вѣра Владиміровна. Людмила взяла чашку съ чаемъ и постучалась у ея двери.

— Ахъ, спасибо, Людмила, — сказала Вѣра Владиміровна, приподымаясь съ кровати и обвивая вокругъ ногъ своихъ одѣяло: — съ добрымъ утромъ. Присядь ко мнѣ — я хочу посмотрѣть на тебя.

Она поцѣловала дѣвушку и, уступивъ ей мѣсто рядомъ съ собой, стала медленно и любовно оглаживать ее по густымъ ея волосамъ, смотря на нее съ тревожнымъ вниманіемъ.

— Нехорошее у тебя лицо, — сказала она, — слишкомъ задумчивое, слишкомъ напряженное... я еще не видала тебя такою...

— Я хотѣла поговорить съ вами, тетя, — возразила Людмила.

— Я знаю, говори...

Вѣра Владиміровна наклонила чуть на бокъ голову, бѣлыя папильотки запрыгали надъ ея пожелтѣвшимъ морщинистымъ лицомъ, глаза стали еще внимательнѣе, еще зорче. Въ бѣлой своей ночной кофточкѣ съ наглухо застегнутымъ кружевнымъ воротничкомъ, она казалась очень маленькой, слабой и постарѣвшей. Выступали худыя костяшки плечъ и локтей, грудь опала, сухая, усталая кожа щекъ и шеи въ это сѣренькое, дождливое утро казалась совсѣмъ восковой. «Какъ же съ нею... — подумала Людмила: — со старенькой... вѣдь теперь я люблю ее еще больше». Вспомнилось, какъ увидала она пріемную мать въ то солнечное утро сидящей на таратайкѣ, убитой горемъ и униженной... Около стоялъ сѣденькій мужиченко и моргалъ слезящимися глазками — она никогда этого не забудетъ — оба старенькіе, сгорбленные, они казались такими безпомощными среди дороги, подъ слѣпящими лучами. «Я обѣщала ей не оставлятъ ее», — думала Людмила, едва удерживая слезы. Она наклонилась, обняла худой станъ Вѣры Владиміровны и, пересиливая себя, промолвила:

— Мнѣ очень тяжело, тетя, но я должна сказать вамъ... позвольте мнѣ уѣхать.

— Уѣхать?

Голова Карышевой по-стариковски качнулась, но тотчасъ же, вобравъ воздуху, чтобы не задохнуться, и отодвигаясь, Вѣра Владиміровна взяла сухими своими ладонями лицо дѣвушки и долго и глубоко заглянула въ ея глаза.

— Ты хочешь уѣхать? — снова, послѣ неподвижнаго молчанія, переспросила она ослабѣвшимъ, но ровнымъ голосомъ. — Да, я знаю, тебѣ нужно это.... уѣзжай, Господь съ тобою...

Она устала, голова ея склонилась на подушку, и губы улыбались, все лицо ея тихо свѣтилось отъ любящей спокойной улыбки.

Людмила глядѣла на нее и сама невольно начинала улыбаться. Такъ стало по особенному тепло и спокойно.

Она приникла къ высохшей груди пріемной матери и лежала нѣсколько минутъ, не шевелясь, отогрѣваясь, чувствуя, какъ новыя силы родятся и зрѣютъ въ ней.

— Мамочка, можно къ тебѣ?

И старая и молодая обѣ обезпокоились и приподнялись, смотря на дверь. На порогѣ появилась Наталья Никаноровна. Она была во вчерашнемъ своемъ платьѣ, съ вышитымъ шарфомъ на головѣ. Остановившись и держась одной рукой за ручку двери, а другою придерживая намокшій подолъ юбки, она блестящими, торжествующими глазами смотрѣла на мать и названную сестру. Отъ нея шелъ свѣжій запахъ дождя, вѣтра, мокрой травы.

— Я не помѣшала вамъ?

Ея голосъ звучалъ слишкомъ рѣзко въ сумрачной, неприбранной спальнѣ.

Морщась недовольно и укоряя себя за это, Вѣра Владиміровна поправила на груди плохо слушающимися пальцами оборку ночной кофточки и отвѣтила:

— Ты не можешь мѣшать намъ, но не говори такъ громко: дядя Яша еще спитъ....

Поджимая губы и осторожно прикрывъ дверь, Наталья Никаноровна на цыпочкахъ подошла къ кровати и, шурша платьемъ, опустилась на колѣни у изголовья.

— Доброе утро, мамочка, здравствуй Людмила... я только что вернулась домой; мы прокутили цѣлую ночь — ты не раз-

сердишься на меня за это?.. Нѣтъ?.. Ты такая добрая, такая хорошая... ты поймешь меня...

Она на мгновенье спрятала свою голову съ растрепавшейся прической въ уголъ подушки, потомъ подняла покраснѣвшее лицо и засмѣялась короткимъ, совинымъ смѣхомъ.

— Я хотѣла сказать тебѣ, — наконецъ произнесла она и, видя, что Людмила собралась встать съ кровати, удержала ее за руку и добавила: — нѣтъ, не уходи... я и съ тобою хочу подѣлиться... Я пришла сказать вамъ, что меня любятъ, что я люблю...

Она замолчала. Стало опять тихо; слышно было, какъ у окна за шторами жужжатъ и бьются мухи.

— Мы любимъ другъ друга, — опуская глаза, повторила Смоличъ.

— Кого ты любишь? — внѣшнее спокойно, но вся напрягшись отъ внутренняго волненія и поспѣшно, испуганно ища рукою по одѣялу руку Людмилы, спросила Вѣра Владиміровна.

— Крутовского, Леонтія Алексѣевича...

Карышева нашла руку дѣвушки и, крѣпко сжимая ее, точно стараясь передать ей остатокъ своихъ силъ, точно ободряя ее, строго посмотрѣла на дочь и промолвила медленно и внятно:

— Подымись, Наташа, не стой на колѣняхъ... Я хочу вѣрить тебѣ, но прости, это меня не радуетъ... Любовь не возвращается, Наташа, я это слишкомъ хорошо знаю.

Она выпрямилась, сидя на своей кровати, сѣрые глаза, глубоко запавшіе, смотрѣли скорбно и пристально, сѣдѣющіе волосы двумя жесткими и гладкими прядями упали ей на уши. «Вотъ въ себѣ снова переболѣть и осилить, Господи, — потому что ея грѣхъ — мой, — тягостно думала она: — Господи, дай мнѣ еще понять и видѣть»...

LVII.

— Ты хотя бы пообѣдалъ, — сказала Марья Васильевна, глядя на племянника, — куда вскочилъ? И все-то тебя теперь носитъ, точно высохшій листъ. Да и то высохъ и пожелтѣлъ, смотрѣть тошно.

— Не могу я, тетя, увольте!

Крутовской поднялся изъ-за стола и прошелся по комнатѣ. Онъ и точно чувствовалъ себя скверно. Цѣлый день лившій дождь въ конецъ разстроилъ его. Онъ и самъ не понималъ, какъ все вчера вышло. Что его толкнуло пойти въ «Самолюбово». Взялъ и сорвался и побѣжалъ по грязи и вѣтру, ни о чемъ не думая. А за часъ до этого радовался, что дождь мѣшаетъ его свиданію съ Наташей.

«Я тряпка, жалкая тряпка, — говорилъ онъ себѣ, уныло смотря на мокрую зелень передъ окномъ: — и ничего теперь я не понимаю, хоть убей»... Въ головѣ его все еще шумѣло, вихрилось, шло кувыркомъ, какъ тамъ въ полѣ, на вѣтру, подъ звонъ бубенцовъ.

«Вотъ и доѣхалъ, докатился, — бормоталъ онъ: — дальше некуда»...

—Нѣтъ, я пойду, — наконецъ сказалъ онъ слѣдившей за нимъ теткѣ: — вы ужъ извините... Пойду пройдусь, а то голова болитъ.

Крутовской вышелъ въ садъ и сталъ бродить по дорожкамъ. Онъ думалъ заглянуть въ амбары и осмотрѣть молотилку, но потомъ махнулъ рукой. Нѣтъ, онъ не могъ думать обо всѣхъ этихъ вещахъ, онъ совсѣмъ отбился отъ рукъ. У него нѣтъ ни малѣйшаго желанія заняться своимъ дѣломъ, ему ничуть не жаль, что дождь можетъ попортить жатву... Чортъ съ нею, не въ этомъ дѣло... Пусть дождь льетъ, сколько ему заблагоразсудится. «Но вѣдь я не могу любить ее, — крикнулъ онъ и даже снялъ съ головы кэпку: —неужели я этого не понимаю». Но онъ, кажется, и точно, не понималъ этого, какъ будто ночной хмель мѣшалъ ему думать. Глядя на красную зарю въ небѣ, онъ краснѣлъ самъ.... Все ночное представилось ему до боли ясно. Бѣгъ ошалѣвшей тройки, когда онъ мчался, какъ угорѣлый, сломя голову, и уже чувствовалъ, что теперь все равно, пропадай все пропадомъ — лишь бы сидѣть рядомъ и слышать, какъ яро и густо бьется кровь. А потомъ эта изба въ селѣ Днѣпровскомъ, и вино, и заспанныя какія-то дѣвки изъ хора въ красныхъ сарафанахъ, поющія визгливо застрѣвающими въ ушахъ голосами шалую пѣсню, и дренькание балалаекъ, и потныя, ухмыля-

ющіяся рожи Фепты и Фроши, и табачный дымъ, смѣшанный съ чадомъ шипящей яичницы, и ровный стукъ дождя по крышѣ. А пѣнье Натальи подъ гитару Брындина, ея усмѣшка, блескъ ея чуть пьяныхъ глазъ, откуда-то взявшійся на плечахъ ея слѣпяще огненный шарфъ, плавное, узывное покачиваніе бедръ... Дикій плясъ Тамары Гавриловны, почтенной жены господина нотаріуса, гнусный смѣхъ и ржанье Ерандаковыхъ, — его собственный смѣхъ, его вскрики... Ну да, онъ вышелъ на середину избы, махнулъ нелѣпо огромными своими лапами и въ частомъ переборѣ ногъ, подъ грохотъ и закатистое взвизгиваніе ошалѣвшихъ балалаекъ пошелъ кругами къ Смоличъ, все быстрѣе, все круче. Къ ушамъ прихлынула кровь — онъ схватилъ Наталью Никаноровну, нагнулся надъ нею, ловя раскрытымъ, пересохшимъ ртомъ огневой воздухъ — кто-то потушилъ коптящую подъ низкимъ потолкомъ лампу, загремѣли скамейки, заахали испуганно женщины, затрещалъ полъ, и захлопали двери. Крѣпко обвивъ Крутовского за шею горячей рукой, Смоличъ шопотомъ спрашивала:

— Любишь? мой?

— Твой, твой, — повторялъ онъ хрипло и искалъ въ темнотѣ ея губы, пахнувшія виномъ и духами, бьющими въ голову.

— Да, твой, — повторилъ и сейчасъ Леонтій Алексѣевичъ, стискивая зубы, — я не могу уйти отъ тебя.

И стараясь больше не думать, не вспоминать, не мучиться напрасно, онъ опять зашагалъ по мокрой землѣ, задѣвая плечами сыпавшія на него дождемъ вѣтви деревьевъ. Дойдя до берега Ящура, онъ остановился, тоскливо оглядываясь по сторонамъ. Не зная, куда идти дальше, онъ толкнулъ ногою подвернувшійся камень. Покатившись подъ откосъ, камень шлепнулся въ воду. «Утонулъ», — безъ умысла подумалъ Крутовской и тотчасъ же нахмурился. Ему пришелъ на память Шишикторовъ. — Не лучше ли бы и мнѣ туда, — проговорилъ онъ и сразу почувствовалъ, какъ досада и раздраженіе смѣняются зудящей тоской и сожалѣніемъ. «Почему нельзя вернуть прежняго, — думалъ Леонтій Алексѣевичъ, — почему не пойти и не сказать ей, что я такъ не могу больше...

Онъ снова посмотрѣлъ передъ собою на купальни, на розовую отъ заката воду, на самолюбовскую лодку. «Какъ недавно еще было для меня все ясно, все свѣтло, — говорилъ онъ себѣ, — я ѣздилъ съ Людмилой въ той лодкѣ»... Ему захотѣлось увидѣть снова дѣвушку, говорить съ ней, найти въ ней поддержку. Раньше это было бы такъ просто... Онъ взглянулъ на противоположный берегъ, гдѣ высилась бесѣдка. Можетъ быть Людмила и сейчасъ тамъ. Леонтій Алексѣевичъ быстро спустился къ мосту, точно и впрямь торопясь на свиданіе. Ему было безразлично, куда ни идти, лишь бы не возвращаться домой, гдѣ ждала его тетка, — онъ не могъ смотрѣть въ глаза старухѣ.

Какъ и въ тотъ вечеръ, когда, думая встрѣтить Людмилу и подѣлиться съ нею своей тяготой, онъ увидалъ Наталью Никаноровну, — такъ и теперь хотѣлъ Леонтій Алексѣевичъ встрѣчи съ дѣвушкой и не зналъ, о чемъ будетъ говорить съ нею. Такъ же послѣ дождя солнце заходило за густо-зеленыя деревья сада, такъ же тяжело и неподвижно сгустились надъ розовѣющею водою Ящура заросли лозы и тростника. Толпою кружила надъ Крутовскимъ мошкара, забираясь въ глаза и ротъ, и крѣпко пахли влажныя липы. Какъ и въ тотъ разъ медленно шелъ Леонтій Алексѣевичъ сначала по аллеѣ, потомъ по шляху, гдѣ въ широкихъ лужахъ отражался закатъ. Наконецъ, свернувъ на тропку, поросшую травой, онъ увидалъ недавніе темные слѣды чьихъ-то маленькихъ ногъ и, невольно волнуясь, остановился. И точно, въ глубинѣ бесѣдки, опять, какъ и тогда, увидалъ онъ Людмилу. Но теперь лица ея не было видно. Она сидѣла, склонившись, вытянувъ впередъ по колѣнямъ руки и сцѣпивъ пальцы, темные волосы затѣняли ей лобъ, сползшій съ головы платокъ ея въ розанахъ концами касался земли. Во всемъ ея точно придавленномъ тяжестью обликѣ чуялась такая скорбь, что невольно Крутовской первыя мгновенья боялся пошевелиться, не зная, что ему дѣлать. Онъ смотрѣлъ на дѣвушку съ непонятнымъ для него, все возраставшимъ чувствомъ сожалѣнія и обиды на что-то, чего уже не вернешь. «Я теперь не сумѣю помочь ей, — подумалъ онъ: — она тоже не пойметъ меня». Онъ впервые видѣлъ ее со стороны, видѣлъ ее взрослой, женщиной. Наконецъ рѣшился войти въ бесѣдку.

— Людмила Александровна, — сказалъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ, — я васъ потревожилъ — простите меня...

Она выпрямилась, поведя плечами, что всегда было у нея признакомъ испуга, и посмотрѣла на него.

— Я задумалась, — отвѣтила она тихо: — здравствуйте, Леонтій Алексѣевичъ.

Онъ сѣлъ смущенно рядомъ съ нею. Она чуть подвинулась, давая ему мѣсто и ничѣмъ не выдавая ни своего недовольства, ни своей радости. Казалось, безконечное равнодушіе и оцѣпенѣніе владѣли ею. Онъ сбоку взглянулъ на нее, думая: «Ей не до меня; зачѣмъ я только сѣлъ здѣсь — лучше уйти», — но сейчасъ же заговорилъ:

— Признаюсь, Людмила Александровна, я не случайно пришелъ сюда. Мнѣ хотѣлось увидѣть васъ и поговорить съ вами. Мы такъ давно не встрѣчались по вечерамъ...

Онъ замолкъ, ожидая возраженія, но Людмила снова повела плечами, взялась было за платокъ, желая, должно быть, укрыться, но сейчасъ же оставила его и молчала.

— Мнѣ очень недостаютъ эти встрѣчи, — продолжалъ Крутовской: — вамъ покажется, быть можетъ, страннымъ, но право, не говоря съ вами, не дѣлясь своими горестями, — я началъ ощущать какую-то пустоту, я запутался. Я пересталъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что дѣлаю... И если теперь, эти дни я не искалъ съ вами встрѣчи, то только потому, что на душѣ у меня слишкомъ смутно, и я не хотѣлъ быть эгоистомъ, не хотѣлъ взваливать на васъ свою тяготу... Помните, что я говорилъ вамъ когда-то о своемъ дядѣ, отставномъ ротмистрѣ — онъ убилъ свою возлюбленную и застрѣлился самъ. Я говорилъ еще, что порою чувствую свое съ нимъ сходство. Такъ вотъ сейчасъ я ясно понимаю то, что владѣло имъ, когда онъ это дѣлалъ...

Людмила быстро подняла потемнѣвшее лицо и посмотрѣла на Леонтія Алексѣевича, но онъ не замѣтилъ этого.

— Иногда обстоятельства складываются такъ, что изъ нихъ нѣтъ выхода, — говорилъ Крутовской, волнуясь: — когда самъ себя окручиваешь, окутываешь — чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе, и не хочешь, а дѣлаешь, и не вѣришь, — а увѣряешь себя; и наконецъ видишь, что одинъ только шагъ,

и все полетитъ кувыркомъ, къ чорту пойдетъ вся твоя жизнь, весь твой трудъ, всѣ твои надежды... Вотъ сидитъ этотъ подлый червякъ, который сосетъ и толкаетъ — пойди и возьми, не нужно, — а возьми, противно, — а возьми. Я уже летѣлъ въ эту прорву разъ, знаю, что это такое... Богъ спасъ, люди помогли, бычачьи нервы выдержали, по-малу я началъ выкарабкиваться и вотъ опять готовъ все бросить, все изорвать въ клочки, плакать — и рвать, любить — и затаптывать въ грязь... Мы часто сваливаемъ эту нашу подлую трусость на русскую кровь... но это вздоръ, вздоръ все это. Русская кровь — чистая кровь. Она вонъ живетъ и живетъ, а мы все стонемъ и съѣзжаемъ подъ гору... Не народъ, а мы, десятокъ трусовъ... Вѣдь вотъ я — работалъ, взялъ себя въ шоры, полюбилъ свой трудъ, а пришло что-то отъ прошлаго, отъ любви, которой уже нѣтъ — я твердо знаю это — и опять тряпка, опять никуда негоденъ. Отъ одного воспоминанія перестаю быть человѣкомъ, утрачиваю свое человѣческое достоинство. А вѣдь любовь строитъ жизнь, создаетъ ее, а не разрушаетъ. И самое скверное въ этомъ то, что и кончится ничѣмъ — останусь у разбитаго корыта... Самое скверное, что не знаю я попрежнему того, кто овладѣлъ мною, и не стараюсь разобраться, а закрываю глаза, точно головой въ омутъ... Подло, что я сознаю свое положеніе и все-таки не сопротивляюсь. Подло, что я крѣпко знаю, что смыслъ жизни въ томъ, что она показываетъ намъ цѣну настоящаго часа и долгъ его, а я не дорожу ни временемъ, ни своимъ долгомъ.

Крутовской замолкъ, точно задумался. Лицо его потускнѣло, морщины показались у него на лбу и около губъ. Онъ точно постарѣлъ за эти минуты, осунулся, поблекъ,—только глаза выдавали въ немъ упрямую работу мысли. Людмила не отворачивалась отъ него больше, она смотрѣла на него изъ полуопущенныхъ вѣкъ, нахмуря брови, съ печальнымъ вниманіемъ.

LVIII.

Они сидѣли нѣсколько минутъ молча. Дѣвушка не пыталась возражать и спорить, да Леонтій Алексѣевичъ кажется

и не ждалъ этого. Наконецъ, поморщась, точно собирая свои мысли и потеревъ високъ, Крутовской заговорилъ снова, но уже значительно спокойнѣе:

— Есть старое повѣрье, что конскіе волосы, пролежавъ долгое время въ водѣ, превращаются въ червей — волосатиковъ. Ученые не вѣрятъ этимъ побасенкамъ и смѣются надъ ними; но мнѣ часто думается, что старыя вещи гніютъ, и изъ прошедшаго родятся змѣи. Онѣ лежатъ спокойно, скрытыя отъ нашихъ взоровъ, — пока ихъ не тронешь, но стоитъ мыслью вернуться къ прошлому, стоитъ вернуться на пройденные пути, и змѣи эти жалятъ и убиваютъ, убиваютъ радость жизни, любовь къ сегодняшнему часу, который творитъ будущее. Опускаются руки, не работаютъ мысли, становишься конченнымъ... Тому, кто вернулся къ прошлому, лучше не жить, потому что онъ умеръ для творящей жизни. Чтобы дѣлать дѣло, а, слѣдовательно, чтобы жить, потому что жизнь всегда дѣло, всегда созиданіе — не нужно длительности времени. Мы молимъ себѣ долгой жизни, но долгая жизнь значитъ — полная жизнь, великая минутами. Жизнь длинна, свыше мѣры. Минуты духовнаго разумѣнія, минуты личной собранности, одна улыбка, одинъ взглядъ — вотъ чѣмъ мы осмысливаемъ жизнь, вотъ что даетъ намъ ея цѣну, но мы не дорожимъ этими минутами, не владѣемъ своимъ днемъ — мы всегда сожалѣемъ о прошедшемъ, возлагаемъ надежды на будущее и пренебрегаемъ настоящимъ... Почему-то въ настоящемъ мы только умѣемъ чувствовать страданіе и проклинаемъ его... Одно время мнѣ казалось, что я уже держу въ рукахъ свое настоящее, владѣю своимъ днемъ, теперь опять готовъ его ненавидѣть....

Крутовской снялъ почему-то съ головы кэпку и безпомощно улыбнулся.

— Вы видите, Людмила Александровна, — сказалъ онъ, — какимъ я сталъ сейчасъ — мнѣ нечего отъ васъ скрываться... Мнѣ очень тяжело и вотъ почему я вспоминаю свое сходство съ дядюшкой... Онъ, видно, тоже хотѣлъ увернуться отъ прошлаго, да не увернулся... Только вы не бойтесь, никакихъ преступленій дѣлать я не собираюсь... гдѣ тамъ... я просто обворованный, нищій духомъ человѣкъ.

Онъ махнулъ рукой и опять улыбнулся, но улыбка только растянула ему губы.

— Къ тому же у меня и револьвера нѣтъ, — добавилъ онъ: — покойный Шишикторовъ у меня его взялъ и потерялъ...

— Шишикторовъ? — воскликнула Людмила, испуганно отодвигаясь, и потомъ, съежившись, добавила тихо: — это я револьверъ кинула... тогда...

Она не договорила, но Крутовской, кажется, не слыхалъ и того, что она сказала. Онъ опять далеко ушелъ со своими мыслями.

— Леонтій Алексѣевичъ, — позвала его Людмила, — обѣщайте мнѣ, вы слышите? Обѣщайте мнѣ, что чтобы съ вами ни случилось, вы не скажете себѣ, что это конецъ и всегда будете искать выхода...

Онъ сразу не понялъ, что ему говорятъ, и растерянно посмотрѣлъ на дѣвушку, но тотчасъ же оглянулся и, глядя въ прямые и открытые глаза, устремленные на него, онъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Вы просите меня объ этомъ? Да? Вы этого хотите?..

Потомъ еще пристальнѣе взглянувъ на Людмилу, тревожно спросилъ ее:

— Но, что съ вами? У васъ такое странное лицо... Зачѣмъ вы мнѣ говорите, точно вы отказали уже въ своей дружбѣ, точно въ трудную минуту мнѣ нельзя будетъ обратиться къ вамъ...

Людмила не отвѣтила. Она слишкомъ быстро поднялась со своего мѣста, и Крутовской не могъ увидѣть ея лица. Но ему удалось поймать ея руку. Внезапно его охватило нервное безпокойство, ему во что бы то ни стало хотѣлось понять смыслъ ея послѣднихъ словъ. Какъ можетъ она уйти отъ него, ничего не объяснивъ, ничѣмъ не успокоивъ. Вѣдь онъ ясно видѣлъ, что самое важное не произнесено, онъ догадался объ этомъ по ея глазамъ... Онъ готовъ былъ прочесть въ нихъ...

Людмила Александровна...

Странно, онъ не чувствовалъ такъ болѣзненно тяжести своего положенія, ему только страшно было выпускать эту руку, которая вотъ-вотъ сейчасъ вырвется.

— Людмила Александровна.

Она все-таки вырвала руку и быстро пошла отъ него. Крутовской поднялся за нею и тотчасъ же остановился. Заслоняя собою выходъ изъ бесѣдки, стояла на порогѣ Наталья Никаноровна.

— Ахъ, вотъ вы гдѣ! — сказала она пѣвуче и медленно: — а я искала васъ... насилу нашла. Куда же ты, Людмилушка? Что за поспѣшность?.. Но, можетъ быть, я здѣсь лишняя?

Она подняла брови и насмѣшливо улыбнулась.

— Вы говорили о чемъ-нибудь серьезномъ? — продолжала она тѣмъ же голосомъ, но еще съ большимъ пренебреженіемъ: — у васъ такія разстроенныя лица, такіе блестящіе глаза. Можно подумать, что вы рѣшали вопросы жизни и смерти... или... объяснялись въ любви...

— Пусти, Наташа, мнѣ нужно идти, — строго прервала ее Людмила.

— Ты такъ спѣшишь? Странно! до моего прихода ты сидѣла спокойно и никуда не собиралась... Или ты пряталась здѣсь, чтобы попрощаться наединѣ съ Леонтіемъ Алексѣевичемъ...

— Я прошу тебя, пусти меня, — повторила Людмила: — мнѣ не хочется шутить...

— Вы уѣзжаете?

Крутовской невольно оборотился къ Людмилѣ.

— Да, да, она уѣзжаетъ, она бѣжитъ. Тебя, кажется, это очень волнуетъ?

Его началъ раздражать ея вызывающій голосъ, ея улыбка, всѣ ея нарочитыя движенія. «Зачѣмъ она это дѣлаетъ?» — морщась, подумалъ Крутовской и проговорилъ вслухъ:

— Мы часто встрѣчались въ этой бесѣдкѣ съ Людмилой Александровной. Нѣтъ ничего удивительнаго, что вы застали насъ здѣсь (онъ еще не могъ привыкнуть говорить ей прежнее ты при постороннихъ). Что тутъ удивительнаго, — я не понимаю.

Онъ старался быть сдержаннымъ и потому выбиралъ слова, но голосъ его сорвался.

Смоличъ засмѣялась.

— Я вѣрю вамъ охотно (она подчеркнула слово «вамъ», точно хотѣла уколоть этимъ): потому-то Людмила и сегодня пришла сюда. Влюбленныхъ тянетъ на старыя мѣста...

Поджавъ губы, раздувая ноздри, она посмотрѣла на Людмилу. Дѣвушка подняла голову, блѣдное лицо ея не дрогнуло, глаза спокойно и строго встрѣтили взглядъ названной сестры. Нѣсколько мгновеній онѣ обѣ не отводили и не опускали глазъ. Постепенно на щекахъ Натальи Никаноровны стали проступать неровныя пятна румянца, рѣсницы ея задрожали, Людмила опустила голову и, не оглядываясь на Крутовского, вышла изъ бесѣдки.

LIX.

Заря погасла въ небѣ, и опять со всѣхъ сторонъ поползли тучи. Точно вырвавшись изъ нечаянно открытой двери, вѣтеръ загудѣлъ подъ крышей бесѣдки и зашелестилъ листьями хмѣля. Крутовской не могъ различить выраженія лица Натальи Никаноровны и стоялъ неподвижно, не рѣшаясь и не желая заговорить, чувствуя, что нужно говорить, объясняться, какъ нибудь размотать спутывающійся узелъ, но не имѣлъ силъ на это. У него нестерпимо горѣли уши. «Кто-нибудь меня ругаетъ, должно быть, — по старой, суевѣрной привычкѣ думалъ онъ: — э, да все равно! Тутъ нужно рѣшить другое, додумать до конца, да, да — о Людмилѣ... что такое?.. Почему она ѣдетъ? Куда ѣдетъ?.. и тоже вздоръ, куда ей ѣхать... Но мнѣ нужно знать другое».

Невольно протянувъ руку, онъ оборвалъ листокъ хмѣля и сталъ жевать его.

— Ты долго еще будешь молчать? — наконецъ, спросила его Смоличъ.

Онъ не успѣлъ сообразить того, что говоритъ, когда спросилъ въ своей чередъ.

— Развѣ необходимо говорить о чемъ-нибудь?

Она вскрикнула съ досадой:

— А ты находишь, что нѣтъ! Ты думаешь, что все это мнѣ пріятно?

— Что же случилось?

— Онъ меня спрашиваетъ! Леня, да что съ тобой?

Наталья Никаноровна въ полумракѣ подошла сзади къ Крутовскому и положила ему на плечи руки. Онъ почувствовалъ теплоту ея кожи у своей вѣтромъ остуженной шеи, вдохнулъ запахъ ея волосъ, ея духовъ, ея тѣла и невольно, безъ умысла потянулся къ ея рукамъ. Она слабо отстраняла его пальцы, прижимаясь къ нему, наклоняя его къ себѣ, отчего онъ долженъ былъ крѣпче упереться въ землю ногами, чтобы не потерять равновѣсія, потому что все еще стоялъ къ ней спиною.

— Леня, — сказала она тихо и вкрадчиво, — ты помнишь вчерашнее? Развѣ ты меня уже не любишь?

Онъ отвѣтилъ, безпомощно опуская руки:

— Я не забылъ, Наташа, я слишкомъ хорошо все помню, но мнѣ больше хотѣлось бы, чтобы этого не было...

— Что ты говоришь? Постой, я не понимаю...

Онъ снялъ съ плечъ ея руки и, подведя къ скамейкѣ, сѣлъ рядомъ съ нею.

— Да говори ты наконецъ!

— Я говорю, что лучше бы этого не случилось, — пояснилъ онъ, — потому что до сихъ поръ я не могу сказать, люблю ли я тебя... нѣтъ не могу...

Она надавила ладонями его колѣни, нагнувшись къ самому его лицу.

— Ты не можешь сказать? А какъ же вчера?

— Не знаю, какъ это вышло, — морщась отъ боли, но не шевелясь и стараясь быть до конца правдивымъ и точнымъ, отвѣтилъ онъ.

— Не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю... я, должно быть, былъ пьянъ, — пересиливая себя, съ трудомъ вымолвилъ Крутовской.

Она засмѣялась сквозь стиснутые зубы злымъ, шаршавымъ смѣхомъ. «Такъ смѣются на сценѣ», — подумалъ Крутовской и, поймавъ себя на этой мысли, снова поморщился точно отъ зубной боли.

— Ты хочешь оправдать себя тѣмъ, что ты былъ пьянъ, — не разжимая зубовъ, сказала Наталья Никаноровна.

— Я ни въ чемъ не хочу оправдываться, — упрямо качнувъ головой, отвѣтилъ онъ: — я знаю, что я виноватъ, ви-

новать вдвойнѣ передъ тобой и передъ собой. Я не имѣлъ права говорить это, потому что то не умерло... у меня нѣтъ силъ забыть... а ты тянешь, какъ женщина, и я безвольно иду за тобою... это очень тяжело.

Смоличъ хрустнула пальцами.

— Господи, да что же это! — прошептала она: — куда дѣваться, куда идти...

Онъ увидѣлъ, какъ низко она наклонила свою голову, почти къ его колѣнямъ; онъ замѣтилъ, какъ дернулись ея плечи.

— Я понимаю тебя, — сказалъ Крутовской, откидывая назадъ голову, чтобы не чувствовать запаха ея волосъ и не поддаться слабости; — но что дѣлать. Это какой-то кругъ, мы, какъ бѣлки, въ этомъ кругу... но я не могу уйти отъ тебя, это тоже не въ моихъ силахъ. Когда я тебя не видалъ, все было очень легко и просто и все казалось забытымъ. Но ты меня отравила.

— Никто тебя не отравлялъ, — не подымая головы, глухо возразила Смоличъ: — ты притворяешься. Ты просто влюбленъ.

— Въ тебя? Нѣтъ, это не влюбленность...

— Не въ меня, — громко и рѣзко, и выпрямляясь, перебила его Наталья Никаноровна: — а въ Людмилу!

— Опомнись, что ты говоришь?

Онъ выпрямился тоже, невольно ища ея руку

— Не вздорь, не притворяйся! Я давно замѣчала это. Вотъ кто отравилъ тебя своей любовью!

— Молчи, Наташа, не смѣй говорить это, не смѣй...

Онъ стучалъ кулакомъ по скамейкѣ, вся кровь прилила къ головѣ отъ этихъ кощунственныхъ словъ — конечно, кощунственныхъ — кто могъ говорить такъ.

Онъ самъ не понималъ своего раздраженія — въ концѣ концовъ, не все ли равно? Мало ли что можетъ сказать взбалмошная женщина... Но раздраженіе накипало само собою, помимо его воли.

— Это неправда! — кричалъ онъ: — это ложь! Я не позволю такъ говорить о ней...

— Нѣтъ, буду говорить, и ты не запретишь этого, — въ свой чередъ кричала Смоличъ: — ты влюбился въ глупую

дѣвчонку, какъ мальчишка, у котораго на губахъ молоко не обсохло... Ты жалкій, маленькій, трусливый человѣкъ... да, да — ты трусъ, — повторила она, точно ей понравилось это слово, которое не имѣло сейчасъ никакого смысла и потому казалось ей особенно оскорбительнымъ: — трусъ... трусъ....

Это маленькое, подлое слово застрѣвало у Крутовского въ ушахъ. Внезапно оно напомнило ему страшную минуту его насилія надъ Натальей на полу, когда она выхватила у него револьверъ. Онъ не сдѣлалъ тогда того, что долженъ былъ сдѣлать. Онъ и точно былъ трусомъ. Густая волна крови прилила къ его мозгу, онъ скрипнулъ зубами и, сжавъ кулаки, поддался впередъ. Отъ неожиданности Наталья Никаноровна соскользнула со скамейки и, ухватясь за его ноги, пронзительно вскрикнула. Леонтій Алексѣевичъ сразу затихъ, съежился, присмирѣлъ. Все его крѣпкое, большое тѣло стало дряблымъ и безсильнымъ. Шатаясь, онъ поднялся со скамьи и пошелъ къ выходу.

— Леня, Леня, —всхлипнувъ, испуганно позвала его Смоличъ.

Онъ не отвѣтилъ и пошелъ дальше. Было совсѣмъ темно. «Я оставилъ ее одну», — подумалъ Крутовской, но не остановился, даже не оглянулся. Вѣтеръ обдувалъ его со всѣхъ сторонъ, и кровь въ немъ утихала.

Дойдя до шляха, онъ все же остановился и посмотрѣлъ вокругъ себя. Какъ и вчера ночью, среди разорванныхъ тучъ бѣжала ущербленная луна, вѣтеръ гналъ по дорогѣ сухія, обломанныя вѣтки, деревья гудѣли согласнымъ хоромъ, но все казалось Леонтію Алексѣевичу инымъ. Онъ всматривался въ живую, бормочущую темень и растерянно улыбался. Богъ вѣсть, откуда пришла эта улыбка.

— Неужели же все кончено? — спрашивалъ себя Крутовской и боялся и не зналъ, что отвѣтить.

LX.

Наталья Никаноровна поднялась на локтѣ и прислушалась. Быть не можетъ, чтобы онъ ушелъ совсѣмъ и бросилъ ее

тутъ одну... Она поспѣшно вскочила на ноги и подбѣжала къ выходу, но за вѣтромъ ничего не было слышно.

— Онъ ушелъ, — проговорила она. — Какъ это вышло? Что случилось? Неужели она и точно сказала правду... Все можетъ быть, все очень можетъ быть. Она была зла на себя. «Я поддалась глупому порыву, — думала она: — я не сумѣла во-время сдержаться... вотъ что значитъ быть искренной. Но не сидѣть же тутъ до утра».

Смоличъ подобрала юбку и побѣжала къ дому. Холодный вѣтеръ знобилъ и еще больше раздражалъ ее. Конечно, во всемъ виновать этотъ глупѣйшій разговоръ съ мамой. Она не удовольствовалась утренними сентенціями, она говорила еще и днемъ... Ей, должно быть, нравится разыгрывать роль любящей и разумной матери. Но чего она вмѣшивается не въ свое дѣло: кому нужны ея совѣты. Этимъ она оказала медвѣжью услугу Людмилѣ... Наталья Никаноровна и такъ кое о чемъ догадывалась, но теперь догадки ея подтвердились. Вотъ почему у этой дѣвчонки такой неприступный, такой страдающій видъ. И потомъ это рѣшеніе уѣхать отсюда... Что же, тѣмъ лучше. Это какъ разъ то, что нужно... не будетъ лишнихъ глазъ, лишнихъ свидѣтелей, и съ матерью, пожалуй, легче будетъ сговориться... Всякіе капризы проходятъ... Какъ глупо сдѣлалъ Костя, что поторопился, но пусть каждый устраивается, какъ знаетъ... Она хотѣла успокоить себя этими соображеніями, но раздраженіе все еще не оставляло ее. Даже ложась въ кровать, отъ нервнаго волненія Смоличъ порвала кружева на рубашкѣ. Сонъ все-таки пришелъ тотчасъ же — Наталья Никаноровна умѣла отгонять мысли, когда это было нужно.

Проснувшись на другой день, Смоличъ взглянула въ окно. Было пасмурно, но дождь не шелъ, и можно было ждать сносную погоду. Наталью Никаноровну осѣнила блестящая мысль. Никогда ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать. Сегодня яснѣе, чѣмъ вчера, она чувствовала, что идти сейчасъ же объясняться съ Крутовскимъ безполезно — нужно выждать время. Всякіе разговоры его еще больше разсердятъ. Въ глубинѣ души она чувствовала тяжесть — ее угнетало предчувствіе. Нѣтъ, средства, какія она пустила въ ходъ, были недостаточно сильны. «Его нельзя было такъ долго заста-

влять ждать, — говорила себѣ Смоличъ: — онъ изъ породы тѣхъ людей, которые не могутъ долго желать чего-нибудь, и время не разжигаетъ въ нихъ желаніе, а убиваетъ. Если бы я позволила ему все, онъ чувствовалъ бы себя связаннымъ — въ немъ сильно развито чувство долга, и онъ считалъ бы себя виноватымъ, но съ другой стороны...»

Она не докончила своей мысли. Поздно сожалѣть о томъ, что прошло, слѣдуетъ не ошибаться въ настоящемъ... Нельзя же сразу бросаться ему на шею. Наконецъ, она вовсе не хотѣла быть только его любовницей. Нечего сказать — остроумный выходъ. Нѣтъ, этихъ глупостей было довольно въ прошломъ, онъ самъ былъ ея первымъ опытомъ. Но тогда все искупала молодость, а теперь... теперь слѣдуетъ подумать о будущемъ... Онъ ей совсѣмъ не противенъ, пожалуй, онъ лучше многихъ, но все же она хотѣла бы его видѣть только своимъ мужемъ...

Внезапно она вспомнила Ерандаковыхъ. Она засмѣялась. Пріятное утѣшеніе — нечего сказать. Они богаты, но выйти замужъ за одного изъ нихъ — да, вѣдь, это настоящій фарсъ «раковая скамейка» — вспомнила Смоличъ плоскій каламбуръ Брындина. Оба глупы, оба смѣшны, оба влюблены... Наталья Никаноровна, причесываясь передъ зеркаломъ, отъ души хохотала. Но внезапно улыбка исчезла съ ея лица, она пристально посмотрѣла на свое отраженіе. Это сыновья... а отецъ? Старикъ Ерандаковъ?.. «Королева», — произнесла она задумчиво.

Въ часъ дня она была готова и, выйдя къ завтраку — какъ всегда нарядная и свѣжая — попросила у матери разрѣшенія взять лошадей...

Было хорошо ѣхать по прибитой дождемъ дорогѣ, вдыхать теплый, чуть парный воздухъ и отдыхать отъ вѣтра, который не рвалъ теперь листьевъ, не гнулъ деревьевъ, а мягко скользилъ совсѣмъ низко по дозрѣвающимъ яровымъ. На поляхъ снова показались рабочіе, застучали машины. «Крутовской должно быть въ полѣ, — подумала Смоличъ, глядя передъ собою на далекія точки двигавшихся людей: — я все-таки неравнодушна къ нему, странно, теперь даже онъ значительно

мнѣ ближе... Что за глупое сердце?.. Неужели съ годами я разучилась управлять имъ. Мнѣ было бы жаль разстаться съ этой мыслью... да, да — не только досадно, но и жаль... Въ конечномъ счетѣ мы могли бы составить съ нимъ славную, пару, если бы я не была бы такъ глупа... Онъ совсѣмъ не хозяинъ, но хорошій мужъ... я могла бы быть съ нимъ спокойна, при желаніи... Но развѣ я тогда искала спокойствія... Ко мнѣ приходятъ стариковскія мысли (Наталья Никаноровна улыбнулась), я думаю о покоѣ, о тихой пристани... Это плохой признакъ. Но все же мнѣ не хотѣлось бы отдавать его другой...»

Смоличъ упрямо наклонила голову и постучала носкомъ туфли по коврику коляски. «Нѣтъ, я не могу его отдать», — повторила она громко.

LXI.

Наталья Никаноровна приказала кучеру подождать и ввести лошадей во дворъ, а сама прошла прямо въ контору Олега Максимыча. Въ передней ждало нѣсколько мужиковъ, въ конторѣ барышня стучала на машинкѣ. Падалка, важно прохаживаясь около, посасывалъ папироску, самъ господинъ нотаріусъ что-то писалъ у своего стола.

«Онъ и впрямь очень красивъ», — подумала Смоличъ подходя къ нему.

Увидѣвъ ее, онъ засуетился, придвинулъ ей кресло, раскидалъ по столу бумаги.

— Чѣмъ могу служить? — шутливо повторилъ онъ, цѣлуя ей ручки.

— Я къ вамъ по дѣлу, — отвѣтила она, — я поэтому не заходила къ Тамарѣ Гавриловнѣ... У меня былъ разговоръ съ мамой, очень серьезный... и она рѣшила меня выдѣлить... вы знаете, какая судьба ждетъ всѣхъ насъ, пѣвицъ, людей свободной профессіи... Мы получаемъ много, а тратимъ еще больше... и въ одинъ день остаемся нищими, безъ голоса, безъ друзей, безъ возможности прожить свою жизнь, хотя бы сносно... это такое несчастье, такой ужасъ... И никто не подумаетъ о сотняхъ и сотняхъ такихъ, какъ мы... Вотъ по-

чему, я, наконецъ, рѣшилась... вѣрнѣе, мама сама предложила мнѣ этотъ выходъ... Конечно, я очень благодарна ей... нужно подумать о своей старости...

Она наклонила голову и лукаво улыбнулась, глядя снизу вверхъ на Брындина.

— Помилуйте, — вскрикнулъ Олегъ Максимовичъ, — вамъ ли о старости думать. Она такъ же далека отъ васъ, какъ отъ меня далека мечта о счастьѣ.

Онъ тяжело вздохнулъ, играя глазами.

— Почему вы не поступили на сцену? — засмѣявшись, сказала Наталья Никаноровна, — изъ васъ получился бы великолѣпный актеръ!

— Увы, — томно отвѣчалъ Брыдинъ, — я говорю вамъ, что всѣ мои мечты неосуществимы... непризнанный художникъ, актеръ-любитель и самый заурядный нотаріусъ!

Ей легко было говорить съ нимъ, она привыкла къ такимъ разговорамъ, плоскимъ остротамъ, безцѣльной игрѣ, но сейчасъ она была озабочена своимъ дѣломъ. Она остановила его и начала распрашивать серьезно о томъ, что необходимо ей дѣлать, чтобы поскорѣе окончить вводъ во владѣніе.

— Это не очень долго? — спрашивала она.

Олегъ Максимовичъ мгновенно измѣнился. Въ его голосѣ звучала твердость. Онъ долго и подробно объяснялъ ей.

Наконецъ, Смоличъ поднялась.

— Я очень вамъ признательна, — сказала она, — и всецѣло полагаюсь на васъ...

Онъ проводилъ ее до дверей.

— Я еще вернусь къ вамъ, а теперь у меня дѣла. Послѣ мы потолкуемъ съ вами о спектаклѣ.

Она пересѣкла площадь, старательно обходя лужи и крестясь на соборъ. — «Кажется сюда, — подумала она, дойдя до первой улицы, — ну да, конечно, вотъ и Днѣпръ».

Мимо низкихъ домовъ, длиннѣйшихъ заборовъ, она прошла къ берегу и поднялась на пристань къ Ерандакову и сразу увидала старика, стоявшаго въ дверяхъ своей конторки.

Мимо него проходили грузчики, пронося тяжелые тюки съ удобреніемъ. У пристани скрипѣлъ, выпуская пары, бѣлый пароходъ. Шумъ голосовъ, крики, паденіе тяжестей въ люкъ, на время оглушили Смоличъ.

— Денежный король за своимъ дѣломъ, — шепнула она, внимательно всматриваясь въ суровое лицо не замѣчавшаго ее Ерандакова, — а вѣдь у него большая сила, мнѣ даже немножко страшно...

Она подошла къ нему вплотную, и только тогда старикъ поднялъ голову.

— Здравствуйте, Савелій Анисимовичъ!

Онъ точно и не изумился ея приходу. Маленькіе глаза его вонзились въ нее.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ Ерандаковъ медленно, — радъ видѣть. Зло-то свое значитъ забыли?

Она смутилась, слабо улыбаясь, въ его голосѣ она не слышала извиненія, — онъ точно допрашивалъ ее.

— Помнить-то нечего, — наконецъ произнесла Смоличъ, невольно переходя въ тонъ его рѣчи: — пришла, какъ видите...

— Такъ!

Онъ потрогалъ рыжую свою бородку и точно что-то взвѣшивалъ.

— Зря, я чай, не пришли бы, королева? — спросилъ старикъ, и лукавая усмѣшка тронула его тонкія губы. — Ну ладно... я сейчасъ управлюсь, а вы въ конторѣ присядьте.

Онъ уже не глядѣлъ на нее, снова опустивъ глаза въ тетрадку.

Нервно посмѣиваясь и стараясь и не имѣя силъ побороть смущеніе, Наталья Никаноровна прошла за дверь и, остановясь у стола, постучала по немъ ручкой зонтика.

«Однако, онъ не любезенъ, — думала она, кусая губы,— проще всего уйти»...

Но она не уходила.

Минутъ черезъ десять, Ерандаковъ, наконецъ, явился.

— Чего же вы не сѣли, голуба! — спросилъ онъ, усаживаясь передъ столомъ и надѣвая темные очки.

«Это онъ нарочно, чтобы я не видѣла выраженія его лица», — рѣшила Смоличъ и сѣла рядомъ.

— Я хотѣла спросить у васъ, — начала она и добавила раздраженно, — вы кажется все продаете и все покупаете?

Онъ шевельнулъ усами и постучалъ крѣпкими своими съ короткими ногтями загорѣлыми пальцами по гросбуху.

— Покупаю и продаю, какъ придется. Дорого — продаю, дешево — покупаю... дѣло купеческое.

— Не то совсѣмъ, — водя зонтикомъ по полу и глядя себѣ на носки туфель, перебила, все еще раздражаясь, Наталья Никаноровна, — я хотѣла васъ спросить, землю вы купили бы?

— Земля — всегда хорошій товаръ, — спокойно отвѣчалъ Ерандаковъ, поблескивая очками, — не залежится, не попортится... при случаѣ и землю куплю. А вамъ почему любопытно?

— Продать хочу... на-дняхъ отъ матери получу... такъ вотъ...

Она подняла глаза и, встрѣтясь опять съ безразличными, поблескивающими стеклами очковъ, рѣзко сама себя перебила:

— Я не могу говорить, когда не вижу, какъ на меня смотрятъ, снимите очки.

Старикъ придвинулся поближе къ столу и налегъ на него грудью, вытянувъ шею.

— Значитъ, выходитъ опять по-моему, вы продавецъ, я покупатель? — проговорилъ онъ, точно и не слыхалъ ея восклицанія, — почему же съ землей спѣшить? Она что ни годъ дороже... человѣкъ только старится... а старикамъ цѣна грошъ.

Овладѣвъ собою, Наталья Никаноровна вызывающе засмѣялась:

— Глядя на васъ, я бы этого не сказала, — отвѣтила она, — нѣтъ, этого нельзя сказать! Вы что ни день, то, говорятъ, дороже...

Онъ возразилъ медленно и серьезно:

— Я не человѣкъ, а дубъ, у меня жила другая. Въ щелокѣ варили. Такъ! А вы объ уговорѣ-то больше не думали? О другомъ?..

— Времени не было. Дайте съ дѣлами управиться...

— Такъ!..

Ерандаковъ опять помолчалъ, молчала и Смоличъ. Оба они смотрѣли другъ на друга, она съ вызовомъ, онъ раздумчиво. Наконецъ, старикъ выпрямился и снялъ очки.

— Будь по-вашему, — сказалъ онъ, — и безъ очекъ видно... васъ тоже на кривой не объѣдешь... королева!

И пригибаясь къ ней, и протягивая къ ея колѣнамъ руку, и остро глядя въ глаза, онъ добавилъ тихо:

— Не упусти времени, королева! Бываетъ и продешевишь потомъ. По глазамъ читаю — какова, и напрасно меня задоришь. Намъ съ тобою лучше въ открытую...

Щуря глаза и не чувствуя въ себѣ почти никакой обиды, выгнувъ спину и крѣпко сжимая въ рукахъ зонтикъ, Наталья Никаноровна отвѣтила такъ же тихо:

— Какъ бы, старикъ, коса на камень не нашла...

— Знаю, что ты камень, только я не коса, а молотъ. Землю, коли хочешь, съ тобою послѣ обладимъ, а теперь сказывай уговоръ свой. Скупиться не стану...

— Не станешь?

Она попробовала еще шутить и улыбнуться. Внезапно онъ выхватилъ изъ рукъ ея зонтикъ и отшвырнулъ его въ уголъ.

— Говори, что время терять!

Старикъ потянулся къ ней, лицо его было жестоко и упрямо, темный и тяжелый огонь затлѣлъ въ его маленькихъ глазахъ.

«А вѣдь онъ можетъ, — испуганно пронесся обрывокъ мысли въ зашумѣвшей головѣ Натальи Никаноровны, — онъ правъ, и я безъ силъ передъ нимъ... мнѣ даже не стыдно...»

Она все шире раскрывала глаза, ротъ ея задергался. Ей хотѣлось встать, убѣжать, но она не могла. Громкій стукъ двери, наконецъ, привелъ ея въ себя.

— Папаша!

Въ контору влетѣли Фроша и Фепта. Увидя Смоличъ, они застыли, разиня рты.

— Такъ, значитъ, это дѣло кончено? — ровно и безъ волненія, точно продолжая начатый ранѣе разговоръ, сказалъ Ерандаковъ и откинулся въ креслѣ. — Землю когда прикажете осмотрѣть?

Она ничего не понимала, мысли путались, она растерянно оглядывалась по сторонамъ. Потомъ поспѣшно встала и начала искать глазами зонтикъ.

— Фроша, — крикнулъ старикъ, — подай барышнѣ зонтикъ, чего стоишь? До скораго свиданья!

Изъ конторы она почти выбѣжала. За ней выскочили братья Ерандаковы.

Она дошла до мостковъ, остановилась и, ухватясь за перильца, засмѣялась. Она смѣялась все громче, чувствуя, что не въ силахъ остановиться. Не понимая ея состоянія, Фепта и Фроша начали смѣяться вмѣстѣ съ нею.

LXII.

Дѣла и заботы снова овладѣли Крутовскимъ, точно только и ждали свободной минуты, чтобы набѣжать со всѣхъ сторонъ. Онъ самъ не зналъ, что придало ему новую бодрость, но бодрость, несомнѣнно, начинала бродить въ немъ, вернула силу мускуламъ и уставшей головѣ.

Можетъ быть, случайный взглядъ на безтолковую суетню въ усадьбѣ и въ полѣ направилъ мысли Леонтія Алексѣевича на обычный ихъ путь.

— Копной тебѣ снопъ! — глядя на него, какъ въ былые спокойные дни, и посмѣиваясь, говорила ему Марья Васильевна.

Онъ отвѣчалъ съ добродушной улыбкой, обычнымъ крестьянскимъ присказомъ:

— Съ моей доли тебѣ болѣ, тетенька. Мнѣ бы успѣть до дождя вывезти.

— А ты не мѣшкай! — мѣшками умолоть считать будешь, а время — минутами...

Онъ смѣялся, глядя на тетку, разжевывавшую беззубымъ ртомъ жаркое (они сидѣли съ ней въ столовой за обѣдомъ), смотря на свои большія ладони и загорѣвшіе пальцы, на пузатую солонку, стоявшую передъ его приборомъ. Онъ вспоминалъ обѣдъ нѣсколько дней тому назадъ, послѣ пьяной ночи и свое тогдашнее подавленное состояніе духа. «Какъ быстро мѣняются настроенія у человѣка — я точно совсѣмъ другой и безъ всякой особенной причины... Право, мнѣ нечего радоваться, все только еще больше запуталось, а я радуюсь...»

Онъ подымалъ брови, чуть пожималъ плечами, закрывалъ глаза и ничего не понималъ.

«Кто сказалъ мнѣ, что я свободенъ? — повторялъ онъ

себѣ ежеминутно и спѣшилъ отогнать лукавую мысль: — да развѣ меня что-нибудь связывало? Нѣтъ, — думалъ онъ, — меня связывало мое чувство, мои поступки, не внѣшнее, а духовное, что тяжелѣе во сто кратъ всякихъ путъ внѣшнихъ... Но что же тогда меня освободило? Господи! да потому, что теперь я знаю, до конца знаю, что ее не люблю... и узналъ это сразу, въ одну минуту, съ одного слова...»

Онъ качалъ головой, онъ все-таки себѣ не вѣрилъ. Нѣтъ, нѣтъ, тутъ было что-то другое... и такое же мгновенное, неуловимое, что пришло и скрылось, оставивъ улыбчивый, легкій, радостный слѣдъ.

Крутовской все улыбался и краснѣлъ. Но внезапно лицо его стало серьезнымъ и опечаленнымъ. Онъ взглянулъ на тетку, она поймала его взглядъ.

— Что скажешь, лихая голова? — спросила Марья Васильевна.

Чувствуя внезапное смущеніе отъ взгляда добрыхъ и умныхъ глазъ тетки, онъ произнесъ неохотно и медленно:

— Вы знаете, что скоро уѣзжаетъ Людмила Александровна...

Старушка нѣсколько мгновеній не отвѣчала, глядя на племянника допытливымъ, цѣпкимъ взглядомъ.

— Какъ же не знать, — наконецъ, сказала она. — Слава Богу, Людмила любитъ меня, мнѣ вѣритъ... грѣхъ было бы старухи не спроситься... Только вчера была здѣсь, когда ты въ поле ходилъ. Жаль съ ней разстаться, а побранить нельзя, правильно надумала — пусть свѣтъ увидитъ... намаялась дѣвка!..

Послѣднія слова Марья Васильевна произнесла совсѣмъ тихо и опустила глаза въ тарелку.

Волнуясь и не скрывая своего волненія, Крутовской спросилъ:

— Вы говорите, что она намаялась... но объясните мнѣ, что же съ нею? Я самъ услѣдилъ большую перемѣну и ничего не пойму.

Онъ покраснѣлъ, но старуха этого не замѣтила, все такъ же угрюмо глядя внизъ.

— Гдѣ тебѣ? — промолвила она ворчливо, — не тѣмъ занятъ былъ...

И быстро поднявъ голову и легонько ударяя сморщенной ладонью по скатерти, она добавила чуть вызывающе и раздраженно:

— Да тебѣ и знать не для чего, не твое дѣло въ дѣвичьихъ дѣлахъ разбираться. Умомъ въ нихъ ни до чего не дойдешь, а сердце не всякое слышитъ...

— А вы-то, вы? догадались, она говорила вамъ?

— Что говорила, чего не говорила — намъ двоимъ вѣдать. Можетъ быть, она по Шишикторовѣ тоскуетъ?

Крутовской посмотрѣлъ на солонку, отодвинулъ ее для чего-то въ сторону и отвѣтилъ задумчиво:

— Нѣтъ, тутъ что-то не то... понять не могу, но не то... Шишикторова она не любила, это я твердо знаю, жалѣла только... А его смерть?.. Людмила можетъ думать, что онъ не утонулъ, а утопился, что, пожалуй, вѣрнѣе, но вѣдь она лучше моего знаетъ, что это за человѣкъ... Есть такіе, о которыхъ сразу сказать можно — самоубійца. Это, конечно, Людмила можетъ себя считать ею... вотъ единственный отвѣтъ...

Марья Васильевна, чуть прищурясь и собирая въ комокъ лицо свое, спросила:

— Доискался значитъ? ну и слава Богу, чего же тебѣ еще?..

Крутовской смущенно потеръ бороду и отвѣтилъ растерянно:

— Вы такимъ тономъ говорите, тетя, что я , положительно, теряюсь. Если мои догадки не вѣрны, а вы знаете настоящую причину, то почему же не сказать?..

Онъ всталъ изъ-за стола и прошелся по комнатѣ.

Марья Васильевна возразила спокойно:

— А потому не скажу, что напрасно любопытствуешь. Не терплю любопытныхъ. Все равно тебѣ отъ того, что знать будешь, ни жарко, ни холодно...

Леонтій Алексѣевичъ остановился, посмотрѣлъ странными, посвѣтлѣвшими глазами на тетку и, не произнеся ни слова, вышелъ изъ комнаты. И сейчасъ же у противоположной двери столовой раздался дробный топотъ чьихъ-то ногъ и громкое восклицаніе:

— Марья Васильевна, вы здѣсь?

Притаясь у двери, Крутовской постоялъ минуту и потомъ наноскахъ, стараясь не шумѣть, пошелъ прочь, сердце его взволнованно билось: онъ узналъ голосъ Натальи Никаноровны.

«Все равно не выйду, — подумалъ онъ, стискивая зубы: — я не хочу и не могу ее видѣть и объясняться намъ не о чемъ». Онъ вышелъ въ садъ и, такъ какъ время было обѣденное и рабочіе всѣ спали, то сталъ ходить по самымъ отдаленнымъ, запущеннымъ дорожкамъ. Ему не было стыдно своего бѣгства, своей радости — совсѣмъ другія мысли занимали его въ эти минуты.

LXIII.

Наступилъ августъ — полевыя работы были въ полномъ разгарѣ, и Крутовской съ утра до вечера проводилъ въ полѣ и на току. Домой возвращался усталый и, ложась спать, не успѣвалъ ни о чемъ подумать, какъ сейчасъ же засыпалъ. Правда, иногда его начинало тревожить сознаніе, что онъ не до конца выказалъ себя мужчиной, что ему слѣдовало бы пойти къ Натальѣ Никаноровнѣ и признаться ей чистосердечно въ своемъ отрезвленіи. Но что-то останавливало его въ этомъ, онъ точно не надѣялся на себя и все сваливалъ на недосугъ и безполезность какихъ-нибудь объясненій. Когда случайно мысли эти приходили къ нему, онъ старался поскорѣе отогнать ихъ отъ себя, онъ ихъ какъ будто боялся. Смоличъ не приходила больше. Марья Васильевна передала ему, что она была очень огорчена, не заставъ его, и долго говорила о своей загубленной жизни, о желаніи найти, наконецъ, тихую пристань и тихое счастье... Старушка всего какъ будто не договаривала, Крутовской это чувствовалъ, но не пытался разспрашивать. Не говорилъ онъ съ нею и о Людмилѣ, точно забылъ думать о дѣвушкѣ, и разъ даже, увидавъ ее издали, поспѣшилъ скрыться. Но все-таки ему пришлось еще съ ней встрѣтиться.

Онъ пришелъ какъ-то домой ранѣе обыкновеннаго — было это подъ первое Спаса — и, увидавъ огонь въ окнѣ Марьи Васильевны, рѣшилъ зайти къ ней. Взойдя на порогъ ея комнатки, онъ сильно смутился и покраснѣлъ. Ря-

домъ съ теткой его сидѣли Людмила и Витя. При его появленіи всѣ примолкли и точно не знали, о чемъ говорить. Людмила поздоровалась съ Леонтіемъ Алексѣевичемъ, не подымая глазъ, Витя тоже, видимо, не очень обрадовался его приходу.

Крутовской сѣлъ на краешекъ стула и неловко перебиралъ въ рукахъ кэпку, мучительно ища повода для разговора.

Спокойнѣе всѣхъ казалась Марья Васильевна. Она только на минуту подняла голову и снова опустила ее надъ вязаньемъ, глядя сосредоточенно изъ-подъ очковъ.

— Мы скоро ѣдемъ, — прервалъ наконецъ молчаніе Витя: — самое позднее черезъ недѣлю. Вотъ пришли проститься, потомъ некогда будетъ...

— Такъ скоро? — спросилъ Крутовской и посмотрѣлъ на Людмилу.

Она молчала и не обернулась, лицо ея было тихо, задумчиво и серьезно, но недавней затаенной, глухой боли Леонтій Алексѣевичъ въ ней не замѣчалъ. «Какъ она выросла, какъ она перемѣнилась, — подумалъ Крутовской съ удивленіемъ, — ее совсѣмъ нельзя узнать — это уже не дѣвочка. Какое страданье, какой опыть переродили ее? Вотъ когда бы она могла и ободрить и научить... милое, хорошее, умное лицо...» Онъ покраснѣлъ еще сильнѣе и, чтобы не выдать своего смущенія, сказалъ:

— Какъ грустно должно быть будетъ Вѣрѣ Владиміровнѣ разстаться съ вами, Людмила Александровна, — она такъ привыкла къ вамъ.

Дѣвушка взглянула на него и отвѣтила искренно и печально, но безъ тѣни волненія:

— Да... конечно... мнѣ тоже тяжело это... но что дѣлать.

Витя перебилъ ее поспѣшно:

— Людмилѣ нужно поѣхать въ городъ, нельзя же сидѣть все время въ деревнѣ! Ей нужно учиться, повидать людей, оглянуться вокругъ себя.

И добавилъ почти рѣзко:

— Только тѣ, у кого все это было въ прошломъ, могутъ сидѣть въ деревнѣ и довольствоваться этимъ!

«За что онъ на меня сердится? — спросилъ себя Крутовской, глядя на студента; — что я ему сдѣлалъ?» И сказалъ учтиво:

— Конечно, съ этимъ нельзя спорить...

Они просидѣли еще минутъ десять, перекидываясь незначительными словами. Наконецъ, Бунаковъ первый поднялся и сталъ прощаться. Марья Васильевна обняла его и поцѣловала въ лобъ.

— А съ тобой не прощаюсь, — оборотясь къ Людмилѣ, сказала она: — неужели еще не забѣжишь? Грѣхъ будетъ...

Крутовской пожалъ руку дѣвушки и чуть задержалъ ее въ своей, но ничего не сказалъ, даже не пожелалъ ей добраго пути, что-то помѣшало ему сдѣлать это; онъ только смотрѣлъ на нее.

— Послѣзавтра благотворительный спектакль, — говорилъ ему Витя: — собираетесь полюбопытствовать?

Леонтій Алексѣевичъ отвѣтилъ разсѣянно:

— Спектакль? Ахъ, да... можетъ быть, можетъ быть...

Онъ провелъ рукою по лбу и совсѣмъ некстати улыбнулся. Потомъ, когда Людмила и Витя вышли изъ комнаты, сорвался внезапно съ мѣста и, догнавъ Бунакова въ передней, поймалъ его за рукавъ.

— Витя голубчикъ, я очень прошу васъ... если можете, загляните еще ко мнѣ завтра... мнѣ очень нужно...

Бунаковъ удивленно отвѣтилъ:

— Хорошо, но завтра не могу... я приду лучше передъ спектаклемъ и вмѣстѣ поѣдемъ... Людмила останется дома.

Оставшись одинъ, Крутовской еще долго теръ себѣ лобъ и пожималъ плечами, удивляясь, зачѣмъ ему понадобился Витя, и неудомѣвая, о чемъ онъ можетъ съ нимъ говорить.

«Я что-то совсѣмъ обалдѣлъ», — рѣшилъ онъ и пошелъ спать, а на утро, едва продравъ глаза, получилъ письмо отъ Натальи Никаноровны.

«Дорогой Леня, — писала она: — ради Бога разсѣй этотъ кошмаръ. Я извелась, я ничего не понимаю. Неужели моя выходка въ бесѣдкѣ такъ на тебя подѣйствовала. Два раза я была у тебя, хотѣла видѣть, объясниться и не заставала ни въ полѣ, ни дома. Ты избѣгаешь меня, но это жестоко. Все во мнѣ наболѣло, — что же удивительнаго, что я нерв-

ничала, ревновала и говорила вздоръ. Будь снисходительнѣе. Раньше я не смѣла бы тебя просить объ этомъ, но теперь ты не можешь отказать мнѣ, ты долженъ меня выслушать. Завтра спектакль, въ которомъ я участвую. Умоляю, приходи въ скверъ и жди меня на крайней скамейкѣ въ боковой аллеѣ. Я выйду къ тебѣ послѣ своего номера, никто не помѣшаетъ намъ, и мы помиримся, и даю тебѣ слово — навсегда. Приходи. Любящая тебя Наташа. P. S. Отвѣть мнѣ».

Отъ письма пахло сладкими, навязчивыми духами. Крутовской давно бросилъ листокъ на одѣяло, а рука его, которой онъ держалъ бороду, все еще пахла этими духами, — точь-въ-точь тѣми же, что ударили ему въ голову, когда онъ цѣловалъ Смоличъ въ селѣ Днѣпровкѣ.

Коротко застонавъ, Леонтій Алексѣевичъ упалъ лицомъ въ подушку и сталъ рвать ее зубами.

LXIV.

Послѣ перваго дѣйствія, когда опустили занавѣсъ, и весь маленькій, душный клубный залъ сотрясался отъ криковъ и рукоплесканій, а Брындинъ, игравшій въ «Роковой скамейкѣ» неудачливаго жениха, нагримированный и потный, метался за кулисами и оралъ на рабочихъ, — Наталья Никаноровна пробѣжала на сцену и, прильнувъ глазомъ къ отверстію занавѣса, стала смотрѣть въ зрительный залъ. Отъ волненія и отъ пара, висѣвшаго надъ публикой, она долго ничего не могла разобрать. Но потомъ, пройдя взоромъ по головамъ сидящихъ, она тотчасъ же увидѣла того, кого хотѣла видѣть. Въ трехъ шагахъ отъ нея, сомкнувъ колѣни и положивъ на нихъ большія руки, сидѣлъ Крутовской. Нѣсколько странно выглядѣло его загорѣлое, огрубѣвшее лицо средней руки помѣщика, подпертое бѣлымъ крахмальнымъ воротничкомъ, жакетъ тоже казался немного узкимъ на его широкихъ плечахъ. Леонтій Алексѣевичъ безучастно озирался по сторонамъ, видимо, скучая и чувствуя себя не по себѣ.

Сдержанная улыбка появилась на губахъ Смоличъ, послѣ этого бѣглаго осмотра; она едва кивнула головой, точно от-

вѣчая на свои мысли и уже значительно спокойнѣе вернулась къ себѣ въ уборную, гдѣ сидѣли и переодѣвались любительницы, выступающія въ слѣдующей пьесѣ. Въ маленькой комнаткѣ было нестерпимо душно и тѣсно отъ брошенныхъ по всѣмъ угламъ и стульямъ платьевъ, ботинокъ и париковъ. Любительницы, и въ числѣ ихъ Тамара Гавриловна, пудрились, зашнуровывали корсеты, надѣвали и разговаривали всѣ заразъ. Наталья Никаноровна, присѣвъ на табуретку у своего зеркала, внимательно разглядывала себя, стараясь дѣлать видъ, что она чрезвычайно занята, и тѣмъ избавиться отъ надоѣдавшихъ ей разговоровъ. Она морщила лобъ, хмурила брови, гримировальный карандашъ дрожалъ въ ея рукѣ. «Значитъ, онъ все-таки пришелъ, — думала она, все болѣе тревожась и не владѣя собою, — онъ сидитъ тутъ, но ничего мнѣ не отвѣтилъ. Теперь все зависитъ отъ меня... конечно, и ждать онъ будетъ на скамейкѣ... онъ все-таки не можетъ со мною бороться — это ясно...» Она положила карандашъ на столъ и сложила на колѣняхъ руки. Отъ шума она не могла сосредоточиться, волненіе все больше овладѣвало ею.

Наконецъ, одна за другою любительницы вышли изъ уборной.

— Вы не пойдете въ зрительный залъ? — спросила Тамара Гавриловна у Смоличъ, выходя послѣдней.

— Нѣтъ, не пойду, — рѣзко отвѣтила Наталья Никаноровна и, дождавшись, когда дверь захлопнулась за Брындиной, поспѣшно подошла къ окну, отворила его и сѣла на низкій подоконникъ.

Она дохнула въ себя влажный густой воздухъ, перебившій спертый запахъ комнаты, и, облокотившись о косякъ и захвативъ колѣни руками, стала смотрѣть передъ собою. Ночь была очень темна, передъ окномъ росли кусты и крапива, но Смоличъ все же не отрывала глазъ отъ этой черной, неподвижной гущи, точно прислушиваясь къ нестройному настраиванію инструментовъ въ саду и оборваннымъ восклицаніямъ, доносящимся до сцены. Особенно рѣзко и звонко разрывалъ густую тьму фаготъ: онъ то замолкалъ, то неожиданно вскрикивалъ, каждый разъ заставляя Наталью Никаноровну непріятно вздрагивать. Молодая женщина досадливо кусала накрашенныя губы и щурила подведенные глаза.

Она чувствовала себя въ затрудненіи и обвиняла въ этомъ всѣхъ. «Если онъ помирится со мною, я, конечно, не поѣду, — говорила она себѣ: — кто зналъ, что ничего не отвѣтивъ, онъ все же пріѣдетъ сюда... У меня было предчувствіе, но иначе поступить я не могла... этотъ старикъ сильнѣе, я боюсь его»...

Вчера старикъ Ерандаковъ, узнавъ, что она у Брындиныхъ репетируетъ съ аккомпаніаторомъ, ученикомъ филармоніи, пришелъ къ нотаріусу и просидѣлъ все утро. Наталья Никаноровна встрѣчала его раньше, каждый разъ, проѣзжая по площади. Но онъ только здоровался и провожалъ ее глазами. Обезпокоенная и раздраженная молчаніемъ Крутовского, Смоличъ почти не отвѣчала на вопросы Ерандакова, сидѣвшаго у рояля.

— Сидите и молчите, если пришли слушать, вы мнѣ мѣшаете.

Онъ не возразилъ и только усмѣхнулся. Но когда прорепетировавъ и выпивъ у Брындиныхъ чай, Наталья Никаноровна хотѣла ѣхать домой, старикъ, задержавъ ея руку, попросилъ ее пройтись съ нимъ нѣсколько шаговъ. Смоличъ пожала плечами, но все-таки пошла.

Отойдя отъ коляски на значительное разстояніе и не проронивъ ни слова, Ерандаковъ внезапно остановился и, наклоняясь къ лицу Натальи Никаноровны, сказалъ:

— Я жду, королева. Землицу за глаза беру, и задатокъ при мнѣ.

— Не понимаю я васъ, отвѣтила Смоличъ, краснѣя, но не опуская глазъ, — говорите яснѣе...

— Чего же понимать? Покупаю у васъ землю... на вѣру и за двойную цѣну.

— Откуда щедрость такая?

— Отъ любви... Ты не смѣйся...

Онъ исподлобья и зло посмотрѣлъ на Смоличъ. Потомъ схватилъ ея руку и сталъ ее мять и тискать въ своихъ жесткихъ ладоняхъ.

— Сегодня же въ Смоленскъ ѣду. Тамъ подожду. Пріѣдешь — купчую совершимъ. Поняла?

Наталья Никаноровна чувствовала только, что ей больно, но руки не отнимала. Ей опять хотѣлось смѣяться, и было

страшно и почти весело. Она смотрѣла на старика, щуря глаза, не отдавая себѣ отчета въ своемъ настроеніи, въ груди у нея захватывало, какъ бываетъ передъ прыжкомъ въ воду — и жутко и сладко. «Неужели я соглашусь? — смутно мелькнула у нея растерянная мысль, — но вѣдь это оскорбленіе».

— Ну же, — говори, — сказалъ Ерандаковъ.

Наталья Никаноровна стиснула руки на зонтикѣ и подняла голову.

— Поняла, — почти съ вызовомъ отвѣтила она, — только такъ я не согласна. Обманешь. Пріѣду къ тебѣ, а денегъ нѣтъ.

Безстыдство этихъ словъ точно опьянило ее. Она почти издѣвалась надъ собой — сладкій ядъ разливался у нея по тѣлу.

— Я не хочу, — повторила Смоличъ.

Старикъ отвѣтилъ спокойно, — чѣмъ больше она горячилась, тѣмъ онъ казался холоднѣе.

— Такъ!.. а только я тебѣ не вѣрю — впередъ не дамъ, обманешь.

— И не давай, — твердо и откровенно глядя ему въ острые глазки, отвѣтила Наталья Никаноровна: — слушай. Передай расписку и задатокъ сыновьямъ. Скажи, что ждешь меня въ городѣ у старшаго нотаріуса и забылъ передать дѣловыя бумаги, такъ чтобы они отдали мнѣ ихъ, только проводивъ на вокзалъ къ поѣзду.

Она поймала подозрительный улыбающійся его взглядъ и добавила почти искренно и покорно:

— Не бойтесь... съ поѣзда не прыгну. Можете встрѣтить на вокзалѣ.

Старикъ перебилъ ее, довольно посмѣиваясь:

— Такъ, будь по-твоему. Исполню, какъ приказываешь, королева. А когда ѣдешь?

— Послѣ спектакля, прямо. Сами понимаете, что изъ дому нельзя будетъ. На вашихъ лошадяхъ и поѣду.

— Чудесно. Ну, теперь съ Богомъ. Увидимся!

Старикъ снялъ картузъ и закивалъ головой. Она долго еще видѣла, обернувшись въ коляскѣ, его коренастую крѣп-

кую фигуру въ парусиновомъ сюртукѣ и смѣющееся, съ остренькой рыжей бородкой кирпичное лицо.

Наталья Никаноровна и сейчасъ, глядя на черную гущу кустовъ передъ окномъ, видѣла это лицо и острые, внимательные, смѣющіеся глаза. «Онъ положительно притягиваетъ меня, — думала она, сидя все такъ же неподвижно на подоконникѣ: — никогда раньше я не испытывала что-либо подобное... грязный, похотливый козелъ, но я чувствую, что не однѣ деньги заставили меня согласиться»...

Кто-то, топоча тяжелыми ногами, пробѣжалъ по дорожкѣ совсѣмъ близко отъ окна.

— Лаврентій, — крикнулъ визгливый женскій голосъ: — самоваръ въ буфетъ неси скорѣе — антрактъ сейчасъ.

— Иду-у! — отвѣтилъ поблизости хриповатый тенорокъ, и бѣгъ тяжелыхъ сапогъ сталъ чаще и вскорѣ затихъ.

Наталья Никаноровна потянулась, нервно зѣвнула и стала поправлять прическу, потомъ, услыхавъ осторожный стукъ въ дверь, крикнула:

— Войдите.

Фепта и Фроша, оба во фракахъ, потряхивая на жирномъ заду фалдочками, на носкахъ вошли въ комнату.

— Обожаемая, — сказала Фепта: — мы поднесемъ вамъ два букета красныхъ розъ.

— Кромѣ того, вы получите цвѣты и подарки отъ исправника, вольно-пожарнаго общества и другихъ лицъ города, въ благодарность за концертъ, — подхватилъ Фроша: — сборъ полный и по двойнымъ цѣнамъ. Мы, представители пожарной дружины, должны благодарить васъ.

— Хорошо, — возразила Наталья Никаноровна, морщась и опять начиная волноваться: — вы мнѣ это скажете послѣ... Вы ничего не забыли?

Прижимая руку къ накрахмаленной сорочкѣ, Фепта отвѣтилъ шопотомъ:

— Развѣ можно?.. Все готово... но ради Бога говорите тише... насъ могутъ услышать...

Фроша добавилъ печально:

— У васъ такое лицо, такое каменное лицо, что мнѣ страшно... нѣтъ, я не вѣрю, что любите... вы еще до сихъ

поръ не сказали намъ, кого изъ насъ вы сдѣлаете счастливымъ... развѣ такъ похищаютъ?

Улыбаясь, Наталья Никаноровна протянула братьямъ Ерандаковымъ руки.

— Тише, — сказала она: — вы сами сказали, что насъ могутъ услышать. Я просто волнуюсь, у меня болитъ голова... цѣлуйте руки и идите отсюда... когда все удастся, я открою вамъ свой выборъ... развѣ можно теперь говорить объ этомъ...

Она легонько отводила ихъ къ двери.

— Такъ значитъ — помните, не дожидаясь моего номера, бѣгите къ лошадямъ... и когда раздастся выстрѣлъ — мчитесь къ скверу, я буду ждать васъ у задней калитки...

— Да, да, мы помнимъ, — отвѣчали Ерандаковы.

Смоличъ отворила дверь.

— Уходите, уходите скорѣе: никто не долженъ видѣть насъ вмѣстѣ, — проговорила она и потомъ добавила поспѣшно, — ахъ, да! а гдѣ же револьверъ?

— Вотъ онъ, — также поспѣшно и озираясь по сторонамъ, отвѣтилъ Фепта.

— Ну, до свиданія!

LXV.

Стоя на сценѣ у рояля, Наталья Никаноровна все время чувствовала на себѣ упорный взглядъ Крутовского. Она смутно его видѣла — мѣшалъ свѣтъ рампы, но знала, что онъ сидитъ тутъ въ первомъ ряду, большой, крѣпкій, съ сильными руками, лежащими на колѣняхъ, и смотритъ, не мигая, неотвратимо смотритъ на нее. «Я осрамлюсь, — думала она, кокетливо улыбаясь и разминая складки платья, — я трушу, этого еще никогда со мной не было». Но пѣла она по обыкновенію хорошо и свободно, и крики «бисъ», «браво», и хлопанье сотенъ рукъ не были только проявленіемъ уваженія къ извѣстной пѣвицѣ. «Онъ мнѣ не аплодируетъ, — думала она, снова собираясь пѣть и показывая поспѣшно что-то въ нотахъ своему аккомпаніатору, курносому фисгармонисту;

непрестанно ей улыбающемуся: — но онъ меня слушаетъ и я не могу ему не нравиться».

На бисъ она спѣла еще два романса Бородина и тотчасъ же, не глядя на топочащую и орущую публику и кутаясь въ голубую шелковую шаль, поспѣшно пробѣжала въ уборную, на минуту задержалась у зеркала, по привычкѣ оправляя прическу и, схвативъ со стола ридикюль, выбѣжала боковыми дверями въ садъ.

Свѣжесть ночи не охладила ея горящихъ щекъ, она поспѣшно бѣжала, ежась и оглядываясь по сторонамъ, ощупью находя дорогу, потому что, перейдя отъ яркаго свѣта залы къ темени сада, она почти ослѣпла. Та скамейка, гдѣ должна была она встрѣтиться съ Крутовскимъ, стояла въ самомъ далекомъ углу сквера, вблизи отъ калитки, выходящей на выгонъ. Вдавливая каблучки въ мягкій, сырой песокъ дорожки, Наталья Никаноровна быстро сѣменила ногами и предерживала обѣими руками на высокой груди шарфъ и сумочку, которая отъ лежащаго въ ней револьвера была тяжела и шнурками рѣзала ей пальцы. Наконецъ Смоличъ остановилась. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея сѣрѣла знакомая скамейка. Переводя дыханіе, съ громко бьющимся сердцемъ Наталья Никаноровна смотрѣла передъ собой, стараясь разглядѣть, тутъ-ли Крутовской, и ничего не видѣла.

Внезапно она слабо и испуганно вскрикнула, услышавъ рядомъ съ собой скрипъ шаговъ. Она протянула впередъ одну руку.

— Леня, это ты? — пробормотала она. — Боже мой, какъ я намучилась...

И, нащупавъ рукой знакомыя плечи, она прижалась къ нимъ, чуть слышно всхлипывая.

— Ты пришелъ, ты пришелъ, — бормотала она, не отпуская отъ себя Крутовского: — мнѣ казалось, что мы больше никогда не увидимся.

Отводя ея руку, Леонтій Алексѣевичъ отвѣчалъ холодно:

— Да, я пришелъ, хотя и не хотѣлъ этого... намъ нужно объясниться...

Она отошла отъ него и сѣла безпомощно на скамью — ей трудно было стоять и держать на вѣсу ридикюль.

— Я слушаю тебя, — сказала она покорно, кутаясь въ шарфъ и прислушиваясь къ раздавшейся музыкѣ.

«Пожалуй, этотъ трескъ заглушитъ мой выстрѣлъ, — подумала она: — и мои дураки ничего не услышатъ, но нѣтъ, я никуда не поѣду, это пройдетъ, онъ долженъ любить меня», — и она повторила еще тише: — Говори, Леня, я слушаю...

Крутовской прошелся около скамьи и, остановясь передъ Натальей Никаноровной, проговорилъ сухо:

— Пойми, Наташа, что нужно съ этимъ кончить... я ничуть не сержусь на тебя, мнѣ не за что сердиться, но и любить тебя тоже не могу. Этого не воротишь — тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Я поддался минутной страсти, воспоминанія ослѣпили меня, мнѣ казалось, что во мнѣ еще что-то осталось къ тебѣ, какъ къ человѣку, но я ошибся... Теперь я твердо это знаю и прошу тебя меня простить.

Наталья Никаноровна дотронулась до его колѣнъ, — онъ невольно испуганно отодвинулся.

— Леня, — едва слышно позвала она.

— Да, это рѣшено, — повторилъ Крутовской, снова приближаясь къ ней: — или ты или я, но кто-нибудь изъ насъ долженъ на время уѣхать отсюда. До этого я еще могъ встрѣчаться съ тобою, но теперь это слишкомъ тяжело... и непріятно, — добавилъ онъ съ усиліемъ.

Смоличъ подняла лицо, напрягла зрѣніе, стараясь увидѣть выраженіе его лица, но ничего не видѣла.

— Господи, да что же это? — ломая руки, вскрикнула она, — я ничего, ничего не понимаю, какой ужасъ.

— Ты сейчасъ поймешь это, — говорилъ Леонтій Алексѣевичъ, — ты должна понять.

Видимо, онъ старался говорить спокойно, но это плохо ему давалось. Онъ сѣлъ на скамью. Смоличъ начала потихоньку всхлипывать.

— Какъ не поймешь ты, что мы разные люди, — продолжалъ Крутовской: — совсѣмъ чужіе другъ другу. Мы никогда не были близки по-настоящему, а теперь и подавно... Я сталъ другимъ, я сознательно ушелъ изъ своего прошлаго. Я узналъ простую, трудовую жизнь и полюбилъ свое маленькое дѣло и боюсь громкихъ словъ, фальшивой восторженности. Я полюбилъ эту землю... Ты никогда не пой-

мешь этого. Я самъ не думалъ, что можно такъ полюбить землю, деревенскій трудъ, сѣрый людъ, который живетъ здѣсь. Пусть надо мной смѣются тѣ, кто видѣлъ меня въ другомъ мѣстѣ и за другимъ дѣломъ. Мнѣ все равно, я ничему не измѣнилъ, мои убѣжденія остались тѣ же, но я учелъ свои силы и избралъ себѣ другую дорогу. Трудъ, трудъ и трудъ — вотъ моя жизнь и моя цѣль — другіе пусть воспользуются имъ какъ должно...

Она замолкъ, видимо собирая мысли. Наталья Никаноровна продолжала плакать, но онъ не замѣчалъ ея слезъ, онъ точно говорилъ для самого себя, себя старался убѣдить въ чемъ-то:

— Я останусь тутъ, — продолжалъ онъ значительно спокойнѣе и тверже: — ничто меня не заставитъ бросить мой уголъ. Ты должна понять это. У тебя есть пѣнье, тысяча интересовъ внѣ этого маленькаго клочка земли, а у меня только мой домъ, да еще двѣ мои руки. Уѣзжай отсюда, Наташа, и не сердись на меня, я вѣдь тоже давно все забылъ и готовъ протянуть тебѣ руку. Развѣ мы можемъ жить вмѣстѣ и любить другъ друга?..

— Ахъ, — проговорила Смоличъ, — я люблю тебя... Леня, Леня!

Она неожиданно сползла со скамейки и какъ тогда, въ шарабанѣ, стоя на колѣняхъ, припала къ его ногамъ. Ей казалось это очень трогательнымъ.

— Леня, пожалѣй меня, умоляю тебя, я тоже другая, я перемѣнилась, я ничего не хочу, кромѣ твоей любви... Леня, Леня!

Она хватала и цѣловала его руки. Въ эту минуту она и точно чувствовала себя несчастной. Обида душила ее.

— Наташа, оставь это, — сдержанно, но съ видимой брезгливостью перебилъ ее Крутовской: — я прошу тебя — встань. Мнѣ непріятна эта комедія...

— Что? Что ты сказалъ?

Наталья Никаноровна поднялась съ колѣнъ. Вся кровь прилила ей къ лицу.

«Онъ издѣвается надо мной, — подумала она со злобой. — Все равно, все кончено... его не вернешь, а онъ меня оскорбляетъ. Дѣйствительно, довольно этой комедіи».

— Такъ ты не любишь меня? — спросила она, наклоняясь къ его лицу.

Онъ отвѣтилъ безучастно, продолжая сидѣть, не шевелясь, на своемъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, не люблю.

Она сжала зубы, теребя въ волненіи свой ридикюль. Внезапно ей пришла мстительная мысль: «Я испугаю его, я посмотрю, какъ онъ струситъ».

И, поспѣшно открывая сумочку, она вынула револьверъ.

— Я убью тебя, — проговорила она, торжествуя и радуясь впередъ тому впечатлѣнію, какое произведутъ на Крутовского ея слова. «Жаль что темно, и я не вижу его лица», — подумала она. — Я убью тебя, — повторила она, — чтобы ты никому не достался.

Въ его отвѣтѣ она почувствовала насмѣшку, онъ сказалъ:

— Что же, убей меня... когда-то я не сумѣлъ этого сдѣлать... попытайся ты теперь... Но, Боже, какая ты актриса...

Наталья Никаноровна неловко протянула руку, съ трудомъ нажимая курокъ. «Тамъ холостой зарядъ, — подумала она: — я просила Ерандаковыхъ не давать мнѣ пулю, воображаю, какъ онъ труситъ».

Она еще разъ нажала курокъ. И тотчасъ же ее точно кто-то съ силой ударилъ подъ локоть, воздухъ разорвался у ея лица, освѣтивъ на мгновенье желтымъ блескомъ кусокъ скамьи и песокъ дорожки. Она вскрикнула, кинувъ револьверъ и, прижавъ къ груди руки, опрометью бросилась въ сторону. Слыша только біеніе своего сердца, она добѣжала до калитки и рванула ее къ себѣ. Четыре сильныхъ руки подхватили ее и опустили на что-то мягкое. Замотанные бубенчики глухо звякнули, копыта ударили по рыхлой землѣ, и тройка, расшвыривая во всѣ стороны комья сырого дерна, понесла коляску по скату выгона на дорогу.

LXVI.

«Почему мнѣ такъ хорошо? — думалъ Крутовской, лежа у себя на кровати, обложенный подушками и неподвижный, покойно, несмотря на боль. — Сколько дней я лежу такъ и когда ко мнѣ вернулось сознаніе?.. Я не помню, но это

не важно, а важно то, что сейчасъ я чувствую... И конечно, я буду жить и скоро встану и опять примусь за работу, а теперь такъ сладко отдыхать и думать»...

Онъ слабо застоналъ, стонъ вырвался у него противъ воли, ему совсѣмъ уже не такъ было больно.

— Хотите пить?

— Пить? Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно...

Но чей это голосъ? Въ этой полумглѣ отъ опущенныхъ шторъ хорошо думать, но трудно видѣть. Боже мой, да вѣдь это Бунаковъ.

— Витя, это вы?

— Да, это я. Только лежите и не шевелитесь. У васъ скоро все заживетъ, но теперь надо лежать смирно. Я сижу тутъ и стерегу васъ. Марья Васильевна пошла спать: она очень устала.

«Странно, онъ кажется, сердился на меня, а теперь дежуритъ у моей кровати, — подумалъ Леонтій Алексѣевичъ и улыбнулся: — онъ славный малый и такой здоровый, непосредственный, я, кажется, немного ошибался въ немъ раньше. Да, онъ гораздо лучше, чѣмъ я думалъ. Но здѣсь былъ еще кто-то, хорошо это помню... Не Витя и не тетка... Ну, конечно же, въ первый же день моей болѣзни».

Крутовской закрылъ глаза и стиснулъ зубы. Но не отъ боли, а отъ воспоминанія. Вспомнилъ все, впервые за эти дни вспомнилъ: и какъ получилъ письмо отъ Натальи Никаноровны, и какъ рѣшилъ не ѣхать на свиданіе, а потомъ все-таки поѣхалъ, и свое волненіе, и неувѣренность за себя, и весь свой разговоръ съ нею. Потомъ эта гадкая, непріятная комедія, съ заламываніемъ рукъ и ползаньемъ на колѣняхъ. Угрозы и неожиданный выстрѣлъ... Ему не могло придти въ голову, что она осмѣлится стрѣлять въ него. Нѣтъ, тутъ какое нибудь недоразумѣніе, ошибка — сознательно она не могла этого сдѣлать. И гдѣ она сейчасъ?..

— Витя! — позвалъ Леонтій Алексѣевичъ.

— Да! въ чемъ дѣло?

— Скажите мнѣ, тутъ въ этой комнатѣ бывали только вы и тетка?

Бунаковъ нѣкоторое время не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, — наконецъ, произнесъ онъ: — къ вамъ приходила мама, бываетъ докторъ...

— Ну, а еще?

Крутовской теребилъ конецъ одѣяла, сердце его сильно билось. Наталья не должна была приходить сюда.

— Да чего вы такъ волнуетесь? — спросилъ Бунаковъ, подходя къ Леонтію Алексѣевичу и садясь на край кровати: — Людмила еще приходитъ: она дежурила съ нами.

— Людмила Александровна?

Крутовской поймалъ Витину руку и слабо пожалъ ее.

— Спасибо, спасибо... вы такіе милые.

— Ну, ладно. Поправляйтесь скорѣе, мы и такъ изъ-за васъ поѣздку отложили.

Помолчалъ и, прислушиваясь къ хриплому, но ровному дыханію больного, добавилъ:

— Только вотъ ужъ никогда не ожидалъ этого. Я думалъ, вы крѣпче...

— Чего не ожидали?

— Да вотъ, что вы чикните себя...

Крутовской широко открылъ глаза. Нѣсколько минутъ всматривался передъ собою въ желтоватую мглу комнаты. Впервые вглядѣлся, какъ слѣдуетъ, въ окружающее: на окнахъ спущены тростниковыя шторы, на столикѣ у изголовья груда стакановъ и скляночекъ, на полу желтые узоры свѣта; мухи гудятъ подъ потолкомъ. Который часъ? Но это не важно. Такъ вотъ что они думаютъ!.. Усмѣшка тронула поблѣднѣвшія губы. Онъ пробормоталъ:

— Ахъ, вотъ что... да, да... конечно...

Закрылъ глаза. Значитъ и тетушка, и Людмила... Но гдѣ же Наталья Никаноровна?

Опять почувствовалъ слабость.

— Это? — переспросилъ Крутовской чуть слышно и прикрывая глаза, теплыя волны подхватывали его: — этого я не хотѣлъ сдѣлать... это вышло нечаянно...

Онъ заснулъ. Витя нагнулся надъ нимъ, поправилъ одѣяло и на ципочкахъ вышелъ изъ комнаты.

LXVII.

Крутовской спалъ, просыпался, думалъ и опять засыпалъ. Послѣ долгихъ дней болѣзни, когда рана у правой лопатки никакъ не заживала, и докторъ, видимо, волновался за исходъ, и больного не оставлялъ жаръ — эти дни возвращенія къ жизни, просвѣтлѣнія и слабости физической, были особенно сладки. Сонъ незамѣтно смѣнялъ тихія, медлительныя мысли, чтобы вновь вернуть къ жизни. Крутовской лежалъ неподвижно, какъ предписалъ докторъ, и потому еще, что боялся вспугнуть свои мысли. Оглядывалъ комнату, столы, стулья, всю знакомую обстановку по-новому милую. За многіе часы своей болѣзни онъ успѣлъ разсмотрѣть каждый завитокъ на обояхъ, каждый мушиный слѣдъ на потолкѣ. Въ этихъ рисункахъ, въ черныхъ точкахъ, въ колебаніи паутины по запыленнымъ угламъ комнаты, онъ нашелъ цѣлый невѣдомый дотолѣ міръ, полный таинственной приманчивой жизни, гдѣ царили пауки, мухи и его мысли, принимавшія нежданныя любопытныя формы. Особенную радость доставляло ему, проснувшись, увидѣть, что никого нѣтъ подлѣ него, что онъ одинъ, и прислушиваться къ каждому шороху, каждому скрипу. Никогда раньше не умѣлъ онъ такъ ясно слышать. Жужжаніе мухи, бьющейся о стекло, скрипъ ссохшагося пола, стукъ дверей гдѣ-нибудь въ дальнихъ комнатахъ, чей-то шопотъ или чириканье воробьевъ за окномъ и гулъ — ровный, масляный, усыпляющій гулъ молотилки — все достигало его изощреннаго слуха, наполняя необычайной трепетной радостью. Ему казалось, что онъ теряетъ свое тѣло, растворяется въ этихъ шумахъ. И, укачиваемый, убаюканный своими мыслями, съ удивленіемъ и улыбкой смотрѣлъ на свои руки, лежавшія на одѣялѣ и случайно привлекавшія его вниманіе. Онъ подымалъ ихъ осторожно, словно чужія, въ уровень съ лицомъ и подолгу разглядывалъ, топыря пальцы и сгибая кисти.

Съ каждымъ днемъ, приближавшимъ Крутовского къ выздоровленію, это удивленіе передъ своимъ тѣломъ и любовь къ нему все больше охватывали Леонтія Алексѣевича. Онъ ощупывалъ свои мускулы, приподымалъ то одну, то другую ногу. Прежнее желаніе покоя и молчанія смѣнилось непреобо-

римой потребностью говорить, смѣяться, двигаться. Иногда отъ рѣзкихъ движеній въ кровати у него начинало болѣть раненое мѣсто, и тогда онъ сердился отъ нетерпѣнія поскорѣе выздоровѣть, поскорѣе встать.

Ему не позволяли много говорить, не отвѣчали на его вопросы. Онъ говорилъ самъ съ собою, когда никого не было въ комнатѣ. Думалъ вслухъ, размахивая руками и смѣясь.

— Чортъ возьми, я совсѣмъ здоровъ, — говорилъ онъ, — если бы не моя слабость, я могъ бы приняться за работу. Воображаю, что дѣлается тамъ безъ меня. Да, да, нужно, какъ можно скорѣе встать.

Его тянуло къ работѣ, къ привычному дѣлу, — его тянуло на воздухъ, въ лѣсъ, въ поле, къ его коровамъ и овцамъ. Засыпая, онъ видѣлъ закрома, полные хлѣба, огромныя лайбы съ мукой, медленно плывущія по рѣкѣ, и солнце, солнце, безконечное солнце. Онъ бредилъ солнцемъ, котораго наяву давно уже не видѣлъ. Въ эти дни онъ со всѣми подробностями намѣтилъ планъ новой мельницы со шлюзами на Ящурѣ. Странно, ничто другое его не волновало; онъ точно забылъ обо всемъ, что пережилъ до болѣзни. Только глядя на Витю, который время отъ времени заходилъ къ нему, Крутовской смущался и краснѣлъ при воспоминаніи о подозрѣніи, высказанномъ Бунаковымъ. «Онъ думаетъ, что я стрѣлялся, — говорилъ себѣ Леонтій Алексѣевичъ, — какъ разувѣрить его въ этомъ...»

Но мысли эти очень быстро оставляли Крутовского — онъ еще не вернулся къ дѣйствительности, только начиналъ жить.

Однажды, лежа одинъ у себя въ комнатѣ и разговаривая въ полголоса, Леонтій Алексѣевичъ услышалъ внезапно шорохъ у своихъ дверей и замолкъ, затаивъ дыханіе. Стало совѣстно отъ мысли, что кто-нибудь могъ его услышать...

Дверь осторожно скрипнула и пріотворилась. Крутовской зажмурилъ глаза, притворясь спящимъ, и черезъ рѣсницы увидѣлъ входящую Людмилу. Кровь ударила ему въ голову и застучала въ вискахъ. Въ эти дни выздоровленія онъ видѣлъ ее впервые. Онъ напрягся весь, чтобы не выдать себя и не пошевелиться. Съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ и зоркостью, какія развились въ немъ за болѣзнь, Леонтій Алексѣевичъ,

почти не дыша, слѣдилъ за каждымъ движеніемъ дѣвушки.

Людмила пріостановилась на порогѣ, оглядываясь и чуть склонивъ голову; коса свѣсилась ей на грудь; дѣвушка едва замѣтно перебирала конецъ ее пальцами обѣихъ рукъ. Потомъ, осторожно ступая, хмуря брови и не сводя глазъ съ больного, подошла къ его кровати и остановилась у коврика. Не привыкнувъ еще къ желтому полусвѣту комнаты, она внимательно всматривалась въ лежащаго передъ нею, вытянувъ впередъ голову и все не отнимая рукъ отъ косы.

Мучительно сдерживая начинавшія дрожать вѣки, Крутовской въ свой чередъ, не отрываясь, смотрѣлъ на Людмилу. Въ короткія эти секунды онъ успѣлъ разглядѣть каждую черточку въ ея лицѣ — черную родинку подъ лѣвымъ глазомъ, узкую между бровей и едва примѣтное движеніе полныхъ губъ — все ея милое знакомое лицо было ему открыто въ томъ выраженіи полной откровенности и сосредоточенности, когда человѣкъ знаетъ, что его не видятъ. Крутовской ясно, до жуткаго наблюдалъ эту игру мысли и чувствъ въ чертахъ Людмилинаго лица, боясь понять ее, осмыслить и повѣрить.

«Я подглядываю, такъ нельзя, — мучительно думалъ онъ, стискивая зубы и сжимая на груди подъ одѣяломъ пальцы рукъ, — нужно открыть глаза, сказать ей, пошевельнуться...»

Но онъ не шевелился, не говорилъ, не дышалъ, смотрѣлъ на дѣвушку, замирая, слабѣя, чувствуя, что вотъ-вотъ расплачется отъ слабости и недовѣрія къ себѣ. Глаза ея все темнѣли, все становились больше, пальцы все быстрѣе перебирали косу, то расплетали, то вновь заплетали ее; губы шевелились все явственнѣе, скрытая, глубокая боль судорожной тѣнью прошла по щекамъ и подбородку. Она коротко вздохнула, еще наклонилась ближе — онъ почувствовалъ ея дыханіе и услышалъ шелестъ темнаго платья у самаго уха. Людмила протянула руку, пальцы ея едва коснулись его волосъ и сейчасъ же опять ухватились за косу. Крутовской не вытерпѣлъ и открылъ глаза, но дѣвушка уже отходила отъ него. Все такъ же стараясь не шумѣть, она дошла до двери, пріоткрыла ее и, не оглядываясь, снова заперла за собою.

Леонтій Алексѣевичъ приподнялся, хотѣлъ позвать, но, ослабѣвъ, опустилъ голову на подушку. «Что это со мной, —

спрашивалъ онъ себя, проводя рукою по вспотѣвшему лбу и влажнымъ глазамъ: — я никакъ плачу... Боже, какъ я еще слабъ...»

Онъ лежалъ такъ около часу, поминутно вздыхая и ощупывая свое большое тѣло. Только теперь началъ сознавать себя во времени — вспомнилъ и вновь пережилъ недавніе дни и съ безпокойствомъ думалъ о будущемъ. Людмила все еще стояла передъ нимъ. Наконецъ, утомленный, онъ заснулъ тревожнымъ сномъ, и во снѣ продолжая ворочаться и махать рукою, точно отгоняя мухъ. Проснулся онъ отъ негромкаго говора. Открывъ глаза, увидалъ Марью Васильевну, Вѣру Владиміровну и Витю.

— Вотъ пришелъ Витя съ тобой проститься, — сказала старуха, увидя, что племянникъ смотритъ на нее: — и Вѣра Владиміровна заглянула.

Крутовской приподнялся и постарался улыбнуться. Карышева, присѣвъ на стулъ возлѣ него, смотрѣла на него печально и разспрашивала о здоровьѣ. Славу Богу, что онъ поправляется. Нужно быть молодцомъ. Уже осень... столько работы еще по хозяйству, ему слѣдуетъ встать и снова взять все въ свои руки.

— Да, да, конечно, — отвѣчалъ Крутовской, насильственно улыбаясь и глядя на постарѣвшее, но все еще красивое лицо Вѣры Владиміровны. «Она тоже думаетъ, что я стрѣлялся, — встревоженно соображалъ онъ: — стрѣлялся изъ-за ея дочери... вотъ почему она и пришла ко мнѣ... что же это такое... такъ нельзя оставить. Я совсѣмъ не хочу, чтобы такъ думали...»

— Мы уѣзжаемъ, — говорилъ Витя, прохаживаясь по комнатѣ, — и я очень радъ, что Людмила ѣдетъ со мною. Мнѣ будетъ веселѣе. Мы великолѣпно съ нею устроимся. Она просила вамъ кланяться... Когда станетъ скучно, — пріѣзжайте къ намъ въ Петербургъ, мы развлечемъ васъ.

Онъ все ходилъ туда и обратно и говорилъ спокойнымъ, ровнымъ голосомъ.

«Никто изъ нихъ не говоритъ о Смоличъ, какъ будто ея нѣтъ, — морщась отъ непрестаннаго мельканія темной фигуры Бунакова, думалъ Крутовской: — они рѣшили не вспоминать о ней, чтобы не встревожить меня... Боже мой,

неужели они не догадываются, что для меня она больше не существуетъ, что для меня она — пустое мѣсто... Я даже благодаренъ ей — послѣ этого выстрѣла она совсѣмъ измѣнила меня... да, да, только теперь я могу сказать, что я переродился... а они думаютъ, что я такъ же слабъ, какъ бѣдный Ильюша...»

Вѣра Владиміровна поднялась. Нужно дать покой больному.

Леонтій Алексѣевичъ цѣловалъ ей руки, благодарилъ ее.

— До свиданья, Витя, — сказалъ онъ, пожимая руку Бунакова: — дай вамъ Богъ. Передайте Людмилѣ Александровнѣ, впрочемъ, нѣтъ, не стоитъ... я какъ-нибудь самъ соберусь написать ей, если сообщите адресъ... Да, да, всего добраго...

Онъ кивалъ головой и улыбался. Потомъ, когда дверь за ними закрылась, тихо позвалъ:

— Тетя!

Старушка вернулась къ нему и, сгорбившись, остановилась около.

— Какая вы блѣдная, тетя, — произнесъ Крутовской, протягивая къ ней руку и подвигаясь на кровати: — сядьте со мной рядомъ, не смотрите на меня такъ зло, это не идетъ вамъ.

— Мнѣ батюшка, злиться на тебя нечего, — отвѣчала ворчливо Марья Васильевна и присѣла на краешекъ кровати, — поправляйся скорѣй, умаялъ всѣхъ.

— А вы думаете, мнѣ весело?

Старушка посмотрѣла на него бокомъ и отвернулась.

— Нѣтъ, тетя, это совсѣмъ не весело... вотъ и они уѣхали...

— Уѣхали! — вскрикнула Марья Васильева и вся зашевелилась: — а что же бы ты хотѣлъ, чтобы такъ вотъ, какъ ты...

Не договорила и опять отвела глаза, сурово морща сѣдыя брови.

— Что, какъ я, тетя? — обнимая ее и стараясь привлечь къ себѣ, печально спросилъ Леонтій Алексѣевичъ: — о чемъ вы говорите?

— Самъ знаешь.

— Можетъ быть, догадываюсь, а вы все-таки скажите, зачѣмъ таиться... Вы думаете, что я не сумѣю, что я не могу быть сильнымъ?

— Теперь можешь... переболѣло!

— Ахъ, тетя, давно уже переболѣло и выгорѣло, ничего не осталось, какъ въ лѣсу у меня — помните?..

Онъ улыбнулся печально и, все такъ же лежа, придвинулъ свою бородатую голову, какъ ребенокъ, къ старушечьимъ колѣнямъ.

— Пожалѣйте меня лучше...

Марья Васильевна протянула къ нему руку и сейчасъ же опять убрала.

— Нечего тебя жалѣть. Вотъ выздоровѣешь, не такъ выругаю. Ишь, что вздумалъ! Бородатый чортъ, а ума какъ у малаго — стыда нѣтъ...

Тогда, схватывая ее за сухія плечи и со всей силы тряся ихъ, онъ крикнулъ, чувствуя, что вновь къ глазамъ подступаютъ слезы:

— Да поймите вы, наконецъ, что не я это, не я сдѣлалъ, не я....

LVIII.

Червонный и золотой листъ одѣлъ деревья, и бѣлая тонкая паутина бабьяго лѣта заплела дорожки въ саду, лѣсныя лазейки и твердое, побурѣвшее жнивье. Въ прозрачномъ осеннемъ небѣ курлыкали дикіе гуси. Густой гулъ молотилки наполнялъ всѣ дни Крутовского. Онъ полонъ былъ имъ, этимъ бодрымъ, озабоченнымъ стукомъ стальныхъ колесъ, шипѣнья пара, широкоструйнаго шороха плывущаго наземь ядренаго жесткаго хлѣба. Взвѣвая розовыя облака пыли, дѣвки взмахивали граблями, и все выше подымалась блестящая скользкая стѣна желтой, какъ янтарь, соломы. Жалобно взвизгивая, выѣзжали на токъ все новыя и новыя телѣги съ рожью; раздувая устало бока, разставляя ноги, тяжело дышали лошади.

Здоровый духъ хлѣба, пота, конскаго помета и яблонь изъ сада забирался въ легкія, щекоталъ носъ, сильнѣе за-

ставлялъ биться сердце. Леонтій Алексѣевичъ пьянъ былъ отъ работы, отъ жизни, которую чувствовалъ въ каждомъ мускулѣ, въ каждомъ своемъ движеніи. Ему бы еще и еще взять на себя трудъ и осилить. Первое время какъ-то даже притупились всѣ другія чувства. Волчій голодъ, крѣпкій сонъ безъ сновидѣній и съ каждымъ днемъ прибывающія силы.

Какъ-то, идя вдоль Ящура и осматривая наиболѣе подходящее мѣсто для плотины, Крутовской зашелъ далеко топкимъ, ржавѣющимъ лугомъ, и, чтобы не возвращаться домой, рѣшилъ пройти обратно лѣсомъ. Снявъ кэпку и собирая въ нее случайно подвертывающіеся грибы, онъ шелъ твердымъ шагомъ по знакомой тропинкѣ, мимо выгорѣвшаго участка. Сложенныя саженями обугленныя дрова и торчащія кое-гдѣ погорѣлыя сосенки, снова напомнили ему ту тягостную минуту, когда онъ стоялъ безпомощно передъ яро бушующимъ пламенемъ. Даже гвоздики больше не было на прожженномъ пескѣ обезображеннаго лѣса.

«Налетѣло и сожрало все, — думалъ Крутовской, печально оглядываясь. Онъ поспѣшилъ скорѣе пройти это мѣсто, оно слишкомъ напоминало его собственное прошлое. — Но это вздоръ, — говорилъ онъ себѣ: — нужно все выкорчевать и засѣять ячменемъ, зола удобрила землю, и весною все зазеленѣетъ».

Широко шагая, онъ пробѣжалъ горѣлый участокъ и спустился въ низину, гдѣ росла березовая роща. Огонь не добрался до нея, здѣсь было больше влаги. По скользкому, жесткому отъ подсохшей травы скату Леонтій Алексѣевичъ прошелъ до первой березы и присѣлъ отдохнуть. Рудой папоротникъ колыхалъ свое рѣзное опахало. Сизоворонки, перелетая съ дерева на дерево, скрипѣли пронзительно и задорно. Крутовской улыбался грустно. Бѣлые стволы березъ, прячась другъ за друга, шуршали желтѣющей листвой и казались живыми — точно бѣлое платье Людмилы, тамъ на огородѣ, подъ слѣпящими солнечными лучами. «Вы какъ невѣста», — вспомнилъ Крутовской свои слова.

Онъ поднялся и пошелъ дальше. Такъ все идти и идти впередъ, путая лицо свое въ бѣлой паутинѣ, хоронясь среди

бѣлыхъ березовыхъ стволовъ, дышать бѣлымъ осеннимъ просторомъ, свѣжимъ грибнымъ дыханіемъ, смолой и повядшими листьями.

Крикливая стайка голубыхъ сизоворонокъ, точно дразнясь, перелетывала впереди Крутовского. Внезапно онъ остановился. Что-то красное мелькнуло среди березъ и скрылось. Блѣднѣя, рванулся Леонтій Алексѣевичъ и побѣжалъ, ломая сушнякъ и скользя. Ну, конечно, Боже-жъ ты мой, развѣ онъ не могъ догадаться сразу. Стоило бѣжать такъ скоро, даже закололо въ раненомъ боку, и сердце готово выскочить. Богъ мой, неужели онъ никогда не видалъ пастушки въ красномъ сарафанѣ, съ глупымъ, смѣющимся, круглымъ лицомъ; голенастой дѣвочки, пасущей свой пестрый скотъ — худыхъ крестьянскихъ коровъ. Какъ онъ глупъ, какъ онъ безбожно глупъ, что другое хотѣлъ онъ увидѣть въ этой березовой рощѣ.

Въ тотъ же вечеръ Леонтій Алексѣевичъ написалъ письмо Людмилѣ. Всего нѣсколько словъ. Писалъ, что здоровъ, работаетъ, ждетъ зимы. «Я рѣшилъ поставить запруду на Ящурѣ — нельзя будетъ далеко уѣзжать на лодкѣ, но зато цѣлыми днями будетъ шумѣть вода и станетъ веселѣе, — писалъ онъ. — Что можно еще прибавить къ этому. Ахъ, да — два слова: «ждемъ васъ», но ихъ онъ зачеркнулъ, а потомъ и совсѣмъ стеръ ножикомъ.

Пріѣзжали навѣстить Крутовского братья Ерандаковы.

— Это чортъ знаетъ, что такое — кричали они вперебивку: — вы понимаете, она надула насъ самымъ гнуснымъ образомъ. Когда она узнала, что револьверъ былъ заряженъ пулей, она обозвала насъ идіотами и согнала съ нашей же коляски. Какъ вамъ это нравится. На кой чортъ намъ было думать о холостомъ зарядѣ и какъ будто бы это не все равно. Она отобрала отъ насъ отцовское письмо и заставила идти пѣшкомъ ночью пять верстъ обратно до Тильска! Пустяки, удовольствіе!

Крутовской отъ души смѣялся. Странно, разговоръ о Натальѣ Никаноровнѣ ничуть не разстроилъ его. Онъ былъ совершенно спокоенъ, сидѣлъ на ступенькахъ крылечка, подперевъ кулаками подбородокъ, грѣлъ на осеннемъ солнцѣ спину и отъ души смѣялся. Онъ и раньше узналъ, что Смо-

личъ въ вечеръ спектакля неожиданно скрылась, и потомъ, изъ Смоленска прислала письмо съ просьбой выслать ей вещи зарядили сплошь, съ утра до вечера раздавался унылый и нужные документы для ввода во владѣніе дарственной землею. «Что только перечувствовала Вѣра Владиміровна, — думалъ Леонтій Алексѣевичъ: — какъ непріятно и тяжело ей было узнать все это... Теперь она сидитъ одна съ своимъ, братомъ, и никто уже не помогаетъ ей...»

Садясь въ коляску, Ерандаковы внезапно стали серьезными. Они пошептались другъ съ другомъ и опять соскочили на землю.

— Леонтій Алексѣевичъ, одну минуту!

— Весь къ вашимъ услугамъ.

— Намъ нужно сказать два слова...

Фепта наклонился къ его лицу.

— Братъ и я — мы только что подумали, — сказалъ онъ значительно: — Наталья Никаноровна не стала бы такъ безпокоиться изъ-за пули, если бы... можетъ быть она-то васъ и ранила?..

Они смотрѣли на Крутовского съ испугомъ и нетерпѣніемъ; лица ихъ выражали живѣйшее участіе.

Крутовской только сейчасъ замѣтилъ, какъ все-таки милы эти славные ребята, эти «оболтусы», по выраженію тетки. Но она слишкомъ строга къ людямъ.

Леонтій Алексѣевичъ улыбнулся и положилъ имъ на плечи свои руки.

— Друзья мои, — сказалъ онъ, таинственно понижая голосъ: — никогда не задумывайтесь надъ тѣмъ, что уже прошло — это портитъ пищевареніе. Пуля, которую вы оставили въ револьверѣ, давно вылетѣла оттуда и достигла своей цѣли. Стоитъ ли такъ много безпокоиться о ней. Подумаемъ лучше, куда дѣвать самихъ себя.

Онъ былъ доволенъ, что ему удалось своимъ отвѣтомъ сбить съ толку Ерандаковыхъ. Къ чему имъ знать правду?

Такъ проходилъ одинъ день за другимъ и чѣмъ дальше, тѣмъ обнообразнѣе. Стали перепадать дожди, потомъ они зарядили сплошь, съ утра до вечера раздавался унылый стукъ по крышѣ, точно какой-то ретивый барабанщикъ выстукивалъ зорю. Темнѣть стало рано, и Марья Васильевна

долго сидѣла у себя въ комнатѣ при лампѣ за самоваромъ и щипала перья. Крутовской рядомъ съ ней читалъ газету. Старушка посмѣивалась, глядя на племянника.

— Вѣтеръ, вѣтеръ, не шути — ты мякину отнеси: — чтобъ тяжелое чело намъ закромы намело.

Леонтій Алексѣевичъ смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. Что за странная привычка говорить загадками?

LXIX.

Въ одно утро Крутовской проснулся отъ ослѣпительнаго бѣлаго блеска, наполнявшаго комнату. Онъ вскочилъ съ кровати и подбѣжалъ къ окну. Обнаженныя деревья, перила балкона, крыши рабочихъ строеній, рудая трава и песокъ дорожекъ — все было покрыто инеемъ. Все сверкало, все бѣлѣло, самый воздухъ сквозь стекла казался бѣлымъ.

Леонтій Алексѣевичъ проворно одѣлся и вышелъ на дворъ. Щиплящая свѣжесть охватила его со всѣхъ сторонъ, разогрѣла кровь, оживила мускулы. Онъ пошелъ на молотилку, потомъ къ берегу Ящура, гдѣ вколачивали сваи. Каждый шагъ Крутовского оставлялъ за собою темный слѣдъ, иней хрустѣлъ подъ ногами, точно разсыпанная по землѣ соль. Съ рѣзкимъ крикомъ неслись ему навстрѣчу вороны, и гулко такала на рѣкѣ баба. Работа подвигалась впередъ. Скоро поперекъ Ящура протянется стѣна и, когда откроютъ шлюзы и вода бурливымъ потокомъ понесется внизъ, — человѣкъ заставитъ ее заговорить какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ утонулъ Шишикторовъ. А черезъ годъ отсюда повезутъ бѣлую мягкую муку.

Крутовской стоялъ, смотрѣлъ и думалъ. Въ короткомъ бараньемъ тулупчикѣ и кожаной спортсментской шапкѣ, загорѣлый, высокій и широкоплечій, онъ стоялъ на берегу рѣчки, точно какой-нибудь завоеватель. А вокругъ него сверкало, скрипѣло бѣлое, чешуйчатое поле.

Къ полудню иней сошелъ, земля снова покрылась грязью, и подулъ холодный сѣверо-восточный вѣтеръ.

Нужно было провѣдать Вѣру Владиміровну. Крутовской давно собирался къ ней. Онъ все еще не получалъ отвѣта изъ Петербурга...

Сколько разъ лѣтомъ мѣрялъ онъ эту дорогу. Съ печальнымъ стономъ деревья провожали его до моста. Отъ дождей краска на перильцахъ давно облѣзла; купальня и лодка съ противоположнаго берега были убраны. Обмелѣвшая рѣчонка рябила отъ вѣтра, унося съ собою въ Днѣпръ желтые листья. Широкій шляхъ съ корявыми обнаженными ветлами, судорожно протягивавшими къ небу свои искривленные пальцы, ползъ на холмъ унылыми, густо-черными колеями, среди опустѣвшихъ бурыхъ полей.

Вѣра Владиміровна и Яковъ Владиміровичъ сидѣли у себя въ маленькой гостиной за круглымъ столомъ. Они пили дневной чай. Карышева сбивала масло, Тулубьевъ читалъ Анатоля Франса. Попрежнему въ комнатахъ пахло розами, сухими розовыми лепестками, разсыпанными по подоконникамъ и зашитыми въ кружевныя подушечки.

— А вотъ и мы! — закричалъ Яковъ Владиміровичъ, увидя Крутовского: — и кажется въ великолѣпномъ здоровьѣ. «En peu d'heur Dieu labeure» гласитъ старая галльская пословица. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Я люблю, когда побѣждаетъ жизнь, это даетъ мнѣ возможность лишній разъ посмѣяться надъ человѣческими горестями. Ну, разсказывайте, что новаго предприняли вы въ покинутомъ мною царствѣ. Мнѣ доставляетъ неизъяснимое удовольствіе слушать, какъ люди разсказываютъ о своихъ заботахъ. Такъ точно, должно быть, добродушно улыбались всѣ короли въ изгнаніи, когда имъ доносили о новыхъ революціяхъ. Спокойнѣе разбираться въ событіяхъ, чѣмъ создавать ихъ. Я одного мнѣнія съ поэтомъ Вордствортомъ, что «одно только есть въ жизни счастье и нѣтъ иного — счастье въ разумѣ и добродѣтели», а эти качества вполнѣ присущи лѣтописцу и отнюдь не служатъ украшеніемъ героевъ...

Крутовской слушалъ Тулубьева съ улыбкой, ему нравилась болтовня этого «рамоли по принципу». Но сейчасъ Леонтій Алексѣевичъ хотѣлъ бы остаться наединѣ съ Вѣрой Владиміровной.

Онъ ловилъ на себѣ ея внимательный взглядъ; время отъ времени она подымала голову, переставала крутить маслобойку и, закусивъ губу, снизу вверхъ изъ-подъ полуопущен-

ныхъ вѣкъ смотрѣла на Крутовского. Наконецъ, онъ улучилъ свободную минуту и спросилъ нерѣшительно, получала ли она письма изъ Петербурга.

— Да, да, конечно, очень часто. И Люда и Витя здоровы. Все хорошо, все въ порядкѣ... это самое важное... въ послѣднемъ письмѣ Витя проситъ кланяться Леонтію Алексѣевичу...

— Спасибо. Я такъ радъ, что они благополучно устроились... это самое важное... больше ничего не нужно...

Крутовской сталъ мѣшать ложечкой чай, и нѣсколько капель брызнуло на столъ. Ну, развѣ можно такъ быстро вертѣть ложкой... Онъ покраснѣлъ отъ своей неловкости, поскорѣе допилъ чай и сталъ прощаться.

Вѣра Владиміровна пошла провожать его.

— Такъ значитъ, вы совсѣмъ здоровы? — спросала она въ передней, когда Леонтій Алексѣевичъ цѣловалъ ей руку.

— Да, да, конечно, совсѣмъ здоровъ, я великолѣпно себя чувствую.

Они посмотрѣли другъ на друга. Крутовской опять покраснѣлъ и опять поцѣловалъ руку хозяйкѣ.

— Тѣмъ лучше, — сказала Карышева: — я очень рада за васъ... я собственно хотѣла сказать, что Людмила тоже вамъ кланяется... да... я этого сразу не вспомнила, простите мнѣ...

Вѣтеръ опять ударилъ въ лицо Крутовского. Онъ остановился на пустомъ балконѣ. Малиновыя виноградныя листья прилипли къ мокрому полу, передъ ступеньками разлилась лужа, въ ней киваютъ деревья голыми вѣтвями и плывутъ свинцовыя облака. Леонтій Алексѣевичъ засмотрѣлся на нихъ. Какой странной стала эта Вѣра Владиміровна. Она совсѣмъ постарѣла и уже не краситъ волосъ и не румянитъ щекъ, и память у нея ослабѣла, какъ это бываетъ въ старости. Милая, одинокая, славная старушка....

LXX.

Крѣпкій сѣрый меринъ, плавно шевеля гладкимъ блестящимъ крупомъ, иноходью несъ по оснѣженной дорогѣ одиночныя сани Крутовского. Натянувъ синія вожжи, переби-

рая стынущіе подъ бараньими рукавицами пальцы рукъ, Леонтій Алексѣевичъ постукивалъ валенками и клубилъ голубой морозный паръ, дыша полной грудью. Вслѣдъ пѣвучему шороху полозьевъ и гулкому топоту подковъ по оледенѣлымъ комьямъ сороки кричали, сидя на ветлахъ, вытянувъ шеи и задирая хвосты. Густо-синее небо, низко припавъ сиреневой изморозью, плыло навстрѣчу по бѣлымъ, волной раскиданнымъ комьямъ. И сейчасъ же уступивъ санкамъ послѣдній холмъ дали, открыли Крутовскому золотыя главы тильскаго собора.

Почувствовавъ отданныя вожжи, меринъ поддалъ ходу и летомъ-летомъ, сыпя въ стороны снѣжную пыль, вымахалъ въ гору и плавно пронесъ черезъ площадь мимо каменнаго бѣлаго дома, гдѣ золотомъ на фронтонѣ мелькнули буквы: «Нотаріусъ Бриндинъ».

Обогнувъ скверъ, осадилъ Крутовской на ходу взмыленную лошадь и, привязавъ ее къ фонарному столбу, быстро взбѣжалъ на крылечко почтовой конторы.

— Леонтій Алексѣевичъ, мое нижайшее!

Навстрѣчу помѣщику грузно спускался по лѣсенкѣ старикъ Ерандаковъ.

— Здравствуйте, Савелій Онисимовичъ.

— Что же урожай свой когда повезете? Мельница ждетъ...

Смотрѣлъ острыми своими глазками, точно выщупывалъ Крутовского. Леонтій Алексѣевичъ занесъ было ногу на верхнюю площадку и такъ, въ полуоборотъ, отвѣтилъ смѣясь:

— А нынче урожай-то, видно, не придется везти къ вамъ, Савелій Онисимовичъ, съ весны милости прошу ко мнѣ на помолъ.

Ерандаковъ еще пристальнѣе и угрюмѣе глянулъ на Крутовского.

— Такъ! — сказалъ онъ. — Ну давай вамъ Богъ...

И сталъ спускаться по оледенѣлымъ ступенькамъ.

— Савелій Онисимовичъ, — крикнулъ вдогонку помѣщикъ, — кланяйтесь отъ меня...

Чуть не сорвалось — «Натальѣ Никаноровнѣ», да во время спохватился и добавилъ съ улыбкой:

— Фептѣ и Фрошѣ!

Ну его къ Богу, зачѣмъ обижать старика, у кого не бываетъ второй молодости, а завидовать нечему — то-то онъ такъ осунулся.

Кончено. Вотъ взять почту и уѣхать по бѣлымъ полямъ опять въ свой закутокъ, свое логовище, сидѣть вечеромъ рядомъ съ теткой, читать газету, медленно думать надъ стаканомъ чая и слушать стрекотъ сверчка.

— Пожалуйте почту: газета и письма.

— Письма? Отъ кого же письма?..

Непонятное волненіе взяло Крутовского. Быстро, не отходя отъ окошечка, непослушными пальцами перебралъ два конверта и бандероль газеты.

— Рига. Сельско-хозяйственныя машины. Въ экономію «Рай» — ну да, это о приводахъ на мельницу. А другое? Боже мой... письмо отъ Людмилы. На пять его писемъ пришелъ, наконецъ, отвѣтъ.

Онъ выбѣжалъ на улицу, — глупо читать письмо въ конторѣ. И вообще стоитъ ли торопиться... Онъ знаетъ, что Людмила и Витя здоровы, что же еще.

«Да, да, это ясно, — думалъ Крутовской, снова несясь по оснѣженному полю: — теперь я опять владѣю своимъ днемъ и знаю, что отъ него взять. Я снова богатъ, мнѣ ничего больше не нужно, какъ только не упустить своего часа, въ немъ жить и работать. Я заносился когда-то въ будущее и въ мечтаніяхъ о немъ забывалъ настоящее, пренебрегалъ имъ и почиталъ себя несчастнымъ, потомъ жалѣлъ о прошломъ и, возвращаясь къ нему, утрачивалъ вкусъ къ жизни. А вѣдь счастье тутъ, оно со мною. «Да, да, — бормоталъ Крутовской, улыбаясь и невольно потянулся рукою къ карману, гдѣ лежало письмо. Но сейчасъ же отдернулъ руку. «Да, да, — стараясь отвлечь свои мысли и успокоиться, думалъ онъ: — тотъ сильный человѣкъ, кто можетъ глядѣть на минувшее прямо, безъ смущенія, не поддаваясь обольщенію, кто видитъ въ прожитыхъ дняхъ все, какъ было, кто знаетъ и

помнитъ, что пройденный путь только начало настоящаго; кого ни любовь, ни смерть, ни политика, ни стяжаніе, ни страсти, ни удовольствіе не въ силахъ отвлечь отъ предпринятаго дѣла. Богатъ лишь тотъ, кто отдаетъ себя цѣликомъ своему дню. Для насъ дни тѣ же сосуды божества, какъ и для прародителей нашихъ арійцевъ. Изъ всего сущаго они менѣе всего обѣщаютъ, а вмѣщаютъ всего болѣе, нынѣшній день притаился и спрятался — его надобно отыскивать: въ немъ удача и побѣда, въ немъ дѣйствительность, радость и сила. Всякій льститъ себѣ, никто не думаетъ, что настоящій часъ — критическій, рѣшительный часъ для всякаго, а всякому должно знать, что каждый день, какой приходитъ, лучшій день въ году. Чѣмъ больше труда и мысли вкладываемъ мы въ настоящее, тѣмъ длиннѣе, глубже и полнѣе становится наша жизнь. Э, да что тамъ! я хочу оправдать себя, а мнѣ не нужно никакихъ оправданій. Почему не сознаться, что я сейчасъ счастливъ и счастливъ безъ всякой причины!»

Клубя потными боками паръ, меринъ самъ остановился у подъѣзда. Кинувъ вожжи подбѣжавшему конюху, пробѣжалъ Крутовской коридоромъ къ себѣ въ спальню и тамъ, не снимая полушубка, разорвалъ намерзшими пальцами конвертъ и сталъ читать:

«Милый Леонтій Алексѣевичъ, я не отвѣчала вамъ такъ долго, не скрою, потому, что считала это излишнимъ. Но я не старалась забыть васъ, какъ вы пишите, потому что это безполезно и ненужно. Я не хотѣла и не могу забыть васъ. Я такая же, какая была раньше, но теперь я старше, я разумнѣе, я узнала, что я не одинока, что вокругъ меня много такихъ же молодыхъ и здоровыхъ дѣвушекъ, у которыхъ есть руки, чтобы работать, и воля, чтобы жить по-человѣчески. Нужно только всегда быть вмѣстѣ, духовно вмѣстѣ, нужно знать, что какое бы дѣло ты ни дѣлалъ — оно общее дѣло, и тогда, какъ бы жизнь ни была трудна — все можно осилить. Я много передумала за эту зиму и во многомъ успѣла. Вы найдете, пожалуй, во мнѣ большую перемѣну, но для любимаго дѣла (а я деревню люблю попрежнему, если не больше), для васъ — я осталась той же, что и была. Такія, какъ я, если что-нибудь дѣлаютъ, что-нибудь чувствуютъ, то

уже разъ и навсегда. У человѣка слишкомъ мало силъ, чтобы успѣть по-настоящему, отъ всего сердца отдаваться многому. Одно дѣло, одна любовь — да для нихъ хватитъ ли времени, вѣдь они никогда не оканчиваются, всегда впереди. Вотъ пока все, что я сейчасъ могу сказать вамъ, милый мой другъ. Черезъ мѣсяцъ, полтора я буду въ «Самолюбовѣ», и мы съ вами встрѣтимся.

До скораго свиданья. Людмила».

LXXI.

Глухой ночью Леонтій Алексѣевичъ проснулся отъ грохота воды. Казалось, вотъ-вотъ она обрушится на усадьбу неудержимымъ потокомъ и скроетъ все въ своихъ клокочущихъ нѣдрахъ. Лежа съ широко открытыми глазами, Крутовской вслушивался въ этотъ хаосъ звуковъ. Сердце его тревожно и напряженно билось. Онъ хорошо помнилъ, что «Рай» въ котловинѣ, стоило Ящуру прорвать плотину, укрѣпленный берегъ раздастся, и вода найдетъ себѣ въ старомъ саду новое русло.

Два раза Марья Васильевна вставала съ кровати и подходила къ дверямъ спальни племянника.

— Леонтій, ты слышишь?

— Слышу, слышу, тетя...

— Выдержитъ?

— Конечно, тетя, спите съ Богомъ...

И чуть свѣтъ онъ былъ на ногахъ.

Крутыя, грузныя тучи низко ползли надъ «Самолюбовымъ» на западъ... Зеленая мрѣющая весенняя заря крыла обнажившуюся мокрую землю трепетнымъ маслянымъ свѣтомъ, и клонящіяся подъ вѣтромъ упругія вѣтки деревьевъ казались малиновыми... Втаптывая сапогами густо замѣшанную грязь, Леонтій Алексѣевичъ добѣжалъ садомъ до плетня, перемахнулъ черезъ него и поднялся на искусственный валъ.

Наконецъ, Крутовской дождался своего: крутясь и пѣнясь, сыпя брызги и возмущаясь, широкимъ потокомъ несся Ящуръ черезъ плотину и ничего съ нею не могъ сдѣлать. Отъ могучаго напора воды сваи шатались, скрипѣлъ настилъ, но стѣна оставалась на мѣстѣ, и только у берега вода подмыла глиняный скатъ... Но это не страшно. Пройдетъ половодье, и можно будетъ пускать мельницу. Зато между «Раемъ» и «Самолюбовымъ» разлилось цѣлое озеро. Оно поднялось почти въ уровень съ мостомъ, и стрѣльчатая бесѣдка, увитая красноватыми побѣгами хмеля, точно спустилась къ водѣ.

Обойдя свой берегъ, Крутовской пошелъ лугомъ по-надъ садомъ къ мосту, чтобы оглядѣть противоположную сторону. Осыпанные росою кусты вербы съ пушистыми почками хлопали его по спинѣ. Упругій вѣтеръ несъ ему въ лицо весенніе запахи: свѣжей земли, воды и горькій духъ озими. Встающее солнце все дальше тянуло свои лучи и вмигъ тысячью искръ вспыхнуло въ лужахъ, въ рѣкѣ, въ стеклахъ самолюбовскихъ парниковъ, ползущихъ по склону. Сразу земля зазолотилась и стала сизой, какъ голубь, отъ едва примѣтнаго пуха растущей травы.

«Моя взяла, — думалъ Леонтій Алексѣевичъ, радостно озираясь и шагая по топкому шляху: — вотъ и плоды, вотъ и побѣда, а теперь за новое дѣло, за новый трудъ! Какъ это все легко и просто и по-настоящему нужно».

Онъ снова дошелъ до плотины, но со стороны «Самолюбова». Здѣсь берегъ былъ высокъ и обрывистъ, и шляхъ проходитъ у самаго края. Упершись ногами въ мокрую землю, Крутовской опять смотрѣлъ на гулкое паденіе водъ — теперь опаловыхъ въ своемъ разливѣ между усадебъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ передъ собою, весь ушелъ въ зрѣніе и уже ни о чемъ не думалъ.

Внезапно сквозь шумъ воды Крутовской разслышалъ шлепанье лошадиныхъ копытъ и скрипъ втулки и оглянулся: въ зыбящей розоватой дали шляха между двумя рядами краснѣющихъ ветелъ трусцой бѣжала пара коней; за ними мотался поднятый верхъ разлатой коляски.

Поставивъ ладонь козырькомъ надъ глазами, Леонтій Алексѣевичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Да, да, конечно, теперь не могло быть сомнѣній — это самолюбовская коляска. Семь часовъ, — она ѣдетъ съ вокзала. И вѣря и не вѣря себѣ, бѣжалъ ей навстрѣчу Крутовской, шлепая по лужамъ и скользя въ колеяхъ.

— Людмила!

Ну да, она. Она узнала его и махнула рукой. Кони стали. Теперь не нужно бѣжать. Можно снять шапку и спокойно подойти къ коляскѣ. Неужели такъ трудно не быть смѣшнымъ.

— Съ пріѣздомъ, Людмила Александровна!

Боже мой, какъ неловко, какъ неумѣло сказалъ онъ это. Вся кровь ударила ему въ лицо отъ смущенья. Никогда еще не былъ онъ такъ безтолковъ и смѣшонъ.

Но она не смѣялась. Нѣтъ, она совсѣмъ не смѣялась; онъ все-таки успѣлъ это замѣтить. Она смотрѣла на него и улыбалась, а въ глазахъ стояли слезы.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Снова прошло лѣто. Стоялъ августъ 1914 года.

Вѣра Владиміровна сидѣла съ братомъ въ своей гостиной. Попрежнему вѣтеръ заносилъ въ открытыя окна густой запахъ розъ, по стекламъ играли солнечныя пятна, шуршали листы упавшей газеты. Маслобойка стояла на столѣ рядомъ съ чашкой недопитаго чая. Вытянувъ на колѣняхъ руки съ письмомъ въ зажатыхъ пальцахъ и опустивъ голову, Вѣра Владиміровна глубоко задумалась.

— Вотъ пишутъ о великихъ событіяхъ, о міровой войнѣ, — морщась брезгливо, говорилъ Тулубьевъ: — вздоръ, я не вижу разницы между великими событіями и малыми. Люди всегда сумѣютъ сдѣлать ихъ пошлыми. Наташа — сестра милосердія, чего же лучше!

«Можетъ быть, можетъ быть это и такъ — слушая и думая свое, говорила о себѣ Вѣра Владиміровна, морща лобъ и закрывая глаза: — да, люди глупы, пошлы, но и прекрасны. Нужно только сумѣть подойти къ нимъ и видѣть и на время забыть о себѣ... А, можетъ быть, и не такъ, я не знаю какъ, но теперь я молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ только пережить то, что дано мнѣ и видѣть, и не отнялъ бы у меня моей любви... Съ нею я не одинока, всѣ мои всегда со мною. Вотъ Людмила и Леонтій въ Генуѣ, или плывутъ гдѣ-нибудь въ морѣ, окружнымъ путемъ ѣдутъ на

родину, но они тутъ, я ихъ вижу я берегу ихъ въ своемъ сердцѣ... И Витю, и Костю, и Наташу... пусть они обо мнѣ не думаютъ, забыли меня, развѣ дѣло въ этомъ?.. Братъ смѣется надъ тѣмъ, что Наташа пошла въ сестры милосердія... можетъ быть, это смѣшно и, конечно, не для себя, а ради моды она это сдѣлала, но и это тоже не важно, совсѣмъ не важно — время все учтетъ и возьметъ свое даже отъ глупости, отъ пошлости...» Карышева качнула головой. «Да, да, — конечно. Вотъ Людмила пишетъ, что пріѣдетъ домой къ себѣ и будетъ дѣлать то, что дѣлала до войны, и что ей ничуть не стыдно сейчасъ своего счастья... и я понимаю ее, конечно, нѣтъ разницы въ малыхъ и великихъ событіяхъ, а разница въ томъ, какъ глубоко человѣкъ постигаетъ ихъ, и тогда малое можетъ быть и прекрасно и нужно, а великое только смѣшно».

Она выпрямилась, сложила письмо и съ улыбкой посмотрѣла на брата.

— Вѣрунъ, — позвалъ онъ, болѣзненно морща лобъ и бросая газету, — будь добра, закрой окно: опять этотъ идіотскій вѣтеръ.

Вѣра Владиміровна встала и подошла къ окну. Деревья шумѣли тревожно, все небо точно покрылось пылью, почти одуряюще пахли розы.

Густая, изсиня-бурая туча ползла на «Самолюбово».

Положивъ худыя свои съ гусиной кожей руки на створки окна, Карышева неподвижно смотрѣла передъ собою, ротъ ея съ ссохшимися губами чуть открылся, прядь сѣдѣющихъ волосъ выбилась на опавшую щеку. Стояла и смотрѣла въ мутную синь неба, и поблекшіе глаза ея наполнялись слезами. Какіе они всѣ славные, свои... да, да свои, дорогіе, близкіе... Что еще ей нужно, для нихъ, ради нихъ жить, даже если бы они и не хотѣли этого... Конечно, какое для нея, старухи, другое можетъ быть счастье... Она впередъ такъ строго и ясно подумала о себѣ, какъ о старухѣ, и улыбнулась сквозь слезы... Конечно, глупая старуха... Вотъ дурища какая, даже расплакалась, какъ плачутъ старухи, безъ причины. Боже мой, да вѣдь это новый міръ, новыя, тихія радости — бабушкины радости...

— Что же ты, наконецъ? — недовольно крикнулъ Яша.

Она вздрогнула, очнулась и захлопнула окно. И тотчасъ же высоко надъ домами прокатился громъ. Вѣра Владиміровна перекрестилась и молвила:

— Вотъ и гроза пришла.

Потомъ, усѣвшись напротивъ брата въ кресло, глубоко уйдя въ него, не по обычному удобно, добавила спокойнымъ, неторопливымъ голосомъ:

— Нужно будетъ домъ въ «Раю» прибрать. Марьѣ Васильевнѣ одной не управиться... наши скоро вернутся.

— Кто «наши»?

— Крутовскіе, Людмилушка и Леонтій...

— Ну?

— Да ничего... вѣтеръ-то нашъ опять ихъ сюда принесетъ, а засѣетъ, новое жито выростетъ...

Яковъ Владиміровичъ заерзалъ въ креслѣ:

— Что-то, ma chère, ты заговариваться начала, — сказалъ онъ ворчливо.

— Поневолѣ, голубчикъ, — любовно и виновато улыбаясь, отвѣтила Карышева: — стара стала — слаба стала... Я и раньше безпамятной была, а теперь, когда бабушкой стану, то и Богъ велѣлъ...

— Ты дура, вотъ что! — крикнулъ Тулубьевъ, моргая: — ты просто дура... Чепуха! я и самъ знаю... Зачѣмъ говорить? Зачѣмъ говорить, я тебя спрашиваю?..

РУИ